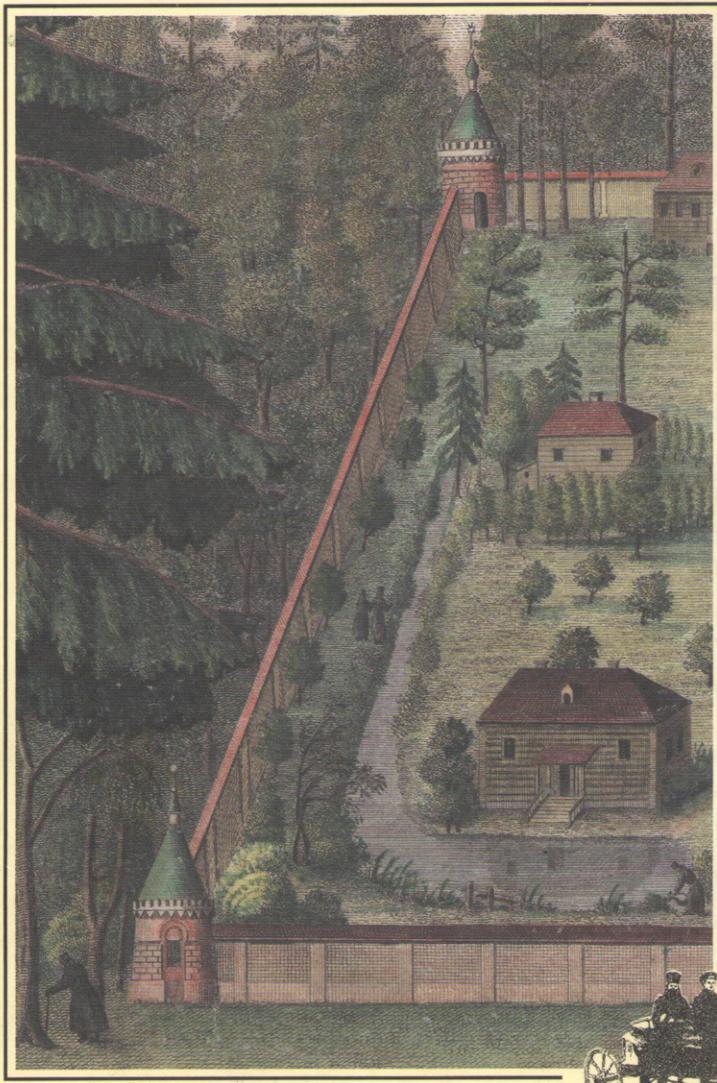

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСІЙ

www.tezaurliturgic.ro

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСІЙ

Свято-Введенская Оптина Пустынь
2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОСТАВИТЕЛЕ	5
ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ	19
Глава I. ВѢЧНАЯ ПРАВДА ПРАВОСЛАВІЯ	24
Глава II. ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ДУХОВНАГО ОБЛИКА СТАРЦА О. ЄЕРОСХИМОАХА АМВРОСІЯ	29
Глава III. ЮНЫЕ ГОДЫ О. АМВРОСІЯ ВЪ ДОМЪ И ВЪ ШКОЛѢ	34
Глава IV. ЗОВЬ БОЖІЙ	39
Глава V. ОПТИНА ПУСТЫНЬ – БЛАГОДАТНЫЙ УГОЛОКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ	50
Глава VI. ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ИНОЧЕСТВѢ И УЧАСТИЕ ВЪ НЕМЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ	65
Глава VII. ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНИЕ О. АМВРОСІЯ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ СТАРЦЕВЪ О. ЛЕОНИДА И О. МАКАРІЯ	101
Глава VIII. ОТЕЦЪ АМВРОСІЙ – СТАРЕЦЪ	132
Первые годы старчества	132
Отецъ Амвросій въ его перепискѣ со свѣтскими и монашествующими	157

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОСТАВИТЕЛЕ

Имя протоиерея Сергия Четверикова знакомо, пожалуй, каждому почитателю Оптинских старцев, но мало кто в России знает о его судьбе, поскольку духовный писатель, подвижник и пастырь закончил свои дни на чужбине. Для благочестивого читателя неожиданным открытием будет даже то, что автора книги об иеросхимонахе Амвросии тоже следует поминать как иеросхимонаха – как и старец Амвросий, о. Сергий келейно принял схиму с сохранением прежнего имени.

«Я происхожу из небогатой и глубоко религиозной купеческой семьи маленьского уездного города» – так писал о себе отец Сергий¹.

Он родился 10 июня 1867 года в городе Бахмуте Екатеринославской губернии. Мальчику было всего два года, когда умерла его мать. Тем не менее детство осталось в его памяти одним из самых светлых воспоминаний: отец женился во второй раз, и мачеха, взявшая на себя заботу о детях, разделявшая с ними радости и пе-

---

¹ Протоиерей Сергий Четвериков. Мой отклик. (Как я сделался православным пастырем и о моем пастырстве в Р. С. Х. Д. Ко дню 50-летия моего священства. 10 / 23-XII-1946 г.) // Вестник церковной жизни. № 8. Париж. Июль, 1947. (Далее – Мой отклик.) С. 28.

чали, бывшая рядом и в дни болезней, и в дни праздников, по воспоминаниям отца Сергия, стала для него «почти родной матерью»².

Из отчего дома дорога вела к дому Божию. «Отец научил меня молиться, любить церковь и церковное пение. Благодаря отцу церковь и праздники, особенно Рождество и Пасха, занимали в нашей домашней жизни центральное место, являлись ее главным содержанием и воспитывающим элементом. Каждую субботу я ходил с отцом ко всенощной и полюбил церковное пение. Без наставлений и поучений церковь овладела моему душою»³.

С этих детских переживаний, быть может, и началось становление отца Сергия как священника, пастыря, духовного наставника многих и многих сотен людей. Для него самого родство кровное неразрывно соединялось с родством духовным. А потому и слова «русский православный народ» были для отца Сергия не просто привычной фразой, но словами глубоко прочувствованными, пережитыми лично.

Девяти лет мальчика отдали в приготовительный класс духовного училища, но не потому, что хотели сделать из него священнослужителя: просто другой школы в городке тогда не было. Через три года его перевели во 2-й класс Таганрогской прогимназии, потом в гимназию. Мальчик имел живой ум, любил учиться, много читал – гимназию он окончил первым учеником. Однако дальнейший путь оставался для него неопределенным.

² Мой отклик. С. 28.

³ Мой отклик. С. 28.

Наступила пора юношеских исканий. Как и многие молодые люди, отец Сергий пережил период сомнений и разочарования в том, что было дорого ему с детства, что наполняло жизнь смыслом. Это были «самые тяжелые годы моей жизни, – писал он, уже будучи 80-летним старцем, – во мне угасла вера, утратилась душевная и телесная чистота»⁴.

Он приехал в Москву, поступил в университет на медицинский факультет, затем перешел на историко-филологический. Однако ни ученые занятия, ни шумная студенческая жизнь не захватили его полностью.

Летом 1891 года «мы, четыре студента Московского университета (один медик, два юриста и один филолог), путешествовали пешком из Москвы в Киев с целью поближе познакомиться с нашей родиной»⁵. Встреч и впечатлений за время путешествия было множество. Молодому человеку как будто заново стала открываться жизнь русского православного народа и Русской Православной Церкви.

В раздумьях о том, какой путь избрать, как найти дело, которому можно было бы посвятить жизнь, студент Сергей Четвериков приехал в Троице-Сергиеву Лавру. Беседа с архимандритом Антонием (Храповицким)⁶, тогдашним ректором Московской духовной академии, оказалась решающей: будущий отец Сергий перешел из

---

⁴ Мой отклик. С. 29.

⁵ Протоиерей Сергий Четвериков. Оптина Пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж. 1926. (Далее – Оптина Пустынь). С. 5.

⁶ Впоследствии митрополит, первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

университета в академию. Он сдал экзамены и был принят на стипендию преподобного Сергия. «Окончился период моих блужданий. Я нашел свой путь и успокоился»⁷.

На четыре года Лавра стала для него домом. Он полюбил и ночные молебны в часовне близ того места, где явилась преподобному Сергию Матерь Божия, и праздничную толчею, когда толпы богомольцев заполняли не только храмы, но и двор монастыря. Книги и лекции преподавателей воспитывали ум будущего пастыря, а душа возрастала под мудрым водительством старца Варнавы, жившего недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, в скиту Черниговской иконы Божией Матери.

Летом 1894 года будущий пастырь снова побывал в Оптиной Пустыни, прожил там неделю, говел (впервые он увидел Оптину во время своего путешествия по Руси – как бы мимоходом). На этот раз он «близко рассмотрел Оптину Пустынь» – и «ощутил там веяние истинной духовной жизни»⁸. Он стал выписывать оптинские издания, вероятно, не предполагая, что в будущем сам напишет две книги и несколько статей о знаменитом монастыре и его подвижниках.

В 1896 году Сергей Иванович Четвериков закончил курс духовной академии. «В том году на Академическом акте читал свою знаменитую речь о преподобном Сергии профессор академии и университета В. О. Ключевский. Я слушал эту потрясающую речь, и она указа-

---

⁷ Мой отклик. С. 29.

⁸ Оптина Пустынь. С. 6.

ла мне программу моей новой жизни»⁹. Вскоре он был рукоположен: 14 июля 1896 года во диакона, через неделю, 21 июля, – во священника.

Свое священническое служение отец Сергий начал в 1896 году в Глуховском уезде Черниговской губернии в качестве настоятеля Крестовоздвиженской церкви при Русском Трудовом Православном братстве. Братство было основано черниговским помещиком Н. Н. Неплюевым, знакомство с которым произвело на отца Сергия неизгладимое впечатление.

Некоторое время (с 1898 года) ему довелось быть настоятелем знаменитой Пятницкой церкви в Чернигове – памятнике древнерусского зодчества XII века.

Почти одновременно со священническим служением началась и педагогическая деятельность отца Сергия. Более двадцати лет прослужил он законоучителем в различных учебных заведениях: сначала в Образцовой школе при Саратовском женском епархиальном училище (1898–1900), затем во 2-й Саратовской гимназии (1901) и, наконец, в Петровском Полтавском кадетском корпусе (1907–1919). Здесь он приобрел огромный опыт и в 1911 году стал председателем братства законоучителей, а в июне 1917 года был избран товарищем председателя Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве, куда был делегирован как представитель Полтавской епархии.

Лето отец Сергий с семьей обычно проводил в монастыре. В 1905 году, живя в Оптиной Пустыни, он участвовал в подготовке собрания писем старцев Ам-

---

⁹ Мой отклик. С. 29.

вросия и Анатолия (Зерцалова). Письма были изданы обителю в 1909 году¹⁰. «Знакомство с письмами о. Амвросия возбудило во мне желание составить его полное жизнеописание, что и было мною сделано летом 1911 года в той же Оптиной Пустыни. Следующее лето я провел в Шамордине, заканчивая там и подготавляя к печати свое жизнеописание старца о. Амвросия»¹¹. В память об этой работе настоятель Оптиной архимандрит Ксенофонт благословил отцу Сергию в подарок келейную исповедническую епитрахиль великого Старца.

От работы над оптинским материалом отец Сергий вполне закономерно перешел к работе над жизнеописанием старца Паисия Величковского, тем более что служить ему довелось в Полтаве, на родине Старца. С 1913 года по благословению церковных властей отец Сергий занялся изучением материала в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Орла, Оптиной Пустыни, Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии. Однако закончить работу удалось не скоро.

В 1919–1920 годах вместе с Полтавским кадетским корпусом он эвакуировался за границу. Владикавказ, Кутаис, Боржом, Батум, потом Крым и, наконец, Константинополь. Некоторое время отец Сергий продолжал

---

¹⁰ На службе Богу – на службе ближним. Какую пользу приносят русскому народу православные монастыри? (По письмам Оптиных старцев о. Амвросия и о. Анатолия.) С видом Оптиной Пустыни и портретами старцев. (Священника……) [так на титульном листе]. Четвертое издание Козельской Оптиной Пустыни, значительно дополненное и переработанное. Типография Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1909.

¹¹ Оптина Пустынь. С. 7.

свою преподавательскую деятельность в корпусе, но вскоре – «по нервному расстройству», как он сам пишет¹², – попросился на приход.

На этот раз служить ему пришлось в небольшом сербском селе Лика, где-то между Боснией и Хорватией. Здесь отец Сергий прослужил три года. В тишине сельского прихода он смог вновь обрести мир душевный, а затем привести в порядок и свои материалы по истории старчества.

В 1924 году глава русских православных приходов в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский) удовлетворил прошение о. Сергия о переводе в Братиславу, где жил его сын. Владыка знал, что «о. Сергий – священник выдающийся, высокого пастырского настроения, аскетического монашеского духа и знаток русского монашества и старчества», поэтому с радостью назначил его настоятелем основанного там русского Крестовоздвиженского прихода. «Отец Четвериков поставил приход отлично и Братиславой не ограничился, а стал простираясь и далеко за ее пределы. В Словакии разбросано немало русских гнезд – семьи чехов-военнопленных, вернувшихся из России женатыми на русских. Отец Четвериков развил широкую миссионерскую деятельность по всей Словакии, окормляя до десяти таких гнезд»¹³.

---

¹² Мой отклик. С. 31.

¹³ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий. Издательский отдел Всецерковного Православного Молодежного Движения, 1994. С. 420–421.

В 1928 году он переехал в Париж, где на бульваре Монпарнас, была устроена церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Церковь стала привлекать богомольцев со стороны и обросла приходом.

По отзывам современников, отец Сергий был огромным авторитетом не только для мирян, но и для духовенства. В храме, настоятелем которого он был, находили себе приют и утешение, получая возможность служить Литургию, православные священники, временно оказавшиеся без приходов.

Пастырство было его призванием. Помочь человеку вспомнить о Христе, войти в церковную ограду и тем самым упорядочить и освятить то, что кажется обычной житейской суетой – да и является таковою, если не освящается мыслью о Вечном... Людям, волею судеб оторванным от Родины, но не желавшим забывать, кто они и откуда, нужен был именно такой пастырь – с живым чувством традиции, истинно русский и истинно православный батюшка.

Отца Сергия называли «мучеником письменного стола», ведь кроме громадного количества писем, которые он считал себя обязанным писать всем, кому требовался его духовный опыт, он опубликовал несколько значительных книг и около пятидесяти статей. Основная тема его трудов – традиции русской духовной жизни: он писал о русском старчестве, о Паисии Величковском, об Амвросии Оптинском и Оптиной Пустыни; в кругу его интересов был пастырский опыт Иоанна Кронштадтского и просветительская деятельность Димитрия Ростовского; есть у отца Сергия книги и статьи

об «умном делании» – молитве Иисусовой; многие его работы посвящены педагогическим проблемам, которые он рассматривал с точки зрения православного священника.

Писал отец Сергий только о том, что хорошо знал. В предисловии к книге об Оптиной Пустыни он замечает: «Весь мой последующий рассказ будет основан, главным образом, на моих собственных наблюдениях и впечатлениях»¹⁴. В 1931 году, дорабатывая книгу о преподобном Паисии Величковском (к его прославлению Русской Православной Церковью вышло 2-е издание этой книги на русском языке)¹⁵, отец Сергий побывал в Бухаресте, знакомился с библиотеками Нямецкого и Секульского монастырей, где подвизался старец Паисий, еще раз посетил Ново-Нямецкий монастырь на Днестре.

Значительное место в жизни отца Сергия занимал Валаамский монастырь – «северный Афон», подвижники которого, так же как и оптинцы, деланием рук своих и «умным деланием» оживили лучшие традиции православного монашества.

После путешествия на Валаам в 1930 году отец Сергий полюбил тишину этого монастыря и неоднократно уезжал туда для литературной и духовной работы. По просьбе игумена Харитона он принимал участие в составлении замечательного памятника валаамской ду-

---

¹⁴ Оптинская Пустынь. С. 7.

¹⁵ Протоиерей Сергий Четвериков. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. [Париж].: YMCA-PRESS, 1988.

ховной литературы – книги «Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви», хотя ни на титульном листе, ни в предисловии его имя не упоминается.

Вероятно, именно в это время отец Сергий сподобился келейного схимнического пострига, но продолжал до конца жизни деятельное пастырское служение.

В 1939 году, приехав на Валаам, он стал свидетелем трагических дней в истории обители. В сочельник 1940 года отец Сергий вместе с братией монастыря вынужден был эвакуироваться в Финляндию.

Сначала он жил во внутреннем помещении монастыря, а потом – чтобы не обременять братию – переехал в Гельсингфорс, откуда перебрался в Братиславу к своему сыну Феодосию Сергеевичу. Здесь прошли последние годы жизни о. Сергия.

Он по-прежнему продолжал трудиться за письменным столом (в это время им была написана работа «Тысяча лет России у ног Христа», не оставляя своим попечением жаждущих духовного утешения. Сам же отец Сергий более всего тяготился тем, что пришлось жить в трех километрах от церкви, которую он по крайней слабости не мог посещать.

Отец Сергий Четвериков отошел ко Господу 29 апреля 1947 года, на 80-м году жизни и 51-м году пастырской деятельности.

В духовном завещании, написанном 13 декабря 1944 года, с дополнением в День Святой Троицы 24 июня 1945 года, он просил: «Отпевание мое прошу совер-

шить по схимническому чину, как состоящего в келейном схимническом постриге, хотя я и провел всю свою жизнь в деятельном пастырском служении. Впрочем, вопрос о чине погребения предоставляю окончательно решить братьям-сопастырям. В конце концов все же мне думается: так как постриг был тайный, то его и не следует обнаруживать».

«Принадлежащую мне келейную исповедническую епитрахиль Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, полученную мной в память составления его жизнеописания от настоятеля Оптины Пустыни о. архимандрита Ксенофона, прошу принять на молитвенную память и в знак благодарности и любви моего духовного отца о. игумена Филимона, Валаамского постриженника».

«Похоронить меня прошу как можно проще, в самом простом деревянном гробу, без украшений, на кладбище в Славием Удолье, среди русских могил».

Великий старец Оптины Пустыни иеросхимонах Амвросий первым из сонма преподобных отцов и старцев Оптинских был причислен к лику святых для все-российского почитания – на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6–9 июня 1988 года: «Старец Амвросий канонизирован за святость жизни и явленные ею добродетели: смирения, заботы о ближних, прозорливости и чудотворения. Основанием также является непрекращающееся почитание его народом церковным, который чтит своего старца как великого подвижника, имеющего большое дерзновение перед Богом».

гом»¹⁶. «Благодати Божия сокровище некрадомое унаследовал еси и тихое, безмятежное пристанище на небесех обрел еси. Действием же Промыслы Божия во дни торжествуемаго тысящелетия Крещения Руси прославлен и к лику святых причислен был еси. Ныне, ублажающе память твою святую, поем вси: Аллилуиа»¹⁷.

Брошюра объемом в 50 страниц «Житіе и наставления преподобного Амвросія, старца Оптинского» (1989) стала первой книгой, вышедшей из стен Оптиної Пустыни после возобновления в ней монашеской жизни.

В 1992 году издательство «Посад» при участии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры репринтно переиздало составленное оптинским архимандритом Агапитом (Беловидовым) «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимile в двух частях» (Москва, 1900) – самое пространное и обстоятельное жизнеописание преподобного Амвросия. Ранее это оптинское издание дважды, в 1965 и 1990 годах, репринтно переиздавалось в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США, штат Нью-Йорк), а в 1997 году вновь издано Оптиної Пустынью.

В 1993 году в Москве Братство святителя Алексия под заголовком «Преподобный Амвросий Оптинский и

---

¹⁶ Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня. 1988 г. С. 145.

¹⁷ Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Амвросию, старцу Оптинскому и всея России чудотворцу. Кондак 12.

его эпистолярное наследие», объемом 191 страница, посмертно опубликовало работу архимандрита Иоанна (Маслова, † 29. VII. 1991), написанную им в качестве курсового кандидатского сочинения по кафедре патрологии Московской духовной академии в 1968–1969 годах¹⁸.

В том же 1993 году вышло в свет и серьезное научное исследование игумена Андроника (Трубачева) «Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения» (издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря) объемом 223 страницы. Эпиграфом к изданию этого фундаментального труда, выполненного в преддверии канонизации старца Амвросия, были взяты слова оптинского рясофорного монаха Ераста Вытропского: «Все, что до сих пор напечатано было об отце Амвросии, меня совсем не удовлетворяет; впрочем, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворит, хотя бы потому, что теперь еще очень много нельзя о нем писать... Что Вы скажете или как выразите чувства того, кто лично пришел к Старцу с негодящим помыслом на него самого, в мучительном раздумье, как бы препобедить себя, чтобы высказать ему этот самый помысл свой? Что Вы скажете, если старец сам избавил от этого неприятного чувства – пересказа такого помысла; встретив меня, он улыбнулся и положил свою руку себе на голову, изображая кающегося человека! Такие таин-

---

¹⁸ Иоанн (Маслов), архим. Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие. Приложение: Избранные изречения Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, извлеченные из разных источников и расположенные в алфавитном порядке.

ственные душевые движения, эту жизнь душ никак не-возможно положить на бумагу»¹⁹.

Воспроизведенный ныне труд протоиерея Сергия Четверикова²⁰ был последним жизнеописанием преподобного Амвросия, изданным «старой» Оптиной, – к 100-летию со дня рождения приснопоминаемого старца²¹.

Думается, что и в нынешнюю эпоху всемирной апостасии, когда отступление от истины становится нормой жизни, новое издание книги о. Сергия Четверикова станет хорошим подарком всем верным почитателям великого Оптинского старца, «во Отечество и в рас-сиянии сущим».

Издатель

---

¹⁹ *E[раст] В[ытропский]. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Издание Оптиной Пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.*

²⁰ *Протоиерей Сергий Четвериков. Описание жизни блаженного памяти Оптинского Старца Иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной Пустыни и ее старчества. Составлено по прежним жизнеописаниям и по новым источникам. Издание Козельской Оптиной Пустыни. Типография Казанской Амвросиевской Шамординской женской Пустыни, 1912.*

²¹ Материалы для книги о. Сергию были предоставлены Оптиной Пустынью, о чем сохранилась переписка (ОР РГБ. Ф. 213. 74. 22), – указано в книге: Неизвестный Нилус / Сост. Р. Багласаров и С. Фомин. М.: Православный Паломник, 1995. Т. 2. С. 518.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ

До настоящаго времени Оптиною Пустынью изданы два жизнеописанія приснопамятнаго Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія: одно краткое, – написанное Е. В., другое – пространное, составленное о. архимандритомъ Агапитомъ. Но первое слишкомъ ужъ кратко, а второе давно распродано.

Между тѣмъ за послѣднее время въ печати появились нѣкоторыя новыя сообщенія о Старцѣ, вышло собраніе писемъ Старца къ монашествующимъ и мірскимъ особамъ, изданное Оптиною Пустынью.

Ввиду этихъ новыхъ данныхъ сама собою возникла надобность въ составленіи нового жизнеописанія покойнаго Батюшки.

Независимо отъ сказаннаго, – у составителя настоящаго жизнеописанія, многимъ обязаннаго Оптиної Пустыніи въ упорядоченіи своей внутренней духовной жизни, было особое побужденіе заняться составленіемъ описанія жизни о. Амвросія. Ему хотѣлось поближе стать къ личности Старца, пожить, такъ сказать, въ лучахъ его духовнаго свѣта, пережить шагъ за шагомъ обстоятельства жизни Старца, напечатлѣть глубже въ своеемъ сознаніи и чувствѣ мысли, слова, настроенія,

наставлениі Старца, и въ этомъ найти себѣ и назиданіе, и утѣшеніе, и нравственную опору.

Не будучи инокомъ, не зная даже лично о. Амвросія, составитель, конечно, не могъ проникнуть глубоко во внутренній міръ Старца, и это, несомненно, неблагоприятно отражалось на его трудахъ. но онъ искренно желалъ сдѣлать все, чтобы представить въ своемъ описаніи живой образъ великаго учителя жизни и любвеобильнаго руководителя къ Богу, и, если это ему не удалось, онъ просить читателей покрыть его ошибки своею снисходительною любовью.

Въ нынѣшнемъ году истекаетъ ровно сто лѣтъ со дня рожденія о. Амвросія.

Да послужить же эта книга, написанная съ искренностью любовью и благоговѣніемъ къ Старцу, къ оживленію и усиленію духовной связи духовныхъ чадъ Старца съ ихъ приснопамятнымъ наставникомъ, да привлечетъ она къ нему сердца и тѣхъ, кто не имѣлъ утѣшенія знати его лично, да научить она всѣхъ насы понимать, любить и по мѣрѣ силъ осуществлять въ себѣ самихъ тотъ свѣтлый обликъ христіанина, дивнымъ олицетвореніемъ которого былъ почившій незабвенный Старецъ! Да будетъ, наконецъ, она благопріятнымъ приношеніемъ Старцу отъ недостойныхъ его почитателей и почитательницъ, потрудившихся въ ея составленіи и изданіи, и да покроетъ любвеобильный Старецъ всѣхъ насы своими святыми молитвами предъ Престоломъ Божіимъ!

Тѣхъ изъ читателей и читательницъ настоящаго жизнеописанія, которые имѣютъ какія-либо свѣдѣнія или

вспоминанія о старцѣ о. Амвросії, не помѣщенные въ этой книгѣ, составитель усердно просить сообщить ихъ или настоятелю Оптиної Пустыни, или составителю жизнеописанія. Всѣ эти новыя свѣдѣнія могутъ пригодиться при послѣдующемъ изданіи книги.

Составитель
1912 года. Іюля 14 дня. Шамордино

P. S. Чтобы не обременять текстъ книги выносками, помѣщаемъ здѣсь списокъ пособій, которыми пользовался составитель:

1. Жизнеописаніе въ Бозѣ почившаго Оптинаскаго старца іеросхимонаха Амвросія. Изд. Оптиної Пустыни, 1900 г.
2. Іеромонахъ Григорій. Сказаніе о житії Оптинаскаго старца о. іеросхимонаха Амвросія. 1892 г.
3. Краткое сказаніе о жизни Оптинаскаго старца іеросхимонаха Амвросія. Изд. Оптиної Пустыни, 1893 г.
4. Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиної Пустыни. Изд. Оптиної Пустыни, 1896 г.
5. Историческое описаніе скита Оптиної Пустыни. Изд. Оптиної Пустыни, 1862 г.
6. Казанская Амвросіевская женская Пустынь и ся основатель старецъ іеросхимонахъ Амвросій. Изд. Шамординской Пустыни, 1908 г.
7. Жизнеописаніе Оптинаскаго старца Леонида. Изданіе Оптиної Пустыни, 1890 г.
8. Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Оптиної Пустыни, іеросхимонаха Макарія. Сост. И. Л. 1861 г.

9. Жизнеописаніє настоятеля Оптиної Пустыни, архим. Моисея. 1882 г.
10. К. Леонтьевъ. Отецъ Климентъ Зедергольмъ. Изд. Шамординской Пустыни, 1908 г.
11. Сахаровъ. Въ Тихомъ пристанищѣ.
12. Е. Поселянинъ. Отецъ Амвросій.
13. Θ. С. Соколовъ. Приснопамятный старецъ русской земли, подвижникъ Козельской Оптиної Пустыни, о. Амвросій (Гренковъ). Изд. Тамбовской Архивной Комиссії.
14. Собраніе писемъ о. Амвросія къ монашествующимъ. Вып. 1 и 2. Изд. Оптиної Пустыни, 1908 г.
15. Собраніе писемъ его же къ мірскимъ особамъ. Изд. Предтечева скита, 1906 г.
16. Собраніе писемъ іеросхимонаха Макарія къ монашествующимъ. 1863 г.
17. Добротолюбіе.
18. Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго.
19. Θ. П. Ч-нь. Тяжелая утрата.
20. Ласковскій. Братья Кирѣевскіе.
21. Устные и письменные рассказы и воспоминанія разныхъ лицъ.

Преп. Амвросій Оптинський

Глава I

ВЪЧНАЯ ПРАВДА ПРАВОСЛАВІЯ

*Созижду церковь Мою, и
врата адова не одолъютъ Ей.
(Мф. 16, 18)*

еличайшая святыня русского народа, основа-
ниe всей его духовной и государственной
жизни есть Православіе. На зарѣ своего ис-
торического существованія русскій народъ
въ лицѣ своего великаго и святого князя Владимира рав-
ноапостольного и его бабки Ольги стала подъ святое
зnamя православной вѣры. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ
Христова вѣра смягчала вражду князей и полагала нача-
ло ихъ объединенію подъ властью единаго великаго
князя. Монастыри, ихъ основатели-подвижники, каковы
преп. Антоній, преп. Феодосій и преп. Сергій, самоот-
верженные проповѣдники вѣры среди язычниковъ, како-
вы св. Исаія, св. Леонтій и св. Стефанъ своими трудами,
слезами и молитвами глубоко закладывали въ сердцахъ
русскихъ людей завѣты и идеалы истинно-христіанской
жизни. Христова вѣра помогла пережить невыносимое
иго татарское. Православіе одушевило, и Православная

Церковь благословила свергнуть это иго. Въ смутные годы Россия спаслась, объединившись подъ знаменемъ Православія, поднятымъ Троице-Сергіевої Лаврої. Вѣра Христова помогала народу переносить тяжесть крѣпостного состоянія. Словомъ, куда мы ни оглянемся, куда ни посмотримъ, всюду видимъ, что христіанство, въ его чистѣйшемъ выраженіи – Православіе, составляеть самую душу жизни русскаго народа. Однако никогда еще, кажется, Православіе и Русская Православная Церковь не подвергались столь многимъ и столь ожесточеннымъ нападкамъ, какъ въ настоящее время.

Не разбирая подробно всѣхъ этихъ обвиненій, мы скажемъ только, что во всѣхъ нихъ заключается одно основное заблужденіе – изъ-за частныхъ, временныхъ и внѣшнихъ сторонъ и условій церковной жизни обвинители Церкви не замѣчаютъ самого содержанія этой жизни, той животворной силы благодати Божіей, которая неизмѣнно пребываетъ въ Церкви Православной, и въ частности въ Церкви Русской, и которая и составляеть самое драгоцѣннѣйшее для членовъ Церкви ея достояніе.

Что это животворная и спасительная сила благодати Божіей пребываетъ неизмѣнно въ Церкви, въ этомъ нельзя сомнѣваться уже по тому одному, что Церковь, основанная на землѣ Господомъ Іисусомъ Христомъ, призвана совершать на землѣ не свое дѣло, а дѣло Божіе. Она предназначена быть хранительницей на землѣ спасительной истины Божіей, совершительницей нравственного обновленія и духовнаго роста людей. Допустить, что Церковь измѣнила своему предназначенню, что

погасъ на землѣ свѣтильникъ истины и святости, воз-
женный не человѣческой, а Божественною рукою – не
значить ли это усомниться въ силѣ Божіей, отречься отъ
вѣры во Христа Сына Божія? Если Церковь утратила до-
вѣренную ей истину, если она заблудилась на распутіяхъ
жизни и потеряла вѣрный путь ко Христу, то не являют-
ся ли пустымъ звукомъ слова Спасителя: *Созижду цер-
ковь Мою, и врата адова не одолъютъ Ей?* (Мѳ. 16, 18).

Итакъ, уже вслѣдствіе одного Божественного проис-
хождения Церкви и предназначенной ей свыше задачи,
Христосъ не можетъ оставить ее, но какъ въ первыя
времена христіанства, такъ и теперь неизмѣнно свѣтить
въ ней своимъ тихимъ небеснымъ свѣтомъ, и этотъ
внутренній въ Церкви свѣтъ видѣть тѣ, кто имѣть очи,
чтобы видѣть.

Что это действительно такъ, объ этомъ можно су-
дить и по плодамъ жизни церковной. *Не можетъ древо
добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры тво-
рити... Тѣмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѳ. 7,
18, 20). Плоды Вселенской Церкви слѣдующіе –
мученики, святители, преподобные, безсребренники и
другіе, о подвигахъ которыхъ повѣствуетъ исторія Все-
ленской Церкви, и которые, какъ яркія звѣзды, свѣтять
свою внутреннею нравственною красотою всему чело-
вѣчеству.

Такіе же точно плоды приносить и наша Русская
Церковь. Достаточно вспомнить имена святыхъ – князя
Владимира, Антонія и Єеодосія Печерскихъ; Александра
Невскаго, Сергія Радонежскаго, Ісаї и Леонтія Рос-
товскихъ, Евфросинії Полоцкой, Стефана Пермскаго,

Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Петра, Алексія, Іоны и Филиппа Московскихъ, Димитрія Ростовского, Тихона Задонского, Серафима Саровского приснопамятныхъ: Филарета Московского, Филарета Кіевского, Іоанна Кронштадтского, Амвросія Оптинского и многихъ другихъ, чтобы увидѣть это. На протяженіи цѣлаго тысячелѣтія Русская Церковь воспитываетъ въ нѣдрахъ своихъ сонмы святыхъ, т. е. людей, исполненныхъ духа Христова. Откуда же она почерпаетъ силу для этого, если съ нею не пребываетъ Христосъ, если сила благодати Божіей не почиваетъ въ ней, не одушевляетъ ее? Эту пребывающую въ Русской Церкви силу благодати Божіей, дѣйствующую въ ней во всѣ времена – и во времена митрополитовъ, и во времена патріарховъ, и въ синодальный періодъ, – чувствовали наши предки, чувствуемъ всѣ мы – вѣрныя чада Церкви, ибо и мы всѣ єю освящаемся.

А если такъ, если плоды, приносимые Русскою Церковью одинаковы съ плодами Церкви Вселенской, если Русская Церковь сообщаетъ своимъ членамъ благодатную жизнь такъ же, какъ и Церковь Вселенская, то очевидно, что ни Русская, ни Вселенская Церковь не омертвѣли, что духъ и жизнь не отлетѣли отъ нихъ, несмотря на тѣ или другія, по-видимому, неблагопріятныя условія ихъ виѣшняго положенія.

Однимъ изъ главныхъ центровъ, гдѣ сосредоточивается жизнь Церкви, гдѣ идетъ упорная борьба за сохраненіе живой вѣры въ Бога и за согласованіе съ этою вѣрою всей жизни или, иначе сказать, гдѣ упорно борются съ грѣхомъ во имя святости и чистоты жизни, являются

православные монастыри. На нихъ-то съ особенною силою и обрушивается злоба отрицающаго Церковь невѣрія. Защитить отъ несправедливыхъ обвиненій церкви и монастыри, открыть очи слѣпымъ и уши глухимъ нельзя одними словами, одними возраженіями. Лучшимъ средствомъ показать обществу правду Церкви должно считать ознакомленіе общества съ живыми плодами истинной церковной жизни, по слову Евангелія: *прииди и виждь* (Ін. 1, 46), виждь, что даетъ Церковь обществу, виждь ея неоцѣнимое значеніе для него!

Однимъ изъ такихъ зрѣлыхъ плодовъ жизни церковной является Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Амвросій, скончавшійся 20 лѣтъ тому назадъ, коего біографічкій очеркъ и предлагается нами вниманію читателей.

Пусть предлагаемое нами жизнеописаніе этого замѣчательнаго старца не только доставить утѣшеніе людямъ вѣрующимъ, но и покажетъ невѣрующимъ, что все богатство своего духа, всю силу своего милосердія и любви, всю проницательность своего разума этотъ дивный старецъ развилъ изъ нѣдръ Русской Церкви, вселенскаго Православія, древняго и русскаго монашества, коимъ онъ принадлежалъ всѣмъ своимъ существомъ и подъ воздействиемъ которыхъ онъ возросъ и воспитался, и пусть, видя это, и они почувствуютъ истину и силу Православія, почувствуютъ правду и красоту Русской Церкви, ощутять въ ней силу благодати Божіей, и съ радостью въ сердцѣ увидятъ въ Церкви оплотъ истинныи Божіей на землѣ, сокровищницу высокихъ благодатныхъ дарованій и путь къ небесному блаженству.

Глава II

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ДУХОВНАГО ОБЛИКА СТАРЦА О. ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ

Не тъсно вмъщаетсѧ въ насъ
(2 Кор. 6, 12)

едалеко отъ уѣзднаго города Козельска, въ трехъ верстахъ, въ Оптиной Пустыни, есть завѣтная, дорогая для православнаго русскаго сердца могила – старца іеросхимонаха Амвросія, «батюшки Абросима», какъ называлъ и называетъ его простой народъ. Эта могила находится по правую сторону отъ главнаго монастырскаго храма Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Надъ могилою привѣтливо бѣлѣеть небольшая часовенка, внутри которой съ лѣвой стороны помѣщается бѣлый мраморный надгробный памятникъ съ трогательною надписью, точно опредѣляющею значеніе личности и жизни Старца: *Быхъ немощнымъ яко немощенъ, да немощныя пріобряшу. Всъмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22).

По стѣнамъ часовни висятъ святыя иконы: Воскресенія Христова, Казанской Божіей Матери, особенно чтимой Старцемъ, и св. Амвросія, епископа Медіолан-

скаго, его небеснаго покровителя. Предъ иконами теп-
лятся неугасимыя лампады. Тихимъ покоемъ, благого-
вѣйною молитвою вѣеть и въ самой часовнѣ и вокругъ
нея. Богомольцы любять посѣщать это мѣсто, служить
на могилѣ панихиды по Старцѣ и изливаютъ ему, какъ
живому, свои многочисленныя скорби и нужды.

Много лѣть прошло со дня кончины о. Амвросія, а
народная тропа къ его могилѣ не застаетъ травою, и
благоговѣйная память о немъ и искренняя вѣра въ него,
какъ въ небеснаго покровителя и помощника, не только
не ослабѣваютъ въ обители и въ народѣ, но по видимо-
му все болѣе и болѣе распространяются и крѣпнутъ.

Чѣмъ же такъ привлекъ и привлекаетъ къ себѣ серд-
ца людей о. Амвросій? На старцѣ Амвросіи, очевидно
для всѣхъ, почивала великая сила благодати Божіей,
наполнявшая сердце его неисчерпаемою радостью и
любовью, а умъ – премудростю и прозорливостью,
дѣлавшая его въ истинномъ смыслѣ христіанскимъ муд-
рецомъ, умѣвшимъ разъяснить самыя запутанныя и
мучительныя загадки жизни; выводить изъ самыхъ за-
труднительныхъ и, повидимому, безъисходныхъ нрав-
ственныхъ и материальныхъ запутанныхъ обстоятель-
ствъ. Въ продолженіе болѣе тридцати лѣть онъ быль
заботливою, любящею матерью страждущаго человѣ-
чества: къ нему ежедневно приходили десятки и сотни
людей самаго разнообразнаго званія и состоянія, каж-
дый со своимъ недоумѣніемъ, со своею просьбою, со
свою скорбью, и никто не быль имъ отринутъ, никто
не уходилъ отъ него необласканнымъ, неутѣшненнымъ,
не успокоеннымъ. Въ его маленькой келліи и вокругъ

нея толпились монахини, монахи, крестьяне, купцы, помѣщики, священники, студенты университета и духовныхъ академій, гимназисты, гимназистки, курсистки, врачи, писатели, сановники... Его бесѣды искали епископы, Великіе Князья! И каждому у него находилось соответствующее «слово на пользу»! Со всѣми онъ былъ одинаково обходителенъ, простъ, вразумителенъ! И всѣ чувствовали себя передъ нимъ, какъ дѣти предъ опытнымъ, добрымъ, мудрымъ отцомъ!

Всѣ свои отношенія къ людямъ онъ устанавливаль исключительно на интересахъ совѣсти приходившихъ къ нему; ему было дорого, прежде всего, вѣчное спасеніе той души, которая ввѣряла себя его попеченію! Оттого-то всѣ его отношенія къ людямъ были такъ святы, просты, безкорыстны и значительны! Оттого-то такъ и лнули къ нему души, такъ и стремились открыться предъ нимъ до самаго дна! А если кто и не умѣль этого сдѣлать, то самъ Старецъ помогалъ ему, ибо онъ имѣль удивительный даръ проникать во внутренній міръ людей, читать въ сердцахъ ихъ, какъ въ раскрытой книгѣ, и разъяснить имъ то, чего они сами въ себѣ не понимали и даже не замѣчали!

Разносторонность и богатство его духа были необычайны. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и живую вѣру, и дѣятельную жизнь, и строгость, и ласку, и серьезность, и шутливость, и собранность духа, и разговорчивость, и уединенность, и общительность, и величіе духа, и простоту, и обширныя теоретическія познанія, и житейскую опытность, и всецѣлую жизнь въ Богѣ, и хозяйственную практическость!

Старець Амвросій бывъ мудрецъ, – но его мудрость не была простымъ многознаніемъ или богословскою начитанностью; это была громадная опытность ума и сердца въ глубочайшихъ переживаніяхъ христіанскихъ чувствованій и умѣніе пользоваться этою опытностью применительно къ даннымъ людямъ и къ даннымъ обстоятельствамъ. Въ своихъ совѣтахъ онъ обыкновенно не бывалъ многословенъ, но онъ умѣлъ однимъ мѣткимъ словомъ, шуткою, однимъ движеніемъ, поговоркою попадать въ самое больное мѣсто вопрошавшаго, ободрять его, утѣшать и указывать ему жизненный выходъ.

И настолько была велика жизненная мудрость о. Амвросія, столько въ немъ было отзывчивой теплоты чувства, такъ умѣлъ онъ понять каждого человѣка и подойти къ его душевнымъ ранамъ, что не только простой народъ, искони лѣнущій къ монастырямъ и старцамъ, но и сама наша интеллигенція, столь нерѣдко слабая въ вѣрѣ, измученная сомнѣніями, малодушная, ропущущая, самолюбивая, нетерпѣливая, а иногда и враждебная къ Церкви и всему церковному, замѣтила его, оцѣнила его и потянулась къ нему, чтобы отогрѣться у его нѣжнаго, любящаго сердца и поучиться у него мудрости христіанской! И отогрѣвалась, и научалась!

Такимъ образомъ, о. Амвросій явился во 2-й половинѣ девятнадцатаго столѣтія тѣмъ связующимъ звеномъ между образованнымъ обществомъ, народомъ и Церковью, необходимость котораго давно уже ощущается въ нашей русской общественной жизни и которымъ до извѣстной степени являлась и сама Оптина Пустынь

еще въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія, когда подъ ея сѣнью объединялись съ одной стороны – старцы Леонидъ, Макарій, Моісей и Антоній, съ другой стороны – братья Кирѣевскіе, Гоголь, Шевыревъ и другие представители русской интеллигенціи того времени.

И въ этомъ обстоятельствѣ заключается новая осо-бая заслуга старца Амвросія предъ русскимъ народомъ, предъ русскою исторіею, заслуга, въ которой онъ ни-кѣмъ другимъ еще не былъ превзойденъ.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ нравственный об-ликъ старца о. Амвросія и указавъ его значеніе для рус-скаго народа, обратимся теперь къ болѣе подробному и послѣдовательному изображенію его жизни и лич-ности.

Глава III

ЮНЫЕ ГОДЫ О. АМВРОСІЯ ВЪ ДОМЪ И ВЪ ШКОЛЪ

Таковыхъ бо есть царствіе Божіе
(Мк. 10, 14)

тець Амвросій, въ мірѣ Александръ Михайловичъ Гренковъ, быль сыномъ пономаря села Большой Липовицы Тамбовской губерніи Михаила Феодоровича и его жены Мареи Николаевны, имѣвшихъ многочисленную семью и жившихъ въ домѣ своего отца, священника того же села и благочиннаго Феодора Егоровича. 23 ноября 1812 года въ домѣ о. Феодора по случаю какого-то семейнаго торжества было большое собраніе гостей. И вотъ – въ этотъ-то именно день и родился Александръ Михайловичъ.

Рассказывая впослѣдствіи объ этомъ, о. Амвросій любилъ пошутиТЬ: «На людяхъ я родился, на людяхъ и живу».

Родители Старца были люди глубоко благочестивые.

О своей матери Мареѣ Николаевнѣ онъ отзывался впослѣдствіи такъ: «Она жила благочестиво, спасалась

по-своему». Стой семейной жизни, по обычаю духовенства того времени, был простой, строгий, церковно-православный. О раннемъ дѣтствѣ Александра Михайловича сохранилось немного свѣдѣній. Рось онъ мальчикомъ живымъ, веселымъ, рѣзвымъ, непосидчивымъ. Заставить его, напримѣръ, мать качать колыбель младшаго брата, а ему скучно. Воть онъ выждеть минуту, когда мать выйдеть изъ комнаты, выпрыгнетъ въ окошко и убѣжитъ играть съ товарищами. Саша любиль пріятелей, лошадокъ, голубей, сельское приволье, любиль возиться съ братьями и сестрами.

Его рѣзвость и непосидчивость не нравились, однако, строгимъ старшимъ членамъ семьи, и ему неоднократно приходилось выслушивать укоризны и отъ матери, и отъ бабки, а дѣдъ иногда дираль его и за вихоръ. Сашѣ казалось, что его не любять родные, онъ завидовалъ своимъ братьямъ и сестрамъ, но онъ ошибался: его любили, только держали построже другихъ. Строгий укладъ жизни священническаго дома стараго времени былъ несомнѣнно полезенъ для живого мальчика – онъ умѣрялъ его шаловливые порывы и напечатлѣвалъ въ его душѣ сознаніе важности и серьезности жизни.

Когда Саша подросъ, его, помолясь Богу, стали учить грамотѣ. Учили, какъ было принято, по церковно-славянскому букварю, Часослову и Псалтири, и вдохновленныя пѣсни царя Давида, съ самаго ранняго возраста стали оглашать слухъ и западать въ сердце будущаго великаго старца. Каждый праздникъ, а то и чаще, отецъ бралъ Сашу съ собою въ храмъ Божій, и онъ скоро научился тамъ пѣть и читать на клиросѣ. Пришло время

отдавать Сашу и въ школу. Школьное ученіе мальчика началось сравнительно поздно. Ему было уже 12 лѣть, когда его отвезли въ 1-й классъ Тамбовскаго духовнаго училища. Тамъ уже учился въ это время его старшій братъ, которому училищное начальство дало фамилію «Гренковъ». Эта фамилія утвердилась и за Сашей. Бѣдна, сурова, неприглядна была старая бурса! Но это не помѣшало Сашѣ сохранить и здѣсь свою природную веселость и живость характера и учиться съ большимъ успѣхомъ. Темныя стороны жизни бурсы, печальное зрелище бѣдности и забитости многихъ товарищѣй и ихъ родителей только сильнѣе разожгли въ мальчикѣ свойственное ему отъ природы чувство состраданія и жалости ко всѣмъ скорбящимъ и обремененнымъ! Онъ и самъ умѣлъ цѣнить оказываемую ему ласку, каковой, по всей вѣроятности, бывало немнога въ тогдашней школѣ. «Когда я былъ мальчикомъ, – разсказывалъ онъ о себѣ впослѣдствіи, – былъ у насъ общій портной. Я былъ высокенький, и онъ меня все Сашей звалъ; другихъ же моихъ товарищѣй такъ ласково не называлъ; признаюсь, меня это очень трогало». Этотъ, повидимому, маловажный случай много говорить и о чуткомъ сердцѣ мальчика, жаждавшемъ ласки и любви, и о способности его уже въ эти дѣтскіе годы внушать къ себѣ любовь со стороны окружающихъ. Сашу любили и товарищи за его веселость и доброту. На праздники Рождества Христова и Пасхи Саша вмѣстѣ съ старшимъ братомъ пріѣзжалъ домой въ родное село, гдѣ другой ихъ братъ, бывшій уже причетникомъ, каталь ихъ на лошади по селу и доставлялъ имъ другія незатѣйливыя сельскія развлеченія.

Будучи сыномъ небогатаго и многосемейнаго при-
четника, Саша пользовался въ училищѣ полуказеннымъ
содержаніемъ. Учился же онъ такъ хорошо, что изъ
148 своихъ товарищѣ по классу окончилъ курсъ духов-
наго училища первымъ по списку.

18-ти лѣтъ Александръ Гренковъ поступилъ въ Там-
бовскую духовную семинарію. И здѣсь онъ учился
очень хорошо благодаря своимъ прекраснымъ способ-
ностямъ. Его товарищъ по семинаріи разсказывалъ:
«Бывало, на послѣднія копѣйки купиши свѣчку, твер-
дишь, твердишь заданные уроки; онъ же и мало занима-
ется, а придетъ въ классъ, станетъ отвѣтывать наставнику,
какъ по писанному, лучше всѣхъ!» И въ семинаріи Грен-
ковъ всегда былъ душою товарищескаго кружка. Но,
любя общество, будучи веселымъ, жизнерадостнымъ и
остроумнымъ юношой, онъ всегда сохранялъ нрав-
ственную чистоту и скромность, внутреннюю стро-
гость духа и глубокое, искреннее религіозное чувство,
что, можетъ быть, и привлекало къ нему особенно серд-
ца всѣхъ. Уже будучи старцемъ, онъ живо припоминаль
и интересно разсказывалъ многіе случаи изъ своей се-
минарской жизни, причемъ мѣтко характеризовалъ нѣ-
которыхъ изъ своихъ ректоровъ и наставниковъ. Между
прочимъ о. Амвросій разсказывалъ и о томъ, какъ онъ
пробовалъ, будучи въ семинаріи, писать стихи. «При-
знаюсь вамъ, – говорилъ онъ, – пробовалъ я разъ писать
стихи, полагая, что это легко. Выбралъ хорошее мѣстеч-
ко, гдѣ были долины и горы, и расположился тамъ пи-
сать. Долго-долго сидѣлъ я и думалъ, что и какъ писать,
да такъ ничего и не написалъ. Это похоже на то, какъ

рассказывали мнѣ про одного лаврскаго монаха, на котораго, вѣроятно, сочинили академики, что онъ, пробуя тоже писать стихи, написалъ такъ:

Тече, тече Днѣперъ тихій.

Писаль сіи стихи монахъ Исихій».

Не сдѣлавшись поэтомъ, онъ, однако, будучи уже старцемъ, любилъ по временамъ говорить своимъ слушателямъ наставлениѧ въ риому для того, по всей вѣроятности, чтобы грубая правда въ его устахъ не казалась столь тяжкою для самолюбивыхъ сердецъ и, растворенная шуткою и складною формою, охотнѣе ими воспринималась и крѣпче запоминалась.

Глава IV ЗОВЪ БОЖІЙ

*Многи мысли въ сердцы мужа:
совѣтъ же Господень во вѣкъ пре-
бываетъ.*

(Притч. 19, 21)

*Отъ Господа стопы человѣку
исправляются.*

(Пс. 36, 23)

мѣя отъ природы веселый и живой характеръ, любя общество людей, увлекаясь пѣніемъ и музыкой и даже одно время мечтая о поступленіи въ военную службу, Александръ Михайловичъ и не думалъ быть монахомъ. Но, видно, мысли наши – не мысли Божіи, и пути наши – не пути Божіи. «Въ монастырь я не думаль никогда идти, – говорилъ впослѣдствіи самъ Старецъ, – впрочемъ, другіе почему-то предрекали мнѣ, что я буду въ монастырѣ». То обстоятельство, что другіе провидѣли въ Александрѣ Михайловичѣ будущаго инока, очень замѣчательно: оно показываетъ, что несмотря на свою веселость и общительность, Александръ Михайловичъ былъ и казался другимъ человѣкомъ, «не отъ міра сего».

Это значитъ, что уже въ годы своей ранней молодости онъ, замѣтно для всѣхъ, не имѣлъ дѣйствительной, внутренней привязанности ни къ чему мірскому, быть настолько чистъ сердцемъ, настолько внутренне быть съ Богомъ, что ему и люди не могли предназначать иного пути жизни, какъ путь всецѣлаго посвященія себя Богу въ монашествѣ.

И хотя самъ Александръ Михайловичъ и не отдавалъ еще себѣ яснаго отчета въ свое мѣжду жизненномъ призваніи, но бывали моменты, когда это призваніе неожиданно и властно заявляло само о себѣ въ его душѣ.

Такъ за годъ до окончанія курса въ семинаріи Александръ Михайловичъ заболѣлъ очень серьезно. Надежды на выздоровленіе почти не было.

«Всѣ отчаялись въ моемъ выздоровленіи, – разсказывалъ о. Амвросій, – мало надѣялся на него и я самъ. Послали за духовникомъ. Онъ долго неѣхалъ. Я сказа-
заль: «Прощай, Божій свѣтъ!» И тутъ же даль обѣщаніе Господу, что если Онъ воздвигнетъ меня здравымъ отъ одра болѣзни, то я непремѣнно пойду въ монастырь».

Не думавшій, какъ онъ самъ говорить, никогда о монастырѣ, Александръ Михайловичъ вдругъ даетъ обѣть сдѣлаться монахомъ. Не ясно ли изъ этого, что этотъ обѣть, невѣдомо для него самого, давно уже сложился и жилъ въ глубинѣ его сердца, уже былъ тамъ крѣпко напечатлѣнъ всѣми предшествующими обстоятельства-
ми его жизни и чертами его личнаго характера, и что только недоставало подходящаго случая для того, чтобы онъ ясно вспыхнулъ въ сознаніи благочестиваго юноши?

Такимъ образомъ, уже въ 1835 году, будучи 23-хъ лѣтъ отъ роду, Александръ Михайловичъ предъ лицомъ угрожавшей ему смерти опредѣлилъ себѣ свой жизненный путь. Но этотъ путь вмѣстѣ съ тѣмъ и испугаль его. Испугала его та великая отвѣтственность, которую онъ готовился принять на себя предъ лицомъ Бога и людей, страшилъ его и разрывъ съ свѣтлыми сторонами жизни въ міру. Въ душѣ его началась жестокая внутренняя борьба между принятymъ рѣшеніемъ и невольными сомнѣніями.

Пригоденъ ли онъ для избираемаго пути? Серьезно ли принятое имъ рѣшеніе? Не береть ли онъ на себя легкомысленно непосильное бремя? Не впадаетъ ли въ самообольщеніе? Такіе и подобные вопросы не могли не приходить ему въ голову, не могли не смущать его духа. Четыре года провелъ онъ въ этой тяжелой внутренней борьбѣ, тщательно скрывая отъ всѣхъ свое душевное состояніе и ожидая опредѣленнаго указанія свыше, отъ Господа.

Конечно, пока онъ еще находился въ семинаріи, онъ не могъ серьезно думать о приведеніи своего обѣта въ исполненіе: надо было сначала закончить свое образованіе. Но когда семинарскій курсъ былъ оконченъ, для Александра Михайловича явилась необходимость опредѣлить свой дальнѣйшій жизненный путь! Не чувствуя еще въ себѣ рѣшимости принять монашество, онъ хотѣлъ избрать для себя такое общественное положеніе, которое давало бы ему возможность во всякой данный моментъ свернуть съ него туда, куда влекло его чувство долга, но къ чemu онъ еще не чувствовалъ себя

достаточно созрѣвшимъ. Поэтому онъ не пошелъ ни въ духовную академію, которая связала бы его свободу снова на нѣсколько лѣтъ, не пошелъ онъ тѣмъ болѣе и во священники... Онъ съ радостью принялъ предложеніе одного помѣщика быть домашнимъ учителемъ его дѣтей. Въ этой должности онъ пробылъ болѣе года. И уже здѣсь стало въ немъ замѣтно обнаруживаться его удивительное знаніе людей и умѣніе обращаться съ ними, направляя ихъ въ добрую сторону. «Бывало, – рассказывалъ онъ впослѣдствіи, – размолвять мужъ съ женою, и оба обращаются ко мнѣ съ жалобами другъ на друга. Думаю себѣ: какъ тутъ быть? Они хотя и поразмолвили, а черезъ часъ или два опять помирятся. А мнѣ, если хоть разъ принять одну чью-либо сторону, нужно черезъ это вооружить противъ себя другую. Такъ, бывало, слушаю только ихъ жалобы, а самъ посматриваю на нихъ да молча улыбаюсь. Вскорѣ хозяева мои, конечно, мирились, и я былъ съ обоими ими въ хорошихъ отношеніяхъ». Изъ этого разсказа видно, что уже въ то время, когда А. М. было всего 25 лѣтъ, окружающіе его люди, подчиняясь его вліянію, сами опредѣляли ему особое мѣсто въ своемъ кругу, дѣляя его судьбою интимныхъ случаевъ своей жизни. Въ Александрѣ Михайловичѣ опредѣлялся уже понемногу будущій старецъ съ его участливостью къ людямъ и умѣніемъ вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія. Живя въ семье помѣщика, Александръ Михайловичъ впервые близко познакомился съ свѣтскимъ обществомъ, что принесло ему большую пользу, расширивъ его жизненный опытъ.

Между тѣмъ въ Липецкомъ духовномъ училищѣ открылась вакансія преподавателя. Александръ Михайловичъ выразилъ желаніе занять эту должность и былъ опредѣленъ къ ней 7 марта 1838 года.

Какъ преподаватель духовнаго училища Александръ Михайловичъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. Умный, вдумчивый, наблюдательный, живой, веселый, чрезвычайно добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій тѣмъ особымъ видомъ строгости, который вырабатывается въ человѣкѣ высокимъ понятіемъ о чести и обязанностяхъ человѣка, онъ былъ незамѣнимъ воспитателемъ юныхъ душъ и прекраснымъ членомъ училищной корпораціи. Казалось бы, ему теперь предстояла ровная, безмятежная жизнь за любимымъ дѣломъ въ кругу искренно расположенныхъ къ нему сослуживцевъ. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Неотступная дума о монашествѣ, о принятомъ обѣтѣ не покидала его сердца. Переходы отъ вѣшней многопечительной дѣятельности и отъ свѣтскихъ развлечений въ кругу молодежи ко внутреннимъ уединеннымъ бесѣдамъ со своею совѣстью становились все острѣе, все мучительнѣе. Совѣсть неумолимо казнила его за неисполненіе даннаго обѣта, за пустое времяпрепровожденіе. Глубоко вѣруючій Александръ Михайловичъ искалъ тогда утѣшенія и успокоенія въ пламенной молитвѣ. Ночью, когда его товарищи по службѣ, съ которыми онъ жилъ на одной общей казенной квартирѣ, засыпали, онъ становился передъ иконою Царицы Небесной, именуемой «Тамбовскою», своимъ родительскимъ благословеніемъ, и долго-долго, незримо и не-

слышимо для людей, молилъ Божію Матерь управить путь его. Однако объ этихъ его ночныхъ молитвахъ скоро узнали товарищи, и нѣкоторые изъ нихъ даже позволили себѣ неумѣстныя надъ нимъ насмѣшки. Тогда А. М. стала прятаться на чердакъ и тамъ продолжаль изливать свои молитвенные чувства къ Заступницѣ рода христіанскаго. Уединенная пламенная молитва, а отчасти и переносимая изъ-за нея насмѣшки со стороны товарищей, все болѣе и болѣе закрѣпляли въ душѣ молодого человѣка чувство серьезной и глубокой любви къ Богу. Мысль о Богѣ все болѣе и болѣе овладѣвала его сердцемъ, становилась для него все сладостнѣе, все ближе. Чтобы полнѣе и безпрепятственнѣе отдаваться этому растущему чувству богообщенія – Александръ Михайловичъ стала уходить за городъ. Вблизи Липецка, по ту сторону рѣки Воронежа, виднѣется и теперь огромный, казенный лѣсь, напоминающій Оптинскіе лѣса. Туда нерѣдко, въ свободное отъ занятій время, любилъ уходить Александръ Михайловичъ для уединенной прогулки и богомыслія. Однажды во время такой прогулки онъ случайно подошелъ къ протекавшему ручейку и стала прислушиваться къ его журчанью. Въ этомъ журчаніи ручейка ему ясно стали слышаться слова: «Хвалите Бога, храните Бога!» «Долго стояль я, слушая этотъ таинственный голосъ природы, и очень удивлялся», – разсказывалъ впослѣдствіи Старецъ. Сердце его еще живѣе ощущало близость Бога, еще горячѣе зажглась въ немъ пламенная молитва, еще рѣшительнѣе потянуло его изъ міра, подъ сѣнь уединенной, тихой иноческой обители.

Сознавая всю великую важность складывавшагося въ душѣ его жизненаго рѣшенія, Александръ Михайловичъ страшился принять его на свою единоличную отвѣтственность. Ему хотѣлось найти для себя нравственную опору въ другой сильной и святой волѣ, которая благословила бы его на избранный путь и освободила бы его душу отъ мучительнаго чувства одиночества при принятіи столь рѣшительнаго шага.

Наступило лѣто 1839 года. Экзамены въ духовномъ училищѣ окончились, и школьники разбрелись по родительскимъ домамъ. Наступилъ отдыхъ и для преподавателей. Александръ Михайловичъ проводилъ лѣто у своего друга, сына священника села Сланскаго, Павла Степановича Покровскаго. Недалеко отъ с. Сланскаго жилъ въ то время знаменитый Троекуровскій затворникъ о. Иларіонъ, къ которому многіе обращались за соvѣтами и лично, и письменно. Задумали побывать у затворника и наши друзья, чтобы испросить у него совѣта и благословенія на дальнѣйшій образъ жизни.

Отдохнувъ нѣкоторое время въ Сланскомъ, молодые люди отправились пѣшкомъ въ Троекурово, находившееся отъ Сланскаго въ 30 верстахъ. Отецъ Иларіонъ принялъ ихъ ласково. Глубоко трепетало сердце Александра Михайловича, когда, изложивъ старцу свои думы и чувства, онъ услышалъ отъ него слова: «Иди въ Оптину! Можно бы и въ Саровъ пойти, но тамъ уже нѣть теперь такихъ старцевъ, какъ прежде». При этомъ, какъ передаютъ нѣкоторые, о. Иларіонъ прибавилъ: «Ты въ Оптино нуженъ!»

Итакъ, жребій, казалось, былъ брошенъ. Но благоразумный и осторожный Александръ Михайловичъ все еще не спѣшилъ осуществить желаніе своего сердца – онъ хотѣлъ получить еще одно благословеніе, благословеніе великаго игумена всея Россіи, преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, основателя монашеской жизни въ съверныхъ предѣлахъ нашего отечества. Такъ какъ времени до начала учебныхъ занятій въ училищѣ оставалось еще не мало, то онъ уговорилъ своего друга предпринять новое путешествіе въ Троице-Сергіеву Лавру.

Павель Степановичъ, самъ чувствовавшій влеченіе къ монашеству и любившій посѣщать святыя обители, съ радостью согласился. Начались сборы. Александръ Михайловичъ своими руками гнуль изъ молодыхъ вѣтокъ дуги, прикрѣпляль ихъ къ задней части простой деревенской телѣги и укрывалъ ихъ войлокомъ и рогожами, чтобы имѣть защиту отъ дождя и солнечнаго зноя. Священникъ Стефанъ Покровскій, отецъ Павла Степановича, сочувствуявшій поѣздкѣ молодыхъ людей, далъ имъ съ радостью, несмотря на рабочую пору, собственную лошадь. Наконецъ все было готово для пути. Погода благопріятствовала, и юные друзья двинулись въ дорогу, бодрые и веселые, напутствуемые благословеніями и благожеланіями родныхъ и знакомыхъ.

Какъ легко и радостно стало на душѣ ихъ, когда широкій просторъ полей, освѣжаемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, и безпредѣльная глубина синяго неба охватили ихъ со всѣхъ сторонъ! Души ихъ, казалось, погружались

въ бездну безпределности, соприкасались инымъ мірамъ и ощущали на себѣ живое прикосновеніе Все-могущаго Бога! Въ общеніи съ природой, въ общеніи съ людьми – незамѣтно проходили для нихъ день за днемъ, и наконецъ, миновавъ шумную Москву, прибыли они въ Троице-Сергіеву Лавру.

По установившемуся обычаю побывали они и въ Хотьковскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ поклонились могиламъ родителей прп. Сергія, Кирилла и Маріи. Тамъ же А. М. долго бесѣдоваль наединѣ съ затворницей Марою, но что они говорили, осталось тайной.

Неизъяснимое чувство умиленія охватило здѣсь душу Александра Михайловича! Онъ увидѣль предъ собою тѣ холмы, которые, будучи нѣкогда покрыты дремучимъ лѣсомъ, были свидѣтелями уединенныхъ молитвенныхъ подвиговъ юнаго Сергія! Какъ эти подвиги были понятны, были плѣнительны для его собственного благоговѣйнаго сердца! Вотъ источникъ, проистекшій по молитвѣ преподобнаго! Вотъ та дивная келлія, нынѣ обращенная въ часовню, гдѣ въ продолженіе всей ночи возносились пламенныя молитвы преп. Сергія, черезъ порогъ которой однажды переступили стопы Богоматери, гдѣ и нынѣ такъ дивно совершается «утру глубоку» каждую субботу умилительный параклисисъ въ память этого чудеснаго посѣщенія! А вотъ и самый храмъ, гдѣ нетлѣнно почиваютъ святыя моши великаго угодника Божія! Сколько мыслей, сколько великихъ воспоминаній, сколько глубокихъ и сладостныхъ чувствъ нахлынуло въ юнаго, чистую, чуткую душу Александра Михайловича, когда онъ припалъ къ землѣ у гробницы

великаго молитвенника земли русской, испрашивая себѣ благословенія, помощи, укрѣпленія на избираемый путь жизни! И молитва его, конечно, не была тщетна. Глубокій внутренній миръ и спокойная рѣшимость снizuшли въ душу его въ этомъ священномъ мѣстѣ. Юные богомольцы поговѣли здѣсь, исповѣдались и причастились Св. Христовыхъ Таинъ. Наконецъ дни богомо-ленія окончились. Наступило время отправляться въ обратный путь. Съ грустнымъ, но и съ благодарнымъ чувствомъ, полные пережитыхъ высокихъ впечатлѣній, покинули наши паломники святую обитель. Незамѣтно совершили они свою обратную дорогу, а по окончаніи каникуль возвратились въ Липецкъ.

Намѣреніе Александра Михайловича опредѣлилось окончательно, и онъ сталъ ожидать благопріятнаго слу-чая для его осуществленія или, лучше сказать, послѣд-няго рѣшительнаго зова Божія. Зовъ этотъ скоро и по-слѣдовалъ. Начались учебныя занятія, Александръ Ми-хайловичъ приступилъ къ своимъ урокамъ.

Какъ-то въ концѣ сентября Александръ Михайло-вичъ вмѣстѣ со своими сослуживцами былъ у кого-то на вечеринкѣ. Было особенно весело. Александръ Ми-хайловичъ былъ, что называется, въ ударѣ: онъ щутилъ, смѣялся, много говорилъ, заражалъ своей веселостью и гостей, и хозяевъ. Придя домой, онъ, однако, почувствовалъ небывалую еще тоску и укоры совѣсти. Внут-ренній голосъ властно сказалъ ему: «Будетъ! Пора по-ложить всему конецъ! Нельзя служить и Богу, и мамонѣ! Надо выбирать что-нибудь одно! Надо всецѣло прильпиться къ единому Богу! Надо бросить міръ!»

На другой день, встрѣтившись съ Покровскимъ, Александръ Михайловичъ сказалъ ему потихоньку отъ всѣхъ: «Ѣду въ Оптину». Тотъ изумился: «Какъ же ты поѣдешь? Вѣдь уроки только начались – тебя не пустятъ!» – «Ну что же дѣлать, – отвѣчалъ Александръ Михайловичъ, не могу больше жить въ міру; уѣду тайно, только ты никому обѣ этомъ не говори!»

И вотъ спустя немного времени Александръ Михайловичъ исчезъ изъ Липецка. Смотрителемъ училища былъ въ то время священникъ Кастальскій, настоятель Липецкаго собора. Исчезновеніе учителя поставило его въ затруднительное положеніе. Нужно было донести о случившемся семинарскому начальству, а вмѣстѣ съ тѣмъ жаль было и Александра Михайловича. Не зная, что предпринять, смотритель училища рѣшилъ до времени молчать обѣ исчезновеніи Александра Михайловича, выжидая дальнѣйшаго хода обстоятельствъ.

Глава V

ОПТИНА ПУСТЫНЬ – БЛАГОДАТНЫЙ УГОЛОКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

*Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи
силь! Блажени живущіи въ дому Твоемъ!
(Пс. 83, 1, 5).*

ока Александръ Михайловичъ, положившись на волю Божію, съ радостнымъ сердцемъ поспѣшаетъ къ цѣли своихъ стремлений – Оптиної Пустыни, скажемъ нѣсколько словъ объ этой святой обители. Возникновеніе Оптиної Пустыни нѣкоторые относятъ ко временамъ домонгольской древности. Сохранившіяся въ синодикахъ обители имена схимниковъ и схимницъ показываютъ, что первоначально обитель была «общая» и что она существовала уже въ XV вѣкѣ, такъ какъ въ началѣ XVI в. «общіе» монастыри были упразднены.

Первое письменное упоминаніе объ обители относится къ началу XVII в., когда въ обители была одна деревянная церковь и шесть келлій. Цари Михаилъ Феодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Феодоръ Алексѣевичъ оказывали обители свою «милостынью».

Въ XVIII в. обитель, какъ и многія другія въ то тяжелое для монастырей время, пришла въ упадокъ, и къ концу этого вѣка въ ней оставалось всего три престарѣлыхъ монаха, изъ которыхъ одинъ быль къ тому же слѣпой.

Своимъ возрожденіемъ обитель обязана знаменитому Московскому митрополиту Платону, въ вѣдѣніе котораго она поступила въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Обѣзжая въ 1796 году свою епархію, онъ обратилъ вниманіе на чудесное мѣстоположеніе Оптиної Пустыни, нашель его очень удобнымъ для пустынножительства и рѣшиль принять мѣры къ благоустроенію обители. Призвавъ къ себѣ настоятеля Пѣсношскаго монастыря о. Макарія, бывшаго ученикомъ знаменитаго Молдавскаго старца Паисія Величковскаго, митрополитъ потребовалъ отъ него способнаго и добросовѣстнаго человѣка, котораго онъ могъ бы послать настоятелемъ въ Оптину Пустынъ. Отецъ Макарій отвѣтилъ: «Да у меня нѣть такихъ, Владыко святый! – А вотъ развѣ дать тебѣ огородника Авраамія?» – прибавилъ онъ, подумавши. Подъ предлогомъ производства покупокъ въ городѣ Авраамій быль доставленъ въ Москву и представленъ митрополиту. Онъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Владыку и немедленно же быль отправленъ приводить въ порядокъ Оптину Пустынъ. Неохотно принялъ на себя эту обязанность о. Авраамій. Прискорбно было ему разставаться со своимъ огороднымъ одиночествомъ. Но дѣлать было нечего – приходилось покориться. Прибывъ въ Оптину, о. Авраамій нашель тамъ крайнее запустѣніе. «Не было полотенца

рукъ обтиратъ служащему, а помочь горю и скудости было нечѣмъ; я плакалъ да молился, молился да пла-
калъ».

Проживши въ обители два мѣсяца и не видя ни отку-
да помощи, о. Авраамій упалъ духомъ. Онъ отправился
на Пѣсношь къ о. Макарію и сталъ просить своего быв-
шаго настоятеля снять съ него непосильное бремя
управлениія Оптиної Пустынью.

Отець Макарій успокоилъ его и при помощи знако-
мыхъ помѣщиковъ снабдилъ множествомъ необходи-
мыхъ для обители вещей, а также дать ему нѣсколько
добрыхъ помощниковъ изъ числа братій своего монас-
тыря. Послѣ этого дѣло пошло иначе, и мало-помалу
обитель начала приходить въ благоустройство. Отець
Авраамій управлялъ Оптиної Пустынью 20 лѣтъ, онъ
отдалъ ей всю свою душу и положилъ твердое осно-
ваніе ея послѣдующему благосостоянію духовному и
матеріальному.

Послѣ митрополита Платона очень много добра
сдѣлалъ Оптиної Пустыни епископъ Филаретъ, быв-
шій впослѣдствіі митрополитомъ Кіевскимъ. При
немъ, въ настоятельство о. игумена Даніила, положе-
но было въ 1821 году основаніе Іоанно-Предтеченско-
му скиту при Оптиної Пустыни, и привлечены были
въ обитель для устроенія Скита братья-подвижники
о. Моісей и о. Антоній (Путиловы). О дѣятельности
этихъ замѣчательныхъ иноковъ, приведшей къ разцвѣ-
ту монашеской жизни въ обители, намъ придется еще
говорить въ другомъ мѣстѣ, а потому, не распостраняясь
о нихъ здѣсь, перейдемъ къ описанію виѣшняго

вида Оптиної Пустыни и производимаго ею впечатлѣнія.

Оптина Пустынь расположена на правомъ берегу глубокой, хотя и не широкой рѣки Жиздры, у опушки вѣкового, величественнаго бора, протянувшагося на десятки верстъ кругомъ обители. Откуда бы ни приближался къ обители путникъ – по большой ли почтовой дорогѣ отъ Калуги, по луговому ли или лѣсному берегу отъ Козельска, глухою ли лѣсною дорогою отъ уѣзднаго города Лихвина, обитель производить на него одинаково сильное, неизъяснимо-сладостное, глубоко-умиротворяющее впечатлѣніе. Громадный сосновый боръ напоенъ чуднымъ живительнымъ ароматомъ, который, какъ благоуханіе необъятнаго кадила, возносится къ Престолу Божію. Подъ сводомъ вѣковыхъ сосенъ царить невозмутимая тишина, особенно въ тихій, жаркій лѣтній день. Лишь изрѣдка она нарушается шорохомъ падающей вѣтки, пролетѣвшей птички, пробѣжавшаго звѣрька. Тихо струится при-чудливо-извилистая, зеркально-серебристая въ изумрудной оправѣ береговъ Жиздры. Раскинувшійся на противоположномъ отъ монастыря берегу рѣки широкій лугъ радуетъ взоръ своею свѣжестью, пестротою множества разнообразныхъ цвѣтовъ. Бѣлыя постройки монастыря, синія главы церквей съ ихъ золотыми крестами красиво выступаютъ на темной зелени лѣса.

Виднѣющійся въ сторонѣ живописно расположенный г. Козельскъ оживляетъ мѣстность, не нарушая ея уединенія.

Но воть среди невозмутимой тишины природы раздается вдругъ мягкій звукъ монастырского колокола, и чѣмъ-то роднымъ, близкимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и святымъ, небеснымъ повѣяло въ душу путника. Да, поистинѣ въ этой обители все полно удивительной гармоніи – и лѣсь, и лугъ, и рѣка, и бѣлыя стѣны монастыря, и опрокинувшійся надъ всѣмъ этимъ необозримый небесный сводъ – все охватываетъ душу единымъ, цѣльнымъ впечатлѣніемъ, ставить ее невольно предъ лицомъ Божіимъ, наполняетъ ее отраднымъ чувствомъ умиленія!

Это первое впечатлѣніе не только не ослабляется, но еще болѣе усиливается при вступленіи въ самую обитель. Медленно движущійся паромъ, управляемый спокойнымъ и привѣтливымъ монахомъ, перевозитъ богоомольца съ лугового на лѣсной – монастырскій – берегъ. Сойдя съ парома, богоомлецъ прежде всего видитъ съ правой стороны укрѣпленный на столбѣ образъ Божіей Матери, какъ бы благословляющей вступленіе путника въ посвященную Ей обитель. Обогнувъ довольно обширный фруктовый садъ, путникъ подходитъ къ началу широкой и высокой каменной лѣстницы, ведущей къ Святымъ вратамъ. Вправо и влѣво отъ лѣстницы, съ наружной стороны монастырской ограды, тянутся двухэтажные корпуса монастырской гостиницы. Каменная выбѣленная монастырская ограда охватываетъ обитель широкимъ четыреугольникомъ. Поднявшись по лѣстницѣ, на одной изъ площадокъ которой помѣщается монастырская иконная и книжная лавка, богоомлецъ чрезъ Святыя врата входитъ съ западной стороны во внутренній дворъ обители. Прямо передъ собой онъ видитъ

главный храмъ обители въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, съ придѣлами во имя святителя Николая и преп. Пафнутія, Боровскаго Чудотворца. Направо, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Введенскаго храма, находится храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, а налѣво, къ сѣверу отъ Введенскаго храма, находится храмъ во имя преп. Маріи Египетской и св. праведной Анны, св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго и святителя Амвросія Медіоланскаго, съ очень красивымъ иконостасомъ. На востокъ отъ Введенскаго храма есть еще храмъ – въ честь Владімірской иконы Божіей Матери.

Такимъ образомъ, эти четыре главныхъ храма обители вмѣстѣ съ колокольнею, помѣщающейся надъ Св. вратами, составляютъ правильный четвероконечный крестъ. Вокругъ храмовъ – вдоль ограды – расположены монастырскія зданія: трапезная, братскія келліи и др. Все пространство между храмами занято частію братскими кладбищемъ, частію засажено фруктовыми деревьями.

Если выйти изъ монастырской ограды направо черезъ ворота, находящіяся въ южной сторонѣ ограды, то здѣсь мы увидимъ прекрасно устроенную монастырскую больницу съ храмомъ при ней во имя преп. Иларіона Великаго, а далѣе – къ югу – новое монастырское кладбище, «село скудельниче», по выраженію архимандрита Досиѳея, съ церковью во имя Всѣхъ Святыхъ, за которымъ начинается лѣсъ.

Если выйти изъ монастырской ограды налѣво, черезъ ворота, находящіяся въ сѣверной сторонѣ ограды,

то здѣсь мы найдемъ новый гостиный дворъ, а далѣе прачечную, скотный дворъ, за которыми тянутся монастырские огороды. Наконецъ, если отъ Св. вратъ пройти прямо на востокъ, мимо Введенского храма, и выйти изъ ограды монастыря въ небольшія восточные ворота, то мы вступимъ прямо въ густой лѣсъ, черезъ который ведеть дорожка въ Скитъ, находящійся въ четверти версты отъ монастыря.

Внутри монастырской ограды, послѣ храмовъ, осо-бенное вниманіе посѣтителей обители привлекаетъ къ себѣ братское кладбище.

Здѣсь – въ характерныхъ могильныхъ эпитафіяхъ – изображена интересная и поучительная духовная ис-торія братства обители, исторія внутренней жизни мно-гихъ иноковъ и мірянъ, имѣвшихъ близкое духовное от-ношеніе къ обители.

Читая эти надписи, есть чему поучиться, есть о чёмъ задуматься, есть надъ чѣмъ умилиться!

Вотъ, напримѣръ, рядомъ съ могилою о. Амвросія могила его наставника и предшественника по старче-ству іеросхимонаха Макарія (родомъ изъ орловскихъ дворянъ), надпись на коей гласить, что «онъ дѣломъ и словомъ училь особенно двумъ добродѣтелямъ – сми-ренію и любви». Рядомъ съ о. Макаріемъ похороненъ его предшественникъ по старчеству о. Леонидъ (изъ ка-рачевскихъ гражданъ), который «оставилъ по себѣ па-мять въ сердцахъ многихъ, получившихъ утѣшеніе въ скорбяхъ своихъ». У ногъ этихъ великихъ старцевъ на-ходятся могилы духовныхъ дѣтей о. Макарія – Ивана Васильевича и Петра Васильевича Кирѣевскихъ, столь

известныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія¹. На памятникѣ Ивана Васильевича написано: «Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моей. Познань же, яко не иначе одержу, аще не. Господь дастъ, придохъ ко Господу».

«Узрять кончину премудраго и не уразумѣть, что усовѣтова о немъ Господь».

Чудная надпись, изображающая весь порядокъ духовной жизни подвижника, помѣщена на могилѣ ученика о. Амвросія, скитоначальника іеросхимонаха Анатолія (изъ духовнаго званія): «Терпя потерпѣхъ Господа, и внять ми, и услыша молитву мою. И возведе мя отъ рова страстей, и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы мои. И вложи во уста пѣснь нову, пѣніе Богу нашему». Въ этихъ словахъ псалмопѣвца со всею точностью изображенъ весь путь духовнаго возрастанія христіанина – отъ первоначального пребыванія въ тинѣ страстей до совершенного упоконенія и утвержденія чистымъ сердцемъ въ Господѣ!

На могилѣ схимника Карпа написано: «Схимонахъ Карпъ, внимательный подвижникъ, слѣпецъ, изъ крестьянъ... весь день проводилъ въ тяжеломъ послушаніи, а ночь почти всю въ рукодѣліи и молитвѣ. Кротость, молчаніе съ постояннымъ самоукореніемъ, привѣтливое обращеніе съ братію и непрестанное понужденіе себя на все благое были отличительными чертами сего подвижника».

---

¹ Нынѣ рядомъ съ могилами братьевъ Кирѣевскихъ, у ногъ старца Амвросія, появилась еще одна свѣжая могила – старца о. іеросхимонаха Іосифа, смиреннаго, кроткаго и мудраго ученика великаго Старца.

На могилѣ 22-лѣтняго монаха Гавріила читаемъ: «Въ семилѣтнєе пребываніе свое въ монастырѣ никого не оскорбилъ, жилъ въ обители какъ странникъ, хранилъ молчаніе, былъ послушливъ и почтителенъ ко всѣмъ, кротокъ и благоумиленъ; имѣлъ великое воздержаніе въ пищѣ; къ церкви былъ примѣрно усерденъ; во всемъ открывалъ свою совѣсть предъ старцемъ и неуклонно исполнялъ его совѣты. Болѣзнь свою переносилъ съ терпѣніемъ и благодушіемъ. Скончався вмалъ, исполни лѣта долгаго».

На могилѣ схимонаха Пахомія читаемъ: «Скончался 96 лѣтъ, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ 106 лѣтъ... Съ самыхъ юныхъ лѣтъ до глубокой старости проводилъ странническую христіанскую жизнь, по евангельскому слову, не имѣя, гдѣ главы подклонити. Въ продолженіе своей жизни по нѣскольку разъ посѣтилъ всѣ русскія святыя замѣчательныя мѣста, проживая, гдѣ сколько заблагоразсудится. За 6 лѣтъ до смерти, ослабѣвшіи тѣлесными силами, остался совсѣмъ на жительство въ Оптиної Пустыни, гдѣ и окончилъ тихо дни свои. Былъ неграмотный, но хорошо зналъ житія всѣхъ святыхъ и твердо помнилъ дни празднованія ихъ. Постоянныя молитвы его были: «Богородице, Дѣво, радиусь!» или «Ангель вопіяше Благодатнѣй»... и «Свѣтися, свѣтися, Новый Іерусалиме!», которыя онъ всегда пѣлъ, входя въ дома, посѣщаемые имъ, и выходя изъ нихъ.

Имѣль обычай просить милостынью, но вскорѣ затѣмъ отдавалъ оную другимъ неимущимъ. Говорилъ очень мало, но слова его оправдывались впослѣдствіи

самымъ дѣломъ, чререзъ что многіе имѣли довѣріе и расположение къ нему. На немъ исполнились псаломскія слова: *Живый въ помощи Вышняго, въ кровь Бога небеснаго водворится. На Мя упова, и избавлю и...»*

Далѣе слѣдуютъ столь же выразительныя надписи на могилахъ іеросхимонаховъ Пимена, Саввы и другихъ, которыхъ мы не приводимъ. Въ нихъ заключается много жизненныхъ уроковъ какъ для иноковъ обители, такъ и для мірянъ. Читаешь ихъ, и страница за страницей раскрываются передъ тобою невѣдомые міру, но сохраненные въ назиданіе братіи примѣры святой, богоугодной жизни... И не хочется оторваться отъ этихъ страницъ, не хочется отойти отъ этихъ безмолвныхъ наставниковъ!

Но вотъ ударили къ вечернѣ. Входимъ въ храмъ, куда со всѣхъ сторонъ уже потянулись темныя фигуры иноковъ въ длинныхъ мантіяхъ.

Оптинскіе храмы не поражаютъ ни своими размѣрами, ни своимъ богатствомъ, ни красотою архитектуры. Въ нихъ все въ мѣру, все просто и скромно, но такъ уютно, такъ свѣтло, такъ радостно, что не хочется разставаться съ ними. Богослуженіе совершается уставно и одушевленно. Величественно проходятъ по храму священнослужащіе, распустивъ свои мантіи. Пѣніе не поражаетъ ни витіеватостью, ни громогласіемъ, но въ каждомъ словѣ дышитъ живое чувство и сообщается молящимся. Кто изъ посѣтителей Оптины 90-хъ годовъ XIX столѣтія не помнить особенно игумена Марка, 80-лѣтняго старца, съ юношескимъ одушевленіемъ запѣвавшаго стихиры и ирмосы!

Отчетливое, ясное, вразумительное чтение, прекрасный выборъ поученій дополняютъ красоту оптинской церковной службы.

Перейдемъ теперь изъ монастыря въ Скитъ². Довольно широкая дорожка, проходящая въ чащѣ лѣса, приводить насъ отъ восточныхъ воротъ монастыря къ Святымъ вратамъ Скита, находящимся подъ небольшой колокольней, окрашенной въ розовый цвѣтъ. Скитъ занимаетъ довольно значительное пространство и обнесенъ деревянною оградою на каменныхъ столбахъ съ каменными башнями по угламъ. Справа отъ Св. вратъ виденъ маленький домикъ – это бывшее жилище о. Амвросія. Слѣва отъ Св. вратъ другой такой же домикъ – въ немъ жилъ учитель о. Амвросія о. Маркій.

---

² Для лицъ, незнакомыхъ со строемъ оптинской и вообще монастырской жизни. замѣтимъ, что скитская жизнь по сравненію съ монастырской является болѣе строгой и уединенной. Не говоря уже о томъ, что въ Скиту нѣтъ такого множества богомольцевъ, какъ въ монастырѣ, сами скитскіе братія живутъ гораздо болѣе уединенно, нежели монастырскіе. Въ то время какъ въ монастырѣ церковное богослуженіе совершается ежедневно, въ Скиту оно совершаются лишь по субботамъ и воскреснымъ днямъ, а также и въ нѣкоторые праздники. Въ остальные дни въ скитской церкви лишь вычитывается Псалтирь съ поминовеніемъ благотворителей. Молитвенное правило скитяне совершаютъ у себя по келліямъ, въ которыхъ вообще проводятъ большую часть своего времени въ уединенномъ богомысліи и чтеніи духовныхъ книгъ. Зашедший въ Скитъ посѣтитель рѣдко-рѣдко встрѣтить кого изъ обитателей Скита, и Скитъ производить впечатлѣніе глубокой пустыни. Для отдыха скитяне занимаются у себя по келліямъ ручнымъ трудомъ – переплетнымъ, фулярнымъ, токарнымъ, ложечнымъ и краснописаніемъ (писаніемъ уставомъ). Пищу скитяне употребляютъ во весь годъ постную, кроме Рождества Христова, Пасхи и сплошныхъ недѣль. Для провѣрки себя въ духовномъ отношеніи скитяне должны обращаться какъ можно чаще къ старцу, исповѣдуя ему всѣ самые тончайшіе свои помыслы.

Келлія старца Амвросія въ Іоанно-Предтеченскомъ скиту

Уединенный, окруженный со всѣхъ сторонъ высокимъ лѣсомъ, Скитъ производить глубокое впечатлѣніе на всякаго посѣтителя. Это впечатлѣніе такъ передает-ся однимъ изъ посѣтителей Скита: «Съ благоговѣніемъ, съ непокрытою головою открываетъ богомолецъ тихую, беззвучную дверь и переступаетъ за священный порогъ Скита. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, противъ входа, встрѣчаетъ и привѣтливо зоветъ его къ себѣ скромная, но изящная деревянная церковь.

Едва входить богомолецъ въ Скитъ, какъ его обдаетъ благоуханіе цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ широкой дорожки, тщательно усыпанной желтымъ пескомъ, стоять они цѣлыми семействами отъ входа до церкви, подступаютъ почти къ самому ея порогу, вѣнкомъ окружаютъ храмъ, разбѣгаются по боковымъ тропинкамъ къ трапезѣ, къ келліямъ, къ пасѣкѣ, къ скитскому пруду, къ кедровой аллѣ, къ башнямъ, къ скитскимъ могиламъ.

И среди этой благодати пріютились свѣжія, опрятныя, съ прозрачными, чистыми стеклами келліи скита, съ невысокими крытыми крыльцами, съ спускающимися прямо въ зелень ступеньками, съ галерейками на крыльцахъ и съ бѣлыми деревянными скамьями на галереяхъ. Порядокъ и чистота вездѣ изумительные, а безмолвіе даже поражаетъ своею строгостію. Хотя бы чай-нибудь вздохъ вырвался изъ чьей-либо груди въ этой странѣ безмолвія и изобличилъ, что живутъ же здѣсь живые люди. Но только и звуковъ здѣсь слышится, что за скитской оградой, по гулкому лѣсу, простонеть тоскливо кукованье кукушки, или прорѣжетъ замершій воздухъ скрипучая дробь одинокаго дятла, да изъ отво-

ренныхъ оконъ церкви медленно, звучно прольются и словно замрутъ чистые, полные, сосредоточенные звуки церковныхъ стѣнныхъ часовъ»... Своеобразна и скитская церковь: «Это не обычного устройства храмъ, а скорѣе та евангельская братская храмина, въ которой Спаситель со своими Апостолами раздѣляль свою вече-рю и возвѣщаль свои прощальныи завѣты... При входѣ, въ простыхъ деревянныхъ рубленныхъ сѣняхъ богоомо-лецъ встрѣтить даже деревянное ведро съ водою, съ де-ревяннымъ ковшомъ въ немъ и душистые цвѣты на ок-нахъ, а налѣво отъ входной двери, внутри же храма, устроена крошечная, уютная келлія для скитскаго поно-маря, который тутъ же, при храмѣ, и живеть. Самыя ок-на устроены не такъ, какъ обычно устраиваются они въ церкви: мрачныи, съ желѣзными рѣшетками снаружи, какъ въ тюрьмѣ. Нѣть, это большія, замѣчательно свѣт-лія и, какъ въ домахъ, открывающіяся наружу окна. Стѣны, оклеенныи бѣлой глянцевитой бумагой, смот-рять такъ свѣтло, такъ привѣтливо. По стѣнамъ изрѣдка развѣшаны въ простыхъ крашеныхъ рамахъ, безъ вся-кихъ окладовъ и ненужныхъ укращеній, изображенія древнихъ подвижниковъ съ серыеzнымъ, но благодуш-нымъ выраженіемъ лицъ. Вообще все въ этомъ храмѣ носить характеръ простой братской домашней храми-ны, пред назначенной не для мірскихъ посѣтителей, а именно для своей семейной, уединенной молитвы»³.

---

³ Желающіе большихъ подробностей объ Оптиной Пустыніи и скитѣ при ней найдутъ ихъ въ изданныхъ Оптиной Пустынью „Историческомъ описаніи Козельской Оптиной Пустыніи“ и „Историческомъ описаніи скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящагося при Козель-ской Введенской Оптиной Пустыніи“.

Такова Оптина Пустынь со своимъ Сkitомъ – этотъ поистинѣ благодатный уголокъ русской земли, который нельзя не полюбить, разъ побывавши въ немъ. Однако главное значеніе Оптиної Пустыни заключается не въ ея виѣшнемъ благоустройствѣ и благообразіи, не въ красотѣ ея мѣстоположенія, а въ томъ, что волею Божіею ей суждено было явиться въ XIX столѣтіи средоточіемъ высокаго христіанскаго духа и подвижничества въ лицѣ ея знаменитыхъ старцевъ и настоителей – о. Леонида, о. Макарія, о. Антонія, о. Моисея, о. Амвросія и другихъ, менѣе извѣстныхъ, но напоенныхъ тѣмъ же духомъ подвижниковъ. Чтобы понять характеръ оптинскаго подвижничества, чтобы правильно оцѣнить значеніе Оптиної Пустыни въ духовной жизни русскаго народа, чтобы, наконецъ, ясно представить себѣ ту духовную атмосферу, въ которой духовно возсталъ старецъ о. Амвросій, мы должны сдѣлать краткій историческій очеркъ того духовнаго движенія, которое совершалось въ русскомъ иночествѣ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, и котораго главнымъ дѣятелемъ явился приснопамятный Молдавскій старецъ о. архимандритъ Паисій Величковскій.

Глава VI

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ИНОЧЕСТВѢ И УЧАСТИЕ ВЪ НЕМЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

*Начало премудрости страхъ Господень,
разумъ же благъ всъмъ творящимъ и...
(Пс. 110, 10)*

*Приидите, чада, послушайте мене,
страху Господню научу васъ.
(Пс. 33, 12)*

аслуга старца о. Паисія Величковского заключается не въ томъ, что онъ открылъ какие-либо новые пути иноческаго подвижничества, а въ томъ, что онъ возстановилъ и утвердиль въ сознаніи своихъ многочисленныхъ учениковъ истинный смыслъ монашества, истинную цѣль христіанскаго подвига и указалъ тотъ путь или тотъ способъ, коимъ эта цѣль достигается.

Его ученіе не было его собственнымъ измышленіемъ, а было лишь возстановленіемъ древняго святоотеческаго, подвижническаго ученія, которое о. Паисій извлекъ изъ древнихъ святоотеческихъ книгъ и напом-

ниль своимъ современникамъ, стараясь запечатлѣть его въ умахъ и сердцахъ ихъ своимъ личнымъ примѣромъ.

Старецъ Паисій, основываясь на святоотеческихъ твореніяхъ, училъ, что истинный смыслъ монашества, истинная цѣль христіанской жизни состоять въ томъ, чтобы достигать уподобленія Богу. Внѣшніе подвиги цѣнны не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку они содѣйствуютъ осуществленію вышеуказанной цѣли.

Уподобленіе Богу достигается путемъ непрестаннаго очищенія сердца и напечатлѣнія въ немъ христіанскихъ добродетелей – смиренія, покаянія, кротости, любви, цѣломудрія, молитвы и другихъ.

Чтобы преуспѣвать въ этомъ подвигѣ и не уклоняться на ложный путь, необходимо имѣть опытнаго наставника, имѣть постоянное чистосердечное откровеніе предъ нимъ своихъ помысловъ и довѣрчивое, искреннее ему послушаніе. Если же нѣть такого наставника, тогда необходимо обратиться къ твореніямъ святыхъ отцовъ-подвижниковъ и самому попытаться найти у нихъ для себя жизненное руководство.

Таково ученіе старца Паисія. Что это ученіе есть ученіе святоотеческое, можно подтвердить слѣдующими, напримѣръ, свидѣтельствами св. Отцовъ.

«Все стараніе, весь подвигъ (человѣка), – пишетъ преп. Симеонъ Новый Богословъ, – долженъ быть обращенъ на то, чтобы стяжать духъ Христовъ, и такимъ образомъ приносить плоды Духа Святаго: ибо въ этомъ и состоитъ духовный законъ и благобытіе»⁴.

⁴ Слова преп. Симеона, Нового Богослова, въ переводѣ еп. Феофана. Т. 1. Слово 2. С. 30.

«И въ будущей жизни христіанинъ не будетъ испытуемъ, отрекся ли онъ міра, постился ли, совершаль ли бдѣнія... но будетъ тщательно испытуемъ, имѣть ли онъ какое-либо подобіе Христу, какъ сынъ отцу, какъ говорить и Павель: *Чадца моя, имиже паки болъзную, дондеже вообразится въ васъ Христостъ* (Гал. 4, 19). Подобіе же Христу составляютъ истина, кротость, правда и вмѣстъ съ ними смиреніе и человеколюбие»⁵.

Тотъ же преп. Симеонъ пишетъ о «старчествѣ»: «Надлежитъ со всѣмъ усердіемъ, тщаніемъ и вниманіемъ, со всею бдительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника, или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрѣсти руководителя истиннаго и боголюбиваго, который имѣль бы внутрь себя Христа и точно зналъ ученіе, правила и постановленія св. апостоловъ и догматы св. отцовъ или, лучше сказать, который зналъ бы волю и тайны Самого Владыки и Учителя апостоловъ Христа. Такого учителя надлежитъ намъ взыскать и обрѣсти, который сначала слышалъ бы все это въ словѣ и научился тому со словъ, а потомъ наученъ быль всему таинственно и во истинѣ Самимъ Утѣшителемъ Духомъ черезъ дѣланіе и опытъ; такъ чтобы и онъ сподобился услышать отъ Самого Христа Господа, научившаго Апостоловъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны Царствія Небеснаго*» (Ме. 13, 11)⁶.

⁵ Слова преп. Симеона, Новаго Богослова, въ переводѣ еп. Феофана. Т. 1. Слово 2. С. 31.

⁶ Тамъ же. Слово 11. С. 98.

У преп. Иоанна Лѣствичника читаемъ о старчествѣ: «Прельстились тѣ, которые, возложивъ упованіе на са-михъ себя, сочли, что не имѣютъ нужды ни въ какомъ путеводителѣ»⁷.

«Какъ корабль, имѣющій хорошаго кормчаго, при помоши Божіей, безбѣдно входитъ въ пристань, такъ и душа, имѣя доброго пастыря, удобно восходитъ на небо, хотя и много грѣховъ нѣкогда сдѣлала. Какъ не имѣ-ющій путеводителя удобно заблуждаеть на пути сво-емъ, хотя бы и весьма былъ уменъ, такъ и идущій само-чинно путемъ иночества легко погибаетъ, хотя бы и всю мудрость міра сего зналъ»⁸.

«Кто идеть самочинно, безъ евангельского разума и безъ всякаго наставления, – говоритъ Маркъ Подвиж-никъ, – тотъ много претыкается, впадаетъ во многія ямы и сѣти лукаваго, и во многія впадаетъ бѣды, и не знаетъ, какой конецъ получить. Ибо многіе прошли путь свой со многими трудами, подвижничествомъ и злостраданіемъ, и многіе труды претерпѣли Бога ради; но самочиніе, неразсужденіе и то, что они не искали отъ ближняго наставлений, содѣлало таковые труды ихъ тщетными»⁹.

У преп. Кассіана Римлянина читаемъ слѣдующее: «Разсудительность есть даръ Божій, который, одна-коже, надлежить развивать и воспитывать. Какъ? Отда-вая все свое на разсужденіе опытнѣйшихъ отцовъ. Это

---

⁷ Лѣствица. Изд. Козельской Введенской Пустыни. С. 4.

⁸ Тамъ же. С. 251.

⁹ Преп. Марка Подвижника нравственно-подвижническія слова. С. 278.

самая мудрая школа разсудительности, въ которой научаются добръ разсуждать о достодолжномъ даже и такіе, которые не имѣютъ къ тому особой способности...

Пріобрѣтается истинная разсудительность истиннымъ смиреніемъ, коею первымъ доказательствомъ служить – открывать отцамъ не только то, что дѣлаемъ, но и то, о чёмъ думаемъ, ни въ чёмъ не довѣряясь своему помыслу, но во всемъ слѣдовать наставленіямъ старцевъ и считать хорошимъ или худымъ только то, что они признаютъ таковымъ. Такое дѣйствованіе и способствуетъ безопасно пребывать на правомъ пути и охранять отъ всѣхъ сѣтей діавольскихъ.

Тому, кто свою жизнь располагаетъ не по своему сужденію, а по совѣту преуспѣвшихъ, невозможно пасть отъ прельщенія бѣсовскаго. Такъ преданіе разсужденію отцовъ своихъ помысловъ замѣняетъ свою разсудительность и научаетъ ей! Врагъ не любить свѣта; почему откровеніе злыхъ помысловъ тотчасъ, какъ они открываемы бываютъ, разгоняетъ ихъ и истребляетъ. Какъ змѣя, извлеченная изъ темной норы на свѣтъ, старается убѣжать и скрыться, такъ и злые помыслы, будучи обнаружены откровеннымъ признаніемъ и исповѣдью, стараются бѣжать отъ человѣка. Это подтверждается многими и премногими примѣрами и опытами»¹⁰.

О плодахъ послушанія преп. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ въ 4-мъ словѣ слѣдующее: «Отъ послушанія рождается смиреніе, отъ смиренія же разсужденіе... отъ

¹⁰ Добротолюбіе въ рус. пер. Т. 2. С. 150. Преп. Кассіана Римлянина – о руководствѣ въ духовной жизни.

разсуждения – разсмотрѣніе, а отъ сего прозрѣніе. Кто же не пожелаетъ идти добрымъ путемъ послушанія, видя, что отъ него проис текаютъ такія блага?»¹¹

Онъ же пишеть: «Пользу послушанія возвѣстять тебѣ тѣ, которые отпали отъ него; ибо они тогда только узнали, на какомъ стояли нѣбѣ»¹².

Изъ многихъ святоотеческихъ наставлений объ истинной цѣли жизни христіанской и монашеской, а также и о «старчествѣ», мы привели лишь немногія¹³, но и изъ нихъ видно, что учение старца Паисія основывалось всецѣло на святоотеческомъ ученіи.

Впрочемъ, какъ показываетъ жизнеописаніе этого старца, ему пришлось употребить много усилий и труда, прежде чѣмъ онъ достигъ яснаго познанія истины, утратившейся къ тому времени въ сознаніи иноковъ.

О. Паисій Величковскій былъ уроженцемъ Малороссіи. Онъ родился въ г. Полтавѣ въ 1722 году въ семье соборнаго священника, въ мірѣ именовался Петромъ, образованіе получилъ въ Киевскомъ духовномъ училищѣ.

Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ проникнутъ горячею любовью къ Богу и горѣль желаніемъ всего себя посвятить Ему. Увлекаемый этимъ желаніемъ, онъ, не окончивъ курса духовнаго училища, поступилъ въ Любечскій монастырь, откуда потомъ перешелъ въ другіе малоруссскіе

¹¹ Лѣствица. С. 58.

¹² Тамъ же. С. 66.

¹³ Желающіе познакомиться съ ними болѣе подробно найдутъ ихъ въ твореніяхъ аввы Дорофея, Иоанна Лѣствичника, Симеона Нового Богослова, въ Добротолюбіи, а также въ сборникѣ писемъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія, особенно въ 4-й части – къ монахинямъ.

монастыри. Переходя изъ монастыря въ монастырь, онъ вездѣ искалъ человѣка, который бы научилъ его истинному монашескому житію, и, не находя такового, отправился въ Молдавію и Валахію, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ обителяхъ, пользуясь совѣтами и руководствомъ лучшихъ по жизни молдавскихъ иноковъ. Сердце его все болѣе и болѣе разгоралось любовью къ Богу, а между тѣмъ онъ продолжалъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ, такъ какъ не находилъ себѣ желаемаго наставника духовной жизни. Наконецъ, онъ удалился на Аѳонъ, гдѣ, обойдя нѣкоторыя обители, поселился въ совершенномъ одиночествѣ. Ему было въ это время 25 лѣтъ. Онъ жилъ въ крайней нестяжательности: у него не было даже рубашки; быль только подрясникъ и очень ветхая, вся въ заплатахъ ряса. Время его проходило въ молитвѣ и въ чтеніи святоотеческихъ книгъ, которыхъ онъ доставалъ въ сосѣднихъ обителяхъ.

Въ это время его нашелъ одинъ молодой инокъ по имени Виссаріонъ и умолялъ его позволить ему поселиться съ нимъ и быть его ученикомъ.

Замѣчательенъ отвѣтъ о. Паисія, данный имъ Виссаріону: «Братъ! О горестномъ дѣлѣ понуждаешь ты меня говорить тебѣ... Ибо и я также съ великимъ тщаніемъ и скорбю искалъ наставника, и не нашелъ. И много скорбей претерпѣлъ я, да и теперь еще терплю. Спасеніе души, котораго ты ищешь, не можетъ быть съ удобствомъ совершаemo иначе, какъ черезъ истиннаго духовнаго наставника, который и самъ понуждаетъ себя исполнить всѣ заповѣди Господни. Ибо какъ можетъ кто наставлять другого на путь, которымъ самъ не хо-

диль? Должно прежде самому подвизаться до крови противъ всѣхъ страстей душевныхъ и тѣлесныхъ, побѣдить при помоши Христовой похоть и ярость, гордость, сластолюбіе, славолюбіе и сребролюбіе, чтобы научиться и другихъ врачевать и наставлять ихъ на заповѣди Божіи... Такого, братъ, слѣдовало бы намъ найти себѣ наставника, но увы! Какое наше время! Предвидя духомъ Божіимъ это злополучное время, богоносные отцы, изъ жалости къ намъ, оставили намъ святыя свои писанія, въ которыхъ мы и должны съ великою заботливостью и со многими слезами день и ночь поучаться!»

Слѣдя этому правилу, внимательно изучая творенія отцовъ-подвижниковъ и осуществляя самимъ дѣломъ ихъ наставленія, о. Паисій достигалъ постепенно все большей и большей опытности, такъ что въ скоромъ времени былъ замѣченъ многими искателями христіанской мудрости, которые, поселившись около него, неотступно просили его быть ихъ руководителемъ на пути ко спасенію. Отецъ Паисій долго отказывался, но наконецъ долженъ былъ уступить ихъ просьбамъ, и, такимъ образомъ, около него возникло общество его учениковъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ перѣхалъ со своимъ братствомъ въ Валахію и поселился сначала въ монастырѣ Драгомирнѣ, а затѣмъ въ монастырѣ Нямецъ, которымъ и управлялъ до самой своей кончины въ 1794 году 15 ноября.

Съ того времени, какъ о. Паисій сталъ во главѣ духовнаго братства иноковъ, онъ всѣ свои заботы направилъ на осуществленіе въ жизни братства святоотече-

скихъ подвижническихъ завѣтовъ. Цѣлью иноческихъ подвиговъ онъ поставилъ, какъ мы сказали выше, духовное возрастаніе во Христѣ, а средствомъ къ достижению этой цѣли «путь старчества», т. е. путь искренняго откровенія помысловъ со стороны учениковъ и любящаго руководства со стороны наставниковъ. По заповѣденному имъ порядку всѣ братія должны были всякий вечеръ открывать свои помыслы духовнымъ отцамъ. Если между братіями возникало неудовольствіе, то оно должно было въ тотъ же день прекращено примиреніемъ. Если же кто не хотѣлъ мириться, старецъ подвергалъ его отлученію, чтобы онъ и на порогъ церковный не вступалъ, и молитву «Отче нашъ» не читалъ, пока не помирится. Чтобы лучше ознакомить братію съ истинною задачею подвижничества, о. Паисій считалъ необходимымъ для нея постоянное и внимательное изученіе святоотеческихъ подвижническихъ твореній. Одна изъ величайшихъ заслугъ о. Паисія не только для русского монашества, но и для всего русского православнаго общества состоить въ томъ, что онъ съ большимъ трудомъ и съ большими издержками собралъ древніе славянскіе, а также молдавскіе переводы и греческіе подлинники святоотеческихъ твореній, тщательно свѣряя ихъ другъ съ другомъ, исправляя, а иногда и съ большимъ искусствомъ переводить ихъ сызнова на церковно-славянскій языкъ. Этого своего труда онъ не оставляя до самой своей кончины. Когда онъ уже не могъ вставать съ постели, онъ на кровати обкладывался кругомъ книгами; тутъ у него лежали словари, Біблія греческая и славянская, грамматика греческая и славян-

нская и книга, которую онъ переводилъ; а среди книгъ стояли зажженныя свѣчи. Самъ же онъ, согнувшись, писаль по цѣлымъ ночамъ, забывая и немощь тѣла, и тяжкія болѣзни и труды.

Когда наступалъ Рождественскій постъ, всѣ братія обители о. Паисія ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, собирались по вечерамъ въ трапезу. Зажигались свѣчи. Приходилъ старецъ. Онъ садился на обычномъ своемъ мѣстѣ и начиналъ чтеніе переведенныхъ имъ святоотеческихъ твореній: св. Василія Великаго, Іоанна Лѣстничника, аввы Дороѳея, Феодора Студита или же Симеона Новаго Богослова. Братія слушали съ глубокимъ вниманіемъ. Такія чтенія продолжались всю зиму, до Лазаревой субботы. Читая книгу, старецъ въ то же время толковалъ ее, приводя свидѣтельства изъ Священнаго Писанія обоихъ Завѣтovъ и изъ ученія святыхъ Отцовъ Церкви. И онъ имѣлъ такой даръ, что своими словами могъ одушевлять самаго унылагао, утѣшить самаго печального и возбудить въ каждомъ усердіе ко спасенію. Такимъ образомъ, обитель о. Паисія являлась поистинѣ школою духовной жизни, гдѣ и словомъ и дѣломъ братія наставлялись въ правилахъ истинно-христіанскаго подвижничества. Особенное вниманіе старецъ обращалъ на укрѣпленіе въ своихъ духовныхъ дѣтяхъ чувства братской любви и милосердія. Въ Нямцѣ онъ устроилъ больницу и пріютъ для странниковъ. Туда онъ помѣщалъ и своихъ престарѣлыхъ братій и постороннихъ – хромыхъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ. Служителямъ приказывалъ прислуживать больнымъ, какъ Господу, каждую субботу мыть

имъ головы и перемѣнять сорочки, слѣдить за чистотою постелей и кроватей, а лѣтомъ провѣтривать ихъ одежды на солнцѣ.

Долголѣтніе и неустанные труды о. Паисія не остались безплодными. Его имя скоро стало извѣстно не только на Аeonѣ и въ Валахіи, но и въ Россіи. Онъ вель обширную переписку со многими русскими иноками и священниками. Цѣлый сонмъ подготовленныхъ имъ, имъ воспитанныхъ учениковъ-старцевъ, снабженныхъ рукописями его переводовъ, направился изъ его обители въ Россію, разошелся здѣсь по многимъ обителямъ и влиль свѣжую, живую струю въ жизнь русскаго иночества. Сдѣланный имъ переводъ святоотеческихъ твореній, книга Добротолюбіе, заинтересовалъ С. Петербургскаго митрополита Гавріила, и по просьбѣ послѣдняго ученикъ старца Аѳанасій доставилъ ему и эту книгу, и ея греческій подлинникъ. По распоряженію митрополита книга была напечатана въ С. Петербургѣ въ 1793 году, а затѣмъ выпущена послѣдующими изданіями при митрополитѣ Московскому Филаретѣ въ 1822 и въ 1832 годахъ. Кромѣ Добротолюбія о. Паисій перевѣль еще книгу великаго наставника внутренней жизни св. Исаака Сирина и нѣкоторыя другія. Всѣ эти переводы о. Паисія распространялись въ рукописяхъ среди русскихъ иноковъ, тщательно переписывались, съ усердіемъ изучались и укрѣпляли въ инокахъ стремленіе къ духовной жизни, къ духовному совершенствованію.

Изъ учениковъ о. Паисія, жившихъ въ Россіи, упомянемъ нѣкоторыхъ, имѣвшихъ отношеніе къ Оптиної Пустыні. Таковы:

1) Архимандритъ Софоніевої пустыни Феодосій. Съ нимъ впослѣдствіи имѣлъ общеніе о. Макарій Оптинскій.

2) Клеопа, жившій въ обителяхъ Островской и Тих-винской и въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Онъ оставилъ многихъ учениковъ, изъ которыхъ особенно замѣчательенъ строитель Пѣсношской обители Макарій, самъ бывшій въ перепискѣ съ о. Паисіемъ и поставившій въ Оптину Пустынь своего замѣчательнаго ученика Авраамія, о которомъ было сказано выше.

3) Новоспасскіе иноки Александръ и Филаретъ. Они имѣли духовное общеніе съ о. Паисіемъ и оказали сильное духовное вліяніе на будущихъ оптинскихъ иноковъ Моисея и Антонія (Путиловыхъ), о которыхъ скажемъ ниже.

4) Аѳанасій (изъ сенатскихъ секретарей), доставив-ший митрополиту Гавріилу Паисіевъ переводъ Добротолюбія, подвизавшійся потомъ съ нѣкоторыми другими Паисіевыми учениками въ Свѣнскомъ монастырѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жилъ одно время и вышеупомянутый Моисей.

5) Другой іеромонахъ Клеопа и его другъ схимонахъ Феодоръ, много лѣтъ жившіе въ обители о. Паисія, принявши отъ него постриженіе и имъ основательно утвержденные въ духовной жизни. Въ Россію они пришли въ 1801 году. Съ ними сблизился и подъ ихъ руководствомъ возросъ знаменитый – впослѣдствіи первый старецъ Оптинскій – іеросхимонахъ Левъ, или Леонидъ (Наголкинъ).

6) Другой схимонахъ Аѳанасій (бывшій ротмістръ гусарскаго полка), жившій при старцѣ Паисіи сѣмь лѣтъ, перешедшій въ Россію въ 1777 году и скончавшійся въ Площанской пустыни Орловской епархіи, гдѣ подъ его духовнымъ руководствомъ возрасталь другой Оптинскій старець – іеросхимонахъ Макарій (Ивановъ).

Изъ этого краткаго перечня учениковъ о. Паисія видно, какую широкую духовную сѣть раскинуль онъ по землѣ русской. Въ эту-то сѣть и попали тѣ лица, коимъ суждено было положить начало духовной жизни по звѣтамъ о. Паисія въ Оптиної Пустыни. Не считая вышеупомянутаго Авраамія, лица эти были слѣдующія: Моисей и Антоній (Путиловы), Леонидъ (Наголкинъ) и Макарій (Ивановъ). Объ нихъ-то мы теперь и должны сказать подробнѣе.

Сынъ серпуховскаго купца Тимоѳей Ивановичъ Путиловъ (такъ назывался въ мірѣ о. Моисей) выросъ въ семье, отличавшійся строгимъ благочестіемъ, и самъ былъ очень благочестивъ. 19 лѣтъ онъ поступилъ на службу въ Москву по торговому дѣлу. Здѣсь онъ все свое свободное время проводилъ въ чтеніи Свящ. Писанія и любилъ бывать у людей высокой духовной жизни. На него оказали сильное вліяніе иноки Ивановскаго монастыря Досиоія и новоспасскіе иноки Александръ и Филаретъ, державшіеся, какъ мы уже сказали, Паисіевой закваски. Слушая ихъ бесѣды, Тимоѳей и самъ разгорался жаждою всецѣлой жизни въ Богѣ и наконецъ вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Іоною ушелъ въ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время подви-

зался о. Серафимъ Саровскій. Іона здѣсь и остался на-всегда, а Тимоѳею Господъ судиль перейти въ Свѣнскій монастырь, гдѣ къ тому времени собрались многіе изъ учениковъ Паисіевыхъ – иноки Аѳанасій, Серафимъ, Василій и др., къ обществу которыхъ и примкнулъ Тимоѳей. Прослышавъ, что въ непроходимыхъ Рославль-скихъ лѣсахъ Смоленской губерніи поселилась въ от-дѣльныхъ келліяхъ другая группа учениковъ старца Паисія, Тимоѳей возгорѣлся желаніемъ раздѣлить ихъ образъ жизни и въ 1811 году перешель къ нимъ. Здѣсь онъ принялъ постриженіе съ именемъ Моисея и цѣлыхъ десять лѣтъ жилъ совершеннымъ отшельникомъ, по по-добію древнихъ пустыножителей, подъ руководствомъ старцевъ Аѳанасія, Досиоія и Дороѳея.

Время его проходило въ молитвѣ, въ чтеніи и списы-ваніи святоотеческихъ книгъ Паисіева перевода. Еще будучи въ Свѣнскомъ монастырѣ, онъ переписаль для себя полууставомъ съ перевода о. Паисія книгу св. Іоан-на Лѣствичника и житіе преп. Симеона Нового Богосло-ва. Въ Рославльскомъ лѣсу, у старца Аѳанасія, онъ на-шелъ много другихъ переводовъ о. Паисія, которыми также поспѣшилъ воспользоваться для своего духовна-го назиданія. Въ 1816 году къ нему переселился его другой младшій братъ, Александръ, который вскорѣ былъ также постриженъ въ иночество съ именемъ Ан-тонія.

Чтобы показать читателю, какими мыслями и чувствами были проникнуты юные подвижники въ ихъ лѣсномъ уединеніи, приведемъ отрывокъ изъ письма о. Моисея къ брату – тогда еще мірянину – Александр-

ру, письма, написанного о. Моисеем послѣ возвращенія изъ поѣздки въ Москву въ свое лѣсное убѣжище. «Достигши своего пустыннаго гнѣзда, желаль и спѣшилъ душою скорѣе сообщить вамъ мои строки... Можно сказать, что какъ послѣ трудовъ сладокъ покой, такъ и по окончаніи странствованія и бывшей при этомъ разсѣянности очень пріятно быть въ пристанищѣ тихаго уединенія. Собственный опытъ при этомъ открываетъ, что находясь въ кругу предметовъ, занимающихъ зрѣніе, вкусъ, слухъ и всѣ чувства, не можетъ уже быть столь сладко мысленное занятіе въ памяти Бога и поученіе святого закона Его. Удаленіемъ же отъ міра освободившись отъ чувственныхъ встрѣчъ, увлекающихъ умъ и мысли, все духовное занятіе становится живѣе, сладостнѣе, потому что умъ, освободясь отъ случаевъ къ разсѣянію, начинаетъ собираться къ себѣ, а чрезъ то и душа начинаетъ чувствовать присутствіе Божіе, благоговѣйный къ Нему страхъ и любовь ощущительнѣе...

Для того-то намъ, желающимъ спасенія Божія, но имѣющимъ немощное и испорченное грѣхомъ естество, весьма хороши, легокъ и дѣйствителенъ способъ къ покаянію – удаленіе отъ свѣта. Умъ, черезъ уединеніе и вниманіе собираясь къ себѣ, видитъ исходящія отъ сердца и къ нему приходящія противныя мысли, а видѣвши, разумѣеть свою нечистоту и, не терпя оной, по-нуждастся къ очищенію. Очищать же и противоборствовать имъ, будучи самъ собою не въ силахъ, узнаетъ на опытъ немощь свою и окаянство и совершенную нужду въ Спасителѣ-Христѣ. Для того, взыскивая помо-

щи Христової, обращається къ Всемогущей силѣ Его, какъ немощный въ собственномъ разумѣ своеи и силѣ. Призыває всеблагое и всесильное имя Іисусово, съ искреннимъ самого себя умаленіемъ, охужденіемъ и сердечною печалію, да очистить, укрѣпить и подастъ руку спасенія. И такимъ образомъ, по узнаніи прежде окаянства своего и немощи, узнаетъ потомъ и спасеніе Божіе, заступающее во время браніи внутренней. Ибо близъ Господь въсѧмъ призывающиимъ Его во истинѣ (Пс. 144, 18) и сокрушенные духомъ спасеть. Узнавши же сіе спасеніе въ чувствѣ сердца, радуется какъ о полученномъ облегченіи отъ находящихъ нечистыхъ по-мысловъ, такъ особенно о благости Божіей и Промыслѣ Его, соприсутствующемъ ему и спасающемъ. А черезъ то входить въ живую вѣру достовѣрнымъ ощущеніемъ въ себѣ силы не своей, но Христової, почему со сладостію сердечной особенно привергаетъ себя къ Спасителю и предаетъ всего себя Ему, съ несомнѣннымъ на Него упованіемъ и любовью. Сіе преданіе себя и сердечное упованіе сообщаетъ душѣ превосходный миръ и радость, составляющіе внутреннее царствіе Божіе, кото-раго Христосъ Спаситель прежде всего искать намъ повелѣваетъ. И оно-то поистинѣ есть полное и удовлет-ворительнѣйшее для человѣка блаженство, такъ что все прочее чувственное благо, желаемое свѣту, представля-ется уже слишкомъ грубымъ, ничего не значащимъ и не стоящимъ никакого исканія.

Все сіе при начатіи письма пришло мнѣ на умъ на-писать не потому, чтобы я точно въ такомъ быль теперь устроеніи духа, но отчасти познавая ходъ внутренней

жизни въ безмолвії, которое привлекаетъ душу ради истиннаго покаянія»...

Изъ этого письма видно, что главное внимание о. Моисея и его духовныхъ друзей было обращено на внутреннее состояніе своего сердца, причемъ онъ, пользуясь, безъ сомнѣнія, совѣтами своихъ старцевъ и указаніями святоотеческихъ книгъ, тонко подмѣчалъ особенности этого состоянія и опредѣлялъ точный путь, приводящій человѣка къ живому познанію Бога, черезъ ясное сознаніе своихъ немощей и ощущеніе въ себѣ самомъ очевидной помощи свыше. При такомъ духовномъ устроеніи Моисей, какъ видно, былъ уже достаточно подготовленъ къ тому, чтобы стать руководителемъ и другихъ людей по пути къ духовному спасенію. И дѣйствительно, въ скоромъ времени въ его внѣшнемъ положеніи совершилась большая перемѣна. Въ Оптиной Пустыни въ началѣ XIX вѣка жилъ одинъ подвижникъ высокой жизни, также изъ учениковъ Паисіевыхъ, о. Феофанъ. Онъ былъ друженъ съ о. Моисеемъ. Черезъ о. Феофана о. Моисей сталъ извѣстенъ настоятелю Оптиной Пустыни о. игумену Даніилу. Какъ разъ въ это время преосвященный Калужскій епископъ Филаретъ съ цѣлью дать желающимъ инокамъ Оптиной Пустыни возможность болѣе уединенной и созерцательной жизни задумалъ учредить при обители скитъ. Настоятель Пустыни представилъ Преосвященному о. Моисея, какъ человѣка могущаго послужить осуществленію этого дѣла. Преосвященный принялъ о. Моисея очень благосклонно, – и 6 юна 1821 года группа рославльскихъ отшельниковъ, имѣя во главѣ о. Моисея, прибыла въ

Оптину Пустынь и, съ благословенія преосв. Филарета, принялась за устройство скита, который въ скромъ времени и былъ устроенъ и освященъ. Отецъ Моисей былъ назначенъ первымъ начальникомъ Скита.

Въ 1825 году, когда освободилось мѣсто настоятеля Оптиної Пустыни, о. Моисей былъ перемѣщенъ на эту должность, а начальникомъ Скита былъ назначенъ его братъ о. Антоній, который и несъ эту обязанность до 1839 года, когда въ свою очередь получилъ иное назначеніе¹⁴. Отецъ же Моисей оставался настоятелемъ Оптиної Пустыни до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1862 году.

Сдѣлавшись настоятелемъ Оптиної Пустыни, о. Моисей, воспитанный въ завѣтахъ старца Паисія, желалъ насадить и въ Оптиної Пустыни тотъ порядокъ духовной жизни, который о. Паисій завѣщалъ своимъ ученикамъ, т. е. порядокъ «старчества». Но самъ о. Моисей и по своимъ многосложнымъ обязанностямъ настоятеля обители, и по другимъ соображеніямъ не могъ быть «старцемъ» для своей братіи. Надо было подыскать такого человѣка, который, не занимая офиціального положенія въ обители, могъ бы по своимъ высокимъ личнымъ качествамъ, и по своей духовной опытности, и по своему знанію пути «старчества» привлечь къ себѣ довѣріе, любовь и уваженіе братіи и стать во главѣ ея духовнаго подвига. Такого именно че-

¹⁴ О. Антоній (Путиловъ) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ по движниковъ Оптиної Пустыни. О немъ см.: Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря игумена Антонія. Изд. Козельской Введенской Оптиної Пустыни. Москва, 1870 г.

ловъка Господь вскорѣ и послалъ о. Моисею. Это быль о. Леонидъ (въ схимѣ Левъ) Наголкинъ, знаменитый, первый въ ряду великихъ Оптинскихъ старцевъ.

Отець Леонидъ родился въ 1768 году въ г. Карабевѣ Орловской губерніи. Въ молодости онъ занимался торговлею и въ должности купеческаго приказчика обѣз-дилъ многіе уголки Россіи, повсюду вступая въ сно-шенія съ людьми всякихъ званій и состояній, такъ что еще въ молодости пріобрѣль большое знаніе людей и жизненную опытность.

Въ 1797 году онъ оставилъ міръ и поступилъ въ Оп-тину Пустынь, но пробылъ здѣсь на этотъ разъ недолго. Скоро онъ перешелъ изъ Оптиной Пустыни въ Бѣлобе-режскую, подъ руководство одного изъ вышеупомяну-тыхъ учениковъ старца Паисія – Василія Кишкина. Въ 1804 г. о. Леонидъ быль избранъ настоятелемъ Бѣлобе-режской Пустыни, но, тяготясь этимъ званіемъ, онъ въ 1808 году оставилъ настоятельство и, вмѣстѣ съ учени-ками Паисія – схимонахомъ Феодоромъ и Клеопою – поселился въ двухъ верстахъ отъ обители, въ глухомъ лѣсу, въ убогой келліи, гдѣ и проводилъ время въ уеди-ненной молитвѣ, богомысліи и изученіи святоотече-скихъ твореній. Проживши здѣсь нѣкоторое время, друзья нашли необходимымъ перебраться на далекій сѣверъ. Сначала о. Феодоръ, а за нимъ о. Леонидъ и о. Клеопа переселяются на Валаамъ, гдѣ и подвизаются въ теченіе шести лѣтъ. По выраженію одного тамошня-го юродиваго, они «торговали хорошо», т. е. и сами пре-успѣвали и другихъ вели впередъ по духовному пути. Однако здѣсь ихъ ожидало испытаніе. Нѣкоторые вала-

амські іноки і даже самъ настоятель весьма смущились тѣмъ, что они, будучи схимниками, все время проводили съ народомъ, бесѣдуя о спасеніи души. По ихъ мнѣнію, такой образъ жизни не подобалъ схимникамъ. Смущало ихъ и ученіе старцевъ объ откровеніи помысловъ и о внутреннемъ дѣланіи. И вотъ они наконецъ послали доносъ Петербургскому митрополиту Амвросію, обвиняя старцевъ въ томъ, что они будто бы проповѣдуютъ ересь. Было произведено дознаніе, и старцы были оправданы. Но оставаться имъ послѣ этого на Валаамѣ было уже неудобно, и въ 1817 году они переселились въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ были замѣчены Императоромъ Александромъ Благословеннымъ. Здѣсь въ 1822 году схимонахъ Феодоръ скончался, а о. Леонидъ, потерявъ своего духовнаго друга и наставника, рѣшилъ возвратиться въ родныя мѣста, на югъ. Нѣкоторое время онъ прожилъ въ Площанской пустыніи Орловской губерніи, гдѣ сблизился духовно съ тамошнимъ подвижникомъ іеромонахомъ Макаріемъ (Ивановымъ), а затѣмъ, по приглашенію о. Моисея, переселился въ апрѣль 1829 года въ Оптину Пустынью, гдѣ и прожилъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1841 году.

Въ лицѣ о. Моисея нашель истиннаго старца для своей обители. Отецъ Леонидъ сталъ душою обители. Не занимая никакого начальственаго положенія, единственно въ силу своихъ высокихъ дарованій и громаднаго жизненнаго опыта, онъ сталъ духовнымъ руководителемъ Оптинскаго братства. Безъ благословенія Старца никто изъ его духовныхъ дѣтей не дѣлалъ

ни одного шага въ своей жизни. Ежедневно вечеромъ къ его келліи стекались братія съ цѣлію открыть ему свою душу за истекшій день и получить полезное указаніе или утѣшеніе. За братіей потянулись міряне. Изъ городовъ и селеній стали являться всякаго званія люди – дворяне, купцы, мѣщане и крестьяне обоего пола. Всѣ прослышали о его мудрости и прозорливости, всѣ вѣрили и на себѣ испытывали силу его молитвы. Отказа никому не было. Двери келліи Старца ни передъ кѣмъ не закрывались. Всѣ были принимаемы Старцемъ съ отеческимъ расположениемъ и любовью, и никто не выходилъ изъ его келліи неутѣшеннymъ.

Любопытную картину келейной жизни Старца и его отношеній къ посѣтителямъ рисуетъ извѣстный странникъ инокъ Пароеній, посѣтившій о. Леонида незадолго уже до его кончины.

«Войдя въ келлію, – пишетъ онъ, – я убоялся и вострепеталъ. Ибо почти полная была келлія людей разнаго званія: господъ, купцовъ и простыхъ; и всѣ стоять на колѣнахъ со страхомъ и трепетомъ, какъ предъ грознымъ судіею, и каждый ожидаетъ себѣ отвѣта и наставленія; и я также, позади всѣхъ, паль на колѣна. Старецъ же сидить на кроваткѣ и плететь поясъ. Это было его рукодѣліе – плести пояски и давать посѣтителямъ въ благословеніе... Между этими людьми стояль предъ Старцемъ на колѣнахъ одинъ господинъ, пріѣхавшій на поклоненіе въ обитель и для посѣщенія великаго Старца. Старецъ спросиль его: «А ты что хочешь отъ меня получить?» Тотъ со слезами отвѣтилъ: «Желаю, отче, получить отъ васъ душеполезное наставленіе!» Стат-

рець вопросиЛЬ: «А исполниЛъ ли ты то, что я тебе
прежде приказаLъ?» Тотъ отвѣтиLъ: «Нѣть, отче свя-
тый, не могу того исполнить!» Старецъ сказаLъ: «За-
чѣмъ же ты, не исполнивши перваго, пришелъ еще и
другого просить?» Потомъ грозно сказаLъ ученикамъ
своимъ: «Вытолкайте его вонъ изъ келліи». И они вы-
гнали его вонъ.

Я и всѣ тамъ бывши испугались такого строгаго
поступка и наказанія. Но Старецъ самъ не смутился и
продолжаLъ кротко бесѣдоватъ съ прочими и отпускать
людей... Потомъ я спросиLъ Старца: «Отче святый, за
что вы такъ весьма строго поступили съ господиномъ?»
Онъ же отвѣчалъ мнѣ: «Отецъ аѳонскій! Я знаю, съ
кѣмъ какъ поступать; онъ рабъ Божій и хочетъ спастиLъ,
но впаль въ одну страсть, привыкъ къ табаку; онъ преж-
де приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ меня о томъ; я при-
казаLъ ему отстать отъ табаку и даль ему заповѣдь бо-
лѣе никогда не употреблять его, и пока не отстанетъ, не
велѣль ему и являться ко мнѣ. Онъ же, не исполнивши
первой заповѣди, еще и за другой пришелъ. Вотъ, лю-
безный отецъ аѳонскій, какъ трудно изъ человѣка ис-
торгать страсти!» Когда мы бесѣдовали, привели къ
нему три женщины одну больную, ума и разсудка ли-
шившуюся, и всѣ три плакали и просили Старца о боль-
ной помолиться. Онъ же надѣль на себя епитрахиль, по-
ложилъ на главу болящей конецъ епитрахили и свои
руки и, прочитавши молитву, трижды перекрестиль гла-
ву больной и приказалъ отвести ее на гостиницу... На
другой день я снова пришелъ къ нему, и онъ снова при-
няLъ меня съ любовію и много со мной бесѣдоваль; по-

тотъ пришли вчерашия женщины, и больная была съ ними, но уже не больная, а совершенно здоровая: онъ пришли благодарить Старца. Видя это, я удивился и сказалъ Старцу: «Отче святый, какъ вы дерзаете творить такія дѣла? Вы славою человѣческою можете погубить всѣ свои труды и подвиги». Онъ же въ отвѣтъ сказалъ мнѣ: «Отець аѳонскій! Я это сотворилъ не своею властію, но это сдѣлалось по вѣрѣ приходящихъ, и действовала благодать Святаго Духа, данная мнѣ при рукоположеніи; а самъ я человѣкъ грѣшный». Потомъ снова приходилъ вчераший господинъ и просилъ у старца прощенія со слезами. Онъ же простилъ и приказалъ исполнить то, что приказано было прежде. Потомъ отпустилъ насъ всѣхъ».

Громадный духовный опытъ и высокій авторитетъ старца о. Леонида видны изъ слѣдующихъ, напримѣръ, случаевъ.

Рассказываютъ, что въ концѣ 20-хъ или 30-хъ годовъ онъ посѣтилъ проѣздомъ Софроніеву пустынью. Въ то время тамъ жиль въ затворѣ іеросхимонахъ Феодосій, котораго многіе почитали духовнымъ мужемъ и прозорливцемъ, такъ какъ онъ предсказалъ и войну 1812 года, и нѣкоторая другія события. Отцу Леониду его устроение показалось сомнительнымъ. Побесѣдовавъ съ затворникомъ, Старецъ спросилъ его, какъ онъ узнаетъ и предсказываетъ будущее. Затворникъ отвѣчалъ, что Духъ Святый сму возвѣщаетъ объ этомъ. На вопросъ Старца: какимъ образомъ возвѣщаетъ, затворникъ объяснилъ, что Духъ Святый является ему въ видѣ голубя и говорить съ нимъ человѣческимъ языкомъ. Отецъ Лео-

нидъ, видя, что это явная прелесть вражія, началь предостерегать затворника, говоря, что подобнымъ вещамъ не слѣдуетъ довѣрять. Но тотъ обидѣлся и съ негодованіемъ возразилъ Старцу: «Я думаль, что ты, подобно другимъ, хочешь отъ меня попользоваться, а ты пришель меня учить!» Отецъ Леонидъ удалился и, уѣзжая изъ обители, сказалъ настоятелю: «Берегите вашего святого затворника, какъ бы съ нимъ чего не случилось». Едва о. Леонидъ доѣхалъ до Орла, какъ узналъ тамъ, что Феодосій удавился.

Недалеко отъ Оптиної Пустыни жиль помѣщикъ, который хвалился, что стоять ему взглянуть на о. Леонида, какъ онъ его всего насквозь увидить. Вотъ однажды этотъ помѣщикъ пріѣхалъ къ Старцу, когда у того было много посѣтителей, и входить въ его келлію. Ростомъ онъ былъ высокій и тѣломъ тучный. Отецъ Леонидъ имѣлъ такой обычай: когда хотѣль произвести на кого-нибудь особое впечатлѣніе, то загородить глаза рукою, приставя ее ко лбу козырькомъ, какъ будто рассматривая какой-либо предметъ на солнцѣ. Такъ и при входѣ этого помѣщика онъ поднялъ лѣвую руку и говорить: «Эка остолопина идетъ! Пришелъ насквозь увидѣть грѣшнаго Леонида, а самъ, шельма, 17 лѣтъ не былъ на исповѣди и у Св. Причастія». Помѣщика эти слова Старца такъ поразили, что онъ затрясся, а послѣ плакаль и каялся, что онъ, грѣшникъ невѣрующій, дѣйствительно, 17 лѣтъ не исповѣдовался и не причащался Св. Таинъ.

Былъ еще такой случай. Одинъ изъ помѣщиковъ, благодѣтельствовавшій монастырю и посѣщавшій его

изрѣдка, жиль въ явной связи съ крѣпостною своею женциною до старости, хотя отъ своей законной жены имѣлъ уже дѣтей взрослыхъ и женатыхъ. Наслышившись о старцѣ Леонидѣ, который многихъ принималъ на исповѣдь, помѣщикъ черезъ настоятеля о. Моисея просилъ у о. Леонида позволенія исповѣдоваться у него. Старецъ отказалъ, къ немалому оскорблению помѣщика, который сталъ просить и о. Моисея, и другихъ лицъ, близкихъ къ Старцу, быть ходатаями за него предъ отцомъ Леонидомъ. Послѣ вторичной просьбы Старецъ неохотно согласился, сказавши, что не отвѣчаетъ за послѣдствія. Помѣщикъ исповѣдался и не былъ допущенъ Старцемъ до Св. Причастія. Можете себѣ представить огорченіе и стыдъ гордаго барина, привыкшаго на всѣхъ смотрѣть свысока и не знавшаго никогда ни въ чемъ себѣ противодѣйствія! Къ еще большему его стыду, сопровождавшая его замужняя дочь его готова была благодарить великаго Старца за такое рѣшеніе. Еще разъ помѣщикъ попытался просить о. настоятеля о заступничествѣ, но тотъ отказался и по совѣсти, и потому, что зналъ непреклонность въ такихъ случаяхъ Старца. Что же произошло потомъ? Помѣщикъ, возвратившись домой, черезъ мѣсяцъ или менѣе разорвалъ свою многолѣтнюю незаконную связь, къ общей радости своей законной семьи.

Два послѣднихъ случая особенно ясно показываютъ намъ великое нравственно-воспитательное значеніе истиннаго старца. Какую надо было имѣть силу и глубину вѣры, какую независимость и неподкупность духа, какую твердость убѣжденія, чтобы сломать и расто-

пить, какъ воскъ, толстую и твердую кору гордости и сластолюбія, сковавшую сердца такихъ людей, какъ вышеупомянутые помъщики! Изъ окружающихъ ихъ лицъ, изъ бѣлага духовенства, конечно, никто не посмѣль бы и заикнуться произнести тѣ слова, которыя ничтоже сумняся высказалъ Старецъ. А если бы и произнесъ, они произвели бы совсѣмъ не такое впечатлѣніе. Въ устахъ же старца они вызывали смягченіе сердца, заставляли плакать, производили нравственное обновленіе, вызывали глубокій нравственный переломъ.

Особенно близокъ былъ о. Леонидъ къ простому народу, жалѣль его, любиль и былъ имъ взаимно горячо любимъ и почитаемъ. Онъ всегда былъ осаждаемъ толпой крестьянокъ и крестьянъ, которые несли къ нему всѣ свои скорби и нужды.

Онъ, если можно такъ выразиться, стоялъ у самаго народнаго сердца, слушаль его біеніе, то радостное, то скорбное. И простой народъ разносиль молву о своемъ любимомъ старцѣ далеко за предѣлами Калужской губерніи.

Такъ же близко стоялъ о. Леонидъ и къ монахинямъ многихъ женскихъ монастырей. Подъ его руководствомъ и тамъ утвердилось старческое окормленіе, и многія монахини научились внимательно относиться къ своей внутренней жизни.

Однако, по слову Псалмопѣвца: многи скорби праведнику, и о. Леониду пришлось перенести въ Оптино Пустыни немало скорбей. Нашлись иноки, которые въ правиль откровенія помысловъ усмотрѣли зло-

употребленіе Таинствомъ исповѣди, въ пріемѣ многочисленныхъ посѣтителей, особенно женскаго пола, увидѣли нарушеніе схимническихъ обѣтовъ, въ помазаніи болѣющихъ освященнымъ елеемъ – горделивую притязательность на даръ чудотворенія. И вотъ полетѣли доносы и жалобы въ Калугу, къ тогдашнему преосвященному Николаю, а также и въ Консисторію. Нѣкоторые духовники женскихъ обителей съ своей стороны жаловались, что о. Леонидъ своею проповѣдью откровенія помысловъ старцамъ и старицамъ умаляетъ авторитетъ духовниковъ, заводить новшество и даже ересь.

Преосвященный, желая положить конецъ неудовольствіямъ и ропоту, приказалъ перевести о. Леонида со скитской пасѣки въ монастырь, запретилъ старцу принимать посетителей – мірянъ, а въ женскихъ обителяхъ началось настоящее гоненіе на ученицъ о. Леонида: многія изъ нихъ были изгнаны изъ монастырей какъ еретички, другія взяты подъ строгій началь, лишены мантій и т. п. Самому старцу запретили носить схимническое одѣяніе. Тяжко скорбѣль старецъ отъ всѣхъ этихъ непріятностей, но скорбѣль не за себя, а за своихъ несчастныхъ ученицъ, въ которыхъ старался письмами поддерживать бодрость духа.

И вотъ какъ разъ въ то время, когда о. Леониду приходилось переживать всѣ эти испытанія, Господь даровалъ ему и великое утѣшеніе – найти себѣ близкаго духовнаго друга и помощника въ лицѣ іеромонаха Марка (Иванова). Это былъ второй знаменитый Оптинскій старецъ, преемникъ о. Леонида и наставникъ

о. Амвросія, почему мы и считаемъ нужнымъ сообщить объ немъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній ¹⁵.

Отецъ Макарій происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи и въ міру именовался Михаиломъ Николаевичемъ.

Родился онъ въ небольшомъ имѣніи своего отца подъ Калугой. Родители его были люди простые, добрые и благочестивые. Въ раннемъ дѣтствѣ на него имѣла большое вліяніе его кроткая и глубоко вѣрующая мать. Она часто посѣщала съ нимъ Калужскій Лаврентіевъ монастырь, и бесѣды тогдашняго настоятеля монастыря, архимандрита Феофана, неизгладимо запечатлѣлись въ его младенческой душѣ. Онъ такъ любилъ о. Феофана, что однажды, присутствуя съ матерью за Литургіей, которую совершалъ о. Феофанъ, бросился къ нему въ алтарь черезъ раскрытыя Царскія врата.

Здоровье Михаила Николаевича отъ природы было довольно слабое, характеромъ же онъ обладалъ впечатлительнымъ, серьезнымъ и глубокимъ, воспріимчивымъ ко всему высокому, прекрасному и святому.

Онъ очень любилъ природу, любиль музыку и пѣніе, самъ игралъ на скрипкѣ и пѣль ¹⁶. Онъ получилъ образованіе сначала въ приходскомъ училищѣ, а потомъ дома, подъ руководствомъ приглашенного учителя. Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, его опредѣлили на службу бухгалтеромъ въ Лыговское уѣздное казначейство.

¹⁵ Подробныя свѣдѣнія о немъ помѣщены въ книгѣ: Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти старца Оптиной Пустыни іеросхимонаха Макарія, составленное И. Л. Изд. Оптиной Пустыни. 1861.

¹⁶ Впослѣдствіи быль уставщикомъ, пѣвчимъ и канонархомъ.

ство; эту должность онъ занималъ четыре года. Въ 1806 году умеръ отецъ Михаила Николаевича, и онъ вышелъ въ отставку, чтобы заниматься хозяйствомъ въ деревнѣ и принять на свое попеченіе младшихъ братьевъ и сестеръ. Хозяйство у него не ладилось. Онъ быль очень добръ и не умѣль никому ни въ чемъ отказывать. Онъ готовъ быль все свое имущество раздать просящимъ. Въ то же время онъ увлекался чтеніемъ Священнаго Писанія и книгъ духовнаго содержанія. Братья уговаривали его жениться. Онъ не отказывался рѣшительно, но когда родители избранной имъ дѣвушки отвѣтили, что она еще молода, и они еще подумаютъ, Михаиль Николаевичъ очень обрадовался этому отвѣту и совсѣмъ пересталъ думать о женитьбѣ.

6 октября 1810 года, когда ему было 22 года, онъ отправился на богомолье въ Богородицкую Площансскую пустынъ Орловской губерніи и оттуда домой уже не возвратился. Онъ нашелъ свое настоящее мѣсто. Площанская пустынъ произвела на него неотразимое впечатлѣніе. По его словамъ, когда онъ вошелъ въ монастырь, онъ самъ не зналъ, гдѣ находится, «на землѣ или на небѣ, и всѣ монашествующіе казались ему, какъ Ангелы Божіи». Оставшись въ обители, онъ ревностно принялъся за иноческие труды. Первымъ его наставникомъ въ иноческой жизни быль строгій подвижникъ Іона, подъ руководствомъ котораго онъ провелъ шесть лѣтъ. Въ 1815 году Михаиль Николаевичъ быль постриженъ въ мантю и получилъ новое имя – Макарія.

Въ этомъ же году въ Площансскую пустынъ прибыль на жительство одинъ изъ учениковъ старца Паисія схи-

монахъ Аѳанасій, имѣвшій большое вліяніе на дальнѣйшую духовную жизнь о. Макарія. По собственному свидѣтельству о. Макарія, о. Аѳанасій не отличался начитанностью, но онъ весь былъ напоенъ духомъ старца Паисія и завѣты его претворилъ въ свою плоть и кровь. Отецъ Аѳанасій былъ весьма простодушенъ, исполненъ умиленія, искренности и сердечной теплоты. Онъ былъ кротокъ, снисходителенъ, сострадателенъ, любовенъ. Онъ не могъ видеть нуждающагося, чтобы сейчасъ же не помочь ему. Любиль принимать странниковъ и снабжаль ихъ необходимымъ на дорогу, при чемъ говорилъ: «Намъ присылаютъ, а они гдѣ возьмутъ». Съ посѣтителями разговаривалъ очень охотно, и притомъ не отъ книгъ, а по опыту сердца, умудренного руководствомъ старца Паисія. Любиль говорить о Царствіи Небесномъ, о будущей мукѣ, о милосердіи къ бѣднымъ, о томъ, что настоящая жизнь должна служить подготовленіемъ къ будущей. Все это онъ говорилъ съ такою задушевностью, съ такимъ смиреніемъ, что трогательно было смотрѣть на него, и слова его невольно проникали до глубины души. Такого именно наставника давно жаждало смиренное и кроткое сердце о. Макарія. Онъ поспѣшилъ сойтись съ о. Аѳанасіемъ и крѣпко къ нему привязался преданною сыновнею любовію. Наконецъ въ 1817 году онъ совсѣмъ переселился, по благословенію настоятеля, въ келлію Старца и съ этихъ поръ оставался при немъ неотлучно, ухаживалъ за нимъ и получался отъ него до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1825 году. Помимо личнаго глубокаго вліянія и рассказовъ о старцѣ Паисіи и о другихъ великихъ подвиж-

никахъ, о. Аѳанасій имѣль для о. Макарія громадное значение еще и тѣмъ, что онъ привезъ съ собою въ Площанскую обитель много рукописныхъ списковъ переводъ святоотеческихъ твореній, сдѣланныхъ старцемъ Паисиемъ.

Читая съ глубокимъ интересомъ и вниманіемъ эти рукописи, о. Макарій постепенно все болѣе и болѣе проникался ихъ духомъ. Съ этихъ именно поръ о. Макарій сталъ духовно складываться въ того великаго старца-наставника и знатока внутренней жизни, какимъ онъ явился потомъ въ Оптиної Пустыни. Рукописные переводы старца Паисія бережно были сохранены о. Макаріемъ и впослѣдствіи были имъ напечатаны, о чемъ подробно будетъ сказано ниже. Читая переводы святоотеческихъ твореній старца Паисія, о. Макарій особенное вниманіе обратилъ на ученіе св. Отцовъ объ умной или сердечной молитвѣ Іисусовой, т. е. о постоянномъ сердечномъ молитвенномъ храненіи имени Господа Іисуса Христа. Отцу Макарію очень хотѣлось научиться этому высокому духовному дѣланію.

Но старець Аѳанасій имѣль отъ о. Паисія запрещеніе касаться этого молитвенного подвига и проходилъ по его наставленію лишь устную Іисусову молитву, устное постоянное обращеніе къ Господу Іисусу, а потому и не могъ удовлетворить желаніе своего ученика о. Макарія, а можетъ быть, и не хотѣль, находя это дѣланіе для него преждевременнымъ. Отець Макарій не оставляль, однако, своего намѣренія. Въ 1819 году онъ отправился пѣшкомъ на богомолье въ Киевъ. На обратномъ пути онъ заходилъ въ Глинскую пустынь. Здѣсь

онъ познакомился съ однимъ изъ учениковъ настоятеля пустыни, игумена Филарета, іеродіакономъ Самуиломъ, который быль дѣлателемъ сердечной молитвы, проходя таковую подъ руководствомъ своего настоятеля. Отець Макарій очень обрадовался этому знакомству. Три дня провели они за книгой св. Исаака Сирина, бесѣдуя о сердечной молитвѣ.

Однако, по собственному позднѣйшему признанію о. Макарія, онъ въ это время, по своему духовному возрасту, еще не могъ вмѣстить въ себя это высокое дѣланіе и едва не повредилъ себѣ преждевременнымъ къ нему обращеніемъ.

Въ 1825 году, какъ мы уже сказали, скончался о. Аѳанасій. Сильно скорбѣль объ этомъ о. Макарій, утратившій въ о. Аѳанасіи своего наставника и друга. Тягостно было ему его духовное одиночество. Но Господь вскорѣ утѣшилъ его. Въ 1828 году прибыль въ Площанскую пустынь изъ Александро-Свирского монастыря о. Леонидъ. Прибытіе этого старца чрезвычайно обрадовало о. Макарія. Онъ нашелъ въ немъ себѣ новаго наставника, еще болѣе сильнаго духомъ и опытомъ, нежели о. Аѳанасій. Искушенный въ борьбѣ съ врагами, видимыми и невидимыми, о. Леонидъ могъ и искушаемому протянуть руку помощи; обладая великимъ даромъ духовнаго разсужденія, онъ свободно и легко разрѣшалъ всякия недоумѣнія и давалъ полезные совѣты. Отець Леонидъ съ своей стороны быль очень радъ встрѣчѣ съ о. Макаріемъ. При всемъ своемъ глубокомъ смиреніи о. Макарій имѣль въ это время уже очень большой духовный опытъ и могъ быть не только учени-

комъ, но и другомъ о. Леонида. Единство духа, единство воспитанія и единство стремлений быстро связали сердца старцевъ тѣсною, взаимною дружбою, которую ничто уже не могло расторгнуть. И когда, спустя нѣкоторое время, о. Леонидъ перешелъ изъ Площанской пустыни въ Оптинскій скитъ, всею своею душою потянулся туда и о. Макарій. Однако прошло еще немало времени, пока желаніе его смогло осуществиться. Только въ 1834 году состоялось его перемѣщеніе въ Оптина. Слезно простился онъ съ Площанской пустынью, подъ сѣнью которой прожилъ онъ 24 года, и отправился въ путь. Вскорѣ по прибытіи въ Оптина Пустынь онъ былъ назначенъ въ 1836 году духовникомъ всего Оптинскаго братства, а въ 1839 году, уже по пріѣздѣ въ Оптина Александра Михайловича, и скитональникомъ.

Въ заключеніе этихъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о двухъ знаменитыхъ Оптинскихъ старцахъ – предшественникахъ о. Амвросія – приведемъ описание ихъ внѣшности. Отецъ Леонидъ отъ природы былъ одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ, силою необычайною: онъ могъ поднимать до 12 пудовъ. Лицо его смугловатое, круглое осѣнялось густыми, длинными волосами; подъ старость они сдѣлались у этого льва настоящею гривою желто-сѣдою, волнистою и спускались гораздо ниже плечъ.

Глаза небольшіе, сѣроватые смотрѣли прямо, проницательно; ростъ его былъ выше средняго, походка очень красавая: мужественная и легкая.

Отецъ Макарій съ дѣтства былъ слабаго, болѣзnenнаго тѣлосложенія, которое съ годами нѣсколько укрѣ-

пилось, но въ старости онъ страдаль занятіемъ духа. Во время своего пребыванія въ Оптино онъ былъ уже весь сѣдой, средняго роста; ходиль онъ въ келліи въ бѣломъ холщевомъ или канифасовомъ балахончикѣ, имѣя на головѣ черную вязаную шапочку; для молитвенныхъ келейныхъ правиль употребляль краткую мантію; для письма и чтенія надѣвались очки въ стальной оправѣ старой формы. Выходя изъ дома, надѣвались онъ лѣтомъ старенькую мухояровую ряску и башмаки, зимой – весьма понощенную, крытую зеленымъ драпедамомъ шубку, имѣя при этомъ въ одной рукѣ костыль, а въ другой четки. Лицо – ничѣмъ не поражающее съ первого взгляда, некрасивое, даже нѣсколько неправильное (по недостатку въ глазахъ), съ печатью постояннаго углубленія въ себя, поэтому на видъ болѣе суровое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркаломъ чистой, любвеобильной души, сіяло какою-то неземною красотою, отражая въ себѣ свойства внутренняго человѣка.

Изъ сдѣланнаго нами очерка духовнаго движенія въ русскомъ монашествѣ конца XVIII и начала XIX вѣка читатель можетъ ясно представить себѣ ту духовную атмосферу, которая должна была охватить Александра Михайловича по прибытіи его въ Оптину Пустынь. Понятніемъ становится и то, почему о. Иларіонъ Троекуровскій направилъ его не куда-либо въ другое мѣсто, а именно въ эту обитель: «Иди въ Оптину – и будешь опытенъ!» Здѣсь именно были всѣ необходимыя условія для всесторонняго духовнаго усовершенствованія молодого подвижника.

Управляль обителью исполненный мудрости, и духовной и житейской, о. игуменъ Моисей, заботливый охранитель истинныхъ монашескихъ завѣтовъ. Его со-трудниками въ дѣлѣ духовнаго руководства братіи и богомольцевъ-мірянъ были такіе столпы духа, какъ о. Леонидъ и о. Макарій. Въ то же время въ обители имѣли свое пребываніе многіе другіе, не столь яркіе, но все же очень видные свѣтильники вѣры и благочестія – каковы: іеромонахъ Антоній, братъ о. Моисея, вскорѣ по прибытіи въ обитель Александра Михайловича перемѣщенный въ настоятели Малоярославецкаго монастыря; о. архимандритъ Мелхиседекъ, своими глазами видѣвшій святителя Тихона Задонскаго и удостоившійся его наставлений; Валаамскій игуменъ Варлаамъ, уединенникъ и молитвенникъ, обладавшій даромъ слезъ; іеросхимонахъ Іоаннъ, обратившійся изъ раскола и самъ написавшій о немъ нѣсколько книгъ; великий любитель безмолвія, духовникъ о. Макарія іеросхимонахъ Іовъ и другіе.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ старцевъ вся обитель пріобрѣла какое-то особенное, свѣтлое, умиленное, одухотворенное настроеніе, сіяла истиннымъ духовно-христіанскимъ просвѣщеніемъ, постоянно очищая свою совѣсть чистосердечнымъ исповѣданіемъ старцамъ своихъ помысловъ.

Въ такую-то благодатную среду, какъ въ уютную духовную колыбель, былъ помѣщенъ Промысломъ Божіимъ Его новый избранникъ, жаждавшій духовнаго возрастанія и воспитанія, Александръ Михайловичъ.

Здѣсь предстояло ему подъ умѣлымъ руководствомъ опытныхъ старцевъ раскрыть свои богатыя духовныя дарованія, воспріять мудреную науку христіанской жизни, возрасти въ великаго духовнаго наставника, возсіять яркою звѣздою надъ горизонтомъ не только Оптиної Пустыни, но и всей православно-вѣрующей Россіи и даже всего православнаго Востока.

Наблюдая это удивительное дѣйствие Промысла Божія въ судьбахъ русскаго иночества, въ жизни старца Амвросія, въ исторіи духовнаго просвѣщенія русскаго народа, какъ не воскликнуть: «Дивна дѣла Твоя, Госпо-ди! Вся премудростію сотворилъ еси!»

Глава VII

ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНИЕ О. АМВРОСИЯ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ СТАРЦЕВЪ О. ЛЕОНИДА И О. МАКАРИЯ

*Терпя потерпъхъ Господа, и внять
ми, и услыша молитву мою: и возведе
мя отъ рова страстей, и отъ бренія
тины, и постави на камени нозъ мои,
и исправи стопы мои: и вложи во уста
моя пѣснь нову, пъніе Богу нашему.*
(Пс. 39, 2–4).

*Съющіи слезами, радостію по-
жнутъ.*

(Пс. 125, 5).

осль сдѣланнаго нами необходимаго отступ-
ления возвратимся снова къ давно уже нами
покинутому нашему путешественнику.

По песчаной, тяжелой Бѣлевской дорогѣ
медленно подвигался Александръ Михайловичъ къ Оп-
тиной Пустыни, радуясь своему освобожденію отъ узъ
міра и призывая благословеніе Божіе на начало новой
жизни.

Воть уже на темной зелени густого бора показались бѣлые стѣны, синія со звѣздами главы и золотые кресты обители. Было воскресенье 8 октября 1839 года. Въ Оптиной Пустыни шла поздняя Литургія.

Оставивъ своего извозчика на гостиномъ дворѣ, Александръ Михайловичъ направился въ церковь, а по окончаніи богослуженія пошелъ вмѣстѣ съ другими богоомольцами къ старцу о. Леониду, жившему тогда въ монастырѣ. Первое впечатлѣніе отъ Старца было у него неблагопріятное. «Пришелъ я къ Старцу, – говорилъ онъ впослѣдствіи, – вижу, сидить Старецъ на кровати, самъ тучный, и все шутить и смѣется съ окружающимъ его народомъ. Мнѣ это на первый разъ не понравилось».

Отъ Старца Александръ Михайловичъ отправился къ игумену о. Моисею. Тотъ спросилъ его, понравился ли ему Старецъ. Александръ Михайловичъ отвѣтилъ о. игумену, что у Старца много народа, а о томъ, что Старецъ не понравился, промолчалъ.

Скоро, однако, его отношеніе къ о. Леониду измѣнилось. Въ тотъ же день или на слѣдующій пришлось ему увидѣть, какъ къ о. Леониду шель скитскій іеросхимонахъ Иоаннъ. Его только что постригли въ схиму. Лицо у него было свѣтлое, ангельское. Онъ очень понравился Александру Михайловичу, и онъ пошелъ вслѣдъ за схимникомъ къ Старцу. Пришедши въ келлію о. Леонида, схимникъ поклонился ему въ ноги и сталъ говорить: «Воть, батюшка, я сшилъ себѣ новый подрясникъ, – благословите носить его». Старецъ отвѣчалъ: «Развѣ такъ дѣлаютъ? Прежде благословляются сшить, а потомъ носять. Теперь же, когда уже сшилъ, такъ носи –

не рубить же его!» Наблюдая эту сцену, Александръ Михайловичъ, какъ онъ потомъ разсказывалъ, поняль, въ чемъ тутъ дѣло, поняль и духовную высоту о. Леонида, и смиреніе схимника, и съ этой минуты самъ полюбиль Старца и захотѣль вручить ему себя для духовнаго воспитанія, увѣрившись, что путь, которымъ поведеть его старецъ, приведеть его къ истинному, вѣчному благу.

Онъ открылъ о. Леониду свою душу, объясниль ему всѣ обстоятельства своей жизни и просильтъ совѣта, ожидая отъ него съ трепетомъ рѣшенія своей участіи. Старецъ выслушалъ Александра Михайловича со вниманіемъ и участіемъ. Онъ велѣль ему отпустить извозчика и оставаться въ монастырѣ. Александръ Михайловичъ такъ и сдѣлалъ. На томъ дворѣ, гдѣ нынѣ находится новая гостиница, налѣво отъ воротъ былъ двухэтажный флигель (теперь отъ него остался только нижній этажъ). Въ этомъ флигелѣ во второмъ этажѣ отвели небольшую комнату Александру Михайловичу. Расположившись въ отведенномъ ему помѣщеніи, Александръ Михайловичъ ежедневно ходиль къ службамъ Божіимъ, ежедневно посѣщаль старца о. Леонида, присматривался къ его обращенію съ народомъ, слушаль его наставленія и вообще наблюдалъ монастырскую жизнь. Въ свободное же время дома занимался по порученію Старца переписываніемъ рукописи подъ названіемъ: «Грѣшныхъ спасенье»¹⁷. Такъ незамѣтно проходили дни

---

¹⁷ Переводъ съ новогреческаго. Общее ея содержаніе – о борьбѣ со страстями. Переписывание этой рукописи, наполняя досугъ А. М., знакомило его вмѣстѣ съ тѣмъ съ превосходной наукой внутренней духовной жизни.

за днями. Между тѣмъ мѣстопребываніе Александра Михайловича стало извѣстно смотрителю Липецкаго духовнаго училища, и онъ обратился къ о. игумену Моисею съ запросомъ, не у него ли въ обители пребываетъ наставникъ училища Александръ Гренковъ? Вслѣдствіе этого запроса Александръ Михайловичъ, по совѣту старцевъ Леонида и Макарія, написалъ смотрителю извинительное письмо за свой самовольный уходъ изъ училища, и въ то же время подаль Тамбовскому епископу Арсенію прошеніе о разрѣшеніи ему принять монашество въ Оптино Пустыни.

Вспоминая объ этомъ времени, Старецъ разсказывалъ впослѣдствіі¹⁸: «Пріѣхаль я въ Оптину и думалъ пожить еще такъ, не поступая въ монастырь, а самъ послалъ просьбу Тамбовскому преосвященному Арсенію объ увольненіи. Онъ сдѣлалъ запросъ архимандриту Моисею: примутъ ли меня? Архимандритъ приходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: желаете ли пріоказаться? Я говорю: «Нѣть, мнѣ бы хотѣлось еще такъ пожить». – «А такъ, – говоритъ, – нельзя». Преосвященный Арсеній не хотѣль давать мнѣ увольненія, не узнавъ прежде навѣрно, остаюсь ли я въ монастырѣ. Такъ и пріукали меня еще въ мірскомъ платьѣ. Годъ жилъ въ монастырѣ на кухнѣ. Пять келлій перемѣнилъ. Жилъ и въ келліи о. Игнатія, и въ башнѣ. На кухнѣ годъ прималчивалъ, т. е. спросять что, скажу... Сперва былъ я помощникомъ о. Геннадія, а о. Геннадій поваромъ. По-

¹⁸ Рассказъ этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ точенъ въ подробностяхъ, но онъ интересенъ, какъ личное воспоминаніе Старца о первыхъ годахъ его жизни въ обители.

тому онъ отлучился, а меня и сдѣлали поваромъ. Онъ вернулся, а его мнѣ въ помощники дали. Онъ что-то, смотрю, хмурится. «Что ты, – спрашиваю, – о. Ген-надій, на меня словно косишься?» – «Да я на тебя не миренъ», – говорить. А то начнемъ посуду мыть, онъ и скажетъ: «Пока вода горяча, сядемъ да потолкуемъ!» Да и протолкуемъ, пока вода остынетъ». «А къ старцу-то вы ходили?» – спросили присутствующіе. – «Каждый день ходилъ: то благословляться насчетъ кушаній, то ударять къ трапезѣ. Въ то же время былъ я у него чтецомъ. А черезъ годъ меня прямо въ келейники взяли». – «Какъ же это случилось?» – спросили. – «Да такъ: по-койный старецъ (о. Леонидъ) призвалъ батюшку (о. Макарія) и говорить: «Вотъ человѣкъ къ намъ юится, а я ужъ сталъ слабъ, такъ вотъ тебѣ его передаю изъ полы въ полу, какъ лошадей передаютъ», – прибавилъ Батюшка шутя. Онъ (покойный старецъ) звалъ меня *химера*». Какая-то монашенка спрашиваетъ: «Что жъ это значитъ, Батюшка, химера?» – «Да вотъ, – говорить, – когда цвѣтутъ огурцы, то изъ однихъ цвѣтовъ плодъ выходитъ, а другіе бываютъ такъ, пустоцвѣты»... «А то, – продолжалъ Батюшка, – стояла разъ, не помню, какая-то сѣвская монашенка – у него вѣдь просто было, и мужчины, и женщины, и монахи, и міряне – всѣ заодно бывали, – старецъ сняль съ ея головы шапку, да на меня и надѣль»... – «Ну, а какъ же вы келейничали? – спросили присутствующіе. – Вы обрадовались, когда васъ назначили келейникомъ?» Батюшка не отвѣчалъ. «Поближе-то къ старцу быть», – пояснила вопрошавшая. – «Да, поближе», – сказалъ Батюшка. «Ну, какъ же, вы и кар-

тофель чистили и стряпали?» – «Да какъ же иначе, – сказалъ Батюшка, принимая какъ бы недовольный тон! – разумѣется стряпалъ, какой же я такой. Я и хлѣбъ, и просфоры научился печь; я и то училь узнавать, готовы ли просфоры агнчіи, а то все сыры: воткнуть лучинку – если ничего не останется на ней – значитъ готовы, а если не готовы, то непремѣнно прилипнеть къ лучинкѣ тѣсто».

И такъ Александръ Михайловичъ недолго оставался въ монастырѣ. Перемѣщенный въ Скитъ, онъ прожилъ тамъ около 50 лѣтъ, до самаго своего послѣдняго отъѣзда въ Шамордино лѣтомъ 1890 года.

Какъ видно, старецъ о. Леонидъ выдѣляль его среди другихъ послушниковъ и, предчувствуя свою близкую кончину, поручилъ его особенному попеченію старца о. Макарія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, онъ иногда открыто указывалъ на Александра Михайловича какъ на будущаго «великаго человѣка». Даже въ шуткахъ своихъ, которыми о. Леонидъ часто прикрывалъ свою прозорливость, напримѣръ, въ томъ, что онъ надѣль на голову Александра Михайловича шапку съ головы монахини, нельзя не замѣтить указанія на будущія заботы старца Амвросія объ устроеніи женскихъ иноческихъ обителей.

Въ іюль 1841 года Александра Михайловича навѣстилъ его старый другъ и сослуживецъ Павель Степановичъ Покровскій, самъ имѣвшій влеченіе къ монашеству и впослѣдствіи принявшій постриженіе въ Оптийной Пустыни съ именемъ Платона. Александръ Михайловичъ въ это время былъ уже постриженъ въ рясо-

форъ. Войдя въ келлію своего друга, Павель Степановичъ быль пораженъ ея крайней бѣдностью. Въ святомъ углу виднѣлась маленькая икона Тамбовской Богоматери, родительское благословеніе Александра Михайловича. На койкѣ валялось что-то вродѣ истертаго ветхаго полушибтика, который служилъ и постелью, и изголовьемъ. На стѣнѣ висѣла ветхая ряса съ клубкомъ. Больше онъ ничего не замѣтилъ въ келліи. Вспоминая прежнюю жизнь Александра Михайловича въ училищѣ, Покровскій, при видѣ этого убожества, едва могъ удержаться отъ слезъ. Но Александръ Михайловичъ не только не смущался простотою и скучностью своей материальной обстановки, а, наоборотъ, утѣшался ею, сознавая, что вѣшняя скучность болѣе приближаетъ духъ его къ Богу.

11 октября 1841 года Александръ Михайловичъ понесъ тяжелую утрату – скончался его первый духовный наставникъ, старець о. Леонидъ.

Послѣ кончины о. Леонида Александръ Михайловичъ всецѣло прильпился сердцемъ къ о. Макарію. Исполняя при немъ обязанности келейника, о. Амвросій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, помогалъ о. Макарію и въ его обширной перепискѣ, т. е. по его порученію и по его указаніямъ отвѣчалъ на нѣкоторыя изъ получаемыхъ старцемъ писемъ менѣе значительнаго содержанія, такъ какъ на болѣе важныя о. Макарій всегда отвѣчалъ самъ.

Келейникомъ о. Макарія Александръ Михайловичъ пробылъ около четырехъ лѣтъ.

Эти годы были для Александра Михайловича своего рода высшою школою, въ которой онъ проходилъ науку

монашеской жизни. Они поставили его въ постоянное и близкое общеніе со старцемъ о. Макаріемъ, дали ему возможность близко наблюдать его жизнь, слушать его рѣчи и наставленія, быть посредникомъ между старцемъ и приходящими къ нему посѣтителями, учиться у него мудрости обращенія съ людьми.

Уже самъ будучи старцемъ, о. Амвросій нерѣдко въ своихъ разговорахъ употреблялъ выраженія: «батюшка о. Макарій говориваль такъ-то», «при батюшкѣ о. Макаріи бывало такъ-то», «батюшка о. Макарій въ такихъ случаяхъ поступалъ такъ-то».

Одновременно съ этой практической школой постоянного обращенія съ о. Макаріемъ, Александръ Михайловичъ проходилъ, конечно, по указанію и подъ руководствомъ о. Макарія и другую школу – келейной молитвы, ежедневнаго чтенія слова Божія, житій святыхъ, святоотеческихъ твореній, въ особенности по-движническихъ, гдѣ каждое неясное слово, каждое выраженіе, требовавшее истолкованія, находило себѣ опыта толкователя въ лицѣ о. Макарія. Присоединимъ къ этому ежедневное внимательное испытаніе своей совѣсти, сопровождавшееся нерѣдко слезами искренняго сокрушенія о своихъ грѣхахъ, ежедневное чистосердечное откровеніе помысловъ Старцу – и мы получимъ кругъ тѣхъ духовныхъ дѣланій и переживаній, въ которыхъ возрастала и крѣпла душа Александра Михайловича.

Александръ Михайловичъ такъ быстро подвигался впередъ въ своемъ духовномъ возрастаніи, что, спустя три года по прибытію въ Оптину Пустынь, 29 ноября

1842 года быль уже постриженъ въ мантію и получилъ новое имя – Амвросія, въ честь св. Амвросія, епископа Медіоланского, память котораго совершається 7 декабря. Въ это время Александру Михайловичу исполнилось ровно 30 лѣтъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ постриженія въ мантію о. Амвросій быль рукоположенъ въ іеродіакона.

Когда нѣкоторые впослѣдствіи выражали удивленіе тому, какъ скоро въ тѣ времена постригали въ мантію, о. Амвросій отвѣчалъ: «Да нѣть! И тогда бывало, что лѣтъ по двѣнадцати живали, а такъ ужъ меня! (Батюшка при этомъ рукой махнулъ.) Да всегда еще къ посту приходило отъ Синода разрѣшеніе, а намъ въ октябрѣ. Дѣло въ томъ, что товарищъ мой служилъ въ Синодѣ, онъ очень мной интересовался, но не зналъ, гдѣ я, а какъ только узналъ, такъ тотчасъ и разрѣшеніе выхлопоталъ. А на другой годъ сдѣлали и іеродіакономъ. Назначили насъ къ посвященію: и меня, и еще одного, мы съ нимъ и толкуемъ, что мы не смѣемъ принять рукоположенія, что мы недостойны, – и пошли обѣ этомъ говорить старцу (о. Макарію). Входимъ къ нему. Батюшка самъ началъ: «Ну, васъ назначили, назначили – это хорошо!» А мы мнемся. Товарищъ мой началъ первый. Говорить: «Вотъ обѣ этомъ-то я и пришелъ съ вами поговорить, Батюшка, я вѣдь недостоинъ». – «Такъ и думай, такъ всегда и думай, что ты недостоинъ», – перебилъ его Старецъ. «А я ужъ не посмѣль послѣ этого и рта открыть», – прибавилъ Батюшка, весело смѣясь.

Въ санѣ іеродіакона о. Амвросій пробылъ около трехъ лѣтъ. Поступивший въ 1844-мъ году въ Оптину

Пустынь о. игуменъ Феодосій, вспоминая это время, говориль, что о. Амвросій въ санѣ іеродіакона служиль всегда съ великимъ благоговѣніемъ.

Самъ о. Амвросій, будучи уже старцемъ, говориль одному немощному іеродіакону, тяготившемуся от правленіемъ чреды священнослуженія: «Братъ! Не понимаешь дѣла. Вѣдь жизни причащаешься!»

Въ этихъ словахъ Старца можно видѣть отображеніе того чувства, съ которымъ онъ самъ, будучи іеродіакономъ, приступаль къ Св. Христовыимъ Тайнамъ. Но самъ же о. Амвросій не скрываетъ отъ насъ и тогдашихъ своихъ немощей. Однажды, когда онъ, по оптинскому чиноположенію, служиль въ монастырѣ позднюю Литургію, пріѣхалъ въ Оптину Пустынь Малоярославецкій о. игуменъ Антоній, бывшій скитоначальникъ, хорошо извѣстный молодому служащему іеродіакону. «Во время чтенія часовъ, разсказываль по томъ о. Амвросій, входить онъ въ алтарь. По обычаю кланяюсь ему и подхожу подъ благословеніе. – «Ну, что, привыкаете ли?» – обращается ко мнѣ смиренный о. игуменъ. – «За вашими св. молитвами, Батюшка, слава Богу, привыкаю», – довольно развязно отвѣтиль я. Вдругъ о. игуменъ перемѣниль тонъ и рѣчъ: «Ко смиренію-то?» – «Я и не знаю, что отвѣтить». Такъ духовные Оптинскіе старцы умѣли наставлять молодыхъ иноковъ, не стесняясь ни мѣстомъ, ни временемъ.

Въ декабрѣ 1845 года о. Амвросій быль рукоположень въ іеромонаха. Для рукоположенія пришлось ему ѣхать въ Калугу на лошадяхъ. Быль сильный холодъ. Отецъ Амвросій, пріѣхавъ на первую же станцію, по-

чувствовалъ сильную боль въ желудкѣ, и это было нача-
ломъ всѣхъ его послѣдующихъ болѣзней. По возвра-
щеніи въ Оптину о. Амвросій чувствовалъ себя посто-
янно нездоровыムъ, но все-таки не оставлялъ чреды
священнослуженія. Однако по временамъ онъ бывалъ
уже такъ слабъ, что, какъ послѣ самъ вспоминаль, не
могъ долго держать потиръ одной рукой. «Однажды
много было причастниковъ – рассказывалъ онъ. – Пре-
подавая Пречистыя Тайны Христовы одной рукой, дру-
гою я держалъ потиръ. И вотъ почувствовалъ я, что ру-
ка моя стала слабѣть и нѣмѣть. Чтобы нѣсколько дать
отдыхъ рукѣ, я пошелъ въ алтарь поставить на малое
время на престолъ св. Чашу, а вслѣдъ за мной слышу го-
лосъ какой-то женщины, подходившей къ причащенію:
«Знать я, грѣшная, недостойна!» – Ахъ, Боже мой, по-
думалъ я, тѣсно мнѣ отовсюду!»

Въ началѣ сентября 1846 года о. Амвросій еще выѣз-
жалъ по Бѣлевской дорогѣ за 18 верстъ отъ Оптиної
навстрѣчу Курскому архіепископу Иліодору, котораго
онъ долженъ былъ пригласить посѣтить обитель, а сем-
надцатаго сентября заболѣлъ такъ серьезно и пришелъ
въ такое изнеможеніе, что 26 октября во время утрени
былъ особорованъ и пріобщенъ Св. Христовыхъ Таинъ.
Въ это же время онъ былъ келейно постриженъ въ схи-
му съ сохраненіемъ имени Амвросія. Эта тяжкая бо-
лѣзнь продолжалась болѣе года и имѣла очень большое
значеніе для внутренней духовной жизни о. Амвро-
сія. Чувствуя крайнюю слабость и потерявъ надежду
на улучшеніе своего здоровья, о. Амвросій въ декабрѣ
1847 года подалъ прошеніе объ оставленіи его въ обите-

ли за штатомъ. Изслѣдовавшій состояніе его здоровьяя, по порученію Духовной Консисторіи, козельскій врачъ Субботинъ далъ такой отзывъ о его болѣзни: «Отецъ іеромонахъ Амвросій имѣть болѣзненный желтый цвѣтъ лица, съ болѣзненно-блестящими глазами, всеоб-щую худобу тѣла; при высокомъ своемъ ростѣ и узкой грудной клѣткѣ – сильный, больше сухой кашель, съ болью при немъ въ груди, боль въ подреберныхъ сторо-нахъ, преимущественно въ правой; нытье подъ ложкой и давящую боль въ сторонѣ желудка; совершенное разстройство пищеваренія, упорные, постоянные запо-ры и частую рвоту не только слизями и желчью, но и принятою пищею; безсонницу и, наконецъ, повремен-ный ознобъ къ вечеру, смѣняющійся легкимъ жаромъ. Припадки эти означаютъ медленную изнурительную ли-хорадку, происшедшую вслѣдствіе затвердѣнія брюш-ныхъ внутренностей, преимущественно же желудка».

На основаніи этого отзыва уѣзднаго врача Калуж- ское епархіальное начальство признало іеромонаха Ам-вросія неспособнымъ ни къ какимъ монастырскимъ послушаніямъ и постановило исключить его, какъ не- способнаго, изъ штата братіи Оптиної Пустыни, оста- вивъ его на пропитаніи и призрѣніи обители. Въ это время о. Амвросію было всего только 36 лѣтъ.

Такимъ образомъ, несмотря на столь молодые годы о. Амвросія, земная дѣятельность его, по обычнымъ че-ловѣческимъ соображеніямъ, казалась уже совершенно закончившейся. Разбитый тяжкою болѣзнью, признан-ный неспособнымъ ни къ какому полезному труду, онъ долженъ былъ доживать свой вѣкъ инвалидомъ на иж-

дивенії пріютившій его обители. Но, видно, мысли наши – не мысли Божіи, и пути наши – не пути Божіи. То, что человѣческому разсужденію представлялось концомъ жизни и дѣятельности, на самомъ дѣлѣ было, быть можетъ, началомъ, зародышемъ и основаніемъ новой, истинной, высокой жизни. На о. Амвросія исполнялись слова Господа: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично падъ на земли не умреть, то едино пребываетъ: аще же умреть, многъ плодъ соторить* (Ін. 12, 24).

Эта тяжкая и продолжительная болѣзнь была, въ дѣйствительности, лишь новымъ дѣйствіемъ Промыслы Божія, столь явно обнаруживавшагося въ жизни о. Амвросія. Подобная же тяжкая болѣзнь, перенесенная имъ въ семинарскіе годы, впервые заставила его серьезно подумать о монашествѣ.

Промыслъ Божій привель его къ Троекуровскому старцу Иларіону, внушилъ ему желаніе побывать у св. мощей преп. Сергія, направилъ его путь въ Оптину Пустынь и поставилъ его здѣсь подъ духовное руководство великихъ свѣтильниковъ истиннаго монашества о. Леонида и о. Макарія.

И вотъ, когда въ душу о. Амвросія глубоко запало посѣянное этими старцами съмѧ духовной жизни, Промыслъ Божій находитъ необходимымъ какъ бы отстранить о. Амвросія отъ всякаго рода общественной дѣятельности, приковать его къ одру болѣзни, удалить отъ него всѣ внѣшнія впечатлѣнія, поставить его лицомъ къ лицу лишь со своими страданіями и съ Богомъ... Для чего? Для того, чтобы воспринятое имъ въ свою душу

съмя новой жизни растворилось тамъ, переработалось, вошло, такъ сказать, въ его плоть и кровь, пустило тамъ ростки и корни и стало живымъ достояніемъ всего его нравственного существа.

А этот процессъ воспріятія божественной жизни требуетъ прежде всего отъ человѣка сознанія своего безсилія, своей беспомощности, своего ничтожества и всецѣлаго упованія лишь на милость Божію. Спаситель говорить: *аще кто хочетъ по Мне идти, да отвергнется себѣ, и возьметъ крестъ свой, и по Мне грядетъ.* Сродниться со Христомъ, испытавшимъ всю горечь крестныхъ страданій, можно только путемъ страданій. Человѣкъ, не испившій этой горькой чаши, никогда не постигнетъ истинной глубины христіанства, никогда не сумѣеть понять и облегчить чужое страданіе.

Отцу Амвросію, будущему цѣлителю больныхъ душъ человѣческихъ, необходимо было самому пройти черезъ горнило болѣзней и страданій, да бывъ *искушенъ самъ*, мoggъ бы *и искушаemyмъ помощи*, ибо, по преданію старчества, *мужъ неискушенъ – неискусенъ*. Нужно прибавить при этомъ, что о. Амвросію, какъ человѣку образованному, умному, дѣятельному, угрожала, если бы онъ былъ здоровъ, опасность пойти обычнымъ путемъ монашескаго служенія, т. е. занимать тѣ или другія внѣшня монашескія должности, постепенно поднимаясь по ихъ лѣстницѣ, а это могло бы помѣшать ему развиться въ полную мѣру старческаго служенія... Тяжкая болѣзнь и исключеніе изъ штата обители заградили ему путь внѣшняго возвышения и всецѣло направили его жизнь на путь внутренняго духовнаго развитія. Кто не

усмотрить въ этомъ премудраго и благостнаго дѣйствія
Божественнаго Промысла?!

Что о. Амвросій послѣ своей тяжкой болѣзни дѣйствительно оказался уже подготовленнымъ для старческаго служенія, это видно изъ того, что съ этого времени о. Макарій начинаетъ многихъ направлять къ нему для духовнаго руководства, несмотря на его сравнительную молодость.

Проведя на одрѣ болѣзни около полутора лѣтъ, о. Амвросій, къ общему удивленію, началъ поправляться. Въ лѣтнюю пору 1848 года онъ въ первый разъ вышелъ на воздухъ. «Помню, – разсказывалъ онъ объ этомъ, – въ лѣтній ясный, тихій день вышелъ я впервые изъ келліи и побрелъ, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожкѣ за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри Скита, вдоль восточной стѣны.) Первый навстрѣчу мнѣ попался игуменъ Варлаамъ (бывшій Валаамскій настоятель). «Ну что, – спрашивалъ, – поправляешься?» – «Да, вотъ, – отвѣчалъ, – слава Милосердому Богу, – оставилъ на покаяніе». Отецъ игуменъ остановился и, глядя на меня, началъ говорить смиряющимъ тономъ: «А что жъ, ты думаешьъ. – лучше что ли будешьъ? Нѣть, не будешьъ лучше: хуже, хуже будешьъ»... Вспоминая эти слова, о. Амвросій приговаривалъ: «Вотъ теперь и самъ вижу, что сталъ хуже».

Послѣ перенесенной тяжкой болѣзни здоровье о. Амвросія никогда уже не возстановлялось вполнѣ. До самой его кончины недуги не оставляли его. То усиливался у него катаръ желудка и кишокъ, открывалась рвота, то ощущалась нервная боль, то простуда съ лихо-

радочнымъ ознобомъ. Къ тому же еще стали появляться геморроидальныя страданія, которыя по временамъ до того измождали страдальца, что онъ лежалъ въ постели точно мертвый. Ко всѣмъ этимъ недугамъ, несмотря на ихъ мучительность, о. Амвросій всегда относился весьма благодушно, признавая, что они ниспосланы ему Богомъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ такъ опредѣлялъ значеніе болѣзней для монаха: «Милостивъ Господь! Въ монастырѣ болящіе скоро не умираютъ, а тянутся и тянутся до тѣхъ поръ, пока болѣзнь принесеть имъ настоящую пользу. Въ монастырѣ полезно быть немногого больнымъ, чтобы менѣе бунтовала плоть, особенно у молодыхъ, и менѣе пустяки приходили въ голову. А то, при полномъ здоровыи, особенно молодымъ, какая и какая пустошь не приходитъ въ голову»...

Избавившись отъ смертельной болѣзни, о Амвросій, по слабости здоровья, болѣе уже не отправлялъ церковныхъ богослуженій, но въ храмъ Божій еще ходилъ, гдѣ и пріобщался пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, вѣроятно, по-схимнически – разъ въ мѣсяцъ, какъ дѣлалъ это и старецъ его о. Макарій. Въ это время о. Амвросій, вслѣдствіе болѣзненности, лѣто и зиму носилъ фланелевые рубашки и шерстяные чулки, и часто, по причинѣ испаринь, то и другое перемѣнялъ. Келейныя же правила вычитывалъ для него ежедневно жившій рядомъ съ нимъ въ особой келліи братъ, назначенный ему для послуженія.

Еще до своей болѣзни о. Амвросій былъ освобожденъ отъ келейничества при старцѣ о. Макаріи и поселился въ корпусѣ, находящемся на сѣверной сторонѣ

оть скитской церкви. Здѣсь застигла его и болѣзнь, здѣсь онъ остался жить и по выздоровленію. Обстановка жизни его и теперь была крайне проста. Въ переднемъ углу стояло нѣсколько иконъ. Около двери висѣли ряса и подрясникъ съ мантіей. Затѣмъ кровать съ постланнѣмъ на ней холщовымъ, набитымъ соломой тюфякомъ и такой же подушкой. Вотъ и все убранство его келліи.

Одинъ изъ послушниковъ, относившийся въ это времѧ къ о. Амвросію, замѣтилъ еще какъ-то у него подъ койкою плетушку, которая, вѣроятно, служила ему вмѣсто комода или сундука, гдѣ хранились у него шерстяные чулки и фланелевые рубашки, въ которыхъ онъ имѣлъ теперь крайнюю нужду, и спросилъ: «Эта плетушка-то для чего у васъ, Батюшка?» Желая скрыть отъ него свою крайнюю непрятязательность, смиренный о. Амвросій отвѣтилъ ему въ шутливомъ тонѣ: «Да вотъ хочу гусыню на яйца сажать». Послѣ такого отвѣта и гость и хозяинъ только посмѣялись.

Въ употребленіи пищи о. Амвросій, какъ и прежде, соблюдалъ строгое воздержаніе. Несмотря на болѣзnenное состояніе желудка, онъ продолжалъ, по временамъ, довольствоватья и трапезною пищею. Нужно замѣтить, что хотя въ Оптинскомъ скиту готовятъ довольно вкусно, но пища круглый годъ, исключая шести сплошныхъ седмицъ, готовится, какъ мы уже говорили, съ постнымъ масломъ, а въ посты, въ положенные Св. Церковію дни, и совсѣмъ безъ масла. И для людей съ здоровыми желудками бываетъ иногда ощущительна недостаточность такого питанія, тѣмъ болѣе для о. Амвросія съ

его испорченнымъ, болѣзnenнымъ желудкомъ. Однако онъ не переставалъ, когда имѣлъ возможность, вмѣстѣ съ братіями ходить въ трапезу.

По выздоровленіи отъ смертельной болѣзни о. Амвросій продолжалъ помогать старцу о. Макарію въ его перепискѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ должное участіе и еще въ одномъ дѣлѣ, предпринятомъ въ это время о. Макаріемъ – именно въ пересмотрѣ и въ подготовкѣ печати переводовъ святоотеческихъ подвижническихъ твореній, сдѣланныхъ о. Паисіемъ Величковскимъ и до того времени еще не напечатанныхъ въполномъ видѣ.

По особому устроенію Промысла Божія въ Оптиной Пустыні къ этому времени оказались самые вѣрные списки письменныхъ трудовъ старца Паисія, и въ числѣ ихъ было даже нѣсколько рукописей, принадлежавшихъ самому старцу Паисію, переписанныхъ по его благословенію съ черновыхъ его тетрадей ближайшими его учениками, исправленныхъ и подпісаныхъ собственною его рукою: такова, напримѣръ, рукопись словъ великаго учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина¹⁹.

---

¹⁹ Судьба этой рукописи особенно замѣчательна: она была прислана отъ старца Паисія къ С. Петербургскому митрополиту Гавріилу съ собственноручною надписью. Писана полууставомъ на бѣлой лощеной бумагѣ въ листъ болѣе половины рукою ближняго ученика старцева схимонаха Феодора, а докончена другомъ послѣдняго – схимонахомъ Николаемъ. Рукопись эта, по кончинѣ Владыки, перешла неизвѣстно какимъ образомъ въ частныя руки и привезена была барышникомъ на продажу въ Валаамскій монастырь, где и была пріобрѣтена жившимъ въ то время на Валаамѣ схимонахомъ Феодоромъ, который очень обрадовался утраченному и снова обрѣтенному сокровищу. Послѣ блаженной кончины о. Феодора книга эта досталась любимому ученику и спутнику всей его жизни іеросхимонаху о. Леониду. Онъ подарилъ ее еще при жизни своей

Кромъ этой рукописи въ келейной библіотекѣ старца о. Макарія къ началу изданія книгъ оказались вѣрныя копіи: 1) съ исправленныхъ старцемъ Паисіемъ древнихъ славянскихъ переводовъ писаній Макарія Великаго, Іоанна Лѣствичника, свв. Варсонофія и Іоанна; 2) съ переведенныхъ имъ самимъ книгъ: Максима Исповѣдника слово по вопросу и отвѣту, Феодора Студита (съ новогреч. языка), житіе Григорія Синаита, слово Григорія Паламы, нѣкоторыя другія творенія святыхъ отцовъ-подвижниковъ. Всѣми этими сокровищами Старецъ пользовался какъ самъ, такъ и дѣлился ими со всѣми жаждущими духовнаго назиданія и спасенія, вовсе не смѣя, по собственному его признанію, помышлять объ изданіи ихъ въ свѣтъ, будучи доволенъ и благодаря Бога и за то, что удостоиль его имѣть такія сокровища.

Междуду тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что открылась возможность опубликовать эти драгоцѣнныя рукописи.

Недалеко отъ г. Бѣлева, находящагося въ 30 верстахъ отъ Оптиної Пустыни, имѣется село Долбино, старинная вотчина рода Кирѣевскихъ. Въ 1805 году долбинскій помѣщикъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій женил-

---

своему ученику схимонаху Антіоху, по кончинѣ котораго она перешла къ другому ученику о. Леонида, о. Іоанникію, жившему тогда въ Александро-Невской Лаврѣ. Онъ отдалъ ее въ даръ духовной дочери о. Леонида старицѣ Е. Т. Л., отъ которой эта книга перешла въ 1849 году къ іеромонаху о. Ефрему, подарившему ее духовному сыну своему монаху Авраамію, а этотъ послѣдній, отъѣжданіемъ въ 1858 году на Афонъ, принесъ эту рукопись въ даръ іеросхимонаху Макарію, благословившему ею передъ своею кончиною іеромонаха Леонида (Кавелина), скончавшагося впослѣдствіи намѣстникомъ Троице-Сергіевской Лавры.

ся на племянницѣ В. А. Жуковскаго Евдокії Петровнѣ Юшковой, и отъ этого брака 22 марта 1806 года родился въ Москвѣ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, извѣстный впослѣдствіи литераторъ и основатель такъ называемаго славянофильства или, говоря проще, русскаго, народнаго, православнаго направленія мысли въ средѣ образованнаго общества. Выросшій въ кругу людей высокообразованныхъ и съ прекрасными качествами сердца, Иванъ Васильевичъ и самъ воспринялъ отъ нихъ все лучшее. Въ раннемъ дѣтствѣ на него произвѣлъ неизгладимое впечатлѣніе В. А. Жуковскій. Подъ руководствомъ матери и весьма образованнаго отчима, А. А. Елагина, Иванъ Васильевичъ прекрасно изучилъ математику, языки французскій и нѣмецкій и перечиталъ множество книгъ по словесности и исторіи философіи изъ библіотеки, собранной еще его отцомъ. Въ Москвѣ онъ бралъ уроки у профессоровъ университета: Мерзлякова, Снегирева и др., слушалъ публичныя лекціи о природѣ проф. М. Г. Павлова, послѣдователя нѣмецкаго философа Шеллинга. Въ то же время онъ учился языкамъ англійскому, латинскому и греческому. По окончаніи учебнаго курса Иванъ Васильевичъ поступилъ на службу въ Москвѣ, гдѣ скоро вокругъ него образовался кружокъ серьезной молодежи, жаждавшей просвѣщенія. Въ этотъ кружокъ вошли А. И. Кошелевъ, братъ Веневитиновы, Соболевскій, Шевыревъ и др. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули М. П. Погодинъ, М. А. Максимовичъ, поэтъ Баратынскій, А. С. Хомяковъ. Вращаясь въ такой средѣ, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій сначала посвятилъ себя изученію полити-

ческой экономії, а съ 1824 года всецѣло увлекся германской философией.

Въ 1829 году И. В. Кирѣевскій впервые выступилъ на литературное поприще со статьею о Пушкинѣ, обнаружившею удивительно ясное пониманіе творчества этого поэта. Въ этой статьѣ онъ уже высказываетъ сомнѣніе въ безусловной истинѣ нѣмецкой философи и указываетъ необходимость самобытнаго развитія русской научной мысли. «Философія нѣмецкая укорениться у насъ не можетъ. Наша философія должна развиться изъ нашей жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ нашего народнаго и частнаго быта». Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны отвергать и опыта западно-европейской мысли. «Вѣнецъ просвѣщенія европейскаго служилъ колыбелью для нашей образованности; она рождалась, когда другія государства уже доканчивали кругъ своего умственнаго развитія, и гдѣ онъ останавливались, тамъ мы начинаемъ. Какъ младшая сестра въ большой дружной семье, Россія прежде вступленія въ свѣтъ богата опытностью старшихъ».

Въ 1834 году Иванъ Васильевичъ женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеневої, дѣвушкѣ глубоко вѣрюющей и православной, имѣвшей своимъ духовникомъ старца Московскаго Новоспасскаго монастыря Филарета, одного изъ учениковъ архимандрита Паисія. Наталья Петровна познакомила со своимъ духовникомъ и своего мужа Ивана Васильевича, который также сдѣлался духовнымъ сыномъ о. Филарета. Подъ вліяніемъ о. Филарета Иванъ Васильевичъ ближе и глубже сталъ вникать

въ Православіе и изучать его въ твореніяхъ отцовъ и учителей Церкви.

Женившись, Иванъ Васильевичъ зиму проводилъ въ Москвѣ, а на лѣто уѣзжалъ въ свое имѣніе Долбино, находившееся, какъ мы сказали, неподалеку отъ Оптиної Пустыни.

Живя въ имѣніи, онъ вмѣстѣ съ женою посѣщалъ Оптино Пустынь и ея Старцевъ, познакомился при этомъ съ о. Макаріемъ, который послѣ смерти о. Филарета сдѣлался съ 1842 года духовникомъ обоихъ супруговъ Кирѣевскихъ, и самъ по ихъ просьбѣ нерѣдко посѣщалъ Долбино, гдѣ для него была устроена его заботливыми хозяевами и друзьями келлія въ саду²⁰.

Въ 1845 году И. В. Кирѣевскій, издавая въ то время журналъ «Москвитянинъ», предложилъ о. Макарію помѣстить въ этомъ журналѣ какую-либо статью духовнаго содержанія. Старецъ принялъ это предложеніе съ благодарностью и отвѣтилъ, что если это возможно и удобно, то онъ предлагаетъ помѣстить жизнеописаніе старца Паисія. Иванъ Васильевичъ, раздѣляя мнѣніе о. Макарія объ услугахъ, оказанныхъ блаженнымъ старцемъ Паисіемъ всему православному иночеству и славянской литературѣ вообще (утвержденіемъ въ ней аскетической терминології), съ удовольствіемъ согласился на предложеніе украсить этою статьею страницы издаваемаго имъ журнала. Статья была напечатана въ 12-й книгѣ «Москвитянина» за 1845 годъ и украшена портретомъ старца Паисія. Такъ было положено начало

²⁰ В. Лясковскій. Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ. С. 48 и др.

печатному обнаруженню духовныхъ сокровищъ Опти-
ной Пустыни.

Въ слѣдующемъ 1846 году, въ бытность свою въ гостяхъ у Кирѣевскихъ въ ихъ имѣніи, Старецъ, говоря о разныхъ духовныхъ предметахъ, коснулся вопроса о недостаткѣ духовныхъ книгъ, руководствующихъ къ дѣятельной христіанской жизни, и при этомъ упомянуль, что у него есть довольно рукописей твореній свв. отцовъ-подвижниковъ перевода старца Паисія, исполненныхъ духовнаго разума и силы. Оказалось, что и у Н. П. Кирѣевской сохранилось также нѣсколько подобныхъ рукописей, доставшихся ей въ наслѣдство отъ ея прежняго духовника о. Филарета Ново-спасскаго. Тогда самъ собою возникъ вопросъ: почему бы не явить міру эти духовныя сокровища? Старецъ со свойственнымъ ему смиреніемъ замѣтиль, что онъ считаетъ себя неспособнымъ заняться такимъ важнымъ дѣломъ, что онъ никогда ничѣмъ подобнымъ не занимался, что, видно, на это еще нѣть воли Божіей и т. п., но Кирѣевскіе сказали, что они доложать объ этомъ владыкѣ Филарету, митрополиту Московскому, и если онъ благословить, то нужно будеть приступить къ печатанію рукописей. При этомъ Кирѣевскіе стали просить о. Макарія сейчасъ же, не откладывая, написать предисловіе къ предполагаемому изданію.

Помолившись Богу, Старецъ написалъ первую страницу. Въ тотъ же день Кирѣевскіе обратились съ письмомъ въ Москву къ профессору Московскаго университета С. П. Шевыреву, прося его отъ ихъ имени

испросить у Владыки митрополита благословеніе на изданіе рукописей старца Паисія.

Владыка быль столь милостивъ, что не только даль свое благословеніе на это дѣло, но и обѣщаль съ своей стороны оказать ему поддержку.

Въ Оптиної закипѣла работа. Рукописи были переписаны набѣло и отосланы на цензуру къ профессору Московской духовной академіи протоіерею Ф. А. Голубинскому, и до пріѣзда Кирѣевскихъ въ Москву въ сентябрѣ 1846 года было напечатано С. П. Шевыревымъ 8 листовъ «Жизнь и писанія старца Паисія», а въ началѣ 1847 года вышла въ свѣтъ и вся книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго (съ портретомъ старца)».

Таково было начало святого дѣла, продолжавшагося до самой кончины о. Макарія въ теченіе 15 лѣтъ при горячемъ содѣйствіи Кирѣевскихъ и подъ высокимъ покровительствомъ владыки митрополита Филарета Московскаго. Ознакомленіе съ переводами святоотеческихъ твореній старца Паисія оказалось глубокое вліяніе на ходъ мыслей Ивана Васильевича Кирѣевскаго и привело его къ совершенному уясненію духа истиннаго православно-христіанскаго просвѣщенія въ сравненіи съ просвѣщеніемъ западно-европейскимъ, что и было имъ раскрыто со всею подробностью въ его послѣдующихъ философскихъ сочиненіяхъ.

Его душа, всегда пламенно стремившаяся къ познанію истины, наконецъ нашла себѣ глубокое нравственное удовлетвореніе и успокоеніе, и, соединенный крѣпкими узами любви и благодарности съ Оптиної

Пустынью и ея Старцами, онъ завѣщалъ и похоронить себя въ стѣнахъ этой обители, гдѣ его могила, вмѣстѣ съ могилами брата Петра Васильевича и жены Натальи Петровны, расположена у ногъ здѣсь же погребенныхъ старцевъ о. Леонида и о. Макарія. Всѣми занятіями какъ по приготовленію къ печатанію славянскихъ перево-довъ старца Паисія (съ подстрочными пояснительными примѣчаніями неудобопонятныхъ словъ и выраженій), такъ и при переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на русское нарѣчіе, – руководилъ непосредственно самъ Старецъ, а помогали ему его ученики изъ скитской братіи: іеромонахъ о. Амвросій, монахи о. Ювеналій (Половцевъ)²¹, о. Леонидъ (Кавелинъ)²² и о. Платонъ (Покровскій)²³.

Для своихъ занятій всѣ вышеупомянутыя лица ежед-невно собирались въ келліи (въ пріемной комнатѣ) старца о. Макарія, который, не прекращая своихъ обыч-ныхъ занятій съ братіею и приходящими, посѣщая въ опредѣленное время и гостиницу, тѣмъ не менѣе прини-маль самое дѣятельное участіе въ трудахъ своихъ уче-никовъ; можно утвердительно сказать, что ни одно вы-раженіе, ни одно слово не было вписано въ отсылаемую въ цензуру рукопись безъ его личнаго утвержденія. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была поистинѣ изумительна: Старецъ, одаренный отъ природы жи-вымъ, энергическимъ характеромъ, въ этихъ занятіяхъ точно забывалъ себя, почасту жертвуя для нихъ и тѣмъ краткимъ отдыхомъ, который былъ очевидно необхо-

²¹ Впослѣдствії архієпископъ Литовскій и Віленскій.

²² Впослѣдствії намѣстникъ Троице-Сергіевої Лавры.

²³ Духовникъ старца о. Амвросія и богомольцевъ Оптиної Пустыни.

димъ его утруженному и немоществующему тѣлу. Хотя и у всѣхъ участвовавшихъ въ сихъ трудахъ не было недостатка въ усердіи, но нельзя не сознаться, что если кто чувствовалъ по временамъ изнеможеніе отъ усиленныхъ занятій, то отнюдь не Старецъ, – онъ быль неутомимъ! Но зато какъ щедро были вознаграждаемы имъ его сотрудники! Кто изъ внимающихъ себѣ не отдалъ бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, чтобы слышать то, что слышали ихъ уши: это объясненія Старца на такія мѣста писаній отеческихъ, о которыхъ, не будь этихъ занятій, никто изъ учениковъ его не посмѣль бы и спросить его, а если бы и посмѣль, то несомнѣнно получилъ бы смиренный отвѣтъ: «Я не знаю сего, это не моей мѣры, можетъ быть, ты достигъ ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрести моя прегрѣшенія! Очисти сердце – тогда и поймешь!»

Кто изъ участниковъ работы въ состояніи былъ забыть, съ какою снисходительностью выслушивалъ Старецъ ихъ дѣтскія замѣчанія и дѣлалъ уступки, въ желаніи изящнѣе или яснѣе выразить мысль тамъ, где не видѣль нарушенія духовнаго смысла, сопровождая свои уступки добродушной шуткой: «Пусть будетъ такъ, я новѣйшей литературы не знаю, а вѣдь вы народъ учennyй!» Если возникало разногласіе въ пониманіи, Старецъ немедленно устраниль его, или предлагалъ свое собственное мнѣніе, или оставляль такое мѣсто вовсе безъ поясненія, говоря: «Это не нашей мѣры, кто будетъ дѣлать, тотъ пойметъ, а то – какъ бы не поставить наше гнилее вмѣсто его (т. е. старца Паисія) высокаго духовнаго пониманія».

При такихъ постоянныхъ совмѣстныхъ занятіяхъ въ концѣ 1847 года вышло въ свѣтъ второе изданіе житія и писаній блаженнаго Паисія, въ концѣ 1848 года изданы «Четыре огласительныя слова къ монахинѣ» Никифора Феотокія, вышедшія въ 1849 году вторымъ изданіемъ. Въ томъ же году вышли отдельнымъ изданіемъ писанія старца Паисія объ умной молитвѣ и «Толкованіе на Господи помилуй». Въ 1849 году, кромѣ того, отпечатаны: преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго «Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ», съ подстрочными примѣчаніями, и сборникъ изъ отеческихъ писаній подъ заглавіемъ: «Восторгнутые класы въ пищу души» въ переводѣ старца Паисія Величковскаго, съ пояснительными подстрочными примѣчаніями трудныхъ для пониманія мѣсть.

Въ 1852 году отпечатана книга преподобныхъ отцовъ Варсонофія Великаго и Іоанна: «Руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошеніе учениковъ» – древній славянскій переводъ, исправленный старцемъ Паисіемъ. Книга эта была вновь свѣрена съ греческимъ подлинникомъ, издана на славянскомъ нарѣчіи русскими буквами, снабжена также подстрочными примѣчаніями, служащими къ объясненію неудобопонятныхъ мѣсть текста, особымъ алфавитнымъ указателемъ и украшена литографированнымъ изображеніемъ преподобныхъ отцовъ Варсонофія и Іоанна.

21 октября 1852 года начали заниматься составлениемъ пояснительныхъ примѣчаній къ славянскому переводу старца Паисія книги св. Исаака Сирина и сличать его съ греческимъ текстомъ; 29 ноября трудъ этотъ

быль законченъ, книга переписана съ подстрочными примѣчаніями, и рукопись отослана въ цензуру. Въ томъ же году начали переводъ книги свв. Варсонофія и Іоанна на русскій языкъ, каковой и закончили въ апрѣль слѣдующаго 1853 года.

Въ началѣ этого же года вышелъ изъ печати славянскій переводъ старца Паисія «Оглашеніе» преподобнаго Єеодора Студита, а въ концѣ года – преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника толкованіе на молитву «Отче нашъ» и его же слово постническое по вопросу и отвѣту.

Въ мартѣ 1854 года вышло въ свѣтъ драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ изданій Оптиної Пустыни – св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневійскаго, «Слова духовно-подвижническія», переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Книга напечатана на славянскомъ нарѣчіи гражданскими буквами, снабжена подстрочными примѣчаніями и алфавитнымъ въ концѣ книги указателемъ, которымъ прилежно занимался самъ старецъ о. Макарій. Первый печатный экземпляръ этой книги быль присланъ издателями въ обитель на самый свѣтлый праздникъ апрѣля 18 дня и быль принять Старцемъ, какъ самый драгоцѣнныи къ великому дню подарокъ. Впрочемъ, не одинъ старецъ о. Макарій, но и всѣ любители духовной литературы были чрезвычайно обрадованы выходомъ въ свѣтъ этой замѣчательной книги²⁴.

---

²⁴ Было время, когда ревнители иноческой жизни и христіанскаго любомудрія платили за рукописные экземпляры этой книги по 100 и болѣе рублей ассигнаціями, но трудно было достать, тѣмъ болѣе, что

Въ 1855 году изданъ русскій переводъ книги преподобныхъ отцовъ Варсонофія и Іоанна, и въ томъ же году «Преподобнаго отца нашего аввы Фалассія главы о любви, воздержаніи и духовной жизни» переложены съ славянскаго перевода старца Паисія на русскіе нарѣчіе и напечатаны оба текста, славянскій и русскій, гражданскими буквами. Въ 1850 году изданы «Преподобнаго отца нашего аввы Дороѳея душеполезныя поученія и посланія, съ присовокупленіемъ вопросовъ его и отвѣтovъ на оные Варсонофія Великаго и Іоанна Пророка», въ русскомъ переводѣ.

Въ томъ же году напечатано житіе преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова на славянскомъ нарѣчіи. Въ 1858 году изданы въ свѣтѣ «Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижническія слова», въ русскомъ переводѣ. Въ 1859 г. издана переведенная съ латинскаго языка К. К. Зедергольмомъ книга: «Преподобнаго отца нашего Орсисія аввы Тавеннисіотскаго ученіе объ устроеніи монашескаго жительства». Наконецъ, въ 1860 году издана въ русскомъ переводѣ книга – преподобнаго отца нашего аввы Исаіи, отшельника египетскаго, духовно-нравственные слова.

Подъ руководствомъ же о. Макарія составлялся полуславянскій переводъ Лѣствицы преп. Іоанна, надъ которыми исключительно потрудился о. Амвросій.

напечатанный въ Ніамецкомъ монастырѣ въ 1812 году Паисіевъ переводъ этой книги могъ попадать къ намъ въ Россію только случайно, изъ-за существующего до сихъ поръ запрещенія ввозить изъ-за границы къ намъ книги славянской печати безотносительно къ ихъ содержанію.

Въ основаніе этого труда быль положенъ переводъ старца Паисія, какъ мужа, исполненнаго духовнаго разума, прошедшаго опытомъ духовные совѣты святого отца, непостигаемые однимъ книжнымъ обученіемъ, а кромѣ того, принимались во вниманіе, изучались и сравнивались между собою и другіе донынѣ извѣстные печатные изданія и переводы Лѣствицы, напримѣръ, переводъ бывшаго алтайскаго місіонера архимандрита Макарія, а также и подлинный греческій текстъ книги. Имѣлось въ виду при этомъ дать такой переводъ, который возможно болѣе облегчаль бы исполненіе заключающихъ въ этой книгѣ духовныхъ наставленій, что и удалось, такъ что сдѣланный о. Амвросіемъ переводъ Лѣствицы и до сихъ поръ не имѣеть равнаго себѣ по ясности, точности и жизненной удобопримѣнимости изложенія заключающихъ въ ней нравственныхъ истинъ.

Къ переводу, сдѣланному отцомъ Амвросіемъ, ста-рецъ о. Макарій самъ составилъ алфавитный указатель предметамъ, о которыхъ говорится въ книгѣ, и соб-ственноручно переписалъ его. Впослѣдствіи съ этого полуславянскаго перевода Лѣствицы было сдѣлано пе-реложеніе ея на русское нарѣчіе іеромонахомъ Юве-наліемъ (Половцевымъ). Лѣствица не вошла въ число собственныхъ изданій Оптиної Пустыни, а была ото-слана въ Св. Синодъ, которымъ и была выпущена въ свѣтъ.

Участіе въ пятнадцатилѣтнихъ литературныхъ тру-дахъ о. Макарія, соединенное съ постояннымъ, внимательнымъ чтеніемъ и перечитываніемъ святоотеческихъ подвижническихъ твореній подъ руководствомъ мудра-

го старца, явилось завершениемъ духовной подготовки о. Амвросія къ самостоятельному подвигу старчества, въ который ему пришлось вступить по кончинѣ о. Макарія, послѣдовавшей 7 сентября 1860 года.

Итакъ, вотъ тѣ ступени, по которымъ совершалось духовное восхожденіе о. Амвросія въ Оптиної Пустыни. Двухлѣтнее пребываніе подъ руководствомъ о. Леонида, продолжительное келейничество у о. Макарія, тяжкое испытаніе долгою и мучительною болѣзнью, участіе въ переводахъ святоотеческихъ твореній, долголѣтнее наблюденіе старческой дѣятельности о. Макарія, содѣйствіе ему въ его духовническихъ трудахъ и, наконецъ, личный постоянный подвигъ молитвы и непрерывнаго вниманія себѣ. По этимъ ступенямъ медленно, но замѣтно для другихъ, восходилъ о. Амвросій къ своему будущему служенію – самостоятельному старчествованію.

Глава VIII

ОТЕЦЬ АМВРОСІЙ – СТАРЕЦЬ

Кромъ виѣшнихъ, нападеніе еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей. Кто изнемогаетъ, и не изнемога; кто соблазняется, и азъ не разжизнаю; аще хвалитися ми подобаетъ, о немо-ющи моей похвалюся.

(2 Кор. 11, 28 – 30)

Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ.

(Гал. 4, 19)

Первые годы старчества

тарчествовать о. Амвросій началъ еще при жизни о. Макарія и, конечно, съ его благословенія и подъ его руководствомъ. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ указать, что старчество необходимо различать отъ духовничества. Духовничество есть принятіе исповѣди кающагося христіанина и разрѣшеніе грѣховъ его по власти, данной пастырямъ Церкви Господомъ Іисусомъ Христомъ;

старчество не связано съ таинствомъ покаянія и состо-
ить въ томъ, что одинъ человѣкъ открываетъ другому
человѣку, болѣе опытному въ духовной жизни, состо-
янія души своей и получаетъ отъ него полезный совѣтъ
и руководство, отнюдь не соединенные съ прощеніемъ
грѣховъ его. Духовникомъ можетъ быть только священ-
никъ, старцемъ можетъ быть и не имѣющій священной
степени мірянинъ, старицею можетъ быть и женщина.
Конечно, старчество можетъ быть совмѣщаемо и съ ду-
ховничествомъ, но это не обязательно.

Въ обителяхъ духовники назначаются высшимъ на-
чальствомъ изъ лицъ, заслуживающихъ быть таковыми
по своему высоконравственному образу жизни, опыта-
ности и, наконецъ, по своему возрасту. Старцы не на-
значаются. Избраніе старца есть дѣло добровольное.
Старецъ – лицо неофиціальное. Бывали печальные яв-
ленія, когда тѣ, кого и братія обители, и богомольцы-
міряне единодушно признавали своими старцами, не
признавались таковыми и подвергались гоненію со сто-
роны монастырского начальства или епархіальной ду-
ховной власти. Такъ было со старцами Іоанномъ и
Леонидомъ на Валаамѣ, такъ было со старцемъ Леони-
домъ въ Оптино Пустыни, со старицей Ангелой въ Бѣ-
левскомъ женскомъ монастырѣ.

Незадолго до своей смерти о. Леонидъ въ одномъ
изъ своихъ писемъ къ монахинямъ такъ говорить о раз-
личіи между старчествомъ и духовничествомъ и о пути
«старчества» вообще. «Неужели многократные опыты
нашихъ наставленій отъ Божественныхъ писаний и свя-
тыхъ богоносныхъ Отецъ, – писалъ старецъ, – не мог-

ли удостовѣрить васъ въ истинѣ спасительнаго пути, коимъ шествовали преподобные отцы, которымъ мы тщимся подражать по мѣрѣ силь нашихъ? Хотя недостойны и скучны въ добродѣтеляхъ, но желаемъ вамъ, хотяшимъ спастися, шествовать путемъ, указаннымъ намъ ими; а потому не мало огорчасть насть ваше малодушie... Разсматривая едва не по тонку дѣйствiе врага рода человѣческаго, видимъ, какъ онъ тщится, подъ предлогомъ истины, совратить васъ съ пути избраннаго, съ пути добродѣтели. Спрашиваемъ васъ: можетъ ли учить иностранному языку тотъ, кто онаго не знаетъ? Великое различiе между людьми, дознавшими по опыту и знающими по одному слуху. Кто въ какой чинъ призванъ, тотъ въ немъ да пребываетъ. Опытъ лучшiй учитель. Писано есть: *Да будуть тебѣ друзи мнози, но со-вѣтникъ единъ отъ тысячи* (Ср.: Сир. 6, 6). А когда усомнѣваетесь въ совѣтахъ и наставленияхъ нашихъ, почто прибѣгаете къ намъ? Мы никого къ себѣ не привлекаемъ: вы это знаете. По уставамъ иноческаго преданiя, при постриженiи отъ Евангелия предаютъ старицамъ, а не духовнымъ отцамъ, которымъ (т. е. старицамъ) и должны новоначальная открывать свою совѣсть, для полученiя совѣтовъ и наставлений, какъ противостоять искушенiямъ вражiмъ; но это не есть исповѣдь, а откровенiе; и въ семъ случаѣ исполняется апостольское преданiе: *исповѣдайте другъ другу согрѣ-щенiя ваша* (Ср.: Іак. 5, 16). Таинство же исповѣди совершенно другое и не имѣть къ откровенiю никакого отношенiя; обязанности духовника совершенно другiя, нежели отношенiя къ старицамъ... Что же касается того,

что будто въ келлії безъ священника нельзѧ молиться, то это болѣе удивленія достойно, нежели вѣроятія. Сколько видимъ святыхъ женъ, въ пустынѣ жительство-вавшихъ, въ постѣ прославшихъ; чѣмъ онѣ занимались, какъ не молитвою въ уединенії? Святая Марія Египет-ская въ пустынѣ безъ пресвитера приносила свои молитвы и токмо въ послѣдній годъ жизни удостоилась узрѣть святого Зосиму и принять отъ него Св. Христовы Тайны. Насчетъ же того, что безъ благословенія ста-рицы ничего не дѣлать, это не только полезно, но и спа-сительно. Изъ множества примѣровъ, имѣющихся въ патерикѣ и писаніяхъ св. Отецъ, напоминаемъ о томъ ученикѣ, который, будучи посланъ на послушаніе отъ старца въ городъ, едва не впалъ въ любодѣяніе; но, вос-помянувъ старца, невидимою силою быль восхищенъ и очутился въ келлії своей. Что относится до старцевъ, то въ дѣвичьихъ монастыряхъ подразумѣвать должно о старицахъ. Не всѣ старцы были священники, сіе ясно можно видѣть изъ житія преп. Пафнутія, Боровскаго Чудотворца (1 мая), ибо у него въ монастырѣ изъ 700 братій не было ни одного священника, но всѣ были подъ руководствомъ старцевъ. Итакъ, лучше сообразо-ваться съ уставами иноческаго житія, и быть спокойны-ми. Въ Добротолюбіи, въ посланіи св. Кассіана къ Ле-онтину игумену (IV части листъ 157-й на оборотѣ) напечатано: «Авва Моисей рече: да не точію, яже тво-римъ, но и яже помышляемъ, открываемъ отцемъ; и да ни въ чемъ же своему помыслу вѣруемъ, но и во всемъ словесемъ старецъ да послѣдуемъ; и оно быти добро вѣруемъ, еже аще они искусятъ. Сіе же дѣланіе не точію

истиннымъ разсужденіемъ и правымъ путемъ иноха невредима пребывать устроить, но и отъ всѣхъ сѣтей діавольскихъ безъ вреда того сохраняетъ».

Старца выдвигаетъ его духовная опытность или дѣйствующая въ немъ сила благодати Божіей. Эта опытность, эта сила благодати чувствуются вѣрующими. Каждое слово старца, совѣтъ, наставленіе сопровождаются очевидными добрыми результатами; иногда въ ихъ словахъ обнаруживается явная прозорливость, иногда они обладаютъ даромъ чудотворенія – все это привлекаетъ къ нимъ людей. И никакія препятствія, никакія запрещенія и угрозы не могутъ остановить это движение людей къ тому, отъ кого они получаютъ очевидную для себя духовную пользу, кто заставляетъ ихъ души переживать новыя, невѣдомыя дотолѣ чувства нравственнаго обновленія и живой вѣры въ Бога.

Такимъ-то вотъ именно старцемъ былъ и о. Амвросій, преемственно подготовленный къ этому великому служенію старцами Леонидомъ и Макаріемъ.

Отець Амвросій не былъ указнымъ духовникомъ обители; духовниками въ его время были о. Пафнутій, о. Иларіонъ, о. Анатолій. Онъ былъ только старцемъ, хотя, имѣя священную степень, принималъ и на исповѣдь. Первое указаніе на старчество о. Амвросія относиться обыкновенно къ 1846 году, но это мнѣніе требуетъ оговорки. Дѣйствительно, въ Скитской Лѣтописи подъ 1846 годомъ записано, что въ этомъ году 23 августа Скитъ посѣтилъ преосвященный Калужскій Николай, слушалъ въ Скиту бдѣніе и, уходя, остановился у скитскихъ воротъ, окруженный скитскою братіею. Обраща-

ясь къ ней, онъ сказалъ: «Спасайтесь, отцы и братія. Имѣйте миръ и любовь между собою. Начальникамъ повинуйтесь». Затѣмъ, обратившись къ здѣсь же стоявшему іеромонаху Амвросію, онъ прибавиль: «А ты, о. Амвросій, помогай о. Макарію въ духовничествѣ. Онъ уже старъ становится. Вѣдь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». Изъ этихъ словъ преосвященнаго Николая, сказанныхъ, какъ думаютъ, по предварительной просьбѣ о. игумена Моисея и о. Макарія, видно, что уже въ то время о. Амвросій, которому было всего 34 года, отличался большою духовною опытностью, но видѣть въ этихъ словахъ благословеніе на старчество нѣть основанія, такъ какъ Преосвященный говорить не о старчествѣ, а о духовничествѣ, т. е. о томъ, чтобы о. Амвросій помогалъ о. Макарію исполнять его обязанности духовника братіи, а мы уже знаемъ, что духовничество и старчество совсѣмъ не одно и то же. Впрочемъ, если допустить, что преосвященный Николай употребилъ здѣсь слово «духовничество» не въ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ духовнаго руководительства, то могутъ быть правы и тѣ, кто съ этого именно случая полагаетъ начало старчеству о. Амвросія. Однако болѣе вѣроятія заключается въ томъ мнѣніи, что о. Амвросій началъ старчествовать лишь съ 1848 года, т. е. послѣ того уже, какъ перенесъ свою тяжкую болѣзнь. Съ этого именно года начинаются вполнѣ ясныя и опредѣленныя свидѣтельства о его старчествѣ. Такъ іеромонахъ Геронтій разсказываетъ о себѣ, что онъ поступилъ въ монастырь въ 1848 году, и о. Макарій тотчасъ же благословилъ ему относиться къ о. Амвросію,

какъ къ старцу, за духовными совѣтами. О. Геронтій разсказываетъ и о томъ, какъ старчествовалъ въ эти первые годы о. Амвросій. «Придешь, бывало, къ нему, – такъ говориль о. Геронтій, – скажешь, что нужно, а онъ развернетъ книгу и заставитъ меня прочитать отвѣтъ на мое недоумѣніе. Въ то время я возымѣль было ревность къ высокимъ иноческимъ подвигамъ, но о. Амвросій вразумилъ меня, что ревность моя была не по разуму, и заставлялъ меня прочитывать св. Исаака Сирскаго въ Добротолюбіи. Впрочемъ замѣчу, что въ продолженіе пятилѣтняго срока, начиная съ 1848 г., ходили на совѣтъ къ о. Амвросію только немногіе изъ монастырскихъ и скитскихъ братій, и не иначе, какъ по благословенію старца Макарія.

Другой инокъ, схимонахъ Геннадій, также разсказываетъ о себѣ, что не рѣдко навѣщалъ о. Амвросія, имѣя нужду просить совѣта по какому-либо дѣлу, и при этомъ упоминаетъ о томъ, что его посѣщали монастырские и скитскіе братія для совѣтовъ и откровенія по-мысловъ. Что въ это время о. Амвросія посѣщали еще немногіе, это само собою понятно, такъ какъ о. Макарій не могъ на первыхъ же порахъ поручать его руководству многихъ и долженъ былъ постепенно пріучать его къ дѣлу старчества.

Особенно подробныя и интересныя свѣдѣнія о старчествованіи о. Амвросія при жизни о. Макарія сообща-
етъ о. игуменъ Маркъ, поступивший въ Оптину Пустынь въ 1854 году и также получившій отъ старца о. Макарія благословеніе относиться за духовными совѣтами къ о. Амвросію. Онъ говоритъ о своихъ от-

ношенихъ къ о. Амвросію слѣдуюшимъ образомъ: «Сколько могъ я замѣтить, о. Амвросій жилъ въ это время въ полномъ безмолвії. Ходилъ я къ нему почти ежедневно для откровенія помысловъ, и всегда почти заставалъ его за чтеніемъ святоотеческихъ книгъ; если же не заставалъ его въ келліи, то это значило, что онъ находится у старца Макарія, которому помогалъ въ перепискѣ съ относившимися къ Старцу за духовными совѣтами или трудился въ переводахъ святоотеческихъ книгъ. Иногда же я заставалъ его лежащимъ на кровати и слезящимъ, но всегда сдержанно и едва примѣтно. Минѣ казалось, что старецъ Амвросій всегда ходилъ предъ Богомъ, или какъ бы ощущалъ присутствіе Божіе, по слову Псалмопѣвца: *предзръхъ Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8); а потому все, что ни дѣлалъ, старался Господа ради и въ угодность Господу творить. Чрезъ сіе онъ всегда былъ сѣтованенъ, боясь, какъ бы чѣмъ не оскорбить Господа, – что отражалось и на лицѣ его. Видя такую сосредоточенность своего Старца, я въ присутствіи его всегда былъ въ трепетномъ благоговѣніи. Да иначе мнѣ и нельзя было быть. Ставшему мнѣ по обыкновенію предъ нимъ на колѣна и получившему благословеніе, онъ, бывало, весьма тихо сдѣлаетъ вопросъ: «Что скажешь, брате, хорошенъкаго?» Озадаченный его сосредоточенностью и благоумиленіемъ, я, бывало, скажу: «Простите Господа ради, Батюшка, можетъ быть, я не вовремя пришель». – «Нѣть, – скажетъ Старецъ, – говори нужное, но вкратцѣ». И, выслушавъ меня со вниманіемъ, преподастъ полезное наставленіе съ благословеніемъ и отпустить съ любовію. Наставленія

же онъ преподаваль не отъ своего мудрованія и разсужденія, хотя и богатъ быль духовнымъ разумомъ. Если онъ училъ духовно относившихся къ нему, то въ чинѣ учащагося, и предлагаль не свои совѣты, а непремѣнно дѣятельное ученіе св. Отцовъ. Для сего, бывало, раскроетъ книгу того или другого отца, найдеть, сообразно съ устроеніемъ пришедшаго брата, главу писанія, велить прочитать и затѣмъ спросить, какъ братъ понимаетъ ее. Если кто не понималъ прочитанного, то Старецъ разъясняль содержаніе святоотеческаго ученія весьма толково. И все это дѣлалось съ безграничною отеческою любовию и благопожеланіемъ. Случалось же иногда и такъ, что неистово воспламенившись гнѣвомъ на ближняго за какое-либо личное оскорблениe моего самолюбія, приду, бывало, къ нему на откровеніе, еще не успокоившись, и стану высказывать свою безразсудную печаль и огорченіе безъ самоукоренія, вопреки ученію св. отцовъ-подвижниковъ, а напротивъ съ обвиненіемъ ближняго, и даже по причинѣ засѣвшаго въ душѣ непріязненнаго чувства, съ такимъ желаніемъ, чтобы Старецъ сейчасъ же строго вразумилъ огорчившаго меня брата. Выслушавъ все съ свойственнымъ ему невозмутимымъ спокойствіемъ и сочувствіемъ моему горю, болѣзненный Старецъ, бывало, скажетъ плачевнымъ тономъ: «Брате, брате! Я человѣкъ умирающій!» или: «Я сегодня-завтра умру. Что я сдѣлаю съ этимъ братомъ? Вѣдь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться предъ братомъ, – и успокоишься». Выслушавъ такой жалобно произносимый отвѣтъ, оцѣпенѣешь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко сознавъ свою винов-

ность, смиренно падешь въ ноги Старцу, прося прощенія, и получивъ отъ него разрѣшеніе и благословеніе, пойдешь успокоеннымъ и утѣшеннymъ, какъ на крыльяхъ полетиши.

Случалось мнѣ приходить къ Старцу весьма рано – часовъ въ пять утра. По обычной молитвѣ, получивъ позволеніе войти въ келлію, я всегда находиль его трезвеннымъ и бодрымъ, какъ бы совершенно не спавшимъ, и отечески-любезнымъ сверхъ моего чаянія; неудовольствія же за раннія мои посѣщенія у него почти не проявлялось. Кто быль внимателень къ себѣ и помниль его назидательныя слова или наставленія старца Макарія, таковымъ братомъ о. Амвросій оставался всегда весьма доволенъ, оказывалъ къ нему вниманіе и даже приближалъ къ себѣ. Къ согрѣшающимъ, но чистосердечно кающимся и исправляющимся быль снисходителенъ и милостивъ паче мѣры. Онъ не различалъ богатаго отъ убогаго, достойнаго отъ недостойнаго, по примѣру Господа, ядшаго и пившаго съ мытарями и блудницами, лишь бы заблудившихъ возвратить на путь истины и привлечь къ страху Божію. Никогда не порицаль онъ чужихъ согрѣшеній, и не терпѣль онъ клеветы на ближняго, строго относясь къ клеветникамъ, не разбирая лицъ».

Приведенный нами разсказъ о. игумена Марка о его отношеніяхъ къ о. Амвросію замѣчателенъ не только тѣмъ, что съ несомнѣнностью подтверждаетъ старчествованіе о. Амвросія задолго до кончины о. Макарія, но и тѣмъ, что даетъ намъ живой и яркій образъ о. Амвросія какъ старца. Изъ словъ о. Марка видно, какую са-

моуглубленную и сосредоточенную жизнь проводиль уже и въ это время о. Амвросій, какъ онъ быль глубоко погруженъ въ молитву и богомысліе, какъ онъ нерѣдко плакаль, какъ внимательно изучаль святоотеческія писанія, какъ онъ всѣ совѣты свои и наставленія обосновываль не на своемъ разсужденіи, а на ясномъ свидѣтельствѣ святыхъ Отцовъ, съ какою любовью и вниманіемъ принималъ онъ обращавшихся къ нему, какъ обстоятельно даваль имъ отвѣты на ихъ недоумѣнія и до какой степени нравственно удовлетворенными и утѣшными отпускаль ихъ отъ себя. Въ этихъ духовныхъ чертахъ 42-лѣтняго іеромонаха Амвросія мы находимъ всѣ основныя черты и его позднѣйшаго духовнаго облика.

Посылая къ о. Амвросію нѣкоторыхъ изъ братій для духовнаго руководства, о. Макарій поручаль ему также собесѣданія и со свѣтскими посѣтителями, собиравшимися въ хибаркѣ, примыкавшой къ келліи о. Макарія съ вѣнчаной стороны Скита. Отецъ Амвросій ревностно и съ любовью занимался этимъ послушаніемъ, обращаясь въ недоумѣнныхъ слuchаяхъ къ о. Макарію за совѣтомъ и указаніемъ. Видя о. Амвросія, окруженнаго толпою собесѣдниковъ, о. Макарій шутливо говориль: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросій-то у меня хлѣбъ отнимаетъ, хлѣбъ отнимаетъ». Самому же о. Амвросію замѣтить: «Смотри, помянешь ты это времячко».

По порученію старца Макарія о. Амвросій ходиль, какъ и самъ о. Макарій, для бесѣды съ посѣтителями и на гостиницу. Мѣшокъ съ рубашками и носками быль обыкновенно неизмѣннымъ его спутникомъ. Какъ толь-

ко нужно бывало на гостиницу идти, навалить себѣ его на плечо и пойдетъ.

Рассказываютъ, что однажды о. Макарій послалъ о. Амвросія на гостиницу къ какой-то пріѣзжей богатой госпожѣ, которая готовилась къ причащенію Св. Таинъ. Наслышавшись объ о. Амвросію много хорошаго, она стала говорить ему о какихъ-то своихъ неудачахъ, вызывавшихъ въ ней чувство огорченія, и ожидала услышать отъ о. Амвросія слово сочувствія. Но онъ, выслушавъ ея рѣчъ, спокойно сказалъ: «По дѣламъ вору и мука». Не понравились эти слова госпожѣ, и она прекратила съ о. Амвросіемъ разговоръ, а онъ немедленно удалился въ свою келлію. На слѣдующій день послѣ обѣдни старецъ Макарій пошелъ въ гостиницу поздравить эту госпожу съ принятіемъ Св. Таинъ, взявъ съ собою и о. Амвросія. Увидѣвъ о. Амвросія, она сказала: «Ну ужъ, батюшка, повозилась я съ вашимъ словечкомъ, – чуть-чуть причастія не отложила, – всю вечерню продумала и утреню: пришла къ обѣднѣ, а сама все никакъ не успокоюсь; только уже во время Херувимской согласилась, что вы правду сказали».

Въ пятидесятыхъ годахъ пріѣхало въ Оптину Пустынь богатое семейство Ключаревыхъ; старики, отецъ и мать, имѣли намѣреніе принять монашество. Это семейство поселилось на гостиномъ дворѣ, въ отдѣльномъ, небольшомъ корпусѣ, и было поручено о. Макаріемъ заботамъ о. Амвросія, который и посѣщалъ Ключаревыхъ почти ежедневно. «Однажды, – рассказывалъ Батюшка, – былъ при этомъ такой случай. Ключарева часто присыпала за мной лошадь. Архим. Моисею

это не нравилось, должно быть. Вотъ онъ разъ вышелъ мнѣ навстрѣчу и сталъ, опершись на палку, на перекре-сткѣ, где мнѣ нужно было проѣзжать. Дѣлать нечего. я снялъ шапочку и раскланялся. Съ тѣхъ поръ болѣе уже не єздила, а ходилъ пѣшкомъ».

Въ это же время духовному окормленію о. Амвросія поручены были относившіяся къ Оптинскимъ стар-цамъ монахини Борисовской пустыни Курской губер-ніи. И потому, когда онѣ прїезжали въ Оптина, онъ по обязанности немедленно отправлялся къ нимъ на гос-тиницу.

Такъ постепенно все болѣе и болѣе расширялся кругъ лицъ, пользовавшихся духовными совѣтами и ру-ководствомъ о. Амвросія какъ среди братій обители, такъ и среди прїезжавшихъ въ Оптина Пустынь мона-шествующихъ и свѣтскихъ лицъ. Отецъ Макарій, види-мо, подготавлялъ его въ преемники себѣ. Замѣчательно при этомъ, что незадолго до своей кончины онъ пред-рекъ о. Амвросію его будущую дѣятельность и сказалъ: «Будешь жить въ хибаркѣ по ту сторону воротъ, и смот-ри – вотъ тебѣ мой завѣтъ – никого изъ приходящихъ не оставляй безъ утѣшений».

Однако, когда о. Макарій скончался, о. Амвросій не былъ еще такимъ общепризнаннымъ и безспорнымъ его преемникомъ, какимъ въ свое время оказался о. Макарій послѣ кончины о. Леонида. Самъ о. Макарій, уми-рая, не указалъ прямо на о. Амвросія какъ на своего за-мѣстителя, и на вопросъ братіи: «Какъ намъ быть безъ васъ, батюшка?» – онъ приказалъ подать ему алфавит-ный патерикъ и прочитать въ немъ отвѣтъ аввы Исаака

Скитскаго на подобный же вопросъ его учениковъ. Ав-ва Исаакъ отвѣтиль имъ: «Вы видѣли, какъ я вель себя предъ вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповѣди Божіи, и Богъ пошлетъ благодать Свою, и сохранить мѣсто сie; если же не будете сохранять запо-вѣдей, не пребудете на мѣстѣ семъ. И мы также скорбѣли, когда отходили отъ нась къ Господу отцы наши: но, соблюдая заповѣди Господни и завѣщанія старцевъ, жи-ли такъ, какъ будто они были съ нами. Поступайте такъ и вы, и спасетесь!»

Святитель Московскій Филаретъ, хорошо знавшій дѣла оптинскія, писаль по поводу кончины о. Макарія: «Оптинскіе лишились о. Макарія. Думаю, остались отъ него добрые духовные наслѣдники; но найдется ли, кто могъ бы поддержать ихъ въ единствѣ духа и возгла-вить?»

Такимъ образомъ, опредѣленнаго преемника о. Макарію по старчеству послѣ его кончины не было. Обра-щавшіеся къ о. Макарію при его жизни за настав-леніями и руководствомъ избрали себѣ различныхъ руководителей. Отецъ архимандритъ Моисей избралъ своимъ духовникомъ и старцемъ своего брата игумена Антонія; иные обратились къ новому скитоначальному о. Пафнютію, ставшему вмѣстѣ съ тѣмъ и духовникомъ обители; другіе избрали своимъ старцемъ іеромона-ха Иларіона, бывшаго послѣдніе годы келейникомъ о. Макарія; а иные, наконецъ, сдѣлались учениками о. Амвросія. Какъ высоко уже въ это время многіе ста-вили о. Амвросія, видно изъ слѣдующихъ отзывовъ о немъ.

Одинъ изъ духовныхъ сыновей о. Макарія, К. К. Зедергольмъ, о которомъ мы скажемъ подробнѣе ниже, писаль 17 ноября 1860 г. своему брату: «Осиротѣли мы съ тобою (послѣ смерти о. Макарія). Доселѣ мнѣ кажется, что съ батюшкою о. Макаріемъ скончалось все утѣшеніе мое. Обращаюсь къ о. Амвросію, истинному ученику Батюшки, проникнутому его духомъ». Въ 1861 году инспекторъ Томской духовной семинаріи іеромонахъ Владимиръ въ письмѣ къ о. архимандриту Моисею выражалъ радость, что его братъ, принятый въ Оптину Пустынь, «удостоился получить въ духовные руководители такого старца, какъ о. Амвросій!» Около того же времени іеромонахъ Антоній (Бочковъ) писаль объ о. Амвросію, что обитель Оптинская «отъ него получаетъ укрѣпленіе и назиданіе. Причиною тому служать: его кротость, доброта и простота. Его благой примѣръ и совѣты могутъ сотворить чудо... Хвалить его напрасно. Дѣла лучше словъ говорятьъ за него... Видно, назначено ему спасаться болѣзнями; рѣдкое его незлобіе и младенчество христіанское все переносить благодушно: и Божіе наведеніе, и человѣческія неправды». Преосв. Веніамінъ, епископъ Воронежскій, прїѣзжавшій еще при жизни о. Макарія въ Оптину, долго бесѣдовалъ съ о. Амвросіемъ, и всегда послѣ того относился къ нему съ глубокимъуваженіемъ.

Съ теченіемъ времени слухи о духовной опытности и мудрости о. Амвросія все болѣе и болѣе распространялись, и число относящихся къ нему все болѣе возрастало. Относившіеся на первыхъ порахъ, по невѣдѣнію,

къ о. Амвросію съ недовѣріемъ, стали измѣнять о немъ свое мнѣніе.

Такъ одна барыня, глубоко огорченная кончиною о. Макарія, услышавъ, что въ Оптиної Пустыни есть теперь новый старецъ, о. Амвросій, воскликнула: «Какъ! Чтобы я послѣ Макарія пошла къ этому монаху, который все вертѣлся въ батюшкиныхъ келліяхъ и расхаживалъ съ мѣшочкомъ! Это невозможно!» Но спустя нѣкоторое время, случайно побесѣдовавъ съ о. Амвросіемъ, она вышла отъ него растроганная и впослѣдствіи говорила: «Я знала обоихъ, но чувствую, что о. Амвросій еще выше о. Макарія».

Въ 1862 году скончался настоятель Оптиної Пустыни о. архимандритъ Моисей. Преемникомъ ему старшая братія, большинствомъ голосовъ, избрала скитонаачальника о. Пафнутія. Однако преосвященный Григорій не утвердилъ этого избранія, такъ какъ былъ освѣдомленъ отъ о. Амвросія, что преемникомъ о. Моисея, по указанію о. Макарія, долженъ быть скитскій іеромонахъ Исаакій; его-то и назначилъ Преосвященный настоятель обители, пообѣщавъ о. Пафнутію не оставить и его, что и исполнилъ вскорѣ, опредѣливъ его настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря.

Съ перемѣщеніемъ о. Пафнутія въ Малоярославецъ многія изъ его духовныхъ дѣтей стали теперь относиться къ о. Амвросію. Въ 1865 году скончался братъ архимандрита Моисея о. игуменъ Антоній, послѣдній изъ великихъ Оптинскихъ старцевъ – устроителей Скита. Его ученики также въ значительномъ числѣ обратились къ о. Амвросію, – и съ этого времени въ Оптиної Пус-

тыни явилось, такимъ образомъ, два главныхъ духовныхъ руководителя: о. Амвросій, старецъ, и о. Иларіонъ, духовникъ братства.

Къ этому времени о. Амвросій становится уже извѣстнымъ и святителю Московскому Филарету, который въ томъ же 1865 году, съ однимъ бывшимъ въ Москвѣ оптинскимъ монахомъ, прислалъ Старцу на благословеніе образокъ Нерукотворенного Спаса.

По вступлениі въ подвигъ старчества о. Амвросій продолжалъ нести свой тяжкій крестъ болѣзней, которыя стали его неразлучными спутницами до самой кончины.

Въ концѣ 1862 года, зимою, о. Амвросій, ъдучи изъ Скита въ монастырь навѣстить новопостриженныхъ монаховъ, принятыхъ имъ какъ старцемъ отъ Евангелія, какими-то судьбами вывалился изъ саней и вывихнулъ себѣ руку. Вслѣдствіе неудачнаго лечения онъ долго и сильно страдалъ. Здоровье его, и безъ того слабое, еще болѣе ослабѣло, такъ что съ этого времени онъ уже не могъ ходить въ храмъ Божій на церковныя службы и даже причащался Св. Христовыхъ Таинъ у себя въ келліи черезъ каждыя три, двѣ, а иногда и одну недѣли. На воздухъ же въ зимнее время не выходилъ до самой своей кончины.

Какъ бы въ подкрѣпленіе тѣлесной немоши Старца, Господь въ это именно время посыпаетъ ему нѣсколько дѣятельныхъ и преданныхъ помощниковъ. Въ 1863 году поступилъ въ Скитъ въ число братіи Константинъ Карловичъ Зедергольмъ, сынъ московскаго реформатскаго суперинтендента, человѣкъ съ университетскимъ обра-

зованіемъ, другъ Т. И. Филиппова и поэта Б. Н. Алмазова, магистръ греческой словесности, бывшій нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода графѣ А. П. Толстомъ, путешествовавшій на Востокъ и хорошо знаяшій положеніе восточныхъ церквей, за десять лѣтъ передъ поступленіемъ въ Скитъ присоединенный изъ реформатства въ Православіе въ томъ же Скиту старцемъ іеросхимонахомъ Макаріемъ. Это былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и преданный Православію, которое съ самаго дѣтства привлекало его къ себѣ.

Поступивъ въ Скитъ, Зедергольмъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ учениковъ старца о. Амвросія, помогалъ ему въ его обширной перепискѣ, а также и въ книгоиздательствѣ, которое продолжалось и при о. Амвросіи, какъ прежде при о. Макаріи.

Въ монашествѣ Зедергольмъ получилъ имя Климента и, проживъ въ Скиту 15 лѣтъ, скончался въ 1878 году отъ воспаленія легкихъ²⁵. Почти въ одно время съ о. Климентомъ поступили въ Скитъ взятые Старцемъ къ себѣ въ келейники: изъ Москвы – Максимъ, впослѣдствіи іеромонахъ Михаиль, около 20 лѣтъ келейничавшій при о. Амвросіи, и изъ Харьковской губ. – Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ, остававшійся при Старцу до переѣзда его въ Шамордино и впослѣдствіи старчествовавшій въ Оптиної Пустыни до самой своей кончины въ 1911 г. На этихъ двухъ лицахъ и на ихъ

²⁵ Его жизнь описана К. Н. Леонтьевымъ въ книгѣ: «Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиної Пустыни», изданной Казанской Амвросіевской женской пустынью.

помощникахъ лежаль нелегкій трудъ доклада Старцу о посѣтителяхъ, а также и исполненіе тѣхъ или другихъ порученій Старца и уходъ за нимъ. При содѣйствіі о. Клиmenta, а также о. Леонида (Кавелина), о. Anatolія (Зерцалова), о. Агапита и другихъ лицъ, о. Amвросій продолжаль начатое о. Makаріемъ дѣло книгоиздательства. При немъ и подъ его руководствомъ Optinoю Пустынью въ 60-хъ и 70-хъ годахъ были изданы: 1) Сказание о жизни и подвигахъ старца Optinой Пустыни іеросхимонаха Makарія (составленное архимандритомъ Леонидомъ Кавелинымъ), 2) Собрание писемъ о. Makарія въ шести томахъ, 3) новое изданіе аввы Дороѳея, приготовленное къ печати о. Клиmentомъ и о. Anatolіемъ, 4) Симеона Новаго Богослова 12 словъ въ переводѣ о. Клиmenta и о. Anatolія, 5) Жизнеописаніе игумена Antonія (составленное о. Клиmentомъ), 6) Преп. отца нашего Феодора Студита огласительныя поученія въ русскомъ переводѣ – труды о. Клиmenta, о. Anatolія и о. Агапита, 7) Поученія Петра Дамаскина въ переводѣ о. Ювеналія, 8) Жизнеописаніе старца Леонида (составленное о. Клиmentомъ), 9) Описаніе Козельской Optиной Пустыни (составленное о. Леонидомъ (Кавелинымъ), 10) Царскій путь Креста Господня въ переводѣ о. Клиmenta, 11) Жизнеописаніе архимандрита Moисея (составленное архимандритомъ Ювена-ліемъ) и др. Кромѣ того, Optиной Пустынью въ это же время издано двадцать брошюре разнаго содержанія и печатались новыя изданія раныше выпущенныхъ книгъ.

Въ августѣ 1868 года о. Amвросій снова тяжко заболѣль припадками своей обычной жестокой болѣзни –

геморроя. Кровотеченья продолжались ежедневно цѣлыхъ пять недѣль. За отсутствіемъ козельскаго уѣзднаго врача о. Амвросій девять дней оставался безъ медицинской помощи. И только шестого сентября пріѣхалъ изъ Бѣлева врачъ, который и помогъ нѣсколько страдальцу. Ввиду того, что болѣзнь все-таки не прекращалась, бывшій въ это время въ Оптино Пустыни почитатель о. Амвросія и его духовный сынъ графъ А. П. Толстой, а также и другія духовныя дѣти Старца стали просить о. игумена Исаакія послать монаха въ с. Калуженку (въ 70 верстахъ отъ Оптино) къ тамошнему священнику съ просьбою привезти въ монастырь извѣстную святыню – чудотворную Калуженскую икону Божіей Матери, чтобы всѣмъ вмѣстѣ духовнымъ дѣтямъ старца Амвросія помолиться предъ нею объ его исцѣленіи. Святую икону привезли, и въ келліяхъ Старца отслуженъ былъ молебенъ съ акаѳистомъ Царицѣ Небесной, а затѣмъ и келейное бдѣніе. Хотя и послѣ этого болѣзнь Старца продолжалась еще нѣкоторое время, но у всѣхъ оживилась надежда на его выздоровленіе. И дѣйствительно, къ концу сентября Старець поправился. Но едва ему стало легче, какъ 1 ноября о. Амвросій снова простудился и снова заболѣлъ. Простуда бросилась на правый глазъ, въ которомъ сдѣлалось воспаленіе, такъ что Старець мѣсяца два не могъ читать.

Дорожа молитвеннымъ уединеніемъ и нуждаясь по временамъ въ отдыхѣ, ввиду непрерывнаго наплыва посѣтителей и своихъ тяжкихъ болѣзней, о. Амвросій имѣть обыкновеніе каждое лѣто проводить нѣкоторое

время на уединенныхъ монастырскихъ дачахъ въ глуби-
нѣ лѣса.

Въ 1869 году его почитатели задумали устроить для него удобное помѣщеніе на одной изъ такихъ уединенныхъ монастырскихъ дачъ. Начало этому дѣлу положено было слѣдующимъ образомъ. Въ сопровождениіи своего секретаря о. Клиmenta, письмоводителя обители о. Михаила (Струкова) и маленькаго сынишки послѣдняго, Евгенія, о. Амвросій прибылъ на мѣсто, назначенное для постройки келліи. Обратившись къ своимъ спутникамъ, Старецъ сказалъ: «Благословите, братіе, келлію здѣсь построить». Всѣ молчали. Тогда Старецъ, взявъ руку мальчика, перекрестиль ею назначенное мѣсто и заставилъ его повторять за собою слова: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Богъ благословить на добро здѣсь пожить».

Къ слѣдующему лѣту лѣсная батюшкина келлія была готова. Тринадцатого іюля вечеромъ о. Амвросій перебрался въ новое помѣщеніе. Первымъ дѣломъ Старца было освятить новое мѣсто пребыванія молитвою. Было совершено всенощное бдѣніе Божіей Матери, св. Іоанну Предтечѣ и св. Амвросію Медіоланскому. На другой день утромъ быль отслуженъ молебенъ Спасителю, свт. Николаю Чудотворцу, преп. Макарію Египетскому и св. благовѣрному князю Александру Невскому. Была прочитана молитва на освященіе дома, и все помѣщеніе было окроплено св. водою. Сюда, въ это уединенное мѣстечко, нѣсколько лѣть къ ряду, старецъ Амвросій уѣжалъ изъ Скита, стараясь избирать недѣлю съ будничными днями, и гостиль здѣсь дней пять-шесть.

Одинъ изъ духовныхъ сыновей о. Амвросія, писатель К. Н. Леонтьевъ, такъ описываетъ это лѣтнее мѣстопребываніе Старца.

«Въ семи верстахъ отъ Оптиної, въ лѣсной глухи, есть дача, на которую ъздитъ иногда отдыхать отъ многолюдства давно уже изнемогающій оптинскій старецъ отецъ Амвросій. Тамъ на небольшой зеленої лужайкѣ построена простая, чистая и просторная изба; въ ней по нѣсколько дней проводить отъ времени до времени о. Амвросій. Люди, однако, и тамъ находять его. Когда я посѣтилъ въ первый разъ Оптино, я долженъ бытъ ъхать на эту дачу, чтобы передать духовнику письма, которыя у меня были къ нему съ Аѳона²⁶. Вокругъ избы на лугу уже было довольно много народа: монахи, крестьяне, крестьянки, монахини, дамы. Длинныя жерди на столбикахъ были заложены со всѣхъ сторонъ, чтобы всѣ разомъ не тѣснились къ Старцу и не мѣшали ему бесѣдоватъ тихо съ тѣмъ, кого онъ уже позвалъ. Всѣ терпѣливо ждали: иные сидѣли на травѣ, другіе стояли, облокотившись на жерди, въ надеждѣ, что Старецъ, проходя мимо, благословить ихъ или скажетъ хоть два какія-нибудь слова. Многіе, имъ какое-нибудь дѣло, желали только одного, чтобы при началѣ этого дѣла Старецъ молча перекрестить ихъ. Больше ничего. Для этого многіе приходять издалека. Было очень жарко. Болѣзненный Старецъ въ это время ходилъ тихонько по лугу подъ большимъ полотнянымъ зонтикомъ и разговаривалъ съ какимъ-то мужикомъ. Они бесѣдовали долго. Когда оче-

²⁶ К. Н. Леонтьевъ пріѣхалъ тогда изъ Салоникъ, гдѣ бытъ русскимъ консуломъ.

редь дошла до меня, то Старець, уже утомленный ходьбой, позвалъ меня въ комнату»...

Съ особеннымъ радушіемъ Старець принималъ у се-
бя въ лѣсной келлі приходившихъ навѣстить его близ-
кихъ къ нему монаховъ. Придуть, бывало, на вечеръ че-
ловѣка два. Ихъ тамъ угостятъ скромнымъ ужиномъ.
Уснуть усталые путники, и Старець уже не велить бу-
дить ихъ рано, даже и для слушанія утренняго правила.
Когда гости встанутъ и, прослушавъ вмѣстѣ съ Стар-
цемъ часы, подойдутъ къ нему подъ благословеніе съ
извиненіемъ, что проспали утреню, онъ отечески снис-
ходительно скажетъ: «Ну, ужъ мы гостей не беспоко-
имъ». Въ другой разъ, когда также пришли къ Старцу на
дачу монахи изъ Оптиної, и наутро главный келейникъ
сталъ, было, будить ихъ на правило, о. Амвросій съ
огорченіемъ сказалъ ему: «Дуракъ! Развѣ къ тебѣ сюда
молиться идуть? Они и въ монастырѣ намолятся; а имъ
нужно отдохнуть». Такова была любовь Старца!

Однимъ изъ любимыхъ гостей о. Амвросія въ его
лѣсной келлі былъ послушникъ Елисей, пятьдесятъ
два года прожившій въ обители и все время отказы-
вавшійся отъ всякихъ монастырскихъ повышеній и от-
личій. Онъ жилъ въ верстѣ отъ старцевой дачи въ ма-
ленькой хаткѣ-караулкѣ, караулиль лѣсъ. Этому рабу
Божію о. игуменъ Исаакій предлагалъ однажды по-
стричься въ мантію или хотя бы въ рясофоръ, и даже
требовалъ этого съ угрозою. «Иначе, – говорилъ онъ, –
я пошлю тебя въ кухню!» – «А вотъ мнѣ, – отвѣчалъ
Елисей, – и рясофоръ!» – «Я тебя на поклоны постав-
лю!» – «А вотъ мнѣ и мантія!» Пребывая долгое время

въ лѣсномъ уединеніи, Елисей и самъ сдѣлался какъ бы дитя природы. Лѣсныхъ птичекъ зимою онъ изъ руки кормилъ. Выйдетъ на воздухъ, посыпать себѣ на голову, на бороду, на руки коноплянаго сѣмени, и лишь только проговорить: «Птички, птички, птички!», какъ со всѣхъ сторонъ налетятъ онъ на него, – какія сядутъ на голову, на бороду, какія на руки, и всего его облѣпятъ. Умеръ онъ въ глубокой старости, въ монастырской больницѣ. Передъ кончиною, когда братія обращались къ нему со словами утѣшенія и ободренія, онъ отвѣчалъ: «Слава Богу! Онъ и здѣсь утѣшалъ меня, – даровалъ мнѣ любить, восхвалять и прославлять Его! Съ Богомъ и здѣсь и тамъ – вездѣ хорошо. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ!»

Въ февраль 1871 года со Старцемъ снова начались тяжкіе геморроидальные припадки. Но вотъ 24 февраля прислали ему съ Аѳона большую икону св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона, заказанную духовными дочерьми Старца, монахинями Бѣлевскаго монастыря. Въ тотъ же день было отправлено въ келліяхъ о. Амвросія бдѣніе угоднику Божію, а на другой день отслуженъ ему молебенъ. И съ этого дня болѣзнь Старца, беспокоившая его около недѣли и не уступавшая никакимъ врачебнымъ средствамъ, прекратилась.

Однако 8 августа того же 1871 года болѣзнь снова повторилась въ сильнѣйшей степени и не оставляла Старца до 10 сентября. По желанію Старца въ его келлії 17 августа былъ отслуженъ молебенъ съ акаѳистомъ передъ принесеною Калуженскою иконою Божіей Матери, а 18-го – передъ Ахтырскою иконою

Божієй Матері, доставленою із Козельска. Наконець 30 августи була привезена із Мещовського Георгієвського монастиря чудотворна ікона Божієй Матері «Всіхъ Скорбящихъ Радость», і предъ этою иконою всѣ окружавшиє страдальца, вмѣстъ съ нимъ, усердно молились о его выздоровлениі. По поводу этой своей болѣзни Старець писаль одному своему духовному сыну, Томскому епіскопу Петру: «Здоровье мое въ настоещее время болѣе прежняго неисправно. Лѣтомъ, по примѣру прежнихъ годовъ, уѣзжалъ я нѣсколько разъ въ устроенную мною лѣсную келлію. И хотя тамъ въ утренніе и вечерніе часы имѣль свободу отъ посѣтителей, но зато въ остальное время они такъ меня обременяли, что къ концу лѣта я выбился изъ силъ, и въ августѣ заболѣль: открылось геморроидальное кровоточеніе, продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ. Потомъ, благодареніе Господу, понемногу стала поправляться; но послѣ этой болѣзни я замѣтно стала слабѣе прежняго».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ геморроидальная болѣзнь снова повторилась, хотя и въ меньшей степени, нежели раньше. Старець совсѣмъ обез силѣль. Въ день своего Ангела, 7 декабря, онъ быль настолько слабъ, что не могъ даже принять и поздравленій. Келейники подъ руки переводили его изъ келліи въ келлію. Однако молитвы духовныхъ дѣтей воздвигли и на этотъ разъ болѣща го Старца отъ одра болѣзни, и снова началась его обычна многозаботливая и самоотверженная дѣятельность. Впрочемъ, и послѣ этого Старець неоднократно до самой своей кончины подвергался припадкамъ никогда не оставлявшихъ его болѣзней.

Отець Амвросій въ его перепискѣ со свѣтскими и монашествующими

Съ возрастаніемъ числа духовныхъ дѣтей о. Амвросія увеличивается и его переписка съ лицами, искавшими его духовнаго руководства. Къ нему обращались не только монашествующіе, но и свѣтскіе люди самыхъ различныхъ положеній, состояній и даже національностей и вѣроисповѣданій, съ самыми разнообразными вопросами, касающимися вѣры и жизни христіанской. Отець Амвросій считалъ своимъ долгомъ давать отвѣты на обращаемые къ нему вопросы, и въ этихъ отвѣтахъ ярко обнаруживаются личность о. Амвросія, его взгляды на тѣ или другіе вопросы вѣры и жизни и его отношенія къ людямъ.

Ввиду этого считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ важнѣйшимъ содержаніемъ переписки Старца.

Отець Амвросій убѣждалъ искавшихъ его совѣтовъ, что никогда, ни при какихъ жизненныхъ затрудненіяхъ и непріятностяхъ не надо унывать, а надо надѣяться на Промыслъ Божій. «Старинные люди давно рѣшили, — пишетъ о. Амвросій, — что вѣкъ безъ притчи не проживешь, и прибавили, что и горшокъ съ горшкомъ сталкиваются, колыми паче людямъ, живущимъ вмѣстѣ, невозможно пробыть безъ столкновенія. И особенно это бываетъ отъ различныхъ взглядовъ на вещи; одинъ о ходѣ дѣлъ думаетъ такъ, а другой иначе; одинъ убѣжденъ въ своихъ понятіяхъ, кажущихся ему твердыми и основательными, а другой вѣрюетъ въ свои разумѣнія. Ежели въ первоначальномъ правилѣ ариѳметики слагается

одинъ и одинъ, то выходить два; если же въ третьемъ правилъ помножить два на два, то выйдетъ уже четыре; если же дѣло дойдетъ до дробей, то окажутся цифры вверху и внизу, а посреди ихъ черта, такъ бываетъ и въ дѣлахъ человѣческихъ. Если ихъ очень раздроблять, то окажется неудобство и вверху и внизу съ какою-либо преградою посреди. Я какъ тебѣ писаль и говориль прежде, такъ и теперь скажу: ежели будешь вѣровать въ Промыслъ Божій и надѣяться на всесильную Божію помошь, то не встрѣтишь такихъ неудобствъ, какія предполагаешь; и сверхъ того будешь всегда пользоваться возможнымъ спокойствіемъ душевнымъ».

Въ другомъ письмѣ о. Амвросій пишеть: «Получилъ отъ васъ два письмѣца отчаянныхъ. Пишете мнѣ: я погибла, потому что лошадей украли на хуторѣ. Опомнитесь, что вы говорите? Что у васъ украли лошадей, это не есть какой-либо грѣхъ смертный, за который надо погибать; и сверхъ того вы не могли бы взять лошадей съ собою на тотъ свѣтъ. Туда пойдутъ съ нами однѣ дѣла наши, или добрыя или злые. Если не имѣемъ добродѣтелей, то постараемся, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ грѣховъ покаяніемъ и терпѣніемъ находящихъ скорбей, которыя посылаются Промысломъ Божіимъ къ очищенію души нашей отъ грѣховъ и пороковъ и всякой неключимой примѣси. Знаю, что у васъ много скорбей и домашнихъ непріятностей; но говорите себѣ и вразумляйте себя тѣмъ, что въ адѣ хуже, и томительнѣе, и безотраднѣе; и оттуда уже нѣть надежды избавиться. А если человѣкъ терпитъ скорби съ покорностью волѣ Божіей, исповѣдаясь во грѣхахъ своихъ, то чрезъ это из-

бавляется отъ тяготы вѣчныхъ мученій. Поэтому лучше потерпимъ здѣсь непріятности, какъ бы онѣ тяжки ни были, возверзая печаль свою на Господа и молясь Ему со смиреніемъ, да избавитъ насъ отъ малодушія и отчаянія, которыя хуже всѣхъ грѣховъ».

Матери, скорбѣвшей о безбожіи и вольнодумствѣ своего сына, о. Амвросій пишеть: «Вы писали, что, подавъ однажды нищему милостыню о здравіи вашего сына, смутились, когда онъ сталъ молиться о упокоеніи его. Не смущайтесь этимъ. Отъ ошибки и недоразумѣнія нищаго не могло и не можетъ произойти ничего противнаго для вашего сына. И ничего большаго и лучшаго никому нельзя пожелать, какъ въ свое время сподобиться Царствія Небеснаго. А что вы въ скорби своей о сынѣ иногда думали, что лучше бы было для него умереть, нежели жить такъ, какъ онъ живеть. – за это укорите себя и съ полною вѣрою предайте и себя самую, и сына вашего волѣ всеблагаго и премудраго Бога. Если Господь чьи дни сохраняетъ, то благодѣтельствуетъ; если чью жизнь пресъкаетъ, паки благодѣтельствуетъ. И вообще, по слову Св. Церкви, Господь глубиною мудрости человѣколюбно все устраиваетъ и полезное всѣмъ подаетъ. И потому для человѣка нѣть ничего лучше и полезнѣе преданности волѣ Божіей; а намъ судьбы Божіи непостижимы. Вы сознаете, что во многомъ сами виноваты, что не умѣли воспитать сына, какъ должно. Самоукореніе это полезно; но, сознавая вину свою, должно смиряться и раскаиваться, а не смущаться и отчаяваться; также не должно очень тревожиться вамъ мыслью, будто вы однѣ – невольною причиною тепе-

решняго положенія вашего сына. Это не совсѣмъ правда: всякий человѣкъ одаренъ свободною волею, и самъ за себя болѣе и долженъ будеть отвѣтать предъ Богомъ.

Спрашиваете, не написать ли вамъ сыну вашему на удачу въ Москву, и какъ ему написать, чтобы тронуть его сердце? Напишите ему сперва вкратцѣ, чтобы узнать, гдѣ онъ теперь находится, а когда это узнаете, то можете написать ему и подробнѣе. Можете тогда ему сказать, что онъ теперь, вѣроятно, собственнымъ опытомъ испыталъ, къ чему ведеть безбожіе и вольнодумство; что, стремясь къ необузданной свободѣ, онъ забылъ, что отъ грѣха, особенно досажденія родителямъ, произошло самое рабство, котораго прежде не было на землѣ и т. п. Помолясь Богу, пишите, какъ Господь положитъ вамъ на сердце... Вообще же, вамъ должно теперь не столько заботиться вразумлять его, но болѣе молиться за него, чтобы Самъ Господь, имиже вѣсть судьбами, вразумилъ его. Велика сила матерней молитвы. Вспомните, изъ какой глубины зла извлекла блаженаго Августина молитва благочестивой матери его. А молясь за сына, молитесь и о себѣ, чтобы Господь простиль васъ, въ чемъ вы по невѣдѣнію согрѣшили».

Другой матери, скорбѣвшей о болѣзни дочери, Статрецъ писалъ: «Слышу, что вы скорбите паче мѣры, видя страданія болящей дочери. Дѣйствительно, по-человѣчески нельзя не скорбѣть матери, видя дочь свою малютку въ такихъ страданіяхъ, и страждущую и день и ночь. Несмотря на это, вы должны помнить, что вы христіанка, вѣрующая въ будущую жизнь и будущее блаженное воздаяніе не только за труды, но и за стра-

данія произвольныя и невольныя; и потому не должны неразсудно малодушествовать и скорбѣть паче мѣры, подобно язычникамъ, или людямъ невѣрующимъ, которые не признаютъ ни будущаго вѣчнаго блаженства, ни будущаго вѣчнаго мученія. Какъ ни велики невольныя страданія дочери вашей малютки С., но все-таки онѣ не могутъ сравниться съ произвольными страданіями мучениковъ; если же равняются, то она и равное съ ними получить блаженное состояніе въ райскихъ селеніяхъ. Впрочемъ, не должно забывать и мудренаго настоящаго времени, въ которое и малыя дѣти получаютъ душевное поврежденіе отъ того, что видятъ, и отъ того, что слышатъ; и потому требуется очищеніе, которое безъ страданій не бываетъ; очищеніе же душевное по большей части бываетъ чрезъ страданія тѣлесныя. Положимъ, что и не было никакого душевнаго поврежденія. Но все-таки должно знать, что райское блаженство никому не дается безъ страданій. Посмотрите: и самые грудные младенцы безъ болѣзни ли и страданій переходятъ въ будущую жизнь? Впрочемъ, пишу такъ не потому, что желалъ бы смерти страждущей малюткѣ С., но пишу собственно все это для утѣшенія васъ, и для правильнаго вразумленія, и дѣйствительнаго убѣжденія, чтобы вы неразсудно и паче мѣры не скорбѣли. Какъ ни любите вы дочь свою, но знайте, что болѣе васъ любить ее всеблагій Богъ нашъ, всякимъ образомъ промышляющій о спасеніи нашемъ. О любви Своей къ каждому изъ вѣрующихъ Самъ Онъ свидѣтельствуетъ въ Писаніи, глаголя: *аще и жена забудеть исчадie свое, Азъ же не забуду тебе.* Поэтому постарайтесь умѣрить скорбь

вашу о болящей дочери, возвергая печаль сию на Господа: *яко же бо хощеть и благоизволить, такъ и сотворить съ нами по благости Своей.* Совѣтую вамъ пріобщать болящую дочь съ предварительною исповѣдью. Попросите духовника, чтобы поблагоразумнѣе разспросиль ее при исповѣди».

Вступившимъ въ бракъ и начинающимъ семейную жизнь о. Амвросій даетъ слѣдующее наставлениe: «Всегда вы должны помнить и не забывать, что тогда только жизнь наша будетъ проходить мирно и благополучно, когда мы не будемъ забываться и забывать Бога, Создателя нашего и Искупителя, и Подателя благъ временныхъ и вѣчныхъ. Не забывать же Его значитъ стараться жить по Его Божественнымъ и животворнымъ заповѣдямъ, и въ нарушеніи ихъ по немощи нашей искренно каяться и немедленно заботиться объ исправлениi своихъ ошибокъ и отступленiй отъ заповѣдей Божiихъ».

«Если бы супруги ровно по-христіански раздѣляли тяготу жизни своей, – пишетъ Старецъ въ другомъ письмѣ, – тогда людямъ и на землѣ было бы хорошо жить. Но какъ супруги часто бываютъ упруги, оба или одинъ изъ двухъ, то наше благополучiе земное и не упрочивается». Съ какою любовью относился о. Амвросій къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, видно изъ слѣдующаго. Одной изъ своихъ ученицъ, выражавшей опасенiе, что Старецъ оставитъ ее, о. Амвросій писалъ такъ: «Давно собирался я успокоить васъ, многозаботливая Н., касательно боязни вашей, что будто я оставилъ васъ и не буду писать вамъ. Ежели я, по слабости моего характера, не отказался отъ васъ, не знаяши васъ, какъ

должно, а согласился на предложение ваше, не желая оскорбить васъ въ крайней нуждѣ духовной находящуюся: то теперь ли могу оставить васъ, когда я, по недостатку истиннаго разсужденія, презрѣлъ свою душу, и собственное спасение оставилъ на произволъ судьбы, мняся заботиться о душевной пользѣ ближнихъ? Не знаю, есть ли кто неразумнѣе меня?!»

Отчего бываетъ у людей тоска? «Тоска, по свидѣтельству Марка Подвижника, есть крестъ духовный, посыпаемый намъ къ очищенію прежде бывшихъ согрѣшеній. Тоска происходитъ и отъ другихъ причинъ: отъ оскорбленааго самолюбія или отъ того, что дѣлается не по-нашему; также и отъ тщеславія, когда человѣкъ видѣть, что равные ему пользуются большими преимуществами; отъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, которыми испытуется вѣра наша въ Промыслъ Божій и надежда на Его милосердіе и всесильную помощь. А вѣрою и надеждою мы часто бываемъ скучны, отъ того и томимся».

«Предъ судомъ Божіимъ имѣютъ значеніе не характеры, а направленіе воли, – говоритъ о. Амвросій. – Знайте, что характеры имѣютъ значеніе только на судѣ человѣческомъ, и потому или похваляются, или порицаются; но на судѣ Божіемъ характеры, какъ природныя свойства, ни одобряются, ни порицаются. Господь взираетъ на благое намѣреніе и понужденіе къ добру, и цѣнить сопротивленіе страстямъ»...

Какъ надо исповѣдоваться? «Надобно исповѣдовать, какъ согрѣшили и въ чемъ согрѣшили, – вотъ и все. Хорошо заблаговременно написать не по книгѣ исповѣдь

и прочитать самому передъ духовникомъ. Будеть и ему понятно и незатруднительно, и исповѣдующемуся легко и отрадно».

По вопросу о томъ, что нужно давать читать дѣтямъ, о. Амвросій писаль: «Мнѣніе мое такое, чтобы прежде всего занимать юный умъ священною исторіею и чтеніемъ житій святыхъ, по выбору, незамѣтно насывая въ нихъ съмѣна страха Божія и христіанской жизни; и особенно нужно, съ помощію Божіею, сумѣть внушить дѣтямъ, какъ важно храненіе заповѣдей Божіихъ, и какія бѣдственныя послѣдствія бывають отъ ихъ нарушенія. Все это выходитъ изъ примѣра прародителей нашихъ, вкусиившихъ отъ запрещенного дерева, и за то изгнанныхъ изъ рая. Крылова басни можно оставить до времени, а пока занимать ребенка изученіемъ наизусть нѣкоторыхъ молитвъ, символа вѣры и избранныхъ псалмовъ, напримѣръ: «Живый въ помощи Вышняго», «Господь просвѣщеніе мое», и подобныхъ. Главное, чтобы ребенокъ былъ занятъ по силамъ и направленъ къ страху Божію. Отъ этого все доброе и хорошее, какъ и напротивъ, праздность и невнушеніе дѣтямъ страха Божія бывають причиной всѣхъ золь и несчастій.

Безъ внушенія страха Божія, чѣмъ дѣтей ни занимай, не принесетъ желаемыхъ плодовъ въ отношеніи доброй нравственности и благоустроенной жизни. При внушеніи же страха Божія всякое занятіе хорошо и полезно».

Въ другомъ письмѣ о. Амвросій писаль о воспитанії дѣтей такъ: «Пишете, что замѣчаете въ сынѣ своемъ сущность, или мало чувства и другіе недостатки. Но въ

дѣтствѣ вообще не у многихъ бываетъ истинное, насто-
ящее чувство: а большей частью оно проявляется въ бо-
лѣе зрѣломъ возрастѣ, уже тогда, когда человѣкъ болѣе
начнетъ понимать, и кое-что испытаетъ въ жизни. При-
томъ, избытокъ внутренняго чувства незамѣтно слу-
житъ поводомъ къ тайному возношенію и осужденію
другихъ; а недостатокъ чувства и сухость невольно сми-
ряютъ человѣка, когда онъ станетъ понимать это. Пото-
му многое не огорчайтесь тѣмъ, что замѣчаете въ сынѣ
вашемъ эту недостаток; со временемъ, можетъ быть,
и въ немъ неизбѣжныя въ жизни испытанія пробудятъ
должное чувство; а только позаботьтесь о томъ, чтобы
передавать ему по возможности о всемъ здравыя по-
нятія, согласно ученію Православной Церкви. Пишете,
что до сихъ поръ сами занимались съ нимъ и прошли съ
нимъ священную исторію Ветхаго Завѣта; и спрашива-
ете, какъ и чому его учить, и кого избрать для этого?
Прошедши съ нимъ Ветхій Завѣтъ, вамъ самимъ долж-
но кончить это дѣло, то есть перейти къ Новому Завѣту;
а потомъ уже начать катехизическое ученіе. Вы боитесь,
что сухость катехизиса не прибавить ему теплоты. Ка-
техизисъ никому не прибавляетъ теплоты; а довольно
того, чтобы дѣти имѣли правильныя понятія о догма-
тахъ и другихъ предметахъ Православной Церкви. Если
желаете, чтобы православное ученіе дѣйствовало и на
сердце вашего сына, то читайте съ нимъ «Православное
Исповѣданіе» и «Училище Благочестія»; а законоучи-
тель пусть обучаетъ его по катехизису, принятому въ
учебныхъ заведеніяхъ. Что касается до выбора учителя,
то я, не зная никого изъ московскаго духовенства, вамъ

ни на кого не могу указать; а помнится намъ, что батюшка о. Макарій кому-то совѣтовалъ избрать въ законоучителя для дѣтей младшаго возраста не священника, а діакона: это проще, а потому бываетъ удачнѣе; московскіе діакона – все кончившіе курсъ въ семинаріи, и катехизисъ хорошо знаютъ... Вы затрудняетесь выборомъ и назначеніемъ духовника. Чтобы своего духовника не огорчить, только напередъ сами объясните ему все то, что находите нужнымъ и полезнымъ для вашего сына, съ прибавленіемъ прошенія исполнить это, такъ какъ по вашему сознанію священная обстановка при исповѣди для ребенка нужна, хотя для понимающаго она особеннаго значенія не имѣеть. Передъ исповѣдью и сами вы займитесь вашимъ сыномъ и приготовьте его къ этому Таинству, какъ сумѣете. Заставьте его предъ исповѣдью прочесть заповѣди съ объясненіемъ. Касательно исправленія его недостатковъ вообще можете ему говорить иногда полуушутливымъ тономъ: «Ты вѣдь молодой князь, черезъ такіе поступки не ударяй себя лицомъ въ грязь». Пишете, что вы глубокоувѣрены, что нѣть для человѣка иного источника благополучія на землѣ и вѣчнаго блаженства на небѣ, кромѣ Церкви Христовой, и что все вѣдь оной – ничто, и желали бы передать это убѣженіе дѣтямъ своимъ, чтобы оно было какъ бы сокровенной ихъ жизнью: но вамъ кажется, что не имѣете призванія учить и не можете говорить съ должной силой убѣженія объ этомъ великому предметѣ. Какъ мать чадолюбивая, сами передавайте свѣдѣнія объ этихъ предметахъ вашимъ дѣтямъ, какъ умѣете. Васъ въ этомъ замѣнить никто не можетъ, потому что другимъ вы

должны бы еще сперва растолковать ваши понятія и желанія, и при томъ другіе не знаютъ вашихъ дѣтей и ихъ душевное расположение и потребности; и при томъ слова матери болѣе могутъ дѣйствовать на нихъ, нежели слово посторонняго человѣка. Наставленія другихъ дѣйствуютъ на умъ, а наставленія матери на сердце. Если же вамъ кажется, что сынъ вашъ многое знаетъ, многое понимаетъ, но мало чувствуетъ, то, повторяю, не огорчайтесь и этимъ. А молитесь о семъ Богу, да устроить полезное о сынѣ вашемъ, якоже вѣсть. Вы пишете, что у него прекрасная память; пользуйтесь и этимъ. Передавайте ему, кромѣ наставленій, душеполезныя повѣсти, и по времени спрашивайте его, чтобы онъ вамъ повторяль, какъ помнить и какъ понимаетъ. Все, что онъ отъ васъ услышить, будетъ сперва храниться въ его памяти и умѣ, а потомъ, съ помощью Божиєю, при со-дѣйствіи опытовъ въ жизни, можетъ перейти и въ чувство».

О томъ же предметѣ Старецъ еще писалъ одной духовной дочери: «Вѣками утвержденный опытъ показываетъ, что крестное знаменіе имѣть великую силу на всѣ дѣйствія человѣка, во все продолженіе его жизни. Поэтому необходимо позаботиться вкоренить въ дѣтяхъ обычай почаще ограждать себя крестнымъ знаменіемъ, и особенно предъ пріятіемъ пищи и питія, ложась спать и вставая, предъ выѣздомъ, предъ выходомъ и предъ входомъ куда-либо, и чтобы дѣти полагали крестное знаменіе не небрежно или по-модному, а съ точностью, начиная съ чела до персей, и на оба плеча, чтобы крестъ выходилъ правильный... Огражденіе себя крестнымъ

знаменіемъ многихъ спасало отъ великихъ бѣдъ и опасностей».

«Пишете – желала бы я, чтобы мы избѣгли съ мужемъ того пагубнаго разногласія въ дѣлѣ воспитанія, которое почти во всѣхъ супружествахъ вижу я. – Да, вѣщь эта действительно премудреная! Но спорить объ этомъ при дѣтяхъ, вы и сами замѣтили, что не полезно. Поэтому, въ случаѣ разногласія, лучше или уклоняйтесь и уходите, или показывайте, какъ будто не вслушались, но никакъ не спорьте о своихъ разныхъ взглядахъ при дѣтяхъ.

Совѣтъ объ этомъ и разсужденіе должны быть наединѣ, и какъ можно похладнокровнѣе, – чтобы было дѣйствительнѣе. Впрочемъ, если вы успѣете насадить въ сердцахъ дѣтей вашихъ страхъ Божій, тогда на нихъ разныя человѣческія причуды не могутъ такъ зловредно дѣйствовать».

О недопустимости развода Старецъ писалъ одной изъ своихъ духовныхъ дочерей слѣдующее: «Пишете, что ваша мать всячески старается заставить васъ уговорить невѣстку на разводъ съ мужемъ, а вы этому не сочувствуете. И хорошо дѣлаете, что не поддерживаете ихъ въ этомъ. Разводные браки ненавистны Богу. Ежели и допускаются, то это по человѣческой немоши. Защищайте свою невѣстку, какъ можете; уступать въ этомъ матери не должно, хотя бы черезъ это и пришлось понести отъ нея непріятность. Вы не только сея, но и мать свою избавите отъ грѣха... Призывая на васъ, и на мужа вашего, и на скорбящую невѣстку вашу, и на дѣтей ея миръ и благословеніе Божіе, остаюсь

съ искреннимъ благожеланіемъ, многогрѣшный I. Амвросій».

Будучи самъ строгимъ подвижникомъ и точнымъ хранителемъ уставовъ Церкви, о. Амвросій былъ въ то же время очень снисходительнымъ къ дѣйствительнымъ немощамъ другихъ людей, поставляя смиреніе и самоуکореніе выше всякаго тѣлеснаго подвига.

«Наступающій постъ, – пишеть онъ одной духовной дочери, – старайтесь проводить разсудительно, соображаясь съ тѣлесными силами. По нездоровью и въ 69 апостольскомъ правилѣ разрѣшается елей въ среду и пятокъ, и даже нѣкоторымъ на Страстной седмицѣ съ покаяніемъ и самоуکореніемъ, памятуя мудрое изреченіе св. Отцовъ, что мы не тѣлоубійцы, а страстоубійцы. Св. Исаакъ Сиринъ пишеть объ одномъ старцѣ, который вкушаль пищу черезъ два дня. Если же приходилось ему побесѣдовать съ приходящими часъ или два, тогда онъ уже не могъ вкушать пищу обычно, а приуждаемъ былъ сокращать срокъ времени, и вкушаль болѣе обычной порціи. Вамъ должно помнить, что вы хозяйка дома, окруженнная дѣтьми; къ тому же и нездоровье привязывается къ вамъ. Все это показываетъ, что вамъ нужно болѣе заботиться о душевныхъ добродѣтеляхъ; касательно же употребленія пищи и другихъ тѣлесныхъ подвиговъ, у васъ должно стоять впереди всего благое разсужденіе со смиреніемъ. Ежели въ душевныхъ недостаткахъ пріемляется покаяніе, смиреніемъ раство-ренное; то въ тѣлесныхъ немощахъ покаяніе и самоуکореніе еще болѣе имѣютъ мѣсто. Св. Лѣствичникъ приводить слова: «Не постихся, ни

бдѣхъ, ни на земли возлегахъ; но смирихся, и спасе мя Господъ». Начните, помолившись Богу, вкушать пищу въ постѣ съ елеемъ. Если же нужда потребуетъ, по не- здоровью вашему, и большаго, то въ видѣ лѣкарства можете употреблять и большее. Представьте со сми- ренiemъ немощь вашу Господу, и силенъ Онъ устроить все во благое. Во время приготовленія къ Св. Тайнамъ нужно нѣсколько дней употреблять пищу безъ елея, но только совѣтую вамъ придумывать пищу попитатель- нѣе, изъ сухихъ плодовъ и подобнаго, по желудку ваше- му, чтобы вы были способны къ службамъ (если это возможно) и присматривать за дѣтьми и въ домѣ».

Облегчая постъ немощнымъ, о. Амвросій строго осуждалъ то предубѣжденіе противъ поста, которое въ настоящее время свойственно многимъ, и не совѣто- валь полагаться на мнѣнія врачей, отвергающихъ постъ.

«Тебѣ не нравится, что Н. принуждаетъ свою супру- гу къ скромному столу въ постные дни. Да и невозможно, чтобы это нравилось кому-либо изъ благона- мѣреныхъ, развѣ только однимъ новымъ и моднымъ людямъ. Можешь сказать ему наединѣ, чтобы онъ не принуждалъ къ этому свою супругу; а иначе могутъ быть вредныя послѣдствія, и для него самого непріят- ныя. Когда жена, изъ угожденія къ нему, сперва неволь- но обременить совѣсть свою презрѣніемъ святого пост- та; потомъ уже и добровольно будетъ презирать и то и другое. Зло не стоитъ въ одномъ положеніи, а обыкно- венно возрастає и прибавляется».

«Пишешь, что докторъ совѣтуетъ тебѣ и въ постные дни употреблять скромную пищу...

Думаю я, что если весь Великій постъ прожила безъ скромной пищи, то какъ же двухъ дней въ недѣлю не поститься? На докторскія слова нельзя очень полагаться, потому что доктора большею частью предубѣждены противъ постной пищи. Слышалъ я, что въ Москвѣ только одинъ и есть докторъ, беспристрастный въ этомъ отношеніи. Хотя онъ лютеранинъ, но и самъ, кажется, почти не употребляетъ мясной пищи, и больныхъ не заставляеть єсть мясо въ постные дни. Если хочешь, можешь съ нимъ посовѣтоваться».

Обличая нарушителей св. постовъ, о. Амвросій и во всемъ другомъ твердо отстаиваль истину и чистоту Православія противъ всякаго рода заблужденій. Такъ, онъ писаль о спиритизмѣ: «Спиритизмъ есть не что иное, какъ новое заблужденіе и новая прелесть вражеская. Это ученіе есть общеніе людей съ духами, но, разумѣется, съ духами не свѣта, а съ духами тьмы. Апостоль Павель пишеть: *аще и ангель съ небесе благовѣстить вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анафема да будетъ* (Гал. 1, 8). Апостоль упоминаетъ это не объ Ангелахъ благихъ, потому что благіе Ангелы не будутъ благовѣстить ничего противнаго ученію евангельскому и апостольскому; но явно, что говорить это объ ангелахъ тьмы, сверженныхъ съ неба, которые принимаютъ на себя видъ Ангеловъ свѣта для обольщенія неразсудныхъ... Черезъ спиритизмъ будто бы и безбожники дѣлаются очень религіозными. Но если хорошо вникнуть въ душевное состояніе этихъ мнимыхъ религіозниковъ, то явно откроется, что они въ этомъ положеніи сдѣлались еще опаснѣйшими для имѣющихъ съ ними сно-

шенія, нежели какъ были въ состояніи атеистовъ. Явныхъ безбожниковъ всякий отвращается и удаляется; людей же, прикрывающихъ видомъ ложной религіозности, въ душѣ же своей пропитанныхъ старымъ или новымъ заблужденіемъ прелести вражіей, не вдругъ распознаетъ кто-либо и изъ понимающихъ дѣло. Апостоль говорить: *Христосъ вчера и днесъ тойже, и во вѣки* (Евр. 13, 8). Значить, какое ученіе въ Православной Церкви насаждено въ началѣ Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ и чрезъ отцовъ вселенскихъ соборовъ, то должно продолжаться до скончанія вѣка. Всѣ новыя ученія суть не что иное, какъ новыя заблужденія, посваемыя, такъ или иначе, древнимъ врагомъ и ненавистникомъ и навѣтникомъ рода человѣческаго, который, по слову св. апостола Петра, *яко левъ рыкая, ходить, искій кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Врагъ этотъ въ ученіи спиритизма прикрывается подъ видомъ вызыванія мертвыхъ душъ, которыя будто бы яснѣе растолковываютъ ученіе евангельское. Но это явное обольщеніе вражіе, и явное заблужденіе людей, которые рѣшаются вѣрить духамъ тьмы, являющимся въ видѣ людей умершихъ. Для душъ святыхъ въ Православной Церкви удостовѣреніе совсѣмъ другое. Онѣ удостовѣряютъ о святости своей явнымъ нетлѣніемъ мощей. Души же грѣшныя, по ученію Православной Церкви, заключены во адѣ и не имѣютъ власти не только учить другихъ, но и исходить оттуда, въ страшномъ стенаніи ожидая Страшнаго Суда Божія. Следовательно, вызываются и являются не души умершихъ, а духи тьмы грѣховной и обольстители рода человѣческаго».

+

Он же Амвросий
искусит такому
же, а есть есть
передача Святым
имя; а твои же
макары!!!
Но сии, что сядут
в руки благочестия
о сущности этого
дучи по слову и
символи.

Изъ письма старца Амвросия

По поводу одной предполагавшейся дуэли Старець писалъ: «Вы хотите кончить вражду свою по-язычески, т. е. по примѣру людей невѣрующихъ, которые не вѣрять ни будущей жизни, ни будущему вѣчному блаженству, ни будущимъ вѣчнымъ мукамъ, – кончить дуэлью, этимъ адскимъ узломъ двухъ убийствъ или, вѣрнѣе, соединенiemъ убийства съ самоубийствомъ, потому что, хотя одинъ иногда и остается въ живыхъ, но тотъ и другой думалъ убить, и себя самого добровольно подвергаль умерщвлению, напередъ душевно умирая. Прилично ли все это христианину? Посмотрите на Начальника вѣры и на Совершителя нашего спасенія, Сына Божія, Царя Ангеловъ и Архангеловъ, какъ не отвратиль Онъ лица Своего отъ заплеванія и заушенія и смиренno перенесъ всякий видъ поношенія и униженія! Мы же, нарицающіеся послѣдователями Его, не хотимъ по-христіански смириться!.. Умоляю васъ именемъ Господа нашего Иисуса Христа – понесите вы благоразсудно, ради своего спасенія, нанесенное вамъ оскорблениe, не примѣшивая тутъ никого, и ни для кого, и ни для чего. Хорошо пожертвовать своею душою для Господа, для пользы ближняго и для собственного своего спасенія. Но не только не хорошо, но и безразсудно и достойно всякаго сожалѣнія пожертвовать собою для погибели другого, и для погибели собственной своей вѣчной, нескончаемой, невозвращаемой никогда. Подражайте Иисуспителю нашему, молившемуся къ Отцу Своему за распинавшихъ Его: *отпусти имъ, не вѣдаятъ бо, что творятъ*».

Какъ глубоко вѣрующій православный христіанинъ, о. Амвросій не сомнѣвался въ окончательной побѣдѣ

добра надъ зломъ въ міръ, но онъ отвергалъ нравственный прогрессъ человѣчества.

Однажды о. Амвросію быль присланъ на его разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: обязанность христіанина – дѣлать добро и стараться, чтобы добро восторжествовало надъ зломъ. При концѣ міра, въ Евангеліи говорится, зло восторжествуетъ надъ добромъ. Какимъ же образомъ можно стараться о побѣдѣ добра надъ зломъ, зная, что старанія эти неувѣнчаются успѣхомъ, и что зло въ концѣ восторжествуетъ? По Евангелію, общество людей передъ концомъ міра представляется въ самомъ ужасномъ видѣ. Этимъ отвергается возможность постоянного совершенствованія человѣческаго. Можно ли послѣ этого трудиться на благо человѣчеству, будучи увѣреннымъ, что никакія средства не въ состояніи въ окончательномъ результатаѣ передъ концомъ міра достичнуть возможнаго нравственнаго совершенства человѣчества?

Старецъ отвѣтилъ: «Зло уже побѣждено – побѣждено не стараніемъ и силами человѣческими, а Самимъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ, Сыномъ Божіимъ, Іисусомъ Христомъ, Который ради сего и снисшелъ съ неба на землю, воплотился, пострадалъ человѣчествомъ, и крестными своими страданіями и воскресеніемъ сокрушилъ силу зла и злоначальника – діавола, владычествовавшаго надъ родомъ человѣческимъ, освободилъ насть отъ діавольскаго и грѣховнаго рабства, какъ Самъ сказалъ: *се, даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражсію* (Лк. 10, 19). Теперь всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ дается въ Таин-

ствѣ крещенія сила попирать зло и творить добро, при посредствѣ исполненія евангельскихъ заповѣдей, и никто уже не бываетъ одержимъ зломъ насильно, кроме однихъ нерадящихъ о храненіи Божіихъ заповѣдей, и преимущественно тѣхъ, кто добровольно предается грѣхамъ. Хотѣть же своими силами побѣждать зло, – которое уже побѣждено пришествіемъ Спасителя, – показываетъ непониманіе христіанскихъ таинствъ Православной Церкви и обнаруживаетъ признакъ горделивой самонадѣянности человѣческой, которая хочетъ все дѣлать своими силами, не обращаясь къ помощи Божіей, тогда какъ самъ Господь ясно говоритъ: *безъ Мене не можете творитиничесоже*. Вы пишете: въ Евангеліи говорится, что при кончинѣ міра зло восторжествуетъ надъ добромъ. Въ Евангеліи этого нигдѣ не сказано; а говорится только, что въ послѣднее время умалится вѣра (Лк. 18, 8), и *за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (Мо. 24, 12). А св. апостоль Павель говоритъ, что предъ Вторымъ Пришествіемъ Спасителя явится человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносящийся паче всякаго глаголемаго Бога, т. е. антихристъ. Но тутъ же сказано, что Господь *Іисусъ убietetъ его духомъ усть Своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего* (2 Сол. 2, 3–8). Гдѣ же тутъ торжество зла надъ добромъ? И вообще всякое торжество зла надъ добромъ бываетъ только мнимое, временное.

«Съ другой стороны, несправедливо и то, будто человѣчество на землѣ постоянно совершенствуется. Прогрессъ, или улучшеніе, есть только во внѣшнихъ человѣческихъ дѣлахъ, въ удобствахъ жизни. Напримѣръ,

мы пользуемся желѣзными дорогами и телеграфами, которыхъ прежде не было; выкапывается каменный уголь, который скрывался въ нѣдрахъ земныхъ, и т. п. Въ христіанско-нравственномъ же отношеніи всеобщаго прогресса нѣтъ. Во всѣ времена были люди, которые достигали высоконравственного христіанского совершенства, руководствуясь истинною вѣрою Христовой и слѣдуя истинному христианскому ученію, согласному съ откровеніемъ божественнымъ, какое Богъ въ Церкви Своей являлъ черезъ мужей богоухновенныхъ, пророковъ и апостоловъ.

Такие люди будутъ и во время антихристово, которое ихъ ради и сократится, по сказанному: *избранныхъ же ради прекратятся дніе оны* (Мѳ. 24, 22). И опять: во всѣ времена были люди, которые предавались различнымъ порокамъ и беззаконіямъ, или впадали въ различныя ереси и заблужденія, увлекаясь лжеименнымъ разумомъ (1 Тим. 6, 20) и умствуя по земнымъ началамъ, вопреки предостереженію св. апостола Павла, который говорить: *братіе, блюдитесь, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу* (Кол. 2, 8)... Нравственное совершенство на земль (несовершенное) достигается не всѣмъ человѣчествомъ въ совокупности, а каждымъ вѣрующимъ въ частности, по мѣрѣ исполненія заповѣдей Божіихъ и по мѣрѣ смиренія.

Конечное же и совершенное совершенство достигается на небѣ, въ будущей безконечной жизни, къ которой кратковременная земная жизнь человѣческая служить лишь приготовленіемъ, подобно тому, какъ годы.

проведенные юношою въ учебномъ заведеніи, служать приготовленіемъ къ будущей его практической дѣятельности. Если бы назначеніе человѣчества ограничивалось земнымъ его существованіемъ, если бы для человѣка все кончалось на землѣ, то почему же земля и яже на ней дѣла сгорятъ, какъ говорить св. апостолъ Петръ (2 Пет. 3, 10)? Онъ же присовокупляеть: *нова же небесе и новы земли по обѣтованію Е чаемъ, въ нихъже правда живеть* (2 Пет. 3, 13). Безъ будущей блаженной, безконечной жизни земное наше пребываніе было бы неполезно и непонятно. Желаніе трудиться на благо человѣчества – весьма благовидное, но поставлено не на свое мѣсто. Царственный пророкъ св. Давидъ говоритъ: сперва уклонись отъ зла, а потомъ уже сотвори благо (Ср.: Пс. 33, 15). У нынѣшнихъ же людей дѣло выходить навыворотъ. Всѣ хотятъ на словахъ трудиться на благо ближнимъ, и никакъ или весьма мало заботятся о томъ, что напередъ нужно самимъ уклониться отъ зла, а потомъ уже заботиться о пользѣ ближнихъ. Широкія затѣи молодого поколѣнія о великой дѣятельности на пользу всего человечества похожи на то, какъ если бы кто, не кончивъ курса въ гимназіи, много мечталъ о себѣ, что онъ могъ бы быть профессоромъ и великимъ наставникомъ въ университетѣ. Но, съ другой стороны, думать, что если мы не можемъ двинуть впередъ всего человѣчества, то вовсе не стоитъ трудиться, – это опять другая крайность. Каждый христіанинъ обязанъ, по силамъ своимъ и сообразно своему положенію, трудиться на пользу другихъ, но съ тѣмъ, чтобы все это было вовремя и въ порядкѣ, какъ выше сказано,

и чтобы успехъ нашихъ трудовъ представлять Богу и Его святой волѣ».

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ (1875 г.) о. Амвросій опровергаетъ рядъ обвиненій, направленныхъ противъ Православія и нерѣдко высказываемыхъ и въ наши дни. Онъ по порядку приводить эти обвиненія, высказанныя братомъ одной его духовной дочери, и по порядку ихъ разбираеть. «Братъ вашъ пишеть вамъ, что евангелистамъ принадлежать очень немногіе догматы. Главныхъ догматовъ Православной Церкви только два: догматъ о Св. Троицѣ и догматъ о воплощеніи Сына Божія. Объ этихъ догматахъ говорить все Евангеліе. А кратко и ясно изложено объ этомъ въ предисловіи каждой Псалтири... Сами это прочтите и брату укажите.

Братъ вашъ пишеть: «Догматы – это положения, ясно формулированныя. Догматы выработались вселенскими соборами. Догматъ есть не положеніе человѣческое, ясно формулированное, а истина Божественная о Богѣ, – истина, которую люди сами по себѣ никакъ не могли бы постигнуть, если бы она не открыта была самимъ Богомъ. Истину можно изслѣдоватъ, истину можно познавать, истину можно утверждать, а истину полагать нельзя». Братъ вашъ утверждаетъ: «Отъ догматовъ до духа христіанского, какъ до звѣзды небесной, далеко». Неправда. Когда воплотившійся Сынъ Божій ученикамъ Своимъ апостоламъ открылъ догматъ о Св. Троицѣ, сказавъ: *шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, то тутъ же съ симъ догматомъ соединилъ нераздѣльно и ученіе о духѣ

христіанскомъ, говоря: и учаще ихъ блости вся, елика за-
повъдахъ вамъ (Мѳ. 28, 19, 20)...

Братъ вашъ пишеть: «Ересь есть уклоненіе отъ
мнѣнія большинства». Неправда. Ересь есть уклоненіе
отъ истины Божественной, а не отъ мнѣнія большин-
ства. Не большинству Господь поручилъ истину, ска-
завъ: *не бойся, малое стадо: яко благоизволи отецъ вашъ
дати вамъ царство* (Лк. 12, 32). Римская церковь чис-
ленностью въ нѣсколько кратъ превосходитъ Церковь
Православную, но, уклонившись отъ истины, она укло-
нилась въ ересь.

Братъ вашъ пишеть: «Я считаю совершенно воз-
можнымъ человѣка, признающаго всѣ рѣшительно дог-
маты вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень далекаго отъ духа
христіанства». Правда, что иногда, къ сожалѣнію, такъ
бываетъ. Только такие люди, если захотять исправить
свою жизнь, очень удобно обрѣтаютъ путь спасенія.
Кто же имѣть неправильныя, сбивчивыя и ложныя по-
нятія о вѣрѣ и истинѣ христіанской, тому неудобно
обрѣсти спасеніе, когда бы и захотѣль. Кольми паче
невозможно ему имѣть духа христіанского и духа
Христова... Вы пишете, что братъ вашъ кончилъ курсъ
въ Петербургскомъ университѣтѣ. Если бы кто сталъ
увѣрять вашего брата, что не нужно учиться ни въ гим-
назіи, ни въ университѣтѣ, а только имѣй любовь къ
ближнему и получишь хорошую должность въ окруж-
номъ судѣ или даже въ судебной палатѣ, повѣриль ли
бы братъ вашъ этому? Подобно должно разсуждать и о
томъ, что невозможно имѣть духа Христова тому, кто
не имѣть правильнаго и истиннаго вѣданія догматовъ

вѣры христіанской. По недосугу и по слабому здравью болѣе писать не имѣю возможности. А вкратцѣ скажу: если братъ вашъ искренній и добросовѣстный человѣкъ, какъ вы пишете, то пусть съ вѣрою помолится Господу нашему Іисусу Христу, чтобы вразумилъ его въ истинѣ, и послѣ пусть прочтеть также съ вѣрою «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы (книга эта есть въ Задонской книжной лавкѣ, а если не найдется, то я могу вамъ выслать). Какъ Всеблагій Господь устроить о вашемъ братѣ, такъ пусть и да будетъ. *Хощеть бо Господь всѣмъ спастися и въ разумъ истины прити.*

Одному студенту-филологу, обратившемуся къ о. Амвросію со своими недоумѣніями, Старецъ писаль (1871 г.): «Вы пишете, что, сознательно вѣря въ бытіе Божіе, вы доходите почти до убѣжденія, что представленіе Его въ трехъ Лицахъ и раздѣленіе небесныхъ силь на чины есть не что иное, какъ идеалъ государства.

Такое понятіе ваше весьма невѣрно и далеко отстоитъ отъ истины, особенно по причинѣ какого-то смѣшенія Божества съ тварями, отъ Него созданными. Иное есть Единый Богъ въ трехъ Лицахъ, и иное девять чиновъ ангельскихъ, отъ Него созданныхъ, и, наконецъ, совсѣмъ иное – государства земнага и человѣческага. Тріединый Богъ невидимъ и непостижимъ для твари, даже для Ангеловъ, кольми паче для человѣковъ. Отчасти же вѣдомъ по откровенію, сперва черезъ пророковъ, вѣщавшихъ Духомъ Святымъ, а потомъ черезъ Единороднаго Сына Божія, вочеловѣчшагося, какъ говорить св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ: *Бога никто же видѣлъ*

нигдъ же, Единородный Сынъ, сый въ лонъ Отчи, Той ис-
повѣда. Какъ Единый Богъ есть въ трехъ Лицахъ, тому
малое подобіе видимъ въ трисолнечномъ свѣтѣ. Иное
есть самое солнце, и иное – раждающійся отъ него
свѣтъ, и иное – исходящіе отъ солнца лучи. Все это од-
ного существа и нераздѣльно, и съ тѣмъ вмѣстѣ трой-
ственno. Второе подобіе видимъ въ душѣ человѣка.
Иное есть умъ въ человѣкѣ, и иное есть внутреннее сло-
во, отъ ума раждающееся, которое передается другому
и въ то же время остается внутрь нась, и иное есть
духъ, оживляющій человѣка и вѣдущій тайны его, по
сказанному: *никто же вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію*
духъ человѣка живущій въ немъ; яко же и Божіе никто же
вѣсть, точію Духъ Божій. Все это составляеть одно
разумное существо человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть
тройственno. О Богѣ Единомъ и вмѣстѣ Тріединомъ
твари, особенно люди, могутъ дѣлать только такое
заключеніе. Все видимое отъ Невидимаго. Все веще-
ственное отъ Невещественного. Все, имѣющее начало,
отъ Безначального. Все, имѣющее конецъ, отъ Безконеч-
наго. Все временное отъ Вѣчнаго. Все, имѣющее пре-
дѣль, отъ Безпредѣльного. Все измѣримое отъ Неизмѣри-
мago. Все постижимое отъ Непостижимаго. Нѣкоторые
изъ св. Отцовъ любомудрствуютъ, что сперва были со-
зданы десять чиновъ ангельскихъ... Но десятый чинъ
палъ; осталось только девять чиновъ ангельскихъ, по
подобію которыхъ существуетъ на землѣ не идеальное
какое-либо государство человѣческое, а единая истин-
ная Вселенская Церковь, основанная Сыномъ Божіимъ.
Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и искупленная

дражайшею Его Божественною кровію... Что же касается до государствъ человѣческихъ, то они никакъ не относятся ни къ іерархіи небесной, ни даже къ земной, потому что единая, истинная Церковь не ограничивается никакимъ государствомъ, а существует по всей вселенной, имъя членами своими истинно вѣрующихъ и истинно благочестивыхъ христіанъ. Для Бога все равно, въ какомъ бы человѣкъ государствѣ ни жиль, только быль бы истинно вѣрующимъ и благочестивымъ христіаниномъ. «Единъ благоугождаяй Богу паче тысячи нечестивыхъ» – какъ говорить св. Златоустъ. Правда и неоспоримо, что не только Богу пріятно, но и всѣмъ благочестивымъ, если цѣлое государство будетъ проповѣдовать благочестіемъ и истинными понятиями о вѣрѣ. Но что же дѣлать, когда пришло такое время, что многіе заботятся о суетномъ, оставляя единое на потребу».

О театрѣ о. Амвросій высказывался слѣдующимъ образомъ: «Вашъ N. единственою истинною школою нравственности признаетъ театръ. А зачѣмъ же самъ онъ ходить въ храмъ Божій причащаться Св. Христовыхъ Таинъ? Стало быть – театръ не единственная школа нравственности... Да и нельзя отдавать театру особенное преимущество въ нравственномъ воспитаніи людей. Возьмите для примѣра двѣ картины, – одну духовнаго содержанія, напримеръ распятіе Господа нашего Іисуса Христа, претерпѣвшаго ужаснѣйшія страданія и саму поносную смерть для спасенія погибшаго рода человѣческаго; а другую картину свѣтскую, изъ народной жизни, напримѣръ: какъ разорились и разошлись мужъ съ женою. Пусть N. вашъ скажетъ по со-

вѣсти, какая картина будетъ имѣть болѣе благотворное вліяніе на нравственность человѣка. Если у него вкусы въ отношеніи къ предметамъ нравственности еще не совсѣмъ испорченъ, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ отдать преимущество картинѣ, изображающей распятіе Господа нашего за наши грѣхи. А что представляютъ зрителямъ въ театрахъ, какъ не сцены изъ народной жизни. Прибавить къ этому нужно, что сцены эти по временамъ бываютъ очень грязны. Кромѣ того, какая обстановка въ театрѣ? Свѣтская музыка, не дающая возникнуть въ душѣ человѣка ни одной духовной мысли, ни одному духовному чувству. А эти разсѣянныя лица зрителей, переглядывающихся, смѣюющихся, иногда пересмѣивающихся другъ друга, а при нѣкоторыхъ сценическихъ представленіяхъ приходящихъ въ негодованіе, выражющееся въ бурныхъ крикахъ, или увлекающихся сладострастными чувствами, сопровождающимися неумолкаемымъ смѣхомъ и азартными рукоплесканіями и прочимъ? Это ли школа нравственности? Наоборотъ, эта школа безнравственности, способная заморить въ душѣ человѣка послѣдніе остатки доброй нравственности, если она въ немъ есть. Оттого теперь и появляются люди, подобные вашему N. – спортивные, упорные, раздражительные – что они учатся нравственности въ театрахъ. Приходилось слышать, что нѣкоторые называютъ театръ порогомъ Церкви. Пожалуй, съ этимъ можно согласиться, что театръ есть порогъ Церкви, только съ задняго крыльца»²⁷.

---

²⁷ Все письмо очень интересно.

Старца спрашивали, можно ли молиться за казненныхъ государственныхъ преступниковъ? Отецъ Амвросій, по поводу смерти Каракозова, отвѣтилъ слѣдующее: «Если онъ нелицемъно раскаялся и принесъ предъ Господомъ и предъ духовникомъ искреннее сознаніе и исповѣданіе всѣхъ своихъ согрѣшеній, то справедливо слово Г. А. П., что безъ сомнѣнія можно его поминать, какъ бы его ни похоронили. Вся важность не въ образѣ погребенія, а въ томъ, съ какимъ душевнымъ настроениемъ отошелъ онъ изъ сей жизни. Если онъ только для виду и изъ какихъ-либо человѣческихъ предположеній принесъ только наружное раскаяніе, то какая ему будетъ польза отъ церковнаго поминовенія. Но намъ совершенно неизвѣстно, раскаялся ли онъ искренно, или нѣтъ, и даже приобщался ли; пусть разузнаютъ тѣ, кто обѣ этомъ заботится, а потомъ пусть поступаютъ сообразно съ тѣмъ, что узнаютъ. А что онъ лишенъ погребенія и что получилъ конецъ такою позорною смертю и подобное – все это, при искреннемъ раскаяніи, можетъ послужить ему къ облегченію тяжкой вины преступленія; другимъ же послужить это къ вразумленію, чтобы такъ не забывались и такъ далеко не простирали своей дерзости. Господь всеблагій волею и неволею да вразумить нась всѣхъ и ими же вѣсть судьбами да помилуетъ произволяющихъ».

О власти злыхъ духовъ надъ людьми о. Амвросій писалъ: «Бѣсы имѣютъ свойство сперва омрачить умъ, а потомъ коснуться сердца, и уже тогда обладаютъ всѣмъ тѣломъ, какъ хищные звѣри, прежде изъ головы высасываютъ кровь, а потомъ жрутъ все тѣло».

Подробнѣе о власти злыхъ духовъ надъ людьми о. Амвросій пишеть въ слѣдующемъ письмѣ:

«Простите, что по немоши и недосугу до сихъ поръ не могъ отвѣтить вамъ на ваше письмо отъ 3-го іюня.

Вы спрашиваете: «Неужели по желанію, или какъ будто по прихоти какой-нибудь бабы, можетъ бѣть взойти въ человѣка и въ кого она захочетъ». Изъ приводимаго вами самими примѣра о свиньяхъ (Лк. 8, 32) видно, что совершенно ошибочно полагать, будто по одному желанію злого человѣка кто-либо можетъ подвергнуться вражьему дѣйствію. – Дѣйствію сему подвергаются лишь тѣ, кому попустить Богъ, а Богъ попускаеть не просто, но за разные грѣхи: за гордость, за злобу и вражду, за нечистое житіе, какъ сказано и въ письмѣ блаженнаго старца Макарія. Какъ Господь дозволиль бѣсамъ взойти въ свиней, такъ Онъ попускаеть иногда вражеской силѣ простираться на тѣхъ, кто проводить свинское житіе или порабощенъ другими страстями. А кто какъ должно проводить христіанское житіе, по евангельскимъ заповѣдямъ Божіимъ, на того ни злыхъ старухи, ни самые бѣсы не могутъ имѣть вліянія, по сказанному: *на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія; и аще что и смертное испіють не вредить ихъ.* – Далѣе пишете: «Неужели крещеніе, пріобщеніе Таинъ Святыхъ и вообще все освященіе, получаемое нами отъ разныхъ таинствъ, бессильно защитить нась отъ подобныхъ дѣйствій». Таинства сіи не только не защищаютъ нась, если мы недостойно пріобщаемся ихъ, но даютъ вражьей силѣ еще болѣе доступа къ намъ, какъ видно на примѣрѣ Іуды, который, имѣя злоумыш-

ление предательства, недостойно пріобщился св. Вечери; и потому сказано въ Евангелии: *и по хлъбъ вниде въ онъ сатана.* – Пишете еще: «Кажется, Церковь наша запрещаетъ, и не только запрещаетъ, но и учитъ насъ не вѣрить во всякаго рода гаданія, волшебства, приговоры и прочее» – Церковь запрещаетъ прибѣгать къ симъ дѣйствіямъ; но изъ того самаго, что запрещаетъ, видно, что признаетъ ихъ возможность и дѣйствительность. Церковь повелѣваетъ только не вѣрить въ различныя суевѣрія, например, примѣты, замѣчанія, различіе дней и подобное. – Спрашиваете: «Почему эти тайны не извѣстны людямъ ученымъ? Вѣдь они еще болѣе могли бы зла надѣлать». Очень извѣстны. Что такое распространенные теперь между образованными людьми спириты и все подобное, какъ не такое же обольщеніе вражіе? Поль-Америки въ настоящее время занимаются этимъ. Сколько пасторовъ въ Голландіи отъ этого помѣшалось? Сколькихъ увлекъ въ Петербургъ магъ Юмъ? И развѣ не по внушенію бѣсовъ люди ученые потрясаютъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ вѣру и добрую нравственность. Чрезъ невѣжественныхъ людей діаволъ дѣйствуетъ но невѣжественному и суевѣрному, а чрезъ ученыхъ – по ученному. – Развѣ мало зла надѣлалъ Вольтеръ, распространяя ядь невѣрія и безбожія, по внушенію бѣса? И что такое вольнодумство и всякие вымыслы, которыми люди отводятся отъ Бога и Церкви Божіей, какъ не изобрѣтеніе и не внушеніе бѣса? Так же и въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ фокусниковъ сколько есть такого, чего никакъ нельзя объяснить простою ловкостью или обманомъ, и что сами они приписываютъ

ють это магіі. Это то же самое, что колдовство въ простомъ народѣ, но тамъ оно обращено на суевѣріе или грубую зловредность, а здѣсь на пріобрѣтеніе денегъ и тонкую зловредность. – Пишете: «Ежели Господу угодно наказать такимъ несчастіемъ, то для чего Ему употреблять орудіемъ такихъ колдуній, и будто безъ нихъ обойтись Онъ не можетъ?» Господь не стѣсняетъ самовластія людей и попускаетъ иногда злымъ людямъ, при содѣйствії вражеской силы, сотворить зло, когда хочетъ наказать другихъ; и къ чему же Ему употреблять иные средства, когда есть на то готовыя орудія? Это видно изъ словъ апостола Павла: *аще неправда наша правду Божію составляеть, еда неправедень Богъ наводяй гнѣвъ?* – Еще пишете: «Законъ Петра I не признаеть порчи, и, вѣроятно, онъ былъ согласованъ съ Св. Синодомъ». Вѣрно, не былъ согласованъ, – а то бы этого не было. – Далѣе удивляетесь, отъ чего священникъ изъ одной изъ своихъ дочерей не могъ изгнать бѣса, между темъ какъ привозимыхъ къ нему бѣсноватыхъ онъ отчитывалъ всѣхъ почти. Всѣхъ почти – значитъ не всѣхъ. и, стало быть, причина въ тѣхъ, кого не можетъ отчитывать. – Наконецъ спрашиваете: «Отчего же не всякий священникъ отчитываетъ бѣсноватыхъ?» – Власть дана всѣмъ, а чтобы пользоваться ею, надо имѣть твердую вѣру и благочестивую жизнь, и особое произволеніе.

Желаю вамъ имѣть разумъ евангельски-православный».

Будучи ревностнымъ защитникомъ Православія, отецъ Амвросій еще при жизни старца Макарія написалъ нѣсколько статей и писемъ, заключающихъ въ себѣ

подробное и ясное обличеніе заблужденій лютеранства и папизма.

И когда къ нему обращались за совѣтами лица ино-славныхъ исповѣданій, что бывало нерѣдко, Старець, разрѣшивъ съ любовью ихъ недоумѣнія, всегда указы-валъ имъ ошибочность ихъ исповѣданія и имѣль ра-дость многихъ обратить къ Православной Церкви.

Одна француженка-католичка писала о. Амвросію слѣдующее: «Многоуважаемый и добрый отець! Про-стите мою смѣлость, что я рѣшаюсь написать вамъ нѣ-сколько строкъ. Я слышала объ васъ, что вы истинный человѣкъ Божій, и потому я позволяю себѣ испросить чрезъ это письмо вашихъ добрыхъ совѣтовъ, въ кото-рыхъ я очень нуждаюсь. Бѣсъ гордости владѣеть мною въ такой степени, что не даетъ мнѣ исполнять обязан-ность, какъ слѣдуетъ. Что должна я дѣлать, чтобы отъ него избавиться? Нѣсколько лѣтъ тому я была опасно больна, и тогда я обѣщала Богу, что, если Онъ сохра-нить мнѣ жизнь и возвратить мнѣ здоровье, я буду вес-ти себя такъ, чтобы Господь могъ забыть прошедшіе мои грѣхи. Но увы! этого обѣщанія, даннаго мною тог-да на смертномъ одрѣ, я не сдержала. Господь сохра-ниль жизнь, а я, вмѣсто воздаянія, сдѣлалась еще хуже, чѣмъ прежде; и потому Богъ меня наказываетъ и по-ражаетъ меня въ томъ, что мнѣ дороже всего. У меня жилъ другъ, очень дорогой мнѣ; онъ былъ католи-ческій священникъ. И Богъ, который даровалъ мнѣ это-го друга, отняль его у меня; онъ умеръ отъ чахотки въ Неаполѣ, – и упреки совѣсти меня преслѣдуютъ. Я не знаю, какая причина его болѣзни, потому что онъ ни-

чего не открылъ мнѣ объ этомъ. Не перехвачены ли были письма мои къ нему? Или не сердился ли онъ на меня? Почему онъ мнѣ ничего не открылъ (о своей болѣзни)? Вотъ вопросъ, который я постоянно предлагаю себѣ, и который меня непрестанно мучить. Иногда я боюсь, что сойду съ ума; потому что какой-то голосъ мнѣ говорить, что онъ мнѣ писаль. Но гдѣ его письма? Отъ кого ихъ требовать? – Потомъ другая мысль мнѣ приходитъ: не я ли причина его смерти? Не понесъ ли онъ наказаніе за свою вину? Зачѣмъ я его мучила своими письмами? Зачѣмъ бѣсь избралъ меня, чтобы искушать его? И почему я столько страдала и еще страдаю за него, – почему я рѣшительно не хочу забыть его? – Отецъ мой, помогите мнѣ, дайте мнѣ совѣты, что мнѣ дѣлать? Я желаю умереть, чтобы свидѣться съ нимъ. Въ жизни нѣть ничего привлекательного для меня; а я виновна, я очень дурна и не могу явиться предъ Богомъ, ибо я была бы осуждена, и боюсь, что уже проклята. Мученія, которыя я испытываю, имѣютъ свою причину. Почему Богъ посыпаетъ мнѣ ихъ? Чтобы я принесла покаяніе, а въ моемъ положеніи это очень трудно. Въ моей должности требуется, чтобы я была здорова, чтобы я была весела. Что я должна дѣлать? Скажите мнѣ. Простите, что я васъ прошу отвѣтить по прилагаемому адресу. Если вы не счтете меня недостойною вашего отвѣта, то прошу васъ, отвѣтьте мнѣ. Если не получу отъ васъ отвѣта, я буду думать, что и вы меня осуждаете».

На этотъ вопль больной, грѣшной и измученной души о. Амвросій отвѣчалъ слѣдующимъ, полнымъ дели-

катности и христіанской любви, письмомъ: «Получиль я отъ васъ письмо въ декабрѣ прошлого года, и не мало удивился тому, что вы, не зная меня, отнеслись ко мнѣ письменно съ такимъ довѣріемъ. Если вы Бога ради отнеслись довѣрчиво ко мнѣ, недостойному, то никакъ не могу оставить безъ отвѣта письма вашего. Но только прежде буду отвѣтывать на второй вашъ вопросъ, а на первый, т. е. о гордости, буду отвѣтывать послѣ.

Вы пишете, что имѣли друга, который умеръ отъ чахотки. Васъ теперь мучать различные помыслы, сомнѣнія и недоумѣнія: не были ли вы причиною его смерти, потому что мучили его своими письмами, на которыхъ онъ не отвѣчалъ.

На это я скажу вамъ, что человѣка письмами уморить нельзя. А что онъ не отвѣчалъ вамъ, на это можетъ быть очень простая причина: или не хотѣлъ васъ огорчить извѣстіемъ о своей болѣзни, или надѣялся скоро выздоровѣть, и тогда вамъ отписать, какъ всѣ чахоточные думаютъ и питаются такую надежду. Еще пишете: не понесъ ли онъ наказаніе за свою вину? Если у васъ вины была общая, то вамъ слѣдуетъ принести и покаяніе, и молиться милосердому Господу, чтобы Онъ простила эту вину и вамъ и другу вашему; потому что Сынъ Божій во плоти пришелъ на землю для того, чтобы призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ на покаяніе. Пишете также, что хотя все страдаю, но друга своего забыть не могу. Такъ бываетъ со всѣми, когда кто любить другого любовью не по Богу, а любовью человѣческою. Впрочемъ, если вы будете поминать друга своего, какъ выше сказано, т. е. съ мыслью покаянія

предъ Богомъ, тогда такое памятованіе будеть полезно ему и вамъ. Къ такой мысли покаянія обязываетъ васъ и прежде данное вами обѣщаніе исправить жизнь свою и вести онуу такъ, какъ было бы угодно Богу. Но вы пишете, что будто бы настоящая ваша должностъ препятствуетъ такому настроенію духа, такъ какъ она требуетъ здоровья и веселости. Ни внѣшняя веселость, ни тѣлесное здоровье не могутъ препятствовать мысли покаянія, которое хотя и требуетъ внутренняго и духовнаго сѣтования, но это сѣтование можетъ растворяться нѣкоторой радостью, какъ пишетъ апостоль Павель: *ко вѣсьмъ долготерпите, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и о всемъ благодарите. Сія бо есть воля Божія.* Слово апостола показываетъ, что не одни праведные, но и согрѣшившіе могутъ радоваться въ нѣкоторой степени при той мысли, что милосердый Господь даровалъ имъ средство къ полученію милости Божіей вѣчной; и это средство состоить въ искреннемъ раскаяніи и въ посильномъ исправленіи своей жизни.

Теперь скажу и о первомъ вашемъ вопросѣ. Вы пишете: «Бѣсь гордости владѣть мною въ такой степени, что онъ не даетъ мнѣ исполнять обязанность мою, какъ слѣдуетъ. Что должна я дѣлать, чтобы отъ него избавиться». На это долженъ я вамъ сказать слово, не всѣми удобопріемлемое, а только истинно благопризволяющими и искренно ищущими истины и пути истиннаго. И скажу не отъ себя, а какъ пишетъ древній святой отецъ, св. Іоаннъ Лѣствичникъ: что гордость побѣждается смиреніемъ, а добродѣтель смиренія принадлежить не всѣмъ людямъ разныхъ вѣроисповѣданій, а

только правовѣрющими. Правое же и истинное вѣроисповѣданіе одно, какъ свидѣтельствуетъ св. апостолъ Павель: *единъ Богъ и едина вѣра*. Слова апостола показываютъ: какъ единъ истинный Богъ, такъ и истинное вѣроисповѣданіе одно, а не многія, въ которыя много привнесено человѣческихъ мнѣній, кромѣ Божественной истины. Вотъ, напримѣръ, въ Евангеліи Самъ Господь говорить о Св. Духѣ, что онъ отъ Отца исходитъ, а въ вашей римской церкви, по человѣческому умозаключенію, прибавлено слово: и отъ Сына. Еще Господь говорить о св. тайнѣ пріобщенія Кровію Его: *пийте отъ нея все*. Въ римской же вашей церкви только духовенство присвоило себѣ право пріобщаться Кровію Христовою; а мірянъ пріобщаетъ только однимъ Тѣломъ Христовымъ, говоря въ свое оправданіе мірянамъ, что гдѣ тѣло, тамъ и кровь. Вотъ я вамъ указаль двѣ неправильности римской церкви, первостоитель которой допустилъ по славолюбію и третью неправильность, присвояя себѣ первенство предъ другими патріархами этой Церкви Христовой. А допуская славолюбіе, мудрено и неудобно, и даже невозможно, бороться со страстью гордости. По этой причинѣ предлагаю вамъ разсмотрѣть ученіе, правила и обряды Православной Церкви, которая неизмѣнно соблюдаетъ первоначальное христіанское ученіе, получивши свое начало отъ Іерусалима, гдѣ распять былъ Господь и откуда апостолы начали свою проповѣдь. Что вы скажете на мое предложеніе? Отвѣчайте искренно».

Другому католику, сенатору, о. Амвросій писаль: «Простите меня великодушно, что, получивъ отъ васъ,

чрезъ нашего о. игумена, десять рублей для бѣдныхъ, въ свое время не увѣдомилъ васъ и не поблагодарилъ. Получивши еще отъ васъ двадцать пять рублей (десять рублей отъ братца вашего для бѣдныхъ, пятнадцать отъ васъ на мое грѣшное благоусмотрѣніе), приношу обоимъ вамъ искреннее благодареніе за усердіе ваше съ приложеніемъ псаломскаго слова: *блаженъ разумѣвай на нища и убога, въ день лютъ избавить его Господь* (Пс. 40, 2). Такжѣ благодарю васъ за присылку мнѣ, грѣшному, Библіи въ прекрасномъ переплетѣ и въ маломъ форматѣ. При полученіи этой книги мнѣ пришла такая мысль: Библія одна, а смыслъ оной понимаютъ въ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ различно. Отъ чего произошла такая разность? Причина этому слѣдующая. Восточная Православная Церковь принимаетъ во всей полнотѣ какъ ветхозавѣтное, такъ и христіанское вѣроученіе, послѣдуя словамъ Самого Господа, рекшаго къ апостоламъ: *шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блости вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. 28, 19–20). Другія же вѣроисповѣданія не считаютъ обязательнымъ исполнять все, а составили себѣ вѣроученіе по выбору: что имъ нравится – принимаютъ, а что имъ не нравится – отвергаютъ. Отъ такого выбора произошли различные ереси. Ересь происходитъ отъ греческаго слова *αἱρέω* – выбираю.

Разнымъ европейскимъ вѣроисповѣданіямъ первый поводъ подала западная римская церковь, къ евангельскому слову Самого Господа приложивъ, по человѣческой логикѣ, прибавленіе, что Духъ Святый исходить и

оть Сына. За прибавленіемъ неминуемо послѣдовало и убавленіе по выбору, вопреки слова Самого Господа, глаголющаго: *прайдеть небо и земля, іота едина, или едина черта не прайдеть отъ закона, чтобы не исполнилось все* (Ср.: Мѳ. 5, 18). Вотъ что, при полученіи оть вѣсть Библіи, пришло мнѣ въ голову, то вамъ и написалъ. Простите, если написаль я не у мѣста и безъ надобности. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишеть: «Передъ мудрыми не мудри».

Оть переписки о. Амвросія со свѣтскими лицами обратимся къ перепискѣ его съ монашествующими. Впрочемъ, ввиду ея болѣе специального характера, мы коснемся ея вкратцѣ.

Отецъ Амвросій имѣлъ обыкновеніе къ великимъ праздникамъ Рождества Христова и Свѣтлого Христова Воскресенія разсыпать своимъ духовнымъ дѣтямъ, главнымъ образомъ, монахинямъ, краткія поздравленія съ наступающимъ праздникомъ. Когда число духовныхъ дѣтей значительно возросло, а болѣзnenность и слабость Старца увеличились, онъ вынужденъ былъ замѣнить эти частные, отдѣльные поздравленія общими поздравительными письмами, которыя и разсыпались по всѣмъ относившимся къ о. Амвросію обителямъ. Такія общія поздравленія начались съ 1870 года и продолжались до самой кончины Старца, причемъ они получили характеръ глубокосодержательныхъ бесѣдъ о смыслѣ наступающаго праздника или заключали въ себѣ разъясненія тѣхъ или другихъ не совсѣмъ ясныхъ церковныхъ пѣснопѣній и мѣстъ Священнаго Писанія, а иногда являлись нравственными наставленіями, ка-

сающимися преимущественно монашескихъ добродѣтелей – смиренія, послушанія и другихъ.

Такъ, къ Рождеству 1870 года Старецъ писаль своимъ духовнымъ дѣтямъ о высокомъ смыслѣ Богооплощенія: «Мудрствующимъ о Господѣ. Милостію и долготерпѣніемъ Божіимъ паки и паки достигаемъ времени ежегоднаго празднованія Рождества Христова.

Вмѣсто простого обычнаго поздравленія хочу вамъ сказать нѣсколько словъ о великому таинствѣ великаго сего праздника. Церковь въ пѣсняхъ своихъ уже призываетъ вѣрныхъ высокими умы созерцать «Странствие Владычне и очищенными сердцами таинственно насладиться бессмертныя трапезы во убозѣмъ вертепѣ: како вездѣ Сущій, преклонивъ небеса, снide на землю, не оставль нѣдръ Отеческихъ; како Невидимый видимъ бысть; како Собезначальное Слово и Соприсносущный Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ; како Предвѣчный и въ вышнихъ Непостижимый отъ Дѣвы рождается днесь, яко младенецъ; како Неприступный всѣмъ днесь, яко младенецъ, объемлется матерними дѣвическими руками; како Покрываю облаками небо днесь, яко младенецъ, пеленами повивается; како вся премудростю Сотворивый днесь, яко повитый младенецъ, въ яслѣхъ скотіихъ полагается, да безсловесія избавить человѣки; како Питаяй всяческая днесь, яко младенецъ, млекомъ матернимъ питается. О, таинства страшнаго! О, вещи непостижимыя! Како Богъ непреложно человѣкъ бываетъ, да богомъ человѣка содѣлаетъ, предлаголовый пророкомъ: Азъ рѣхъ, бози есте вы, и сынова Вышняго вси! Но, о окаянства нашего! Мы же, яко человѣцы,

умираемъ». О, суетства нашего и нерадѣнія о Божественномъ всыновлені! Возлюбихомъ паче рабство страстей и злаго ради произволенія нашего, волею и неволею подклоняемъ выю игу сопротивнаго. О, ослѣпленія нашего и омраченія! Блаженны ушеса пастырей оныхъ, слышавшихъ, како на воздухѣ Ангелы, воспѣвая славу Богу въ вышнихъ, благовѣствовали миръ землѣ и Божіе благоволеніе человѣкамъ. Блаженны ихъ очеса, видѣвшія, яко агнца непорочна, во чревѣ Маріинѣ упавшагося. Блаженны и всѣ тѣ, которые сподобляются Божія благоволенія и мира, всякъ умъ превосходящаго. Блаженны и премудрые волхвы, пришедшіе отъ далѣкихъ странъ поклониться Рождемуся отъ Дѣвы, принесшіе Ему достойные дары: злато, яко Царю, ливанъ, яко Богу, и смирну, яко Мертвцу безсмертному. Блаженны и всѣ, достойно поклоняющіеся Ему духомъ и истиною, принося Ему дары, кійждо по силѣ своей: овъ, яко злато, праведныя лепты милосердія, овъ, яко ливанъ и благовонное кадило – славословіе и чистыя молитвы покаянія и исповѣданія; овъ же, яко благоуханную смирну – благодарное воспоминаніе страданій и благоговѣйное поклоненіе животворящимъ язвамъ Вочеловѣчшагося и плотію Распеншагося за спасеніе наше. Но что сотворимъ мы, унылые и нечувственные, отъ нихъ же первый есмь азъ, не могуще возвышеннымъ отъ земли умомъ и очищеннымъ сердцемъ насладиться безсмертныя сея трапезы во убозѣмъ вертепѣ. Смиряясь и заизирая себя, да внемлемъ усердно съ благоговѣніемъ чтенію и пѣнію церковному и отъ нихъ, яко отъ источника жизни и безсмертія, да почерпаемъ себѣ утѣшеніе

и вразумленіе, и спасеніе, милостію и неизреченымъ человѣколюбіемъ Воплотившагося нась ради Сына Божія, Ему же подобаетъ слава и держава, честь и по-клоненіе, со беззначальнымъ Его Отцемъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Неизреченно Родившійся отъ Дѣвы, помилуй нась студныхъ за молитвы Пречистыя Твоєя Матери и всѣхъ благоугодившихъ Тебѣ!»

Къ Пасхѣ слѣдующаго 1871 года Старець разослалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ посланіе, въ которомъ разъяснялъ духовный смыслъ пасхальныхъ священномѣдѣйствій:

«Мудрствующимъ о Господѣ! Къ празднику Рождества Христова вмѣсто обычнаго поздравленія писалъ я Вамъ о великомъ таинствѣ великаго сего праздника. Желалъ бы и теперь сказать вамъ что-нибудь о таинственномъ значеніи торжества христіанскихъ торжествъ, т. е. праздника Воскресенія Христова. Но по слабости болѣзненной не имѣю къ тому ни силъ, ни возможності. Развѣ только скажу вкратцѣ, что ежегодное торжественное празднованіе Свѣтлаго Праздника Воскресенія Христова, кромѣ собственного значенія, служить вмѣстѣ для насъ и напоминаніемъ всеобщаго и всемірнаго воскресенія, что особенно видно изъ знаменательныхъ дѣйствій пасхальной утрени.

Первое. Въ свѣтоносную нощь, послѣ прочтенія по-лунощицы, бываетъ торжественное исхожденіе и обхожденіе храма священнослужителями и всѣми вѣрными съ возженными свѣщами при несеніи креста, и святыхъ иконъ, и звонѣ колоколовъ. Явно, что это цер-

ковное дѣйствіе прямо указываетъ на Евангельскую притчу о десяти дѣвахъ, въ полуночи возбужденныхъ воллемъ: *Се, женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе его!* Тогда восташа вся дѣвы тяя и украсиша свѣтильники своя, и изыдоша въ срѣтеніе жениху (Мѳ. 25, 6–7). Дѣвы эти – души вѣрующихъ. Женихъ – Христосъ. Ночь – жизнь вѣка сего. Свѣтильники – вѣра и добрыя дѣла. Какъ Евангельская притча, такъ и торжественное обхожденіе храма вѣрующими при звонѣ колоколовъ не изображаютъ ли всеобщее воскресеніе при концѣ міра, когда гласъ трубы архангельской возбудить всѣхъ мертвыхъ, и вѣрующіе въ Господа, подобно евангельскимъ дѣвамъ, изыдутъ въ срѣтеніе Ему со свѣтильники своими, каждый по достоинству своему.

Второе. Когда совершается это торжественное шествіе около храма, двери церковные затворяются. Вѣрные, идуще, видять въ храмѣ свѣтъ, а на пути предъ собою и около себя непроницаемый мракъ, и тако приходятъ въ преддверіе храма къ затвореннымъ дверямъ. Не означается ли симъ, что всѣ воскресшіе во всемирное воскресеніе издали узрять чертогъ небесной Славы, но не всѣ видутъ въ оный, а только одни достойные, у которыхъ свѣтильники, какъ у мудрыхъ дѣвъ, не угаснуть въ срѣтеніи Жениха-Христа. Остальные же, у которыхъ, какъ у юродивыхъ дѣвъ, свѣтильники угаснутъ, тщетно будутъ повторять начало церковнаго стиха: *Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный и одежды не имамъ, да виду въ онь.*

Третье. Въ преддверіи храма, предъ затвореннымъ оного входомъ, первенствующій служащий, сотворивъ

обычное пасхальное начало прославлениемъ Святыя Троицы и пѣніемъ: Христосъ Воскресе, съ крестомъ въ рукахъ, отверзаеть двери церковныя и первый входитъ во храмъ, а за нимъ входятъ безразлично и всѣ прочіе христіане, поюще радостную церковную пѣснь: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертю смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Повторя оную многократно, прилагають и другія всерадостныя пѣснопѣнія: *Воскресенія день, просвѣтимся, людіе! Пасха, Господня Пасха! Отъ смерти бо къ жизни, и отъ земли къ небеси Христосъ Богъ нась приведе побѣдную поющія* и т. д. Не слышно уже обычного чтенія, возбуждающаго духъ сокрушенія, а слышно одно лишь непрерывное сладкопѣніе, возбуждающее во всѣхъ радованіе. Непрестанно являются служители алтаря въ блистающихъ одеждахъ, непрестанно зrimъ Крестъ Христовъ и покланяемся сему знаменію спасенія нашего, непрестанно осѣняемся куреніемъ священнаго фиміама; у всѣхъ въ рукахъ возженныя свѣщи; въ устахъ же у всѣхъ и служащихъ, и поющихъ, и предстоящихъ, только и слышится радостное: Христосъ Воскресе!

Такъ празднуется временная Пасха Христова на землѣ, и къ сему празднованію допускаются всѣ христіане, достойные и недостойные, потому что настоящая жизнь подлежитъ измѣненію: нерѣдко достойные дѣлаются недостойными, и наоборотъ – недостойные дѣлаются достойными, что явно оказалось на Іудѣ и разбойникѣ. Первый быль въ ликѣ избранныхъ двадесяти Апостоловъ Христовыхъ, три лѣта послѣдовалъ за Христомъ,

слушая непрестанно ученіе Его, и имъль дарованіе изгонять бѣсовъ и исцѣлять многоразличныя болѣзни. Но, наконецъ, обезумѣвши отъ нерадѣнія и сребролюбія, предаль Христа и погибъ вѣчно. Послѣдній же болѣе 30 лѣтъ былъ въ шайкѣ закоренѣлыхъ разбойниковъ, но, вразумившись на крестѣ, исповѣдалъ волею Распеншагося Сына Божія Господомъ и Царемъ и первый вошелъ въ рай. Примѣры эти да содержимъ всегда въ памяти, чтобы воздержать себя отъ грѣха осужденія, хотя бы мы видѣли кого-либо и при концѣ жизни грѣшащимъ, какъ убѣждаетъ насъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

Но иной будетъ порядокъ празднованія на небеси Пасхи вѣчной послѣ всеобщаго воскресенія и суда. Къ празднованію оной допустятся только одни избранные, достойные. И кто единожды допущенъ будетъ въ чертогъ небесный къ празднованію Пасхи вѣчной, тотъ вѣчно и останется въ ликѣ празднующихъ оную, во гласѣ радованія. Кто же окажется недостойнымъ участія въ этомъ празднованіи, тотъ уже пребудетъ въ вѣчномъ лишеніи и вѣчномъ отчужденіи.

Но теперь неблаговременно говорить подробно о горькой участіи послѣдніхъ по причинѣ всерадостнаго праздника. А скажемъ только одно, что всѣ мы, христіане, пока живы, должны быть осторожны и внимательны къ своему спасенію. И мнящіеся изъ насъ стояти, по слову апостольскому, да блoudутся, да не падутъ, памятуя всегда ужасающій примѣръ погибшаго Іуды. Немощные же изъ насъ и падающіе да возбуждаются надеждою исправленія, видя утѣшительный примѣръ благоразумнаго разбойника, наслѣдовавшаго рай.

О, Пасха, велія и священнѣйшая Христе! О, мудрости и Слове Божій, и сило! Подавай намъ истѣе Тебе при- чащатися въ невечернемъ дни Царствія Твоего!»

Въ другомъ родѣ было пасхальное привѣтствіе Старца, разосланное имъ въ 1881 году:

«Сестры о Господѣ и матери! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Поздравляю васъ съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова и сердечно желаю всѣмъ вамъ встрѣтить и провести все-радостное сіе христіанское торжество въ мирѣ и радованіи, и утѣшениіи духовномъ, если кому не помѣшаетъ несвойственная немощь. Вы спросите, какая же это немощь? Можетъ быть, подумаете, что подъ этимъ разумѣется неисправное проведеніе поста св. Четыредесятницы. Но св. Златоустъ снисходитъ намъ въ этомъ, говоря: «Постившися и непостившися возвеселитеся днесъ, воздержницы и лѣнивіи день почтите!» Также, можетъ быть, подумаете, что это относится къ памяти прежнихъ согрѣшеній, которая препятствуетъ радости. Но и обѣ этомъ онъ же говоритъ: «Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія». Итакъ, спросите, какая же это немощь? Та несвойственная немощь, которая побудила Каина убить незлобиваго Авеля, а іудеевъ побудила распять Христа Спасителя и Ибавителя міра.

Сами можете понять, что говорю вамъ о страсти зависти, которая, по Писанію, не вѣсть предпочитати полезная. Страсть зависти ни въ какой радостный праздникъ, ни при какихъ радостныхъ обстоятельствахъ, не даетъ вполнѣ порадоваться тому, кѣмъ она обладаетъ.

Всегда, какъ червь, точить душу и сердце его смутною печалію, потому что завистливый благополучіе и успѣхи ближняго почитаетъ своимъ несчастіемъ, а оказываемое другимъ предпочтеніе считаетъ для себя несправедливою обидою.

Одинъ греческій царь пожелалъ узнать, кто изъ двухъ хуже, сребролюбецъ или завистливый, потому что оба не желаютъ другимъ добра. Съ этою цѣлью повелѣлъ призвать къ себѣ сребролюбца и завистливаго и говорить имъ: «Просите у меня каждый изъ васъ, что ему угодно; только знайте, что второй получить вдвое, что попросить первый». Сребролюбецъ и завистливый долго препирались, не желая каждый просить прежде, чтобы послѣ получить вдвое. Наконецъ, царь сказалъ завистливому, чтобы онъ просилъ первый. Завистливый, будучи обѣять недоброжелательствомъ къ ближнимъ, вмѣсто полученія обратился къ злоумышленію и говорить царю: «Государь! Прикажи мнѣ выколоть глазъ». Удивленный царь спросилъ, для чего онъ изъявилъ такое желаніе? Завистливый отвѣчалъ: «Для того, чтобы ты, государь, приказалъ товарищу моему выколоть оба глаза».

«Вотъ насколько страсть зависти зловредна и душевредна, но еще и зложелательна. Завистливый готовъ подвергнуть себя вреду, лишь бы только вдвое повредить ближнему. Мы здѣсь выставили самую сильную степень зависти. Но и она, какъ и всѣ другія страсти, имѣть разные размѣры и степени, и потому должно стараться подавлять ее и истреблять при первомъ ощущеніи, моляся Всесильному Сердцевѣдцу Богу псалом-

скими словами: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади рабу Твою или раба Твоего* (Пс. 18, 13–14). Также со смиреніемъ должно исповѣдовать не-мошь эту предь духовнымъ отцомъ. А третье средство – всячески стараться не говорить чего-либо противнаго о томъ человѣкѣ, которому завидуемъ. Употребляя эти средства, мы можемъ съ помощію Божіей, хотя не скоро, исцѣлиться отъ завистливой немоши.

Зависть проходитъ отъ гордости и вмѣстѣ отъ нерадѣнія къ исполненію должного. Каинъ понерадѣль принести избранную жертву Богу. А когда Богъ за такое нерадѣніе презрѣль его жертву, а усердную и избранную жертву Авеля принялъ, тогда онъ, объятый завистью, рѣшился убить и убилъ праведнаго Авеля. Всего лучше, какъ сказано выше, стараться истреблять зависть въ самомъ началѣ смиренною молитвою, смиренною исповѣдію и благоразумнымъ молчаніемъ. Кто съ помощію Божіею возможеть истреблять въ себѣ страсть зависти, тотъ можетъ надѣяться побѣдить и другія страсти, и тогда не только въ Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова и въ другіе христіанскіе праздники онъ можетъ радоваться радостію неизглаголанною, но и въ простые дни всегда будеть находиться въ благомъ расположеніи духа и въ благомъ устроеніи. Аминь.

А меня простите за непраздничное поздравленіе. Хотѣль я въ праздникъ сказать вамъ нѣчто и полезное, а полезное рѣдко сходится съ пріятнымъ. Кому не понравится это поздравленіе, пусть прочтеть его на юноминой недѣлѣ и да замѣтить, что зависть вначалѣ обнаружива-

ется неумѣстною ревнѣстю и соперничествомъ, а затѣмъ рвениемъ съ досадою и порицаніемъ того, кому за-видуемъ. Итакъ, да будемъ благоразумны и осторожны при первомъ появленіи завистливаго чувства, стараясь отвергать оное, прося всесильной помощи нась ради Распеншагося и въ третій день Воскресшаго Христа Господа. Аминь! Аминь!!!»

Не приводя другихъ праздничныхъ писемъ, изъ ко-ихъ, въ большинствѣ, Старецъ разъясняетъ тѣ или другія псаломскія слова и церковныя пѣсни, например, *уста моя возлаголють премудрость...* или: *наказуя, на-каза мя Господь...* или: *еда забудетъ ущедрить Богъ...* или: *покрыла есть небеса добродѣтель Твоя, Христе...* или: *жезль изъ корене Іесеова...* или *таинство стран-ное...* и т. д.; скажемъ лишь, что этими своими письма-ми о. Амвросій создавалъ въ своихъ духовныхъ дѣтяхъ одно общее праздничное высокое настроеніе и, такимъ образомъ, соединялъ ихъ въ одну духовную семью.

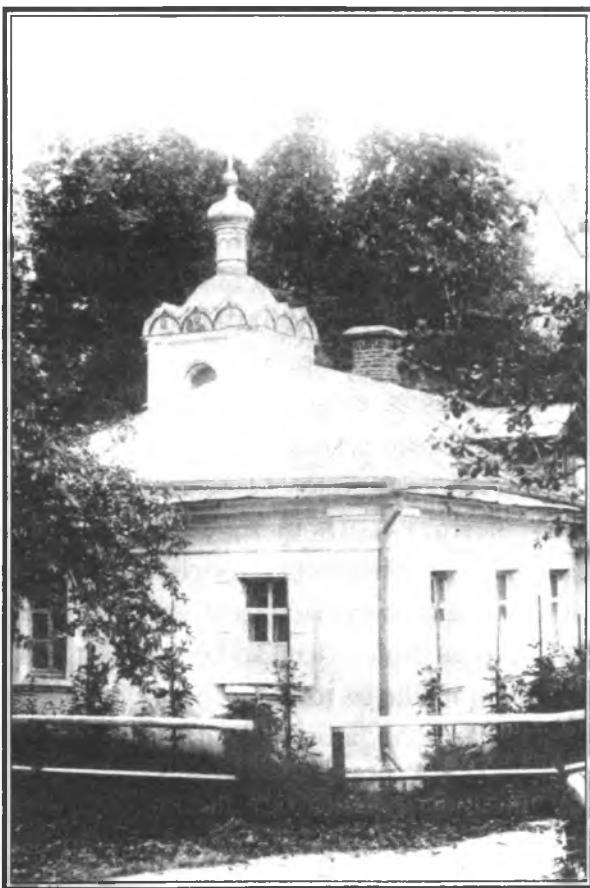
Общія письма составляютъ лишь небольшую часть тѣхъ писемъ къ монашествующимъ, которыя были на-писаны о. Амвросіемъ за 30 лѣтъ его старчества²⁸. Письма эти не такъ разнообразны по своему содер-жанію, какъ письма къ свѣтскимъ лицамъ; онѣ учать все одному и тому же: какъ имѣть страхъ Божій, какъ искоренять страсти, какъ преуспѣвать въ молитвѣ, какъ вообще жить монаху или монахинѣ, избѣгая прелести и обольщений; тѣмъ не менѣе, онѣ глубоко назидательны и могутъ быть полезны не только для монашеству-

²⁸ Письма о. Амвросія къ монашествующимъ изданы Оптиною Пус-тынью въ 2-хъ выпускахъ.

ющихъ, но и для мірянь. Вотъ основныя мысли нѣкоторыхъ изъ нихъ: мудрость христіанская состоитъ въ томъ, чтобы во время искушений хранить вѣру въ Господа; бодрость – отъ единенія съ Господомъ, уныніе – отъ тщеславія; сознаніе своей немощи, самоукореніе и терпѣніе – три ступени къ смиренію; кратчайшій путь ко Христу – носить тяготы другъ друга; главныя препятствія къ усвоенію святости – похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская; серьезная болѣзнь серьезнѣе обращаетъ къ Богу; духовное возрожденіе начинается освобожденіемъ отъ страстей, а завершается прохожденіемъ добродѣтелей; о томъ, что грѣшнику полезнѣе вспоминать адъ, нежели рай; гордый ученикъ долженъ искать старца строгаго; найти совершенство безъ покаянія – самообманъ; одни правила и посты безъ соблюденій заповѣдей не спасутъ; должно идти среднимъ путемъ; не должно вступаться не въ свои дѣла, а себѣ внимать; умѣренному дѣланію цѣны нѣть, о крайности – отъ діавола; обѣ искушенихъ на молитвѣ и т. д.

**Отець Амвросій въ своей келейной обстановкѣ.
Будничный и праздничный день Старца.
Дни исключительные**

Внѣшняя обстановка жизни о. Амвросія была самая скромная. Онъ занималъ, какъ было уже сказано, небольшой корпусъ съ правой стороны отъ Св. скитскихъ вратъ. Небольшое крылечко изнутри Скита вело въ сѣни, а оттуда въ низенькій и темный коридоръ, по обѣимъ сторонамъ которого стояли скамьи для приходящихъ монаховъ и простыхъ посѣтителей мужескаго

Келлія старца Амвросія въ Скиту

пола. Изъ коридора первая дверь направо вела въ небольшую пріемную зальцу, куда Старець выходилъ также на общее благословеніе. Передній уголъ зальцы занять быль св. иконами. Стѣны сплошь увѣшаны картинами духовнаго содерянія и портретами, между которыми можно было видѣть портреты: Государя Императора, митрополитовъ Филарета и Иннокентія Московскихъ, Филарета, Арсенія и Іоанникія Кіевскихъ, епископовъ – Григорія II, Владимира и Анастасія Калужскихъ, Молдавскаго старца Паисія Величковскаго и другихъ духовныхъ старцевъ, оптинскихъ и не оптинскихъ. Въ зальцѣ стояли диванъ, стулья, столы и этажерка съ книгами духовнаго содерянія, чтобы посѣтители, въ ожиданіи пріема Старца, могли на досугѣ заняться чтеніемъ. Рядомъ съ пріемной маленькая келлійка келейника о. Михайла. Противъ пріемной дверь въ келлію самого старца Амвросія, которая всегда была на крючкѣ и отпиралась только во время служенія келейныхъ бдѣній и еще въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Келлія Старца была съ переднею, въ которой висѣла его простая, иногда даже заплатанная одежда: подрясника два ваточныхъ, подрясника два холодныхъ, балахонъ, легонькая мѣховая ряска изъ малороссійскихъ бѣленъкихъ смушекъ. Тутъ же хранились его муходяровая мантія, ряска и клобукъ. Самая келлія Старца вся увѣшана была св. иконами и портретами духовныхъ лицъ, большою частью принесенными въ даръ Старцу его почитателями. Между иконами особенное вниманіе обращали на себя: а) маленькая икона (вершка 4 вышины) Божіей Матери именуемая «Тамбовскою», – роди-

тельское благословеніе старца Амвросія. Предъ нею теплилась неугасимая лампада, б) икона Божій Матері «Скоропослушницы» (вершковъ 12 вышины), присланная въ даръ Старцу изъ Москвы изъ Аѳонской часовни, в) большая икона св. Великомученика и Цѣлебника Пантелеймона, предъ которойю также горѣла неугасимая лампада, г) большое изображеніе на полотнѣ Кіево-Печерской Божій Матері съ колѣнопреклоненными преп. Антоніемъ и преп. Феодосіемъ. Эта икона стояла надъ койкою о. Амвросія въ его изголовьи, д) икона Нерукотвореннаго Спаса художественной работы.

Межу портретами духовныхъ лицъ были: Троекуровскаго затворника Иларіона, Вышенскаго затворника – епископа Феофана,protoіерея Феодора Александровича Голубинскаго, Кронштадтскагоprotoіерея о. Іоанна Ильича Сергіева и другихъ.

У восточной стѣны келліи стояль небольшой письмоводительскій столикъ, гдѣ письмоводитель писаль письма подъ диктовку Старца. Въ святомъ углу аналой со шкафчикомъ, съ слѣдованною на немъ псалтирию и другими книгами, необходимыми для вычитыванія правила. Вдоль южной стѣны другой столъ, на которомъ стояли нѣкоторыя иконы, подсвѣчники съ восковыми свѣчами и лежало нѣсколько духовныхъ книгъ. Вдоль западной стѣны стояла койка Старца, а около нея печка, въ зимнее время вся заваленная носками и увѣшанная фланелевыми рубашками. Къ сѣверной стѣнѣ приставленъ быль шкафъ, наполненный святоотеческими и другими духовно-нравственными книгами. Между шкафомъ и печкой дверь. Затѣмъ табуретки три-четыре и

два ста́ринныхъ кресла для почетныхъ посътителей. Рядомъ съ келлею Старца келлія другого его келейника, о. Йосифа, тоже вся въ иконахъ и портретахъ.

Противъ входныхъ дверей, въ концѣ коридора, дверь въ хибарку, или пристроенное, довольно просторное помѣщеніе для женского пола, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ и коридора, который вель въ заднюю еще хибарку, изъ которой уже былъ выходъ наружу. И здѣсь было множество иконъ, между которыми особенно выдающеюся была большая Аѳонская икона Божіей Матери, именуемая «Достойно есть». Такова была ви́шняя обстановка жизни старца Амвросія.

Будничный день Старца обыкновенно начинался молитвословіемъ. Келейники въ свое время поперемѣнно читали положенное правило, а Старецъ слушалъ или стоя на своей койкѣ или, большою частью, по немоши, сидя на тутъ же устроенному для него съдалищѣ... Когда же былъ боленъ, во время чтенія лежалъ, а правила все-таки никогда не упускалъ. Для слушанія утренняго правила поначалу онъ вставалъ часа въ четыре утра, звонилъ, къ нему являлись келейники и прочитывали: утрення молитвы, двѣнадцать избранныхъ псалмовъ и первый часъ. Затѣмъ, послѣ краткаго отдыха, Старецъ слушалъ часы – третій и шестой съ изобразительными и смотря по дню – канонъ съ акаѳистомъ Спасителю или Божіей Матери, каковые акаѳисты онъ всегда выслушивалъ стоя. Описанныя правила всегда были у Старца съ болѣе или менѣе продолжительными остановками. Прослушавъ, напримѣръ, половину утренняго правила и чувствуя ослабленіе силъ, онъ отпускалъ отъ

себя келейныхъ и, отдохнувши нѣсколько, звалъ опять и дослушивалъ правило. Такъ же было и во время часовъ. Можетъ быть, и другія, болѣе важныя причины, заставляли Старца дѣлать эти перерывы, именно – упражненіе наединѣ въ умной молитвѣ, о чёмъ можно предполагать съ вѣроятностью. Выслушавъ положенія молитвословія, Старецъ начиналъ умываться. Кто-нибудь изъ келейниковъ ставилъ возлѣ его койки мѣдный тазъ на табуретку и начиналъ понемногу лить на руки ему тепловатую воду изъ большого чайника; а онъ на колѣнахъ, нагнувшись надъ тазомъ, умывался. Во время этого дѣйствія со стороны келейниковъ начинались вопросы: «Батюшка! Вотъ totъ-то въ такихъ-то обстоятельствахъ находится. – что ему благословите дѣлать?» – Или: «Вотъ та-то просить благословенія на такое-то дѣло, благословите или нѣть?» И прочее и прочее Старецъ и свое дѣло дѣлалъ и вмѣстѣ отвѣчалъ на вопросы. Послѣ умыванья Старецъ подкрѣплялся чаемъ, среди котораго диктоваль письма и затѣмъ выходилъ къ посѣтителямъ... Впрочемъ, такъ было до 70-хъ годовъ, когда силы Старца были покрѣпче; а послѣ того, при умножавшемся годъ отъ году числѣ посѣтителей, вслѣдствіе крайняго переутомленія, онъ и на правило утреннее вставалъ позже, часовъ въ пять, и по выслушаніи часовъ, съ канономъ и акафистомъ, нерѣдко ложился на койку для кратковременного отдыха. Вставая, онъ, бывало, промолвить: «Охъ! Все больно»... Въ зимнее время онъ весьма часто простуживался. Встанетъ съ опухшимъ лицомъ, съ лихорадочнымъ ознобомъ или ревматическими болями въ тѣлѣ, умоетъ

ся, начнеть растираться спиртомъ или какою-либо мазью. Келейники же все-таки задаютъ вопросы, а Старецъ едва слышнымъ голосомъ отвѣчаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начнутся у Старца переодѣванія и переобуванія, которыя въ продолженіе дня повторялись много разъ. О своемъ нездоровьѣ онъ и въ письмахъ къ близкимъ лицамъ неоднократно писалъ: «Слабость и болѣзnenность усиливаются, и переобуванія и переодѣванія устроились; жара и холода равно не выношу. Въ мѣру только одинъ семнадцатый градусъ тепла; а выше и ниже дурно вліяетъ. Вотъ тутъ и умудряйся около одного градуса вертѣться, и какъ одинъ этотъ градусъ удержать, когда постоянно подходятъ натуральные печки и своими толками умножаютъ жаръ».

Пока Старецъ, во время своего утренняго чая, диктуетъ письма, къ его жилью мало-помалу подходятъ посѣтители, – съ одной стороны извнутрь Скита мужчины, а со вѣнѣ женскій поль. Не успѣль онъ еще окончить нужное письмо, а ужъ народъ началъ и въ дверь стучаться и звонить въ проведенный снаружи колокольчикъ. Выйдетъ келейникъ. Просятъ доложить. Тотъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Старецъ занятъ». Вскорости опять со стороны нетерпѣливыхъ посѣтителей стукъ и звонъ; опять та же просьба, и опять тотъ же отвѣтъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе нетерпѣніе посѣтителей увеличивалось, и уже доходило до ропота. Стукъ и звонъ все чаще и чаще повторялся. Выходившему келейнику уже безцеремонно говорили: «Что же вы не докладываете?» или: «Вы не хотите доложить» и т. п. – Въ хибаркѣ набываютъ вмѣстѣ съ мірскими монахини изъ разныхъ

монастырей. Кто говорить: «Я вотъ уже живу здѣсь и хожу къ Старцу цѣлую недѣлю, и никакъ не могу до него дойти», а иная говорить: «А я – двѣ». Лишь только выйдетъ къ нимъ келейникъ, какъ въ сотню голосовъ къ нему: «Доложите, доложите». Желая хоть сколько-нибудь успокоить посѣтительницъ, онъ спросить: «Какъ о васъ доложить?» Каждая, конечно, сказываетъ, откуда прибыла. Но гдѣ же ему въ такой суматохѣ всѣхъ упомянуть? Своеобразно докладывалъ о нихъ о. Михаилъ. Придетъ къ Старцу и скажетъ: «Въ хибаркѣ васъ, батюшка, ждуть». – «Кто тамъ?» – спросить Старецъ. – «Московскіе, вяземскіе, тульскіе, бѣлевскіе, каширскіе и прочіе народы». – «Скажи, чтобы подождали». Выходить опять. «Ну, что, спросить, докладывали?» – «Докладывалъ». – «Что же?» – «Велить подождать». – «Да вы, должно быть, не докладываете». Между тѣмъ болѣзненный Старецъ, подготавляясь выходить къ посѣтителямъ, переодѣвался, переобувался, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ кѣмъ-либо изъ братій съ однимъ или вдругъ съ нѣсколькими, да велся какой-либо общій разговоръ. Слушая назидательную рѣчъ Старца, присутствовавшіе въ то же время помогали ему въ переодѣваніи и переобуваніи. Снимали сапоги и отсырѣвшіе носки, подавали сухіе и проч. Такъ всегда бывало. Наконецъ, можетъ быть, уже около часовъ десяти дня, если не позже, Старецъ выходилъ къ давно уже ожидавшимъ его посѣтителямъ. Пройдется по коридору, гдѣ бывали мужчины; кого на ходу благословить, кому скажетъ нѣсколько словъ; съ особенными же нуждами принималъ въ зальцѣ отдельно и занимался по нѣскольку времени. По-

тому проходилъ въ хибарку и тамъ уже оставался на-долго. Нельзя не замѣтить при этомъ, что не всѣ приходили къ болѣзненному Старцу за дѣломъ, а нѣкоторые только отнимали у него время и тѣмъ, въ особенности, отягощали его.

Онъ самъ жаловался на такихъ посѣтителей въ своихъ письмахъ: «Старость, слабость, безсиліе, многоза-ботливость и многозабвеніе, и многіе бесполезные тол-ки не даютъ мнѣ и опомниться. Одинъ толкуетъ, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняетъ, что онъ находится въ постоянной тревогѣ, ты все это слушай, да еще отвѣтъ давай; а молчаніемъ не отдѣлаешься – обижаются и оскорбляются. Недаромъ повторяется иногда поговор-ка: толкуй больной съ подлѣкаремъ. Больному хочется объяснить свое положеніе, а подлѣкарю скучно слу-шать; а дѣлать нечего – слушаетъ, не желая еще болѣе раздражить и растревожить больного толкуна».

Инымъ нетерпѣливымъ посѣтителямъ Старецъ ста-вилъ въ примѣръ великихъ угодниковъ Божіихъ и, совѣ-туя имъ потерпѣть, говорилъ имъ со своимъ обычнымъ добродушіемъ: «Терпѣль Моисей, терпѣль Елисей, тер-пѣль Илія, такъ потерплю жь и я».

Но вотъ настаетъ полдень – время обѣдать. Не от-пуская посѣтителей, Старецъ шель въ смежную съ своею келліею – келлію о. Іосифа, своего келейника; и тамъ, полулежа около стола отъ утомленія, вкушаль пи-щущу, которая состояла изъ двухъ блюдъ – ухи изъ свѣжей рыбы, не очень жирной, и клюквенного киселя, а въ постные дни вмѣсто ухи ему готовили похлебку или

картофельный супъ на подсолнечномъ маслѣ. Какъ-то пришла ему мысль обойтись безъ масла и, чтобы постная пища была не очень сурова, велѣлъ заправить ее толчеными грецкими орѣхами. Случилась тутъ какая-то знакомая Старцу игуменія, которую онъ и вздумалъ попотчивать этимъ снадобьемъ. «Да это что же у васъ такое, Батюшка? – сказала она. – Это рвотное».

Пиши съѣдалось Старцемъ не болѣе, сколько можетъ съѣсть трехлѣтній малютка. Обѣдъ его длился десять или пятнадцать минутъ, въ продолженіе которыхъ келейники опять-таки задавали ему вопросы о разныхъ лицахъ и получали отъ него отвѣты. Но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь дать отдохнуть своей головѣ, Старецъ приказывалъ кому-нибудь изъ близкихъ, во время своего обѣда, почитать что-нибудь легкое. Любиль иногда прослушать что-нибудь изъ басенъ Крылова. Книга эта всегда почти лежала при немъ на столѣ въ келейной. Доставилъ ему однажды кто-то сочиненіе какого-то господина о русскихъ монастыряхъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, почтенный сочинитель кромѣ грязи ничего не замѣтилъ. Старецъ прослушалъ эту книгу съ грустно-серъезнымъ выраженіемъ лица и никакого своего мнѣнія о ней не высказалъ.

По окончаніи обѣда Старецъ, если былъ слабъ, тутъ же, лежа на койкѣ, принималъ кого понужнѣе, или вдругъ принималъ всѣхъ на общее благословеніе, сначала мужской полъ, а послѣ и женскій. Набывается полная келлія. На этихъ общихъ пріемахъ Старецъ вразумлялъ нуждающихся мѣткимъ словомъ, нерѣдко пословицами, понятными тому, къ кому онъ относились. Или раз-

сказывалъ что-нибудь такое, что служило отвѣтомъ на сокровенную мысль кого-либо изъ присутствовавшихъ. Иногда заставляль кого-нибудь изъ посѣтительницъ прочитать болѣе подходящую къ дѣлу басню Крылова; затѣмъ скажеть нѣсколько назидательныхъ словъ въ шутливомъ тонѣ и, наконецъ, преподавъ всѣмъ благословеніе, направится къ своей келліи. За нимъ во сто голосовъ: «Батюшка! Батюшка! Мнѣ словечко сказать; мнѣ пару словъ». Но усталый, болѣзnenный Старецъ кое-какъ, при помощи келейниковъ, протискивался сквозь толпу, уходилъ въ свою келлію и запирался извнутри на крючокъ, чтобы и туда народъ не нахлынуль.

Если же Старецъ послѣ обѣда имѣть довольно силъ, то онъ выходилъ преподать общее благословеніе въ хибарку. Предварительно появлялся келейникъ и закрывалъ всѣ окна, чтобы не было сквозного вѣтра. Всѣ сидящіе поднимались съ своихъ мѣстъ, становились по обѣимъ сторонамъ, оставляя небольшой проходъ для Батюшки. Наконецъ дверь отворялась, и на порогѣ появлялся Старецъ въ бѣломъ балахонѣ, сверху которого всегда, и зимою и лѣтомъ, носилъ легонькую мѣховую ряску, и въ ваточной камилавкѣ на головѣ. Выйдя изъ двери и остановясь на ступенькѣ, онъ всегда молился передъ поставленною здѣсь иконою Божіей Матери «Достойно есть» и проходилъ далѣе, внимательно вглядываясь въ просившихъ у него благословенія и осѣня ихъ крестнымъ знаменіемъ. Изъ толпы слышались вопросы, на которые онъ давалъ простые, но мудрые отвѣты. Иногда Старецъ садился, и тогда всѣ присутствовавшіе становились вокругъ него на колѣни, съ глубо-

кимъ вниманіемъ слушая его бесѣду, смыслъ которой всегда заключалъ въ себѣ полезное нравоученіе или обличеніе чьихъ-либо недостатковъ. Чаще всего предлагалъ онъ совѣты о терпѣніи, снисхожденіи къ немощамъ ближняго и понужденіи себя къ добру, говоря, что *Царствіе Божіе нудится, что многими скорбами подобаетъ намъ винти въ Царствіе Божіе, и претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.* Иногда эти поучительныя бесѣды, или общія благословенія, застигалъ часъ отдыха, и келейникъ напоминалъ ему объ этомъ. Тогда Батюшка снималъ шапочку, раскланивался и говорилъ по обычаю въ шутливомъ тонѣ: «Очень признателъ вамъ за посѣщеніе; о. И. говорить, что пора...» Въ иной же разъ келейникъ скажетъ: «Батюшка, уже два часа»; а Батюшка отвѣтить: «Ты переведи ихъ назадъ, и будеть часъ». Лѣтомъ въ теплые дни выходилъ онъ благословлять на воздухъ; и появленіе его было истинной радостью для всѣхъ томившихся ожиданіемъ. Отъ самаго крыльца хибарки устроены были на столбикахъ жерди, по одну сторону которыхъ стоять народъ, а по другую сторону шелъ согбенный Старецъ, преподавая всѣмъ по ряду благословеніе и временемъ останавливаясь, давалъ по вопросамъ отвѣты. За оградку къ Старцу, безъ его позволенія и благословенія, зайти никто не смѣль; а если бы кто отважился на это, долженъ былъ, по назначенію Старца, положить нѣсколько поклоновъ.

Бывали, хотя весьма рѣдко, и такие дни, когда Старецъ послѣ обѣда вовсе не отдыхалъ, можетъ быть, потому, что чувствовалъ въ себѣ довольно силь обойтись безъ отдыха; или просто такъ не спалось. Тогда онъ

зваль къ себѣ писаря и диктоваль кому-нибудь письмо. Такимъ образомъ у него минуты одной не проходило въ праздности. Во время отдыха Старца уже никто не безпокоилъ. Народъ уходилъ на гостиницу. Двери кругомъ запирались, – и въ хибаркѣ, и въ Скиту на парадномъ крыльцѣ. Послѣ краткаго полуденаго отдыха, часа въ три, Старецъ былъ опять на ногахъ и, если чувствовалъ здоровье свое порядочнымъ, опять шелъ къ посѣтителямъ толковать; если же былъ слабъ, принималъ народъ въ келліи о. Іосифа, лежа на его койкѣ. Тутъ онъ среди толковъ съ народомъ и чай пиль часовъ въ пять вечера. И опять и опять принималъ и толковалъ, толковалъ и принималъ. – Иногда Батюшка неожиданно прерывалъ свою бесѣду съ посѣтителями и уходилъ на нѣкоторое время въ свою келлію – это бывали моменты, когда онъ чувствовалъ потребность побыть одному съ Богомъ, въ молитвенномъ самоуглубленіи, чтобы съ освѣженной душой снова возвратиться къ людямъ на дѣланіе свое. Часовъ въ восемь Старецъ ужиналь, – подавалось на столь то же, что и въ обѣдь. И среди ужина келейники кое о чѣмъ и кое о комъ спрашивали Старца, а онъ не переставалъ отвѣтчать. Или же опять заставляль почитать что-нибудь. Вскорѣ послѣ ужина, если силы Старца окончательно изнемогали, онъ ограничивался преподаніемъ всѣмъ общаго благословенія. Если же силы еще не совсѣмъ оставляли его, то опять начинались обычные пріемы и толки, которые и продолжались иногда до 11 часовъ ночи... Несмотря на крайнее обезсиленіе и болѣзненность Старца, день всегда заключался вечернимъ молитвеннымъ правиломъ, состоявшимъ изъ малаго по-

вечерія, канона Ангелу-хранителю и вечернихъ молитвъ. Отъ цѣлодневныхъ, почти непрерывныхъ докладовъ келейники, то и дѣло приводившіе къ Старцу и выводившіе постыдителей, едва стояли на ногахъ, однако поперемѣнно читали положенный молитвословія... По окончаніи правила Старецъ, по обычаю, испрашивалъ у предстоящихъ прощенія, елика согрѣши дѣломъ, словомъ и помышленіемъ. Въ заключеніе келейники принимали отъ Старца благословеніе и направлялись къ выходу. Зазвонять иногда часы. Слабымъ, едва слышнымъ голосомъ спросить Старецъ: «Сколько это?» – «Двѣнадцать», – отвѣтять. «Опоздали», – скажетъ.

Спать ложился Батюшка всегда одѣтымъ – лѣтомъ въ балахонъ, а зимой въ ватный подрясникъ, опоясанный непремѣнно кожанымъ поясомъ. На головѣ имѣлъ всегда шапку монашескую, а въ рукахъ четки. Снималъ только сапоги, оставаясь въ однихъ носкахъ. Богу извѣстно, какъ проводилъ Старецъ ночные часы. Только по приходѣ къ нему на утреннее правило келейники замѣчали, что во время ночи онъ перемѣнилъ нѣсколько фланелевыхъ рубашекъ, изъ чего можно видѣть, что непрерывнаго сна онъ не имѣлъ.

Наканунѣ каждого воскреснаго и праздничнаго дня о. Амвросій выслушивалъ у себя въ келліи бдѣніе. Поначалу, въ шестидесятыхъ годахъ, служилъ всегда эти бдѣнія преданный духовный сынъ Старца, іеросхимонахъ Гавріилъ. Тутъ же около двери стояли два-три человѣка пѣвчихъ. Будущій скитоначальникъ о. Анатолій, въ то время еще простой монахъ, пѣлъ басомъ. Келейники были чтецами; о. Климентъ – канонархомъ. Со

временемъ обстоятельства измѣнялись. Нездоровые и немощные скитяне, вмѣсто того чтобы идти слушать бдѣніе въ монастырь, испрашивали у Старца благословеніе быть на его келейномъ бдѣні; и Старецъ, конечно, благословлялъ. Умножилось, такимъ образомъ, число молящихся. Поэтому, чтобы въ келліи Старца не было тѣсно и душно, пѣвчимъ велѣно было стоять въ передней, а наконецъ, и въ коридорѣ, куда во время службы растворялись двери старцевой келліи. Въ самой келліи оставался одинъ служащій іеромонахъ, да еще, можетъ быть, кто-либо изъ лицъ, близкихъ Старцу. Впослѣдствіи и въ хибаркѣ оставались нѣкоторые, по благословенію Старца, послушать сквозь дверь его келейное бдѣніе и помолиться. Въ лѣтнее время неоднократно прѣѣжалъ въ Оптину Пустынь графъ А. П. Толстой и всегда любилъ присутствовать на келейномъ бдѣніи у Старца. Самъ же Старецъ и среди бдѣній никогда почти не оставался безъ обычнаго своего дѣла. Во время чтенія паремій, каѳизмъ и канона онъ или кого исповѣдовалъ въ келліи о. Іосифа, или принималъ посѣтителей, кого не успѣлъ принять днемъ, или же, наконецъ, подкрѣплялся вечернею трапезою. Всегда только онъ выслушивалъ шестопсалміе и величаніе праздничное съ чтеніемъ Евангелія, стоя на своей койкѣ, какъ можно было замѣтить, съ глубокимъ вниманіемъ. Величаніе подпѣвалъ. Голосъ у него, несмотря на старость, былъ свѣтлый и пріятный теноро-басъ. Пѣль онъ всегда отъ души и, по слову Священнаго Писанія, *разумно*. Если же посѣтителей и исповѣдниковъ у Старца во время его келейнаго бдѣнія не было, то большую часть служ-

бы онъ слушалъ сидя, въ самоуглубленіи, а иногда отъ утомленія и лежа. Нерѣдко можно было видѣть въ это время на лицѣ его слезы. Если Старецъ со своими дѣлами не успѣлъ управиться, а бдѣніе до шестопсалмія уже отслужили, въ такомъ случаѣ служба на нѣсколько минутъ прерывалась, и Старца дожидались. По окончаніи келейнаго бдѣнія, которое съ промежутками продолжалось часа три и отходило почти вмѣстѣ съ бдѣніемъ, совершившимся въ храмѣ, усталые келейники для усталаго Старца прочитывали конецъ вечернихъ молитвъ и, получивъ благословеніе, отходили на отдыхъ.

Утромъ, если въ Скиту была своя Литургія, которая обыкновенно начиналась всегда не раньше шести часовъ, Старецъ съ келейниками вставалъ за полчаса или за часъ передъ службой, прослушивавъ часы съ изобразительными и отпускаль келейниковъ въ церковь, а самъ оставался одинъ съ Единымъ Богомъ. Только это короткое время и было единственнымъ временемъ, когда онъ могъ побыть въ безмолвіи.

Какъ онъ проводилъ это время, уже никому не извѣстно. А приходившіе изъ церкви келейники, вмѣстѣ съ писаремъ, заставали его почти всегда сидѣвшимъ на своей койкѣ, съ поджатыми ногами, за чтеніемъ книги или Посланій апостольскихъ, или Псалтири, или Добротолюбія, или преподобнаго Максима Исповѣдника, или, наконецъ, св. Исаака Сирина.

Всѣ эти книги онъ читалъ непремѣнно на славянскомъ нарѣчіи, которое очень любилъ. На книгахъ онъ иногда дѣлалъ собственноручно замѣтки; напримѣръ, какъ помнится, подъ словами апостола Павла: *дадеся ми*

*пакостникъ плоти аггель сатанинъ, да ми пакости дъ-
етъ*, подписано было Старцемъ: «Александръ ковачъ». Въ Добротолюбіи же и въ книгѣ св. Исаака Сирина было очень много для памяти подчеркнутыхъ Старцемъ мѣсть. Возвратившіеся изъ церкви писарь и келейники предварительно входили съ молитвой къ Старцу и получали отъ него благословеніе; а Старецъ, сидя за книгой, тутъ же иногда укажетъ кому-нибудь изъ нихъ особенно назидательную въ книгѣ коротенькую статейку и дастъ прочитать; потомъ отпускалъ всѣхъ ихъ подкрѣ-
питься чаемъ и самъ подкрѣплялся. Скоро затѣмъ писарь возвращался къ Старцу, и начиналась обычная диктовка писемъ, а тамъ подходили посѣтители и посѣ-
тительницы. И такъ уже до глубокаго вечера опять все по будничному. Иногда же отъ большого въ празднич-
ный день прилива посѣтителей Старецъ утруждался больше, чѣмъ въ будни.

Съ нѣкоторою особенностью встрѣчались и проводились Старцемъ великие праздники – Рождества Христова и Св. Пасхи. Недѣли за двѣ до праздника Старецъ продиктовывалъ свое обычное «общее поздравленіе», которое и переписывалось въ немаломъ числѣ экземпляровъ. Удивительно памятливъ былъ Старецъ. Въ про-
долженіе двадцати одного года онъ диктовалъ эти по-
здравленія и несмотря на то, что никогда неправлялся о содержаніи продиктованныхъ въ прежніе годы пи-
семъ, всегда говорилъ непремѣнно о разныхъ предме-
тахъ. Но вотъ наставалъ канунъ праздника. Келейники заботились о возможной чистотѣ старцевыхъ келлій. Число постороннихъ посѣтителей сравнительно умень- .

шалось, такъ какъ каждый заботился встрѣтить праздникъ у себя дома. Старецъ въ это время больше занять былъ исповѣдниками, и притомъ изъ своихъ братій. Иногда неспѣшно переходилъ онъ по какой-либо надобности изъ келліи въ келлію. Лицо такое свѣтлое, свято-лѣпное. Видно было, что благодатный миръ и невозмутимая тишина наполняли его чистую душу. Любящее сердце его отверсто было ко всѣмъ. Отечески-ласковое слово, взглѣдъ или прикосновеніе рукой вызывали иногда у окружающихъ его слезы умиленія.

Нѣсколько раньше обычнаго Старецъ ложился для краткаго отдыха; а въ самую полночь, когда въ монастырѣ ударяли къ утренѣ, вставалъ. Служацій іеромонахъ и пѣвчіе были наготовѣ. Зажигались предъ св. иконами свѣчи, и начиналась утреня, которая отходила нѣсколько раньше монастырской. Затѣмъ болѣзnenный Старецъ ложился опять для отдыха, который, впрочемъ, скоро прерывался, потому что монастырскіе пѣвчіе тотчасъ по окончаніи утрени приходили въ Скитъ поздравлять Старца съ праздникомъ, а за ними и всѣ скитскіе братія.

Въ праздникъ Рождества Христова славили Христа, а на Пасху пѣли девятую пѣснь пасхальнаго канона, съ возглашеніемъ заздравной екtenіи о Старцѣ. Послѣ этого Старецъ со всѣми пришедшими къ нему, сидя на своей койкѣ, христосовался и одѣлялъ красными яйцами. Предъ Литургіей Старецъ, по обычаю, прослушивалъ праздничные часы и отпускалъ всѣхъ своихъ келейниковъ въ монастырь къ обѣднѣ, которая начиналась порану. Въ Скиту въ первые дни этихъ праздниковъ

своей службы не бываеть. По окончаніі Литургіі, хотя посѣтителей съ обычными нуждами и скорбями почти не было, зато много было поздравляющихъ съ праздни-комъ, а потому Старецъ и въ эти великие праздники былъ въ непрестанной молвѣ. На другой день праздни-ковъ Рождества Христова и Пасхи въ Скиту всегда слу-жиль Литургію настоятель монастыря о. архимандритъ Исаакій соборне. Послѣ Литургіи онъ, вмѣстѣ съ служа-щими іеромонахомъ и іеродіакономъ, шель къ Старцу поздравлять его съ праздникомъ. Старецъ съ любовію принималь дорогихъ гостей, и самъ, усѣвшиись на своей постелькѣ съ поджатыми ногами, кушаль съ гостями чай. Легкій разговоръ о чемъ-либо съ близкими, въ осо-бенности съ старшими братіями, былъ для него нѣкото-раго рода развлеченіемъ. Любилъ онъ послушать ново-сти – церковныя и общественныя, и самъ поразскажеть, бывало, что-либо. Откушавъ чаю, о. архимандритъ обѣ-далъ въ скитской трапезѣ, а Старецъ принималь у себя поздравителей и простыхъ посѣтителей.

Къ числу особенно торжественныхъ дней въ жизни о. Амвросія надо отнести тотъ день, когда въ его келлію приносили чудотворный Калуженскій образъ Божіей Матери.

Слушая бдѣніе или молебенъ предъ Нею, Старецъ едва сдерживалъ слезы, которыя иногда противъ его воли буквально текли ручьями... Что-то трогательно-праздничное ощущалось въ это время и въ душахъ всѣхъ окружавшихъ Старца-молитвенника; живѣе вѣри-лось въ ходатайство предъ Богомъ Матери Божіей и свя-тыхъ за людей православныхъ.

Торжественностью отличался и день Ангела старца Амвросия, седьмое декабря, празднование памяти святителя Амвросия Медiolанского. Старец глубоко чтилъ своего небеснаго покровителя. Съ вечера какъ въ монастырѣ, такъ и въ Скиту, и особо въ келліи Старца, отправлялось бдѣніе святителю Амвросію. Одинъ изъ иноковъ Оптиної Пустыни въ 70-хъ годахъ составилъ особую службу святителю съ акаѳистомъ, которая всегда и совершилась въ этотъ день въ келліи Старца. Въ са-мый день Ангела въ монастырѣ и въ Скиту отправля-лись соборныя Литургіи, съ молебнами св. Амвросію и съ возглашеніемъ старцу Амвросію многолѣтія, послѣ чего братія отправлялись въ келлію Старца и тамъ при-носили ему поздравленіе съ днемъ Ангела, а онъ пред-лагалъ имъ съ своей стороны чай и угощеніе. Такъ же радушно принималъ и угощалъ онъ въ этотъ день и по-стороннихъ поздравителей.

Къ особымъ случаямъ въ жизни старца Амвросія можно отнести и посѣщенія его Калужскими владыка-ми, каковыя посѣщенія приходились, большею частью, въ лѣтнєе время при обозрѣніи епархіи. Для встрѣчи своего архипастыря Старецъ одѣвался во все іеромона-шеское облаченіе: рясу, мантію и клобукъ; выходилъ на крылечко своей келліи, при входѣ на которое святителя кланялся ему въ ноги, принималъ благословеніе и вво-дилъ его въ заль. Здѣсь иногда наединѣ съ архипасты-ремъ проводилось имъ нѣсколько времени во взаимной бесѣдѣ... Особенное благоговѣніе питалъ Старецъ къ архіепископу Григорію. Всегдашній отзывъ Старца о семъ святителѣ былъ таковъ: «Уменъ и святъ». Въ 1887

году посѣтилъ Оптину Пустынъ Московский митрополитъ Іоанникій въ сопровожденіи Калужскаго архіерея Владимира. Старцу сказано было встрѣтить митрополита вмѣстѣ съ скитскою братіею въ церкви. Не зная объ этомъ, Владыка митрополитъ, осмотрѣвъ храмъ, сказалъ: «Ну, теперь пойти къ Старцу». Но лишь только обернулся назадъ, какъ тотчасъ увидѣлъ предъ собою самого Старца. Удивленный такою неожиданностью, Высокопреосвященный милостиво изволилъ заметить ему: «Зачѣмъ вы трудились приходить сюда? Я самъ непремѣнно буду у васъ». И попросилъ его тотчасъ же удалиться въ келлію. Дѣйствительно, митрополитъ посѣтилъ его въ келліи, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ и, выйдя изъ келліи Старца, почтительно простился съ нимъ. «Благодатный старецъ!» – сказалъ высокопреосвященнѣйшій Владыка, идя по дорожкѣ отъ Старца.

Кромѣ архипастырей Церкви о. Амвросія посѣщали и многіе выдающіяся свѣтскія лица, искашія у него указанія жизненнаго пути или отвѣтовъ на мучившіе ихъ вопросы жизни. Былъ у него въ 70-хъ годахъ Ф. М. Достоевскій, пріѣхавшій къ нему искать утѣшенія послѣ смерти горячо любимаго сына. Старецъ отнесся къ нему съ расположениемъ и сказалъ о немъ: «Это каюційся».

Вмѣстѣ съ Ф. М. Достоевскимъ былъ у него и В. С. Соловьевъ, о взглядахъ котораго Старецъ, какъ передаютъ, отозвался неодобрительно. К. Н. Леонтьевъ жилъ нѣсколько лѣтъ при старцѣ Амвросіи и по его благословенію принялъ въ Оптиної Пустыни монашество.

Въ 1887 году о. Амвросія посѣтилъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константи́н Константи́новичъ, проведшій нѣкоторое время съ нимъ въ задушевной бесѣдѣ и послѣ съ любовью къ нему относившійся.

Нѣсколько разъ былъ у Старца графъ Л. Н. Толстой, всегда, нужно сказать, относившійся къ Оптиної Пустыни и вообще къ монашеству съ уваженіемъ.

Въ первый разъ Л. Н. Толстой былъ у Старца вмѣстѣ съ Н. Н. Страховымъ въ 1874 году; во второй разъ пришелъ пѣшкомъ въ 1881 или 1882 году въ крестьянской одеждѣ съ своимъ конторщикомъ и сельскимъ учителемъ, а въ третій разъ въ 1890 году прѣхалъ къ нему со своею семьею.

Духовно-нравственный обликъ Старца и его пастырское попеченіе о людяхъ

Въ то время какъ наша свѣтская художественная литература въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся писателей, каковы Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и другіе, бе-зупрѣшно усиливается создать художественный типъ идеального человѣка, Православная Церковь въ нѣдрахъ своихъ искони воспитывала и воспитываетъ своими благодатными средствами не воображаемыхъ, а живыхъ людей, проникнутыхъ духомъ истинной, нелицемѣрной и дѣятельной любви къ Богу и ближнимъ.

Говорять, что Достоевскій писалъ своего старца Зосиму съ о. Амвросія, но если это и такъ, должно сказать, что изображеніе оказалось гораздо ниже своего подлинника, и Достоевскій далеко не исчерпалъ всей

полноты и величія духа старца Амвросія, не показаль въ надлежашер мѣрѣ ни его самоотверженной любви къ людямъ, ни, тѣмъ болѣе, одушевлявшей его любви къ Богу.

Только дѣйствительная правда жизни даетъ намъ настоящій духовный обликъ Старца, да и то лишь постольку, поскольку сохранилось свѣдѣній о немъ въ памяти знатившихъ его.

Постараемся на основаніи этихъ отрывочныхъ свѣдѣній обрисовать, сколько возможно, внутренній духовный обликъ Старца.

Преобладающею чертою его отношения къ ближнимъ была глубокая сострадательная любовь.

«Любить ближняго такъ, чтобы желать ему всякаго счастья, благословляемаго Богомъ, и стараться доставить ему это счастье – было его жизнью и его дыханіемъ», – говорить лично знатившій о. Амвросія человѣкъ.

И въ этомъ потокѣ любви, который обливалъ всякаго приходившаго къ о. Амвросію, была такая сила, что она чувствовалась безъ словъ, безъ дѣйствій. Къ о. Амвросію довольно было подойти, чтобы почувствовать, какъ сильно онъ любить, и, вмѣстѣ съ этимъ, въ отвѣтъ на его чувство открывалось сердце приходившаго, рождалось полное довѣріе и самая тесная близость.

«Среди общей холодности и равнодушія, при совершенномъ нежеланіи людей видѣть и чувствовать дальше собственного существа, многимъ трудно живется. Нуженъ человѣкъ, къ которому бы можно было сносить все, что волнуется въ душѣ, которому бы безъ утайки

могло быть открыто въ думы и надежды, довѣрить всякую тайну, чтобы стало легче и счастливѣе. И нужно, чтобы это чувство было раздѣленное, чтобы за вѣжливымъ словомъ не слышалось удивленія тому, что ищутъ участія, а чтобы это участіе, котораго труднѣе всего добиться въ жизни, свѣтило во всякомъ звукѣ, во всякомъ движеніи. Нуженъ въ жизни сочувственный взоръ, ласковое слово, нужно сознаніе, что насть любять и намъ вѣрять, нужно то, что въ мірѣ самое великое и самое рѣдкое сокровище – сердце внимательное. Такое сердце билось въ о. Амвросії».

«Любовь, которая одушевляла о. Амвросія, была та, которую заповѣдалъ своимъ ученикамъ Христосъ. Она многимъ отличается отъ того чувства, которое извѣстно въ міру. Въ ней не менѣе поэзіи, но она шире, чище и не имѣеть конца.

«Главное ея отличіе, что она все даетъ и ничего не просить».

«Любовь о. Амвросія шла неразрывно съ его вѣрою. Онъ твердо, непоколебимо вѣрилъ въ человѣка, въ его божественную душу. Онъ зналъ, что въ самомъ сильномъ искаженіи человѣческомъ, тамъ, гдѣ-то далеко, лежитъ искра божественного добра, и эту искру чтиль о. Амвросій. Какъ бы ни былъ грязенъ тотъ, кто говорилъ съ нимъ, уже тѣмъ была велика его бесѣда, что она давала грѣшнику сознаніе, что святой Старецъ смотрѣть на него, какъ на равнаго, что поэтому онъ не окончательно погибъ и можетъ возродиться. Онъ самъ падшимъ людямъ подавалъ надежду и бодрость, и вѣру, что они могутъ стать на новый путь».

«Общественную дѣятельность о. Амвросія лучше всего опредѣлить одно очень хорошее русское слово, такое слово, какого не сыскать въ другой землѣ. Отець Амвросій жалѣль».

Однако это охватывавшее о. Амвросія чувство широкой христіанской любви, сочувствія и жалости къ людямъ, хотя и имѣло свое основаніе въ его духовной природѣ, упрочилось и развилось въ немъ подъ вліяніемъ всей его подвижнической жизни. Христіанская любовь, какъ даръ благодати Божіей, стоить въ неразрывной и глубокой связи съ христіанскою вѣрою и сердечною молитвою, а вѣра и молитва возможны лишь при истинномъ смиреніи, которое воспитывается въ человѣкѣ непрерывною внутреннею борьбою, самоуничиженіемъ, скорбями и всякою рода испытаніями. Весь этотъ длинный путь, ясно указанный Церковью и ея великими подвижниками-отцами, проходили всѣ святые, прошелъ, подъ руководствомъ своихъ духовныхъ наставниковъ, и о. Амвросій, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ мѣру своего полнаго возраста духовнаго. Онъ прошелъ сквозь тѣ духовныя опасности и искушенія, о которыхъ говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ старецъ о. Маркій: «Почтенная А. вошла къ вамъ въ обитель весьма съ добрымъ расположениемъ и желаніемъ «искать Іисуса», т. е. стяжать любовь Его. Дѣло сіе очень доброе и благое, но надобно, чтобы имѣло прочное основаніе: ибо любовь противными искушается».

По горячности ея и по чистотѣ души, она увидить скоро въ себѣ утѣшительныя и уладительныя чувства – это ее обнадежить въ обрѣтеніи Іисуса и любви Его. Но

чувство сіе весьма опасно и близко прелести: не имѣвши еще борьбы со страстями, не познавши своей немощи и не смирившись, не надежны и утѣшительныя чувства. Пусть онъ хотя и приходять когда, но чтобы опасаться принимать оныя и не обольщаться ими, но считать себя того недостойною. Св. Исаакъ во 2-мъ слоѣ пишеть: «Дѣяніе креста сугубо есть; одно нарицается дѣяніе и исполняется дѣйствомъ яростныя части: претерпѣніемъ досады креста; а второе нарицается видѣніе и исполняется желательною частью, и обрѣтается тонкимъ дѣланіемъ ума и божественнымъ приснопопушеніемъ и пребываніемъ молитвы. И кто начинаетъ второю сею частью, а не первою, на того находить гнѣвъ Божій. Хотя не отъ лѣноти сіе творить, но за сладость ея принимается за вторую часть, не очистивши прежде терпѣніемъ скорбей страстнаго устроенія души, т. е. не пріемши распятія плоти досадою креста, мечтать во умѣ своеемъ славу креста» (т. е. утѣшенія), кото-рыя даются уже по исцѣленіи души отъ страстей, и когда смиреніе водрузится въ сердцѣ, и тогда бываетъ безопасно, почему мы и предлагаемъ вамъ, дабы вы попеклись предостеречь ее, ежели она будетъ имѣть какія усладительныя чувства, чтобы она не полагалась на нихъ и не считала за велико; онъ скоро ее оставятъ. Въ противномъ случаѣ обольстившись и принявъ ихъ не въ свое время, скоро лишится; и когда уже будетъ время – не получить, подобно нерадивому и глупому землемѣльцу, который, на произрастеніи увида цвѣть, счель бы его за плодъ и сорвалъ: то уже никогда плода не получить. Это многіе пострадали, идущіе путемъ симъ, и

сбились съ него; вмѣсто смиренія, возмнивъ о себѣ, стяжали возношеніе, по слову того же св. Исаака: «Кто не помышляеть себѣ грѣшна, молитва его нѣсть благопріятна предъ Богомъ». Напоминайте ей, что любовь Божія противными искушается: возстануть различныя страсти, съ коими надобно имѣть борьбу, и кто смиренное имѣть мудрованіе, тому и брань со облегченіемъ бываетъ; а мнящему о себѣ нѣчто, или надѣющемуся на свои чувства утѣшительныя, попускается сильнѣе и брань, дабы, познавъ свою немощь, смирился. Но для нихъ побежденіе бываетъ несносно и доводить до малодушія; а это и есть знакъ ихъ гордости. Надобно опасаться прелести, которая есть многообразна: или прельстивъ мнимою святостью, ослѣпить душевныя очи, или по вспышкѣ радостныхъ и утѣшительныхъ дѣйствій, лишась ихъ, она впадеть въ многоразличныя страсти; а когда умѣренно и постоянно вести ее, занимаясь подробнѣе, то изъ нея можно выработать что-нибудь хорошее со временемъ. Прикажите ей читать болѣе дѣятельныя ученія св. Отцовъ: св. аввы Дороѳея, св. Иоанна Лѣстничника, св. Симеона Нового Богослова, и чтобы о всѣхъ своихъ словахъ, дѣлахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ вамъ открывала, ибо являемое свѣтъ, а неявляемое тьма».

Пройдя этими скорбными путемъ креста, подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ, о. Амвросій пріобрѣль истинное смиреніе, истинную вѣру, молитву, чистоту сердца и любовь, т. е. совокупность всехъ евангельскихъ совершенствъ, благодаря которымъ онъ и сдѣлался добрымъ пастыремъ, наставникомъ, руководителемъ,

помощникомъ и утѣшителемъ для всѣхъ еще мятущих-
ся въ тинѣ страстей, еще обуреваемыхъ грѣховными ис-
кушениями и вожделѣніями.

Въ шестидесятыхъ годахъ о. Амвросій имѣлъ замѣ-
чательный сонъ, раскрывшій ему неизбѣжность этого
скорбнаго пути спасенія. «Казалось мнѣ, – такъ переда-
валъ впослѣдствіи Старецъ своимъ духовнымъ дѣтямъ,
о. Клименту и о. Анатолію, – будто нахожусь въ своей
келліи. Вдругъ входитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, по
виду лицо начальственное, и со властію повелѣваетъ
мнѣ слѣдоватъ за нимъ. Выхожу изъ келліи. Представ-
ляется бурная, темная ночь. Предо мною какъ будто
волнуется море или большое озеро. У берега лодка, на
которой сидятъ гребцы; но въ темнотѣ невозможно от-
четливо разсматрѣть ихъ. По манію моего вожатаго я
сѣлъ въ эту лодку, и она отчалила отъ берега. Сердитыя
волны начали перебрасывать ее, какъ легкое перо. Я
былъ въ сильномъ страхѣ за свою жизнь. Но вотъ вдали,
черезъ зіяющую бездну, среди непроницаемой тьмы,
показался мнѣ необыкновенный свѣтъ, и я увидѣлъ ка-
кой-то городъ такой дивной красоты, что во всю свою
жизнь нигдѣ и ничего подобнаго не видаль. Къ нему
приковалось все мое вниманіе. Море, волны, буря – все
было забыто; и я былъ въ какомъ-то сладостномъ упо-
еніи до тѣхъ поръ, пока лодка причалила къ берегу. Ея
толчокъ бортомъ о землю вывель меня изъ забвенія.
Вышедши за своимъ вожатымъ на берегъ, я по его ука-
занію вошелъ въ какой-то домъ, гдѣ находились два не-
знакомыхъ мнѣ человѣка. Одинъ, впрочемъ, принялъ
отъ меня благословеніе, самъ назвалъ себя Всеволодомъ,

княземъ чешскимъ; а другой казался мнѣ русскимъ кня-
земъ Борисомъ Владимировичемъ; затѣмъ я вскорѣ
проснулся».

Въ этомъ сновидѣніи Старца заключается глубокій и
утѣшительный смыслъ для каждого ведущаго внутрен-
нюю борьбу подвижника, который всегда долженъ по-
мнить – за испытаніемъ слѣдуетъ и воздаяніе. И чѣмъ
тяжелѣе испытаніе, тѣмъ отраднѣе воздаяніе. Безъ ис-
пытанія не можетъ быть и воздаянія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ высокихъ
душевныхъ свойствъ, которыя пріобрѣль о. Амвросій
путемъ пережитыхъ имъ испытаній.

Смиреніе было основою всей подвижнической жиз-
ни о. Амвросія. Объ этой духовной чертѣ онъ такъ пи-
салъ одной своей духовной дочери: «Всегда ты про-
сишь, чтобы Господь даровалъ тебѣ смиреніе. Но вѣдь
оно даромъ Господомъ не дается. Господь готовъ помо-
гать человѣку въ пріобрѣтеніи смиренія, какъ и во
всемъ добромъ, но нужно, чтобы и самъ человѣкъ забо-
тился о себѣ. Сказано у св. Отцовъ: *дай кровь и пріими
духъ*. Это значитъ, потрудись до пролитія крови, и полу-
чишь духовное дарованіе. А ты дарованій духовныхъ
ищешь и просиши, а кровь тебѣ проливать жаль, т. е.
все хочется тебѣ, чтобы тебя никто не трогалъ, не без-
покоилъ. Да при спокойной жизни какъ же можно
пріобрѣсти смиреніе? Вѣдь смиреніе состоить въ томъ,
когда человѣкъ видить себя худшимъ всѣхъ, не только
людей, но и безсловесныхъ животныхъ, и даже самыхъ
духовъ злобы. И вотъ, когда люди тревожатъ тебя, а ты
видишь, что не терпишь сего и гнѣваешься на людей, то

и поневолъ будешь считать себя плохую. Если при этомъ будешь о плохотѣ своей и неисправности сожалѣть и укорять себя въ неисправности, и искренно каяться въ этомъ передъ Богомъ и духовнымъ отцомъ, то вотъ ты уже и на пути смиренія».

Въ этихъ словахъ о. Амвросій не только учить тому, что такое смиреніе, но указываетъ и самый путь къ смиренію, и притомъ такъ определенно, что мы ясно можемъ видѣть, что онъ личнымъ опытомъ своимъ узналь этотъ путь.

Приведемъ случай, подтверждающій справедливость вышеприведенныхъ словъ Старца.

Одна сестра въ Шамординѣ за невольное ослушаніе подверглась строгому выговору отъ настоятельницы. Сестра не могла поступить иначе и хотѣла объяснить причину, но разгнѣванная настоятельница не хотѣла ничего слушать и грозила тутъ же, при всѣхъ, поставить ее на поклоны. Больно и обидно было ей, но, видя, что нельзя оправдаться, она, подавивъ въ себѣ самолюбіе, замолчала и только просила прощенія. Возвратившись къ себѣ въ келлію, сестра эта, къ великому своему удивленію, замѣтила, что несмотря на то, что она потерпѣла такое незаслуженное обвиненіе, у нея, вмѣсто стыда и смущенія, наоборотъ, на душѣ было такъ свѣтло, отрадно, хорошо, какъ будто она получила что-нибудь радостное. Вечеромъ того же дня она сообщила обо всемъ случившемся батюшкѣ о. Амвросію. Старецъ сказалъ: «Этотъ случай – промыслителенъ; помни его. Господь захотѣлъ показать тебѣ, какъ сладокъ плодъ смиренія, чтобы ты, ощущивши его, понуждала себя всегда къ

смиренію, сначала къ внѣшнему, а затѣмъ и къ внутрен-нему. Когда человѣкъ понуждаетъ себя смиряться, то Господь утѣшаетъ его внутренно, и это-то и есть та благодать, которую Богъ даетъ смиреннымъ. Самооправ-даніе только кажется облегчающимъ, а на самомъ дѣлѣ приносить въ душу мракъ и смущеніе».

Преподавая мудрые совѣты другимъ, Старецъ въ то же время, по своему смиренію, самъ искалъ совѣта у другихъ, не полагаясь на свой разумъ и при богатствѣ разсужденія. По кончинѣ своего старца Макарія, не имѣя, къ кому бы обратиться за совѣтомъ въ своей оби-тели, онъ обращался сначала къ своему архипастырю Григорію. А по времени, узнавши отъ достовѣрныхъ людей объ одномъ сокровенномъ, странствующемъ ду-ховномъ старцѣ, тотчасъ постарался съ нимъ сблизить-ся и уже постоянно писалъ къ нему секретныя письма съ тою цѣлью, чтобы все дѣлать съ совѣтомъ другого, въ чемъ видѣлъ выраженіе воли Божіей, боясь поступать по своей волѣ²⁹.

---

²⁹ Существуетъ предположеніе, что этотъ таинственный странникъ былъ не кто иной, какъ одинъ изъ епископовъ, отказавшійся отъ каѳедры и избравшій подвигъ странничества. Не этому ли страннику принадлежать извѣстные «Откровенные разсказы странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Иисусовой», рукопись которыхъ, послѣ смерти о. Амвросія, была найдена въ его бумагахъ и составленіе которыхъ нѣкоторыми приписывается самому о. Амвросію? (См. предисловіе къ книгѣ: «Изъ разсказовъ странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Иисусовой», изд. Оптиної Пустыни, написанное епископомъ Никономъ.) Кста-ти, приведемъ здѣсь очень интересный разсказъ духовной дочери Стар-ца объ одномъ также загадочномъ странникѣ, можетъ быть, имѣющемъ отношеніе къ тому страннику, съ которымъ переписывался Старецъ. Одинъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, человѣкъ добрый и благочестивый, передавалъ слѣдующее. Однажды, на Пасхѣ, онъ съ

Вотъ еще примѣръ Старцева смиренія: однажды разсматривали портретъ подвижника Василиска, приложенный къ его житію. Кто-то и сказалъ, что вотъ-де у него уста ужъ очень какъ-то свѣтлы; вѣроятно, это потому, что онъ умеръ съ молитвою Іисусовою на устахъ. «Да, это очень можетъ быть, — сказалъ Батюшка. — А вотъ въ Глинской пустынѣ умеръ одинъ старецъ, — такъ у него часа три послѣ смерти рука все перебирала четки. А я вотъ, грѣшный, и не знаю, когда только ихъ перебиралъ, — добавилъ Батюшка со вздохомъ и печально

женою и дочерью сидѣли вечеромъ на галерее, идущей вдоль ихъ дома, и собирались ужинать. Вдругъ раздается со двора пріятный, звучный голосъ: «Дайте милостынку Христа ради, я три дня не ъѣль». Слѣдователь выглянула въ окно галереи (галерея была на второмъ этажѣ) и видѣть странника, не похожаго на нищаго, одѣтаго въ подрясникъ, перепоясаный кожанымъ поясомъ и съ ранцемъ черезъ плечо. Лицо у него было замѣчательно пріятное. Слѣдователь сунула руку въ карманъ, досталь оттуда коп. 30 денегъ, сколько попалось въ руку, сунула ихъ горничной и говорить: «Бѣги, отдай ему». Но тутъ же опомнился: человѣкъ просить ъѣсть, а онъ суетъ ему деньги. Кинулся онъ вслѣдъ за горничной и говорить ему: «Пойди съ нами поужинай, мы только что сѣли». — «Нѣть, — говорить тотъ, — ужинать я не буду, а дай мнѣ того квасу, который у васъ стоитъ на табуреткѣ». Слѣдователь тотчасъ же исполнилъ просьбу странника. Странникъ перелилъ квасъ изъ бутылки къ себѣ и ушелъ. Возвращаясь, слѣдователь началь соображать: «Какъ же онъ, стоя внизу на дворѣ или даже около парадной двери, могъ видѣть, что стоитъ у насъ квасъ въ углу на табуреткѣ? Должно быть, человѣкъ тотъ не простой!» Кинулся онъ обратно за нимъ въ погоню, но ни на дворѣ, ни на улицѣ его уже не было, и никто его не видаль. Когда духовная дочь рассказала объ этомъ случаѣ Старцу, Батюшка спрашиваетъ: «А не описываль ли онъ тебѣ его наружность? Высокій, бѣлокурый, горбоносый?» Рассказчица была поражена. «Да вы-то, Батюшка, какъ же его знаете?» — «Дуракъ! Ну, знаю, что ходить такой. Потребуетъ квасу, перельетъ къ себѣ, да и уйдетъ». — «Но почему же никто изъ другихъ не видаль его и куда же онъ скрылся?» — «Ну, понимаешь, высокой жизни человѣкъ, съ плотю утонченной», — сказалъ Батюшка. Разспрашивать больше рассказчица не посмѣла.

махнуль рукою. Я даже и въ монастырѣ-то, пожалуй, всего только одинъ годъ прожилъ. Какъ только взяли къ батюшкѣ о. Макарію въ келейники, такъ съ тѣхъ поръ все и живу на базарѣ».

«Ну, ужъ у васъ, Батюшка, не на рукахъ, а вотъ тамъ – въ сердцѣ-то молитва безостановочно перебирается», – сказалъ кто-то. – «Ну, нѣть – на базарѣ не переберешь», – отвѣтилъ Старецъ и перевель бесѣду на другой предметъ. Въ другой разъ Старецъ сказалъ: «Прожилъ я въ монастырѣ 40 лѣтъ и не нажилъ 40 рѣпъ; истинно чужія крыши покрывалъ, а своя раскрыта стоять; а мнѣ уже доходить 67-й годъ». Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ о. Амвросій часто просиль помолиться о немъ «глаголющемъ и не творящемъ». Смиреніе о. Амвросія обнаруживалось и въ томъ, что онъ готовъ былъ терпѣть около себя лицъ, обладавшихъ самимъ тяжелымъ, непріятнымъ характеромъ. Много досаждала ему одна пренепріятная монахиня. Его спросили, какъ онъ ее выносить. Онъ отвѣчалъ: «Если здѣсь, гдѣ я стараюсь ее успокоить, ей все-таки такъ тяжело, каково ей будетъ тамъ, гдѣ всѣ ей будутъ перечить! Какъ же ее не терпѣть!»

Глубокое смиреніе Старца было основаніемъ его глубоко-молитвенного настроенія. Какъ мы говорили уже, у Старца во время молитвы нерѣдко лились слезы. Онъ плакаль среди службы и молитвословій, отправлявшихся по какому-либо случаю въ его келліи; въ особенности, когда, бывало, по желанію просителей отправлялся молебенъ съ акаѳистомъ предъ читимою имъ келейною иконою Царицы Небесной «Достойно есть».

Во время чтенія акаѳиста онъ стоялъ около двери, неподалеку отъ св. иконы, и умиленно взиралъ на благодатный ликъ Богоматери. Всѣмъ и каждому можно было видѣть, какъ слезы струились по его исхудалымъ ланитамъ.

Во время молитвы онъ весь погружался въ созерцаніе неизреченной Славы Небесной, и все лицо его преображалось.

Такъ однажды Старецъ съ вечера назначилъ прийти къ нему двумъ супругамъ, имѣвшимъ къ нему важное дѣло, въ тотъ часъ утра, когда онъ не начиналъ еще приема. Они вошли къ нему въ келлію. Старецъ сидѣлъ на постели въ бѣломъ монашескомъ балахонѣ и въ шапочкѣ. Въ рукахъ у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно какъ-то просвѣтлѣло, и все въ келліи его приняло видъ какой-то торжественности. Пришедши почувствовали трепетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ охватило невыразимое счастье. Они не могли ничего промолвить и долго стояли въ забытьи, созерцая лицъ Старца. Вокругъ было тихо. Батюшка молчалъ. Они подошли подъ благословеніе. Онъ безмолвно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Они еще разъ окинули взоромъ эту картину, чтобы навсегда сохранить ее въ сердцѣ. Старецъ все съ тѣмъ же преображеніемъ лицомъ былъ погруженъ въ созерцаніе небеснаго міра.

Другой случай. Пришелъ, по обычаю, къ Старцу въ концѣ утренняго правила его письмоводитель іеромонахъ В. Старецъ, отслушавъ правило, сѣлъ на кровать. Отецъ В. подходитъ подъ благословеніе и, къ великому своему удивленію, видитъ лицо Старца свѣтящимся. Но

лишь только получилъ онъ благословеніе, какъ этотъ дивный свѣтъ скрылся. Спустя немного времени о. В. снова подошелъ къ Старцу, когда тотъ уже перешелъ въ другую келлію и занимался съ народомъ, и по простотѣ своей спросилъ: «Или вы, Батюшка, видѣли какое видѣніе?!» Старецъ, не сказавъ ему ни слова, только слегка стукнулъ его по головѣ рукой. Знакъ особенного старческаго благоволенія.

Молитvennyй даръ Старца, молитвенное созерцаніе имъ міра духовнаго въ соединеніи съ горячею любовью къ людямъ, видны еще изъ слѣдующаго разсказа одной монахини: «У меня была знакомая семья въ Москвѣ. Мужъ, человѣкъ образованный и умный, былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ и нѣсколько лѣтъ не говорѣлъ. Въ то же время онъ имѣлъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Жена скорбѣла о немъ и молилась, но была не въ силахъ повліять на него. Наконецъ, онъ потерялъ должность въ Москвѣ и переѣхалъ на жительство въ В-скую губернію, где получиль мѣсто управляющаго имѣніемъ. Однако и здѣсь онъ продолжаль вести прежній образъ жизни, такъ что однажды его привезли изъ города больнымъ, а черезъ нѣсколько дней онъ неожиданно для всѣхъ скончался, не будучи напутствованъ исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ. Все это очень огорчило его жену, и она не переставала плакать и молиться о немъ, все думая, что ей нужно сдѣлать для успокоенія души его. Незадолго до 40-го дня она увидѣла своего мужа во снѣ, и онъ сказалъ ей, во-первыхъ, что она неточно опредѣлила 40-й день по его кончинѣ и въ чемъ именно была ея ошибка, а во-вторыхъ, что

Старець Амвросій Оптинський

успокоить его душу можетъ только милостыня. Вскорѣ послѣ этого рассказчица-монахиня была у о. Амвросія и по просьбѣ жены умершаго просила о. Амвросія посовѣтовать, какъ нужно молиться объ усопшемъ, и что нужно дѣлать въ память его? Отецъ Амвросій очень разстроился разсказомъ монахини и все сокрушился о томъ, какъ же это допустили человѣку умереть безъ покаянія. Потомъ сказалъ: «Сейчасъ я тебѣ ничего не могу сказать, скажу послѣ». Прошло нѣсколько дней. И вотъ однажды послѣ общаго благословенія о. Амвросій неожиданно присыпаетъ за монахиней своего келейника. Она приходитъ къ Старцу и застаетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ никогда еще не видѣла: лицо разстроено, изъ глазъ текутъ слезы. Тщательно заперевъ дверь, чтобы никто не слышалъ его словъ, онъ сказалъ: «Скорѣ спасайте несчастнаго изъ ада! Чтобы спасти его, пусть жена продастъ все его имущество и деньги раздастъ бѣднымъ!» Очевидно, Старецъ всѣ эти дни молился о несчастномъ, и ему была открыта участъ его и средство къ его спасенію. Сказанныя Старцемъ слова вполнѣ совпадали со словами умершаго, которыя онъ во снѣ сказалъ женѣ, хотя монахиня и не передавала объ этихъ словахъ о. Амвросію.

Жена исполнила совѣтъ Старца: она продала все свое имущество и деньги раздала бѣднымъ, а сама поступила въ учительницы. Къ сказанному прибавимъ, что спустя нѣсколько времени жена снова увидѣла во снѣ своего мужа, который, держа въ рукахъ какую-то тетрадь, весело сказалъ ей: «Вотъ я получилъ аттестатъ, – а затѣмъ, перевернувъ страницу, прочиталъ: Сла-

ва въ вышнихъ Богу... Хвалите имя Господне! – и съ этими словами, скрылся».

Старецъ ни одного своего рѣшенія не принималъ, какъ можно думать, безъ усердной молитвы и безъ яснаго указанія Божія. Одна шамординская монахиня разсказываетъ, что Батюшкa назначилъ ей, тотчасъ же по принятіи ея въ монастырь, трудное послушаніе въ трапезной. Не надѣясь на свои силы, она нѣсколько разъ ходила къ Батюшкѣ отказываться, но Старецъ не освобождалъ ее. Наконецъ, онъ ей сказалъ серьезнымъ и проникновеннымъ тономъ: «Вѣдь я же не самъ тебѣ назначилъ это послушаніе, такова воля Царицы Небесной».

На монахиню напалъ страхъ, и она, попросивъ у Старца прощенія, перестала беспокоить его своею просьбою и затѣмъ съ семью съ половиною лѣтъ провела на этомъ послушаніи вполнѣ мирно и спокойно.

Одна монахиня очень хотѣла перейти изъ какого-то другого монастыря въ Шамордино и усердно просила Старца принять ее. Проживая на гостиницѣ въ Шамординѣ, она ежедневно приходила къ Старцу на общее благословеніе и ежедневно просила Батюшку взять ее въ свою обитель. Старецъ благословлялъ ее, но никогда ни слова не отвѣчалъ на ея просьбу. Такъ прошло много времени. Наконецъ, измученная ожиданіемъ и своимъ неопределеннymъ положеніемъ, монахиня со слезами говорить Старцу: «Батюшка, скажите же мнѣ что-нибудь, вѣдь я уже три мѣсяца живу здѣсь на гостиницѣ; мнѣ стыдно возвращаться къ своей матушкѣ игумениi»... Старецъ отвѣчалъ: «Что же я скажу тебѣ, если Царица Небесная ничего мнѣ о тебѣ не возвѣщаетъ?»

Прошло еще нѣсколько дней, и вдругъ Старець самъ присыпаетъ на гостиницу за этой монахиней, и, когда она вошла къ нему, онъ веселый и радостный говорить ей: «Ну, оставайся, оставайся у насъ!» – словно полу-чили объ этомъ извѣщеніе свыше.

Другимъ плодомъ смиренія Старца было его глубоко-сокрушенное сердце какъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ, такъ и о грѣхахъ своихъ ближнихъ. О его исповѣди разсказывалъ іеромонахъ Оптина Пустыни о. Платонъ, бывшій одно время духовникомъ о. Амвросія: «Какъ назидательна была исповѣдь Старца! Какое смиреніе и сокрушеніе сердечное выказывалъ онъ о грѣхахъ своихъ! Да и какихъ грѣхахъ! О такихъ, которые мы и за грѣхъ не считаемъ. Напримѣръ, по болѣзниности своего желудка, слѣдовательно, по крайней необходимости, ему приходилось иногда, вопреки уставу Св. Церкви, въ среду или пятокъ скушать кусочка два-три селедки. И этотъ грѣхъ исповѣдовавъ Старець предъ Господомъ со слезами. Онъ стоялъ въ это время на колѣнахъ предъ св. иконами, какъ осужденникъ предъ страшнымъ и неумолимымъ Судіею, чая милости отъ дающего милость, думается даже, какъ можно полагать, съ смиреннымъ помысломъ, подастся ли милость, отпустится ли грѣхъ. Посмотрю, посмотрю на плачущаго Старца, да и самъ заплачу».

Имѣя самъ сокрушенное сердце, Старець желалъ видѣть такое же сердце и въ относившихся къ нему. Поэтому, если видѣль въ комъ-нибудь изъ своихъ духовныхъ дѣтей разсѣянность и невнимательность къ себѣ, то взглянуть укоризненно и промолвить: «У, безболѣз-

ненное сердце!» Любилъ онъ также повторять слова преп. Ефрема Сирина: «Боли болѣзнь болѣзненнѣ, да мимо течеши суетныхъ болѣзней болѣзни».

Смиреніе и постоянное очищеніе сердца своего искреннимъ покаяніемъ, самоосужденіемъ и молитвою, создавали въ душѣ Старца свѣтлое, мирное, радостное настроеніе, которое не оставляло его даже въ минуты тяжкихъ тѣлесныхъ страданій. Сколько ни приходилось ему испытывать разнаго рода скорбей, напастей и болѣзней, ничто не могло сильно разстроить его; онъ всегда былъ весель и покоенъ. Лежа на одрѣ болѣзни, онъ временемъ, по обычаю своему, шутилъ съ окружающими его монахами; самъ пребывая въ крайнемъ изненоженіи, утѣшалъ малодушныхъ или черезъ силу произнесеннымъ словомъ, или отечески-ласковымъ взглядомъ, или прикосновеніемъ ослабѣвшей руки. Обыкновенно, когда Старецъ находился въ сильной болѣзни, – а это было нерѣдко, – всѣ почти скитскіе братія, въ особенности недавно поступившіе послушники, были въ уныніи. Былъ въ Скиту одинъ иночъ, уже пожилыхъ лѣтъ, съ лысиной на головѣ. По слухаю тяжкой болѣзни Старца, разстроенный, пришелъ онъ въ его келейную въ надеждѣ, – нельзя ли хоть молча получить благословеніе отъ Старца. Надежда его не обманула. Съ тugoю сердечною онъ подошелъ къ лежавшему на койкѣ страдальцу, поклонился, по обычаю, въ ноги и протянулъ руки, чтобы получить благословеніе. Преподавъ благословеніе, Старецъ слегка ударилъ его по головѣ, шутливо проговоривъ едва слышнымъ голосомъ: «Ну, ты, лысый игуменъ!» – «Какъ гора свалилась съ плечь мо-

ихъ, – сказывалъ послѣ инокъ, – такъ легко-легко стало на душѣ!» Пришедши же въ свою келлію, онъ мѣста не находилъ отъ радости. Все ходитъ по келліи, да твердитъ: «Боже мой! Что же это такое? Батюшка-то, батюшка-то, самъ едва дышить, а все шутить»...

Замѣчательнѣйшимъ изъ духовныхъ дарованій о. Амвросія было дарованіе разсужденія, которое у него переходило, по благодати Божіей, въ дарованіе прозорливости. Сейчасъ мы будемъ говорить только о разсужденіи, а о прозорливости скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Дарованіе разсужденія состояло у о. Амвросія въ томъ, что онъ умѣлъ сразу, въ нѣсколько минутъ, определить духовное устроеніе приходившаго къ нему человѣка, разобраться во всѣхъ его обстоятельствахъ какъ духовныхъ, такъ и материальныхъ, самому ему объяснить его состояніе и дать ему самый полезный въ его положеніи совѣтъ. Вотъ этотъ-то даръ разсужденія, эта въ иныхъ случаяхъ прозорливость, эта мудрость и привлекали къ о. Амвросію тысячи людей, запутавшихся въ духовныхъ и жизненныхъ обстоятельствахъ и нуждавшихся въ руководствѣ опытнаго наставника.

Отецъ Амвросій обладалъ всеобъемлющою опытностью, чрезвычайно широкимъ кругозоромъ и могъ дать совѣтъ по любому вопросу не только въ области духовной, но и въ области хозяйственной, торговой и т. д., примѣнительно къ данному лицу и къ даннымъ обстоятельствамъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Приходитъ къ Старцу богатый орловскій помѣщикъ и, между прочимъ, объявляется, что хочетъ устроить водопроводъ въ

своихъ обширныхъ яблоневыхъ садахъ. «Люди говорятъ, – начинаетъ Старецъ съ своихъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ словъ, – люди говорятъ, что вотъ какъ всего лучше. И подробно описываетъ водопроводъ. Помѣщикъ, вернувшись въ деревню, начинаетъ читать объ этомъ предметѣ. Оказалось, что Батюшка описалъ послѣднія изобрѣтенія по этой части. Помѣщикъ снова пріѣхалъ въ Оптину. «Ну, что водопроводъ?» – спрашиваетъ Старецъ. Водопроводъ устроенъ по указанию Старца и уже успѣлъ принести большую пользу: у сѣдніхъ садоводовъ урожай яблокъ плохой, а у этого помѣщика богатый, и яблоки прекрасныя.

Одінь молодой человѣкъ, часто бывавшій у Старца, сказалъ какъ-то, что хочетъ устроить у себя душъ. Батюшка сочувствує ему. – «Тебѣ, – говоритъ, – нужно, чтобы онъ мало мѣста занималъ? Что жъ, это можно; вотъ какъ сдѣлай»... Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Слѣдуетъ объявление, что появились новые усовершенствованные души. Оказалось, что они устроены такъ, какъ задолго передъ тѣмъ объяснилъ молодому человѣку о. Амвросій.

Къ о. Амвросію обращались купцы, прося совѣтовъ и указаний по своимъ торговымъ дѣламъ. Помѣщикамъ онъ рекомендовалъ управляющихъ имѣніями или давать сельскохозяйственные совѣты. Онъ указывалъ, какъ лучше распорядиться капиталами или недвижимою собственностью, какъ вести хозяйство въ обителяхъ, какъ направить дѣло въ судѣ и т. д.

Когда происходили постройки въ Шамординѣ, Старецъ, не выходя изъ келліи, зналъ каждый уголокъ Ша-

мордина и всѣ подробности. Приходитъ монахъ, завѣ-
дующій постройкой, заходитъ рѣчъ о пескѣ. «Ну, отецъ
Іоиль, песокъ у тебя теперь сваленъ; аршина... (Батюш-
ка точно прикидываетъ въ умѣ) аршина два съ полови-
ною глубины будетъ или не будетъ?» – «Не знаю, Ба-
тюшка, смѣрить не успѣль». Еще два раза спрашивается
Батюшка о пескѣ, и все не мѣрили, а какъ смѣряютъ, на-
конецъ, то непремѣнно окажется такъ, какъ говорилъ
Батюшка.

Особенно цѣнны и интересны совѣты и наставленія
Старца, относящіеся къ области внутренней, религіоз-
но-нравственной жизни. Надо замѣтить, что Старецъ
свои совѣты и наставленія высказывалъ обычно въ видѣ
отдѣльныхъ мыслей, афоризмовъ или небольшихъ на-
зидательныхъ разсказовъ; это онъ дѣлалъ на общихъ
приемахъ своихъ посѣтителей или въ отвѣтъ на отдѣль-
ные вопросы. Въ другихъ же случаяхъ онъ являлся руко-
водителемъ и устроителемъ всей жизни обращавшихся
къ нему, причемъ эта жизнь нерѣдко устраивалась совер-
шенно вопреки ихъ желаніямъ и ожиданіямъ, но такъ,
какъ это находилъ нужнымъ Старецъ, и всегда, конечно,
къ лучшему. Отдѣльные наставленія и совѣты Стар-
ца частью относились только къ монашествующимъ,
частью же къ монашествующимъ и мірянамъ одинаково.

Приведемъ сначала примѣры наставленій первого
рода, записанныхъ его духовной дочерью, почившею о
Господѣ настоятельницею Шамординской обители, игу-
меніею Евфросиніею (Розовой).

«Когда бываетъ бѣніе, минутъ за восемь надо чи-
тать вечернія молитвы».

«Послѣ всенощной къ тебѣ придутъ въ келлію; то ты встань, зажги свѣчку и скажи: ну-ка, сестра Варвара, прочитай-ка вечернія молитвы, – и по очереди. Этимъ отучишь ходить въ келлію».

«Когда ложишься спать, кровать и келлію крестить съ молитвою: Да воскреснетъ Богъ».

«Когда проснешься, сначала перекрестись. Въ какомъ состояніи будешь съ утра, такъ и на цѣлый день пойдешь. У св. Иоанна Лѣстничника объ этомъ написано».

«Утромъ, когда проснешься, говори: Слава Тебѣ, Господи; батюшка о. Макарій всегда это говорилъ. И не должно вспоминать прошедшее и сны».

«Въ праздности время грѣхъ проводить. И службу церковную и правило для работы грѣхъ упускать. А то, смотри, – Господь какъ бы тебя не наказаль за это».

«Къ началу ходить къ службѣ, – трезвеннѣе будешь».

«Въ церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби».

«Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должны слушать, что читаютъ, и перебирать четки съ молитвою: Господи помилуй; а когда не слышно (чтенія) то: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную (аго)».

«Непремѣнно устами читай молитву (Иисусову), а умомъ не полезно, – повредиться можешь».

«Хотя шепотомъ произноси молитву (Иисусову), а отъ умной многіе повредились».

«Оттого дремлешь въ церкви и не слышишь службы, что помыслы бродятъ туда и сюда».

«Къ службѣ церковной непремѣнно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болѣзнію наказываетъ. А будешь ходить, здорова и трезвеннѣе будешь. Батюшка о. Макарій, случалось, заболить, а все пойдетъ въ церковь. Посидитъ, потомъ въ архіерейскую келлію выйдетъ; тамъ мѣста не найдеть, перейдетъ еще въ келлію къ о. Флавіану, – тамъ побудеть; но когда уже увидить, что не въ силахъ быть болѣе въ церкви, перекрестится, да и уйдетъ. А то все не вѣрить себѣ».

«Прежде всего нужно милости просить у Бога и молиться: *имиже въси судьбами*, помилуй мя грѣшную (аго)».

«Богородицу» читать 12 разъ или 24 раза въ день. Она у насъ одна заступница».

«Когда усердно молишься, то такъ и смотри, что искушеніе будетъ. Это и со всѣми случается».

«Не должно тебѣ молиться за сестеръ³⁰. Это врагъ подъ видомъ добра подушаетъ. Это дѣло совершенныхъ. А ты только перекрестись и скажи: Господи, помилуй насть».

«Послѣ пріобщенія надо просить Господа, чтобы даръ сохранить достойно, и чтобы подаль Господь помощь не возвращаться назадъ, т. е. на прежнєе грѣхи».

«Когда ударять къ достойно (если находишься въ келліи), нужно встать и положить три поклона Св. Троицѣ: Достойно и праведно покланятися Отцу, и Сыну, и Св. Духу. Просить заступленія Царицы Небесной и чи-

---

³⁰ Слова эти были сказаны м. Евфросиніи, когда она была еще послушницей Бѣлевского монастыря, и должны были послужить ей предостереженіемъ отъ самомнѣнія.

тать: Достойно есть яко воистину... А если кто чужой будетъ (въ келліи), то только перекреститься».

«Когда бывать часы, должно перекреститься съ молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную (аго); какъ пишеть св. Димитрій Ростовскій: для того помилуй мя, что часъ прошелъ, ближе къ смерти стало. Можно не при всѣхъ креститься, а по разсмотрѣнію, при комъ можно, а то и не надо, въ умѣ же молитву должно створить».

«Если что представится – перекреститься».

«Не надо вѣрить примѣтамъ, и не будуть исполняться».

«Лампаду засвѣтать; а если масла не будетъ, не скорбѣть – пускай не горить».

«Свѣчай восковыхъ въ церкви не ставить, а самой свѣчкой быть»³¹.

«Книги читать поутру съ четверть часа до работы; а потомъ цѣлый день жуй – что читала, какъ овца жвачку».

«Списывать съ книгъ, пожалуй, можно: только нужно усвоивать. Что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать».

«Евангеліе можно сидя читать, только не въ положенное время».

«Предъ причастіемъ читать св. Ефрема Сирина о покаянії».

«Нужно болѣе читать въ этотъ день (когда причастишься) особенно Новый Завѣтъ, посланіе къ Ефесеямъ и Апокалипсисъ».

---

³¹ Конечно, Старецъ не отвергалъ православнаго обычая, но наставлять, съ какимъ чувствомъ его надо исполнять. (Прим. цензора)

«Оттого не любиша отеческихъ книгъ, что онъ обличають тебя».

«Книги давай читать, хотя и масломъ зальють, запачкаютъ, – ничего; только по разбору, – кто читаетъ».

«По воскресеньямъ не работать. А если праздникъ, напримъръ, Иоанна Златоуста и т. п., то къ вечеру можно поработать».

«Объястливыя уста – свиное корыто».

«Надо благодарить Господа, что Онъ тебѣ все посылаетъ. Это для трехъ причинъ – чтобы привести въ чувство, въ сознаніе и въ благодарность».

«Когда будешь кого осуждать, то скажи себѣ: *Лицемер! Изми первъе бревно изъ очесе твоего!*»

«Гордыиъ самъ Богъ исцѣляетъ. Это значитъ, что внутреннія скорби (которыми врачуется гордость) посылаются отъ Бога; а отъ людей гордый не понесеть. А смиренный отъ людей все несетъ и все будетъ говорить: достоинъ сего».

«Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы другихъ тебя надмеваютъ».

«Когда нападетъ гордость, скажи себѣ: чудачкаходить».

«Домъ души – терпѣніе, пища души – смиреніе. Если пищи въ домѣ нѣть, жилецъ лѣзеть вонъ».

«Когда разворчишься, то укори себя, – скажи: окаянная! что ты расходилась, кто тебя боится?»

«Тщеславіе и гордость одно и то же. Тщеславіе выказываетъ свои дѣла, чтобы люди видѣли, какъ ходишь, какъ ловко дѣлаешь. А гордость послѣ этого начинаетъ

презирать всѣхъ. Какъ червякъ сперва ползаетъ, изгиба-
ется, такъ и тщеславіе. А когда вырастутъ у него
крылья, взлетаетъ на верхъ, такъ и гордость».

«Тщеславіе, если его тронуть пальцемъ, кричить:
кожу дерутъ».

«Сказать хвалящей: не хвали, а то послѣ разсоримся.
Лѣствичникъ велитъ опасаться такихъ людей. Лучше
принять злословившаго человѣка».

«Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За
прославленіе, за то, что здѣсь всѣ кланяются, тѣло по
смерти испортится, – прыщи пойдутъ. У аввы Варсо-
нофія написано: Серидъ какой былъ старецъ, а и то по
смерти тѣло испортилось».

«Надо быть ко всѣмъ почтительной. Будь ласкова, но
не ласкательна. Поклонись, да скорѣе мимо проходи».

«Надо внизъ смотрѣть. Ты вспомни: земля еси, и въ
землю пойдеші».

«Смиреніе состоить въ томъ, чтобы уступать дру-
гимъ и считать себя хуже всѣхъ. Это гораздо покойнѣе
будеть».

«Сестра, кайся, смиряйся; сестрамъ уступай – что
можно, и не осуждай другихъ, – всѣ съ немощами».

«Смиряйся, и всѣ дѣла твои пойдутъ».

«Если кто сердится на тебя, то спроси у него при-
чину».

«Если помыслъ будеть говорить тебѣ: отчего ты это-
му человѣку, который оскорбилъ тебя, то и то не сказа-
ла? – то скажи своему помыслу: теперь поздно гово-
рить, – опоздала».

«Будь сама къ другимъ снисходительна».

«Смотри на все просто».

«Жить просто значить не осуждать, не зазирать никого. Напримѣръ, идеть Еликонида. Прошла, да и только. Это значить думать просто. А то, при видѣ проходящей Еликониды, можно подумать о ней съ худой стороны: она такая-то, характеръ у нея такой-то. Вотъ уже это не просто».

«Смѣхъ изгоняетъ страхъ Божій».

«Если придутъ хульные помыслы и осуждающіе другихъ, то укоряй себя въ гордости и не обращай на нихъ никакого вниманія».

«Когда найдеть день, что будто хорошо живешь – весело и покойно; а вдругъ сделается беспокойство, и помыслы начнутъ тебя смущать; тогда скажи себѣ: что жъ ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна».

Вопросъ: Какъ стяжать страхъ Божій? Отвѣтъ: «Должно всегда имѣть Бога предъ собою. Предзрѣхъ Господа предо мною выну».

«Страхъ Божій пріобрѣтается еще исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, и чтобы дѣлать все по совѣсти».

Вопросъ: Какъ себѣ внимать, съ чего начинать? Отвѣтъ: «Надо прежде записывать: какъ въ церковь ходишь, какъ стоишь, какъ глядишь, какъ гордишься, какъ тщеславишься, какъ сердишься и проч.».

«Въ келліи неходить и къ себѣ гостей не водить».

«Если кто скажетъ: зайдите, то скажи: я теперь въ кисломъ расположеніи – не могу».

«Свои грѣхи говори и себя больше вини, а не людей».

«Помыслы тѣ надо говорить, которые беспокоятъ. Иной помыслъ цѣлый день приражается, и ничего; а другой вѣ разъ оцарапаешь, – тотъ и нужно говорить».

«Уныніе значить та же лѣнъ; только хуже. Отъ унынія и тѣломъ ослабѣешь и духомъ. Не хочется ни работать, ни молиться; вѣ церковь ходишь съ небреженіемъ; и весь человѣкъ ослабѣваетъ».

Вопросъ: Помыслъ пришелъ: зачѣмъ спасаться? Не спасемся все равно, какъ ни жить. Къ тому же теперь нѣть спасающихся, какъ написано вѣ видѣніи Аѳонскаго монаха? Отвѣтъ: «Это сказано къ тому, что теперь совершенныхъ во всемъ нѣть; а спасающіеся есть. Не каждый можетъ быть генераломъ; а иной – генераль, другой полковникъ, маіоръ, капитанъ, солдатъ и простой человѣкъ такой же, какъ они».

Вопросъ: Н. долго не умираетъ, ей все представляются кошки и проч. Отвѣтъ: «Всякій, хоть и маленький грѣшокъ надо записывать, какъ вспомнишь, а послѣ ка- яться. Отъ того некоторые долго не умираютъ, что за- держиваетъ какой-нибудь нераскаянный грѣхъ, а какъ покаются, такъ облегчаются. У нась (вѣ Оптиной) была на скотномъ дворѣ скотница вѣ чахоткѣ, у которой бы- ли три грѣха забыты, и ей представлялось, будто кошки ее царапаютъ, то дѣвка давить, а какъ покаялась, такъ и умерла. Еще вѣ Скиту быль рясофорный монахъ боль- ной; ему все казалось, будто за нимъ кто-то лежитъ, и никакъ не могъ припомнить грѣха. Вѣ продолженіе не- дѣли вспомнилъ грѣхъ, и какъ покаялся, такъ и умеръ. Непремѣнно нужно грѣхи записывать, какъ вспомнишь,

а то мы все откладываемъ: то грѣхъ малъ, то стыдно сказать, или послѣ скажу, а придемъ каяться – и нечего сказать».

Вопросъ: Отчего послѣ пріобщенія иногда чувствуешь утѣшеніе, а иногда холодность? Отвѣтъ: «У того холодность бываетъ, кто ищетъ утѣшенія отъ пріобщенія, а кто считаетъ себя недостойнымъ, у того остается благодать».

Вопросъ: Что значитъ жить по сердцу? Отвѣтъ: «Не вмѣшиваться въ чужія дѣла и видѣть въ другихъ все хорошее».

Вопросъ: Когда сердита бываю, то молюсь разсѣянно. Отвѣтъ: «Кто сердится, тотъ лишается покрова Божия. Нужно молиться безъ злопамятности».

Вопросъ: Батюшка, помолитесь, чтобы мнѣ успокоить другихъ. Отвѣтъ: «Успокойся прежде сама, тогда и другихъ будешь успокаивать».

«Ты должна имѣть любовь, а любовь съ крылами, съ одной стороны – смиреніе, а съ другой – милостыня и всякое снисхожденіе къ ближнему».

Вопросъ: Что значитъ искренно исповѣдоваться? Отвѣтъ: «Ничего не скрывать, говорить прямо, не округлять».

Вопросъ: Что значитъ: *аще врагъ твой алчетъ, ухлыби его, угліе огненное собираешь на главу его?* Отвѣтъ: «Угліе огненное на главу означаетъ умъ. Когда ухлыбишь врага, то умъ его согрѣвается къ тебѣ любовію».

Вопросъ: Говорять, когда приобщаешься, то въ этотъ день надо постное ѣсть? Отвѣтъ: «Отець Леонидъ говорилъ, что надо почтить этотъ день и не ѣсть молочнаго,

а батюшка Макарій снисходилъ къ немоши и говориль, что можно єсть».

Вопросъ: Въ книгѣ Варсонофія Великаго написано: «Повергни немошь свою предъ Богомъ». Какъ это? Отвѣтъ: «Когда нападутъ помыслы и не въ силахъ бороться, тогда сказать: Господи, Ты видиши немошь мою, я не въ силахъ бороться, помоги мнѣ!»

Вопросъ: Батюшка, помолитесь, чтобы мнѣ исправиться. Отвѣтъ: «Самой надо споспѣшествовать. Пророкъ Наѳанъ молился за царя Давида, а онъ ложе обливалъ слезами, молился и за Саула, а тотъ *спаше и хропляше*».

Батюшка говориль: «Четыре добродѣтели: мужество, разсужденіе, цѣломудріе и правда. Цѣломудріе въ томъ состоить, чтобы наблюдать за собой во всѣхъ дѣйствіяхъ: въ словахъ, въ дѣлахъ, въ помыслахъ, значить соблюдать цѣлыми всѣ добродѣтели. И бѣсы чисты, но имѣютъ гордость».

«Надо всегда говорить правду, не человѣкоугодничать. У нась былъ священникъ; я ему всегда правду говорилъ, когда придетъ ко мнѣ. Ему это не нравилось. А когда уходилъ отъ нась, то сказалъ мнѣ: ежели бы вы не говорили мнѣ правду, то я не могъ бы и жить здѣсь»

Батюшка рассказывалъ, что когда къ старцу Леониду приходили и не сознавали себя грѣшными, то батюшка о. Леонидъ говориль: «Ежели ты не грѣшна, то иди, а то тамъ грѣшные ждутъ».

Вопросъ: Въ мірскомъ домѣ стыдилась креститься, чтобы не увидали. Отвѣтъ: «П. В. С-нь была въ хорошемъ домѣ, ей захотѣлось пить, а батюшка Макарій

благословиъ ей креститься. Она и думаетъ: креститься нельзя и не креститься не хочется, – и не стала пить. Такъ и ты, не хочешь креститься, то и не пей чаю».

Вопросъ: Иногда скупость нападаетъ. Отвѣтъ: «Давай что можно, елико рука возможеть. Какъ одинъ странникъ просиъ милостынью; одна была скупая и дала ему худой платокъ, а другая добрая и, что просиъ у нея странникъ, все ему давала. Только что ушелъ онъ отъ нихъ, какъ сдѣлался у нихъ пожаръ, и все у нихъ сгорѣло. Странникъ воротился и все имъ отдалъ, – той, которая много подавала, много отдалъ, а скупой сказалъ: на тебѣ твой платокъ».

Вопросъ: Что значитъ въ Евангелии: труждающіеся и обремененные? Отвѣтъ: «Труждающіеся – кто добровольно трудится, а обремененные – кто за грѣхи терпить скорби съ трудомъ, а все-таки несетъ».

Батюшка разсказывалъ: «Пришелъ къ батюшкѣ Макарію поваръ и говорить: рыбу некому чистить. Батюшка Макарій надѣлъ фартукъ и пошелъ самъ; братія увидали и понашли, а батюшка и говорить повару: вотъ ты говоришь, что некому чистить».

Помыслы самомнѣнія непремѣнно надо открывать. У насъ былъ одинъ братъ, у которого были эти помыслы, но онъ батюшкѣ Макарію почему-то ихъ не говорилъ, а кому-то изъ братіи высказалъ, и тѣ тоже батюшкѣ не сказали. Онъ вышелъ изъ монастыря и застрѣлился».

Вопросъ: Когда въ грубыя искушенія впадаю, то прихожу въ уныніе и даже отчаиваюсь. Отвѣтъ: «Когда о. игуменъ Антоній былъ болѣнъ, то передъ его смертію

мы съ о. Климентомъ приходили къ нему. Отецъ Климентъ въ это время о комъ-то сомнѣвался, а о. игуменъ говориль: не надо отчаиваться ни за кого, одинъ діаволь отчайлся, а прочіе могутъ спастись».

«*Приступить человѣкъ, и сердце глубоко. И вознесется Богъ, стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ.* Приступить злой врагъ человѣкъ и сѣть плевелы на нивѣ Господней. *Сердце глубоко* – кто самъ себѣ внимаетъ и не смотрить, кто и какъ что дѣлаетъ, а если онъ призоветъ Бога, то молитва побѣдить и отгонить нападеніе вражie, и тогда стрѣлы его будутъ, какъ стрѣлы младенцевъ, какъ мухи кусаютъ».

Батюшка еще говорить: «*Человѣкъ яко трава.* Кто гордится, тотъ вянеть, какъ трава, а кто боится Бога, тотъ будетъ помилованъ Господомъ».

Вопросъ: Какъ это: *возверзи печаль твою на Господа?* Отвѣтъ: «Это значить жить просто и все упованіе возложить на Господа и не разсуждать, что кто сдѣлалъ, что и какъ будетъ. Царь Давидъ когда думалъ и разсуждалъ по-человѣчески, тогда дошелъ до безнадежнаго состоянія, ни въ чемъ не находилъ себѣ отрады: *поглумляшеся и малодушествова духъ мой.* А когда возложилъ упованіе свое на Бога, тогда былъ утѣшенъ: *помянухъ Бога и возвеселихъся*». «*На хребтъ моемъ дѣлаша грѣшицы.* Врагъ нападаетъ на человѣка страстями, и человѣкъ дѣлаетъ все, что ему врагъ внушаетъ, и все это на его спинѣ отзыается».

«Будь снисходительна къ другимъ. Симеонъ Новый Богословъ пишеть: ежели сто человѣкъ успокоишь, а одного оскорбиши, то все пропало».

Вопросъ: Что значить: *жезль твой и палица твоя, тамъ утѣшиста*. Отвѣтъ: «Жезль – крестъ, скорбь, а палица – молитва Іисусова. Жезль – дѣятельная часть добродѣтели, а палица – умная молитва».

Вопросъ: Бывають помыслы, что вы мнѣ довѣряете. Отвѣтъ: «А я тебѣ притчу разскажу. Одного пустынника выбрали архіереемъ, онъ долго отказывался, но они настояли. Тогда онъ и подумалъ: я не зналъ, что я достоинъ, вѣрно, есть что-нибудь у меня хорошее. Въ это время явился ему Ангелъ и говорить: рядниче (рядовой монахъ), что ты возносишься, тамъ люди нагрѣшили и имъ нужно наказаніе, вотъ оттого и выбрали, что хуже тебя не нашлось».

Во времія смущенія Батюшка никогда не благословлялъ дѣлать замѣчанія или выговора и разсказалъ, какъ у архимандрита Моисея былъ келейникъ о. Нифонтъ; онъ что-то сдѣлалъ недолжное и ждалъ проборки, а архимандритъ будто и не замѣчаетъ ничего. Отецъ Нифонтъ приходитъ къ нему и все ждетъ выговора, а архимандритъ даетъ ему разныя приказанія. Такъ было нѣсколько разъ. Разъ какъ-то о. Нифонтъ пришелъ къ архимандриту очень веселый, а тотъ сейчасъ дверь на крючокъ и началь его пробирать».

По записямъ другой монахини Батюшка говорилъ: «Дурные сны бываютъ отъ трехъ вещей – отъ осужденія, отъ тщеславія и отъ объяденія.

Нѣкто спросилъ монаха: кто тебя научилъ молиться? Онъ отвѣтилъ: бѣсы. – Какъ бѣсы? – Да такъ! Они меня бороли разными помыслами, а я отбивался отъ нихъ молитвой.

Безъ преданности Промыслу Божию не пріобрѣтешъ покоя. Не смиряешься, оттого и не имѣшь покоя.

Златоустъ говорить: если хочешь узнать истину о себѣ, ищи ее у враговъ – они тебѣ скажутъ.

Три колечка цѣпляются другъ за друга: ненависть отъ гнѣва, гнѣвъ отъ гордости.

Когда говоришь со смиреннымъ, то отыхаешь, легко съ нимъ; а когда говоришь съ тѣмъ, кто себя оправдываетъ, а другихъ винить, – охъ, куда какъ умариваешься.

Когда бываетъ безчувствіе, тогда наиболѣе нужно упражняться въ молитвѣ устной.

Когда сердце прильпается къ земному, тогда надо вспомнить, что земное не пойдетъ съ нами въ Царствіе Небесное».

О скорбяхъ, вызываемыхъ случающимися въ монастыряхъ сплетнями и пересудами, о. Амвросій высказывалъ и устно, и письменно слѣдующее: «Кто изъ поступившихъ въ монастырь прямо пойдетъ путемъ смиренія въ страхѣ Божіемъ, и сохраняя по совѣсти очи, и слухъ, и языкъ, а въ ошибкахъ прибѣгая къ самоукоренію, тотъ мало увидитъ непріятныхъ случаевъ, а слово «сплетня» для него и существовать не будетъ. Ежели Господь ради нашего спасенія перенесъ заплеванія и заущенія и всякий видъ униженія, то кто изъ хотящихъ спастися не долженъ знать, если только онъ имѣть правильное стремленіе къ спасенію, что и ему должно понести подобное, хотя въ меньшей мѣрѣ, за грѣхи свои и ради своего спасенія. Главная мысль при постриженіи выражена такъ: «имаши досадитися, и унижитися, и из-

гнаться, и вся скорбная понести». Кто это знать и помнить, для того слово «сплетни» не может имѣть силы. Если кто спросить, для кого же онъ существуютъ и имѣютъ силу? Разумѣется – еще для немощныхъ, хотя и благонамѣренныхъ, у которыхъ самолюбіе еще въ силѣ, хотя бы и прикрывалось благовидно какими-либо мнимо благословными предлогами; – для тѣхъ, которые смотрять на вещи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, человѣческимъ окомъ, не бывъ еще свободны отъ того, чтобы получать вниманіе и ласку, и привѣтствіе, и нѣкоторое почтеніе, а иногда и предпочтеніе, особенно, когда представляется на это какъ бы нѣкій предлогъ чрезъ бывшія отъ нихъ благотворенія. Св. апостолъ Павелъ оба сказанныя состоянія ясно выразилъ упрекомъ: *на-чение духомъ, нынъ плотію скончавають.*

Какъ же быть въ такомъ случаѣ немощнымъ? Очень просто: сознавать свою немощь, прибѣгать къ самоуко-ренію и смиренію и въ непріятныхъ случаяхъ болѣе обвинять себя, а не другихъ, и прежде всего смотрѣть на вещи просто, что всѣ мы люди, всѣ человѣки, всякий по своему видить, по своему разумѣваетъ, по своему судить и толкуеть. Въ этомъ судить нась будетъ одинъ Сынъ Божій, Которому Единому дана сія власть отъ Бога Отца. Когда же оставимъ простоту и будемъ думать и толковать, что, и какъ, и зачѣмъ, и для чего, и кто они, и какъ они, тогда и не будетъ просто, а выйдетъ мудрено, паче же безтолково. Пойдутъ недоумѣнія и недоразумѣнія; не обойдется и безъ жалобы; а скорби-то, скорби-то будутъ невыносимыя. Не помню, гдѣ-то написано, что тщеславіе, если дотронуться до него пальцемъ,

кричить: кожу деруть. Хотя и не всегда такъ, а бываетъ, не по малой части, только въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Самолюбіе наше корень всему злу. Оно есть начало всѣхъ страстей, оно есть причина всѣхъ нашихъ бѣдствій и страданій, иногда въ настоящее время, а иногда какъ послѣдствіе прежнихъ ошибокъ. Впрочемъ, не одно самолюбіе бываетъ причиною скорби, а часто и благая рѣшимость жить благочестиво, какъ сказано у Апостола: *вси хотящіи благочестно жити, гоними будуть.* И въ другомъ мѣстѣ сказано: *многи скорби праведнымъ,* только съ прибавленіемъ ободренія: *но отъ всѣхъ ихъ избавить я Господь.* Блаженъ, кто принадлежить къ числу такихъ и терпить скорби за правду и жизнь благочестивую. Какъ же быть тѣмъ, о коихъ сказано: *многи раны грѣшиному?* И такимъ не должно отчаяваться, а безъ смущенія и съ упованіемъ на милосердіе Божіе благодушно простираться къ покаянію и смиренію, подражая мытарю, который, видя во всемъ свою неисправность, взывалъ ко Господу: *Боже, милостивъ буди мнъ грѣшиному.* Стараясь жить благочестиво, должно помнить и никогда не забывать, что все читаемое и разумѣваемое должно относить къ себѣ, а не къ другимъ, къ себѣ быть благоразумно строгимъ, а къ другимъ снисходительнымъ. Благоразумно строгимъ быть – значитъ не смущаться бестолково. Примѣръ сего мы можемъ видѣть въ дѣтяхъ различного возраста, которымъ оказывается снисхожденіе по мѣрѣ ихъ понятій. Есть и дѣти духовныя, которыхъ возрастъ считается не по годамъ или бородамъ и морщинамъ, а положительно сказано: *возрастъ старости есть житіе нескверное.* Скоро ли дожи-

вемъ до такого возраста старости? А не доживши, всѣ мы требуемъ другъ оть друга снисхожденія, по любви о Бозѣ: снисходительно слышать, снисходительно видѣть, снисходительно судить о видѣнномъ и слышанномъ. Все это сказано лишь къ свѣдѣнію, чтобы неразсудно не устрашаться. На самомъ же дѣлѣ придется многое чувствовать, потому что человѣкъ не вдругъ стяжаваетъ безстрастіе. А гдѣ страсти, тамъ и скорби со многими недоумѣніями и недоразумѣніями».

Нѣсколько другой характеръ носятъ наставленія о. Амвросія, сказанныя имъ въ своей хибаркѣ не для однихъ только монашествующихъ, но и для мірскихъ лицъ.

Надо вспомнить, какое впечатлѣніе производила эта хибарка уже сама по себѣ! «Какъ радостно забытъе сердце, – разсказываетъ одна ея постоянная посѣтительница, – когда, идя по темному сосновому бору, увидишь въ концѣ дорожки скитскую колокольню, а съ правой стороны убогую келлійку смиреннаго подвижника! Какъ легко на душѣ, когда сидишь въ этой тѣсной и душной хибаркѣ, и какъ свѣтло кажется при ея таинственномъ полусвѣтѣ! Сколько людей перебывало здѣсь! И приходили сюда, обливаясь горькими слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянныи – утѣшеными и ободренными; невѣроятнѣе и сомнѣвающиеся – вѣрными чадами Церкви».

«Здѣсь жиль «Батюшкa» – источникъ столькихъ благодѣяній и утѣшений. Ни званіе человѣка, ни состояніе не имѣли никакого значенія въ его глазахъ. Ему нужна была только душа человѣка, которая настолько была до-

рога для него, что онъ, забывая себя, всѣми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. Съ утра до вечера, удрученный недугомъ, Старецъ принималъ посѣтителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались съ вѣрой и были закономъ. Благословеніе его или особенное вниманіе считалось великимъ счастіемъ; и удостоившіеся этого выходили отъ него, крестясь и благодаря Бога за полученное утѣшеніе».

Свѣтлымъ, благотворнымъ, неисчерпаемымъ потокомъ лились въ хибаркѣ тихія рѣчи благодатнаго Старца и разносились внимательными и умиленными сердцами слушателей по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи и передавались изъ устъ въ уста, какъ драгоценные уроки святой, чистой христіанской жизни.

«Какъ жить? – говорилъ Старецъ. – Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всѣмъ – мое почтеніе».

«Нужно жить нелицемѣрно и вести себя примѣрно; тогда наше дѣло будетъ вѣрно, а иначе выйдетъ скверно». «Мы должны жить на землѣ такъ, какъ колесо вѣртится. – чуть только одной точкой касается земли, а остальными непремѣнно стремится вверхъ; а мы какъ заляжемъ на землю, такъ и встать не можемъ».

«Чтобы идти въ монастырь, надо терпѣнія не возь, а цѣлый обозъ».

«Чтобы быть монашенкой, надо быть либо желѣзной, либо золотой: желѣзной – значитъ имѣть большое терпѣніе; золотой – большое смиреніе».

«Иди, куда поведутъ, смотри, что покажутъ, и все говори: да будетъ воля Твоя».

«Что тебе за дѣло, что про тебя говорять, – сказалъ какъ-то Старецъ, – если слушать чужія рѣчи, придется взвалить осла на плечи».

«Обѣщаніе безъ исполненія – все равно, что дерево безъ плода».

Еще говорилъ Старецъ: «Гдѣ просто, тамъ Ангеловъ со сто, а гдѣ мудрено, тамъ ни одного». А иногда прибавлялъ къ этому: «Гдѣ нѣть простоты, тамъ одна пустота».

Когда Батюшкѣ говорилъ кто-нибудь: не могу, онъ нерѣдко рассказывалъ на это про одного купца, который все говорилъ: не могу, не могу, – слабъ. А пришлось ему разъѣхать по Сибири; онъ былъ закутанъ въ двухъ шубахъ и ночью задремалъ; открылъ глаза и вдругъ видѣть точно сіяніе передъ собою, все какъ будто звѣзды мелькаютъ; глядить, волки... Какъ онъ вскочить... Да забывъ про тяжесть шубъ, прямо на дерево...

«Напрошенный крестъ, – говорилъ Старецъ, – трудно нести, а лучше въ простотѣ предаться волѣ Божіей. *Не попустить бо Богъ искуситися выше мъры, но сотоврить со искушениемъ и избытие*».

О томъ, что безъ смиренія невозможно спастись, о. Амвросій рассказывалъ: «Одна госпожа видѣла во снѣ Господа Іисуса Христа и предъ Нимъ толпу народа. На Его зовъ первою подошла къ Нему дѣвушка крестьянка, а потомъ мужикъ въ лаптяхъ и еще всѣ люди крестьянского сословія. Госпожа подумала, что и ее за доброту и вообще за всѣ ея добродѣтели Господь скоро позоветъ. Каково же было ея удивленіе, когда она увидѣла, что Господь пересталъ уже и звать. Она рѣшилась

было сама напомнить о себѣ Господу, но Онъ совсѣмъ отвратился отъ нея. Тогда она упала на землю и начала смиренно сознаваться, что она действительно хуже всѣхъ и недостойна быть въ Царствіи Небесномъ». Батюшка затѣмъ прибавилъ: «А вотъ такія-то и годятся; такихъ-то тамъ и надо».

На слова одной, стоявшей около Старца: «гордость мѣшаетъ во всемъ», онъ отвѣтилъ: «А ты закутайся въ смиреніе; тогда если и небо къ землѣ прильнетъ, не страшно будетъ».

Человѣкъ въ счастіи забываетъ и все приписываетъ себѣ – своей безсильной силѣ и мнимой власти; но лишь посѣтить его какое-либо несчастіе, просить пощады даже и у воображаемаго врага. Эту истину о. Амвросій такъ изображалъ: «Человѣкъ какъ жукъ. Когда теплый день и играетъ солнце, летить онъ, гордится собою и жужжитъ: всѣ мои лѣса, всѣ мои луга! Всѣ мои луга, всѣ мои лѣса! – А какъ солнце скроется, дохнетъ холодомъ и загуляетъ вѣтеръ, – забудетъ жукъ свою удаль, прижмется къ листку и только пищить: не спихни!»

Еще рассказывалъ Старецъ, какъ иногда обстоятельства нечаянно смиряютъ человѣка: «Разъ кто-то устроилъ у себя обѣдь и разослалъ своихъ слугъ приглашать гостей. Одинъ изъ приглашаемыхъ и спрашиваетъ присланнаго къ нему слугу: неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мнѣ? На это посланный отвѣчалъ: хорошихъ-то по хорошимъ разослали, а меня ужъ къ вашей милости».

Говориль еще о. Амвросій о смиреніи: «Пришелъ, было, къ настоятелю, о. архимандриту Моисею одинъ

посѣтитель, но, не заставъ его дома, отправился къ его родному брату о. игумену Антонію. Среди разговора гость и спросилъ о. игумена: «Скажите, Батюшка, како-го вы держитесь правила?» – Отець Антоній отвѣтилъ: «Много было у меня правиль; жиль я въ пустынѣ и по монастырямъ, и все разныя были правила; а теперь осталось одно мытарево: *Боже, милостивъ буди мнъ гръшному!*»

«Лиши только смирится человѣкъ, – говоривалъ Старець, – какъ тотчасъ же смиреніе поставляетъ его въ преддверіи Царства Небеснаго». «Разсужденія, – говорилъ Старець, – не достигнешь безъ любви и смиренія, а смиренія и любви – безъ послушанія».

«Одна все хотѣла странствовать туда и сюда – и въ Киевъ, и въ Задонскъ; а одинъ старець и говорить ей: все это тебѣ не на пользу; а сиди-ка лучше дома и твори мытареву молитву».

О раздражительности Старець говорилъ: «Никто не долженъ оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болѣзнью, – это происходитъ отъ гордости. А гнѣвъ мужа, по слову св. Апостола, *правды Божія не содѣлловаетъ*. Чтобы не предаваться раздражительности и гнѣву, не должно торопиться».

Бесѣдуя о зависти и памятозлобіи, Старець сказалъ: «Нужно заставлять себя, хотя и противъ воли, дѣлать какое-нибудь добро врагамъ своимъ; а главное – не мстить имъ и быть осторожнымъ, чтобы какъ-нибудь не обидѣть ихъ видомъ презрѣнія и униженія».

Кто-то сказалъ Старцу: «Какъ это вы, Батюшка, только не гнѣваетесь на тѣхъ, кто обѣ васъ нехорошо го-

ворить, но и продолжаете любить ихъ?» Старець много
этому смеялся и сказалъ: «У тебя былъ маленький сынъ,
сердиася ли ты на него, если онъ что и не такъ дѣлалъ
и говорилъ? Не старалася ли, напротивъ, какъ нибудь
покрывать его недостатки?»

Старець говорилъ о св. Александрѣ Невскомъ, что
онъ былъ и воевода, и государь, и отець семейства, и
мученикъ, и исповѣдникъ, и монахъ и, наконецъ, схим-
никъ. Всѣмъ былъ и во всемъ умѣль явить образецъ
достойный подражанія. Разсказывалъ про него, что ког-
да онъ съ другими явился въ Золотую Орду и, подобно
другимъ, съ нимъ бывшимъ, не сталъ кланяться кусту,
хану, казнивъ его спутниковъ, пощадилъ его за красоту
и представительность. «Слѣдовательно, – говорилъ Ба-
тюшка, – красота и представительная наружность есть
также даръ Божій, есть талантъ, въ употребленіи кото-
раго мы также должны отдать отчетъ Богу».

Батюшка говорилъ: «Кто праздники не почитаетъ,
тому нѣть удачи».

Еще говорилъ Батюшка: «Григорій Двоесловъ пи-
шетъ о томъ, какою цѣною пріобрѣтается Царствіе Не-
бесное. Для него не существуетъ цѣны определенной.
Всякій человѣкъ долженъ отдать за него все, что имѣ-
етъ. Апостолъ Петръ отдалъ сѣти и получилъ Царство
Небесное, вдовица отдала двѣ лепты; у кого миллионы,
пусть дастъ ихъ; а у кого ничего нѣть, пусть отдастъ
произволеніе».

«Если не хочется молиться, надо понуждать себя, –
говорилъ Старець; святые отцы говорятъ, что молитва
съ понужденіемъ выше произвольной молитвы. Не хо-

чется, но понуждай себя: *нудится бо Царствie Небесное*».

На книгѣ преп. Варсонофія Великаго и Іоанна Пророка Батюшка написаль: «Кто хочетъ себѣ внимать, тотъ долженъ книгу сію внимательнѣе читать, побольше дома сидѣть, поменьше по сторонамъ глядѣть, по келліямъ не ходить и къ себѣ гостей не водить; другихъ не осуждать, а о своихъ грѣхахъ ко Господу Богу воздыхать, дабы получить милость Божію».

О любви Старецъ говориль: «Любовь, по слову Апостола, *все прощаетъ, долготерпить, не осуждаетъ, ничего чужого не желаетъ, не завидуетъ*».

«Любовь покрываетъ все. И если кто дѣлаетъ близнимъ добро по влечению сердца, а не движимый только долгомъ, то таковому діаволъ мѣшать не можетъ; а гдѣ только по долгу, тамъ онъ все-таки старается помѣшать тѣмъ или другимъ».

«Трудящемуся Богъ посыпаетъ милость, а любящему утѣшеніе».

«Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что въ тебѣ нѣть любви, а желаешь ее имѣть, то дѣлай дѣла любви, хотя сначала безъ любви. Господь увидить твое желаніе и стараніе и вложить въ сердце твое любовь. А главное, когда замѣтишь, что погрѣшила противъ любви, сейчасъ же исповѣдуй это старцу. Это можетъ быть иногда отъ дурного сердца, а иногда и отъ врага. Сама ты не можешь этого разобрать; а когда исповѣдуешь, врагъ и отойдетъ».

«Всегда лучше уступать, – говориль Батюшка, – если будешь настаивать справедливо – это все равно, что

рубль ассигнацией, а если уступишь – рубль серебромъ».

«Кто имѣеть дурное сердце, не долженъ отчаиваться; потому что съ Божію помощію человѣкъ можетъ исправить свое сердце. Нужно только внимательно слѣдить за собою и не упускать случая быть полезнымъ ближнимъ, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сдѣлать вдругъ, но Господь долготерпитъ. Онъ тогда только прекращаетъ жизнь человѣка, когда видѣть его готовымъ къ переходу въ вѣчность или же когда не видѣть никакой надежды на его исправленіе».

«Если будешь принимать людей Бога ради, то, повѣрь, всѣ будуть къ тебѣ хороши».

«Чтобы человѣку исправить себя, не надо вдругъ налегать, а какъ тянуть барку: тяни-тяни-тяни, – отдай-отдай! – Не все вдругъ, а понемногу. Знаешь рожонъ на корабль? Это такой шесть, къ которому привязаны всѣ веревки корабля; и если тянуть за него, то потихоньку и все тянетсѧ; а если взять сразу, то все испортишь отъ потрясенія».

«Безстрастными вѣдь не сейчасъ можно сдѣлаться; а всякой разъ, чувствуя свою грѣховность, говори: Господи, прости мнѣ! Господь одинъ силенъ вложить въ сердце человѣка любовь».

О милостынѣ старець Амвросій говорилъ: «Св. Димитрій Ростовскій пишеть: если пріѣдетъ къ тебѣ человѣкъ на конѣ и будетъ у тебя просить, подай ему. Какъ онъ употребить твою милостыню, ты за это не отвѣчаешь».

Еще: «Св. Иоаннъ Златоустъ говорить: начни отдавать неимущимъ, что тебѣ ненужно, что у тебѣ валяется; потомъ будешь въ состояніи давать и больше и даже съ лишеніемъ себя, а, наконецъ, уже готовъ будешь отдать и все, что имѣешь».

«Безбожникамъ, – говорилъ Старецъ, – нѣть оправданія. Вѣдь всѣмъ, всѣмъ рѣшительно, и язычникамъ, проповѣдуется Евангеліе; наконецъ, по природѣ всѣмъ намъ отъ рожденія вложено чувство познанія Бога; стало быть, сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли за такихъ молиться. Конечно, молиться за всѣхъ можно».

«Батюшка, – спросилъ кто-то, – вѣдь не можетъ ощущать въ будущей жизни полнаго блаженства тотъ, котораго близкіе родные будуть мучиться въ аду?» Старецъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, тамъ этого чувства уже не будетъ; про всѣхъ тогда забудешь. Это все равно, какъ на экзаменѣ. Когда идешь на экзаменъ, еще страшно, и толпятся разнородныя мысли; а пришла – взяла билетъ, про все забыла».

О лѣноти и уныніи Старецъ говорилъ: «Скука унынію внука, а лѣноти дочь. Чтобы отогнать ее прочь, въ дѣлѣ потрудись, въ молитвѣ не лѣнись, тогда и скука пройдетъ, и усердіе придетъ. А если къ сему терпѣнія и смиренія прибавишь, то отъ многихъ золь себя избавишь».

О нечувствіи и безстрашіи Батюшка сказалъ: «Смерть-то не за горами, а за плечами; а намъ хоть коль на головѣ теші».

«Если на одномъ концѣ деревни будуть вѣшать, на другомъ концѣ не перестанутъ грѣшить, говоря: до нась еще не скоро дойдутъ».

Пришелъ къ Старцу одинъ господинъ, не вѣруюшій въ бѣсовъ. Старецъ ему разскажаль: «Пріѣхаль въ одну деревню баринъ въ гости къ своимъ знакомымъ и выбралъ самъ себѣ комнату для ночлега. Ему говорять: не ложитесь тутъ, – въ этой комнатѣ неблагополучно. Но онъ не повѣрилъ и только надъ этимъ посмѣялся. Легъ. Но вдругъ слышитъ ночью, что кто-то дуешь ему прямо въ лысину. Онъ укрылся съ головою одѣяломъ. Тогда этотъ кто-то перешелъ къ его ногамъ и сѣлъ на постели. Гость испугался и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать оттуда, увѣрившись собственнымъ опытомъ въ существованіи темной силы». Выслушавъ разскѣзъ Старца, господинъ сказалъ: «Воля ваша, Батюшка, я даже не понимаю, что это за бѣсы». На это Старецъ отвѣтилъ: «Да вѣдь и математику не всѣ понимаютъ, однако она существуетъ. Какъ же бѣсы не существуютъ, когда знаемъ изъ Евангелія, что Самъ Господь велѣлъ бѣсамъ войти въ стадо свиней?» Господинъ возразиль: «Но вѣдь это иносказательно?» – «Стало быть, – отвѣтилъ Старецъ, – и свиньи иносказательны, и свиней не существуетъ? А если существуютъ свиньи, значитъ, существуютъ и бѣсы».

Обличая ложный стыдъ и малодушіе въ вѣрѣ, Старецъ разскажаль: «Одинъ такъ-то не вѣрилъ въ Бога. А когда, во время войны на Кавказѣ, пришлось ему драться, онъ въ самый разгаръ сраженія, когда летѣли мимо его пули, пригнулся, обняль свою лошадь, и все время читалъ: Пресвятая Богородица, спаси нась! – А потомъ, когда, вспоминая объ этомъ, товарищи смѣялись надъ нимъ, онъ отрекся отъ своихъ словъ». Сказавъ это, Старецъ прибавилъ: «Лицемѣріе хуже невѣрія».

О покаянії Старець говориль: «Какое нынѣ настало время! Бывало, если кто искренно раскается во грѣхахъ, то уже и перемѣняеть свою грѣховную жизнь на добрую; а теперь часто бываетъ такъ: человѣкъ и разскажеть на исповѣди всѣ свои грѣхи въ подробности, а потомъ опять за свое принимается».

«Одинъ разъ сидѣль бѣсь въ образѣ человѣка и болтать ногами. Видѣвшій это духовными очами спросиль его: что же ты ничего не дѣлаешь? Бѣсь отвѣчалъ: да мнѣ ничего теперь не остается дѣлать, какъ только ногами болтать; люди все дѣлаютъ лучше меня».

О силѣ покаянія Старець такъ говориль: «Одинъ все грѣшиль и каялся, – и такъ всю жизнь. Наконецъ, покаялся и умеръ. Злой духъ пришелъ за его душой и говорить: онъ мой. Господь же говорить: нѣть, онъ каялся. – Да вѣдь хоть каялся и опять согрѣшалъ, – продолжаль діаволь. Тогда Господь ему сказалъ: если ты, будучи золъ, принималъ его опять къ себѣ послѣ того, какъ онъ мнѣ каялся: то какъ же мнѣ не принять его послѣ того, какъ онъ, согрѣшивъ, опять обращался ко мнѣ съ покаяніемъ? Ты забываешь, что ты золъ, а Я благъ».

Спросили у Батюшки: что значить плачь? Батюшка отвѣчалъ: «Плачь – значить сѣтованіе; неплачь бываетъ отъ слезъ, а слезы отъ плача».

«Грѣхи, какъ грецкіе орѣхи, – скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно».

«Три степени для спасенія. Сказано у св. Іоанна Златоуста: а) не грѣшить, б) согрѣшивши каяться, в) кто плохо каєтся, тому терпѣть находящія скорби».

«Бываетъ, что хотя грѣхи наши черезъ покаяніе и прощаются намъ, но совѣсть все не перестаетъ упрекать насъ. Покойный старецъ о. Макарій для сравненія показывалъ иногда свой палецъ, который давно когда-то былъ порѣзанъ; боль давно прошла, а шрамъ остался. Такъ точно и послѣ прощенія грѣховъ остаются шрамы, т. е. упреки совѣсти».

«Креста для человѣка Богъ не творить. И какъ ни тяжель бываетъ у иного человѣка крестъ, который несеть онъ въ жизни; а все же дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ, всегда вырастаетъ на почвѣ его сердца».

«Вотъ я, напримѣръ, всегда былъ болтуномъ, любилъ съ людьми поговорить, поразвлечься; Господь и устроилъ такъ, что пришлось мнѣ всю жизнь свою толковать съ народомъ. Теперь и радъ бы помолчать, да не приходится».

«Когда человѣкъ идетъ прямымъ путемъ, для него и креста нѣтъ. Но когда отступить отъ него и начнетъ бросаться то въ ту, то въ другую сторону; вотъ тогда являются разныя обстоятельства, которыя и толкаютъ его опять на прямой путь. Эти толчки и составляютъ для человѣка крестъ. Они бываютъ, конечно, разные, кому какіе нужны».

«Человѣка постоянно смущаютъ грѣховные помыслы; но если онъ не соизволяетъ имъ, то не бываетъ въ нихъ виновенъ».

«Одна подвижница долгое время обуреваема была нечистыми помыслами. Когда же явившійся ей Господь отогналъ ихъ отъ нея, она воззвала къ Нему: Гдѣ Ты былъ доселѣ, о сладкій мой Іисусе? Господь отвѣтилъ:

быть въ твоемъ сердцѣ. Она же сказала: какъ же это могло быть? Вѣдь сердце мое было исполнено нечистыхъ помысловъ. И сказалъ ей Господь: потому разумѣй, что Я былъ въ твоемъ сердцѣ, что ты никакого расположенія не имѣла къ нечистымъ мыслямъ, а болѣе старалась избавиться отъ нихъ, но не имѣя возможности, болѣзновала о семъ, – и этимъ уготовила мнѣ мѣсто въ сердцѣ твоемъ». «Иногда посылаются человѣку скорби безвинно для того, чтобы онъ, по примѣру Христа, страдалъ за другихъ. Самъ Спаситель прежде пострадалъ за людей. Апостолы Его также мучились за Церковь и за людей. Имѣть совершенную любовь и знать страдать за ближнихъ».

«Отъ чего люди грѣшать? – задавалъ иногда Старецъ вопросъ, и самъ же рѣшаль его. – Или отъ того, что не знаютъ, что должно дѣлать и чего избѣгать, или, если знаютъ то забываютъ: если же не забываютъ, то лѣнятся, унываютъ... Это три исполина. – уныніе или лѣнность, забвеніе и невѣдѣніе, – отъ которыхъ связанъ весь родъ человѣческій нерѣшимыми узами. А за тѣмъ уже слѣдуетъ нерадѣніе со всѣмъ сонмищемъ злыхъ страстей. Потому мы и молимся Царицѣ Небесной: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени отъ меня смиреннаго и окаяннаго раба Твоего уныніе, забвеніе, неразуміе, нерадѣніе и вся скверная, лукавая и хульная помышленія» и прочее.

Многимъ о. Амвросій совѣтоваль, и въ письмахъ, и устно, не оставлять краткой молитвы Іисусовой: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго».

Батюшка о. Амвросій совѣтоваль при козняхъ че-
ловѣческихъ и вражескихъ прибѣгать къ псалмамъ
св. пророка Давида, которыми молился онъ, когда былъ
въ гоненіи отъ враговъ, а именно читать псалмы: 3-й,
53-й, 58-й, 142-й. Выбирать изъ этихъ псалмовъ стихи,
приличные къ скорби, и почасту прочитывать ихъ, об-
ращаясь къ Богу съ вѣрою и смиреніемъ. А когда будетъ
бороть уныніе или томить душу безотчетная скорбь –
прочитывать 101-й псаломъ, 36-й (*Не ревнуй лукавную-
щимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе*), затѣмъ пса-
ломъ 26-й (*Господь просвѣщеніе мое*) и псаломъ 90-й
(*Живый въ помощи Вышняго*). Ежели во имя Св. Троицы
исправно читать эти псалмы ежедневно по три раза со
смиреніемъ и усердіемъ, предавая себя вселагому Про-
мыслу Божію, тогда изведетъ Господь яко свѣтъ правду
твою и судьбу твою яко полудне, точію повиниця Господе-
ви и умоли Его.

Полезно также читать псаломъ 39-й (*Терпя потер-
піхъ Господа, и внясть ми*).

Указывая, что человѣку нечѣмъ гордиться, Старець
прибавлялъ: «Да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ человѣку тутъ
возноситься? – Оборванный, ощипанный просить ми-
лостыни: помилуй, помилуй! – А подается ли милость,
это еще кто знаетъ».

Когда Старцу жаловались, что постороннія мысли
мѣшаютъ молиться, онъ сказалъ: «Ѣхаль мужикъ по ба-
зару; вокругъ него толпа народу, говоръ, шумъ; а онъ
все на свою лошадку: но-но! но-но! – такъ помаленьку,
помаленьку и проѣхаль весь базарь. Такъ и ты, что бы
ни говорили помыслы, все свое дѣло дѣлай – молись!»

Чтобы люди не оставались въ безпечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, Старецъ повторялъ обычную народную поговорку: «Боже-то поможи, – да и самъ мужикъ не лежи». И прибавлялъ: «Вспомни, двѣнадцать Апостоловъ просили Спасителя за жену хананеянку, но Онъ не услышалъ ихъ; а сама стала просить, упростила».

Чтобы показать, что Богъ главнымъ образомъ смотритъ на внутреннее молитвенное расположение человѣка, о. Амвросій говорилъ: «Пришелъ какъ-то къ о. игумену Антонію одинъ больной ногами и говорить: Батюшка, у меня ноги болятъ, – не могу класть поклоны, и это меня смущаетъ. Отецъ Антоній отвѣтилъ ему: но вѣдь въ Писаніи сказано: сыне, даждь ми сердце, а не ноги».

Одна монахиня сказала Старцу, что видѣла во снѣ икону Божіей Матери и услышала отъ Нея: «Принеси жертву». Батюшка спросилъ: «Что же, ты принесла жертву?» Та отвѣтила: «Что же я принесу? У меня ничего нѣть». Тогда Батюшка сказалъ: «Въ псалмахъ написано: *жертва хвалы прославить мя*».

При разговорѣ о Дарьушкѣ-страницѣ Старецъ, вздохнувъ, сказалъ: «Да, Господь почиваетъ въ простыхъ сердцахъ. Золото вездѣ видно, и вездѣ проглянетъ, несмотря даже на угловатость; а другой, какъ ни кудрявъся, все золотомъ не будетъ». На замѣчаніе, что Дарьушка хорошо умерла, Батюшка сказалъ: «Отъ того и кончина была хорошая, что жила хорошо. Какъ живешь, такъ и умрешь».

О томъ, какъ трудно искореняются грѣховные навыки въ человѣкѣ и какъ много значить примѣръ другихъ, Старецъ говориль: «Какъ на пойманную въ табунѣ одичалую лошадь, когда накинуть арканъ и поведуть, она все упирается и сначала идеть бокомъ; а потомъ, когда присмотрится, что прочія лошади идутъ спокойно, и сама пойдетъ въ рядъ: такъ и человѣкъ».

О сѣтяхъ діавольскихъ о. Амвросій говориль: «Пауkъ лѣнивый сидить на одномъ мѣстѣ, выпустить ниточку и ждетъ – какъ только попадется муха, сейчасъ и голову ей долой! А муха-то жужжитъ». При этомъ Батюшка многозначительно прибавиль: «Зажужжимъ! – Такъ и врагъ всегда протягиваетъ сѣти; какъ кто попадется, сейчасъ ему и голову долой». Затѣмъ Старецъ обратился къ кому-то и говорить: «Смотри, – не будь мухой, а то такъ же жужжишь».

Сама жизнь нерѣдко направляетъ человѣка на истинный путь. «Какой-то отецъ послалъ своего сына въ лесь за дѣломъ; а сынъ и говорить: «Батюшка, какъ же я тамъ буду одинъ? Я ничего не знаю». – «Ничего, ступай, – говорить ему отецъ. нужда всему научить». Онъ поѣхалъ; но вотъ въ лѣсу сломались у него сани. Вспомнилъ онъ слова отца, – нужда всему научить, – и давай кричать: «Нужда-а!» – А она отвѣчаетъ ему: «А – а!» Ждалъ, ждалъ онъ, кричаль, кричаль, никто не пришелъ къ нему на помощь. Тогда онъ слѣзъ, самъ кое-какъ поправилъ сани, пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: «Обманулы ты меня, батюшка – вѣдь нужда-то не пришла ко мнѣ на помощь». – «Да какъ же ты справился?» – Да такъ ужъ, кое-какъ». – Вотъ это-то самое, что ты кое-

какъ спрavился, и показываетъ, что нужда тебъ помогла».

Батюшкa любилъ иногда въ риому именамъ или фамиліямъ своихъ собесѣдниковъ дѣлать шутливыя замѣчанія, въ которыхъ подъ виѣшнею шуткою скрывался глубокій внутренній смыслъ и серьезное наставленіе.

«Смотри, Мелитона, – говорилъ онъ одной монахинѣ, предостерегая ее отъ высокомѣрія, – держись средняго тона; возьмешь высоко, будетъ нелегко, возьмешь низко, будетъ склизко; а ты, Мелитона, держись средняго тона».

Вѣра, будь вѣрой твердой, не будь вѣрой слабой.

Надежда – да не душъ нашихъ.

Любовь терпить и до-олго терпить, а если немного не дотерпить – ничего не будетъ – *претерпѣвый бо до конца, – той спасенъ будетъ.*

Катя! Назадъ не пяти. Или: А что Катя назадъ не пять? Еще: Катиши! Смотри, куда катиши. Кати туда, гдѣ тиши, да гладь, да Божья благодать.

Лизокъ! Смотри внизокъ, тамъ находится смиренье и обрѣтается терпѣніе.

Груша просится тпруши, а мы ее притянемъ за уши.

Маня! Мани, мани, да не обмани! Еще: если Маня себя не обманя – будетъ очень, очень хорошо.

Нашъ Ниль всѣмъ миль, а иногда бываетъ и гниль.

Будь Анна, а не Аннетта – въ Аннетахъ проку нѣту.

Мать Евменія! Собери свое разумѣніе. Или: Мать Евменія растеряла свое разумѣніе.

Одной особѣ по фамиліи Блохиной: «Когда же блохи бываютъ плохи? Или: Времена стали плохи: блохи и

тѣ испускаютъ неправильные вздохи». (Замѣчательно, что когда она была еще молоденькой дѣвочкой, сестра ея, относившаяся всегда къ Батюшкѣ, разъ высказала ему свое огорченіе по поводу того, что, какъ не уговаривала она сестру поѣхать съ нею къ Старцу, она никакъ не соглашается. Батюшка сказалъ: «Когда ее блоха укусить, тогда и она къ намъ приѣдетъ». Она слово блоха приняла просто за насѣкомое кусающееся, но оказалось, что слово это имѣло иное значеніе. Она вышла замужъ за Блохина, и, когда въ ихъ жизни начались непріятности, она приѣхала къ Батюшкѣ.)

Одному скитскому послушнику Максиму Батюшка при каждомъ почти свиданіи повторялъ: «Въ Коломнѣ на кладбищѣ есть такого рода надпись: подъ камнемъ симъ лежитъ Максимъ. Имъ бы жить да веселиться, а они изволили на тотъ свѣтъ переселиться». Вскорѣ Максимъ внезапно скончался.

Маленькой дѣвочкѣ Мароѣ: «Мароа печется на солнцѣ, а вырастеть – будеть и другихъ припекать».

Свою любовь къ людямъ и заботливость о нихъ о. Амвросій проявлялъ всѣми возможными способами – и материальною помощью, и духовнымъ руководствомъ. Приносимыя ему вещи онъ раздавалъ черезъ келейниковъ нуждающимся монашествующимъ; присыпаемыя же деньги дѣлилъ на три части, – одну часть отсыпалъ скитоначальнику на нужды Скита и на поминъ благодѣтелей, другую часть опредѣлялъ на бѣдныхъ и, наконецъ, третью, самую малую часть, отдѣлялъ на лампадное масло и восковыя свѣчи для отправленія своихъ келейныхъ бдѣній и другихъ молит-

вословій. Милостыня всѣмъ ежедневно приходившимъ къ нему бѣднымъ подавалась имъ также черезъ келейниковъ. Въ исключительныхъ случаяхъ подавалъ Старецъ и самъ. Разъ какъ-то онъ поспѣшно выходитъ изъ хибарки въ келлію и тутъ же, мимоходомъ, обращается къ своему писарю: «Вотъ тамъ пришла женщина съ сиротами, – маль мала меньше. Всѣхъ сиротъ человѣкъ пять, а єсть нечего. Сама горько плачетъ и просить о помощи. А самый маленький ничего не говоритъ, а только смотритъ мнѣ въ глаза, поднявъ ручки грабельками. Какъ же не дать ему!» Старецъ сталъ доставать деньги. Руки отъ волненія дрожать, слезы противъ воли просятся изъ глазъ.

Ежегодно къ великимъ праздникамъ Рождества Христова и Св. Пасхи разсыпалось Старцемъ по нѣскольку десятковъ денежныхъ писемъ въ разныя мѣста къ не могущимъ явиться къ нему за милостынею лично. Посыпалось рубля по три, по пяти и болѣе. Къ концу жизни Старца число такихъ разсыпавшихся къ великимъ праздникамъ денежныхъ писемъ возросло до двухсотъ. Бывали, хотя рѣдко, случаи, когда о. Амвросій посыпалъ одному лицу рублей по сто и болѣе. Нѣкоторыя бѣдныя монахини почти, можно сказать, содержались на его счетъ. Многимъ онъ помогалъ и цѣлья семьи поддерживалъ материально при содѣйствіі относившихся къ нему съ довѣріемъ богатыхъ людей.

Наконецъ, многолюдная Шамординская обитель, со множествомъ бѣдныхъ, больныхъ, сиротъ, калѣкъ и безпріютныхъ, получала свое содержаніе отъ Старца или ради него.

Любовь и состраданіе Старца къ людямъ были тако-
вы, что онъ не оставлялъ безъ вниманія, участія и помо-
щи самаго, по-видимому, маловажнаго ихъ горя, кото-
рое въ глазахъ другихъ людей казалось смѣшнымъ и не
заслуживающимъ никакого вниманія. Однажды остано-
вила его крестьянка, которая была нанята помѣщицей
пасти индюшекъ. Индюшки у нея не жили, и барыня
хотѣла ее разсчесть. «Батюшка, – кричала въ слезахъ ба-
ба, – хоть ты помоги мнѣ. Силь моихъ нѣть. Сама надъ
ними не доѣдаю, пуще глазъ берегу, а колѣютъ онѣ. Со-
гнать меня барыня хочетъ. Пожалѣй, родимый!» При-
сутствовавшіе тутъ смѣялись надъ ея глупостью, за-
чѣмъ она съ такими пустяками идеть къ Старцу. А
Старецъ ласково разспросилъ ее, какъ она ихъ кормить,
и даль совѣтъ, какъ ихъ содержать иначе, благосло-
вилъ ее и простился. Тѣмъ же, которые смѣялись надъ
крестьянкой, онъ замѣтилъ, что въ этихъ индюшкахъ
вся ея жизнь. Индюшки у бабы перестали колѣть.

Когда Шамордино только что устраивалось и сес-
терь было мало, у Батюшки попросилась въ новый монастырь одна пожилая, но здоровая женщина. Батюшка
принялъ ее и отправилъ на Рудновскій хуторъ ходить за скотомъ. Съ усердіемъ принялась она за свое послу-
шаніе и трудилась исправно, но затѣмъ, мало-помалу,
стала тяготиться тѣмъ, что живеть она не въ монасты-
рѣ, отъ церкви далеко и молиться некогда, все только о
коровахъ да о свиньяхъ думать надо. Уныніе овладѣло
ею настолько, что она стала роптать и на Старца, гово-
ря: «Я просилась у Батюшки въ монастырь, а онъ меня
послалъ къ свиньямъ», – и, наконецъ, рѣшила уйти со-

всѣмъ куда-нибудь въ другой монастырь, но ни Старцу и никому обѣ этомъ не сказала. Въ это время случилось, что Батюшка пріѣхалъ въ Рудново, и слѣдомъ за нимъ, по обыкновенію, наѣхало много мірскихъ, между которыми было нѣсколько видныхъ лицъ. Батюшка принялъ всѣхъ на общее благословеніе, и пріѣзжіе стали просить Старца принять ихъ отдѣльно, но Батюшка отвѣтилъ: «Вы люди свободные, а я сюда пріѣхалъ, чтобы заняться съ здѣшними сестрами, которая постоянно трудятся и рѣдко меня видятъ». Съ этими словами онъ проводилъ всѣхъ изъ своей келліи, а къ себѣ позвалъ унывающую старушку-скотницу. «Дурень, – сказалъ ей ласково Батюшка, – что же ты скорбишь, что ты мнѣ не нужна, и уходить собираешься; я всѣхъ пріѣзжихъ оставилъ, а тебя принялъ. Ну, рассказывай мнѣ, какъ поживаются твои телята и поросята». Этихъ короткихъ, но согрѣтыхъ отеческой любовью словъ было достаточно, чтобы всякая мысль не только обѣ уходѣ, но и о какомъ бы то ни было недовольствѣ совершенно исчезла безъ слѣда. Не только въ то время, но и впослѣдствіи, когда уже и Старца не стало, въ минуты, когда ослабѣвало терпѣніе, эти слова служили ей одушевленіемъ и ободреніемъ.

Одинъ современный писатель, вообще не расположенный къ монашеству, но очень благоволяющій къ старцу Амвросію, сообщаетъ слѣдующіе случаи любвеобильной попечительности Старца.

«Дочь одного именитаго купца, дѣвушка образованная, но скромная, увлеченная однимъ молодымъ профессоромъ, сдѣлалась матерью.

Разъяренный купецъ выгналь ее изъ дому ни съ чѣмъ, – на всѣ четыре стороны. Переправилась она въ сосѣдній городокъ, передала ребенка какой-то мѣщанкѣ, обѣщаюсь платить, а затѣмъ, какъ и всѣ въ этихъ губерніяхъ, т. е. Калужской и сосѣднихъ съ нею, растерянные люди, направилась въ Оптину Пустынь къ старцу Амвросію «за прощеніемъ и совѣтомъ». Къ посѣтителямъ, которыхъ собирались большія толпы, Старецъ выходилъ въ четыреугольникъ, обнесенный жердями: пришедшиіе стояли около нихъ, дожидаясь очереди, когда онъ каждого позоветъ, а Старецъ ходилъ внутри ограды, то погруженный въ задумчивость, то заговорившая съ тѣмъ или другимъ, то вызывая къ себѣ внутрь ограды. Въ эту толпу вмѣшалась и молодая женщина. Она готовилась къ тяжелой, стыдливой исповѣди. Каково же было ея недоумѣніе и смущеніе, когда, минуя близкихъ, онъ позвалъ ее издали; и едва она къ нему подошла и привычно поклонилась до земли, какъ онъ ласково и участливо спросилъ ее, гдѣ она оставила рожденаго ею младенца. Она все рассказала въ слезахъ. Тогда онъ ей указалъ немедленно вернуться назадъ, взять отъ женщины ребенка, вернуться въ отцовскій городъ, «а деньги на пропитаніе Богъ пошлетъ»... Она такъ и поступила».

До сихъ поръ я передаю слышанное, а остальное уже видѣль своими глазами.

«Во второмъ классѣ гимназіи учился высокій, худенькій и необыкновенно оживленный мальчикъ; вѣчныя шалости, но необыкновенно наивныя, невинныя, такъ что безъ его шалостей было бы и скучнѣе въ клас-

съ. И вѣшалости были деликатныя, тихія, скорѣе остроумныя. Онъ былъ очень пугливъ, впечатлителенъ, а вмѣстѣ – открыть. Въ немъ не было вовсе того маленькаго нахальства и назойливости, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, почти не встрѣчается русскихъ дѣтей въ возрастѣ 13-ти лѣтъ. Ставлю я разъ ему балль въ журнальчикѣ и вижу, что за предыдущую недѣлю «свидѣтельство въ просмотрѣ балловъ» подписано фамиліей не его, а другою. «Отчего же ты родителямъ не даль подписать?» спросилъ я машинально. – «Это подпись мамы». – «Какъ мамы?» И я указалъ на разность фамилій. У него выразилось въ лицѣ удивленіе: очевидно, этого никогда ему въ голову не приходило. «Вѣрно, твоя мама второй разъ замужемъ и по второму мужу и носить эту (не сходную съ фамиліей мальчика) фамилію». – «Нѣтъ, я вѣрно знаю, что моя мама не второй разъ замужемъ». Тутъ только я сталъ догадываться, что въ семейномъ положеніи ученика есть ненормальность. Выставивъ ему балль и посадивъ на мѣсто, я потомъ, пользуясь веселостью и открытостью ученика и, какъ часто имѣлъ привычку дѣлать почти со всѣми учениками, сталъ его разспрашивать, гдѣ же и какъ, и чѣмъ онъ съ родителями живеть. Всѣ отвѣты его были, такъ сказать, удивляющи, а вмѣстѣ составили продолженіе приведенного мною выше разсказа, слышанного мною какъ разъ незадолго до случая съ этимъ мальчикомъ. «Мама моя рисуетъ, только образа пишетъ и больше ничего; вамъ она образа не напишетъ, потому что на постороннихъ людей не дѣлаетъ, а какъ напишетъ, отвозить къ батюшкѣ». – «Какому?» – «Батюшкѣ Амвросію, въ Оп-

тину Пустынь». – «Какъ же она его знаетъ?» – «Мы съ нимъ давно знакомы. Онъ такой добрый, какъ никто». – «И ты его видѣлъ?» – «Меня-то онъ особенно и любить. Мы въ годъ раза два къ нему бываемъ. И всякий разъ онъ поведеть къ себѣ въ келлію и ласкаеть, ласкаеть меня и всегда мнѣ даетъ гостинцевъ. И веселый онъ, превеселый, постоянно шутить и смѣется, мнѣ же позволяеть все дѣлать у себя, и я у него какъ у себя въ домѣ». Между тѣмъ изъ другихъ разсказовъ мнѣ было известно, что о. Амвросій бываетъ серъезенъ, наставителенъ, а временами даже суровъ... Очевидно, здѣсь была связь исключительная. Старецъ спасъ своимъ совѣтомъ молодую женщину, спасъ и мальчика: и возлюбилъ ихъ особенною любовью, какъ свое творенье, усыновилъ ихъ себѣ; а благодарная женщина вся отдалась именно благодарному религіозному чувству, выразившемуся въ писаніи иконъ.

Какъ я разспросилъ и узналъ, суровый отецъ ей выдавалъ немного денегъ на содержаніе, но въ домѣ ее не впускаль, и самъ и семья его сношеній съ нею не имѣли»³².

Одной овдовѣвшей женщинѣ, оставшейся съ дочерью и внучкой и вовсе безъ всякихъ средствъ, безъ

³² О томъ, съ какою любовью Старецъ относился къ дѣтямъ, рассказываютъ еще, что въ Оптиної Пустыни, въ его время, по лѣтамъ проживала иногда одна семья, въ которой были маленькия дѣти. Чтобы дѣти не скучали, по приказанію Старца быль устроенъ для нихъ маленькой домикъ, гдѣ онѣ могли играть. Сами дѣти такъ были расположены къ Старцу, что, рисуя свои картинки, отдавали ихъ ему на сохраненіе. И Старецъ заботливо берегъ ихъ. Когда эти дѣти уже выросли и совершенно забыли о своихъ рисункахъ, Старецъ однажды показалъ имъ ихъ, спрашивая, что съ ними дѣлать? Такъ свято хранилъ онъ все порученное ему даже дѣтьми.

пенсії и помощи, но имѣвшій домъ, Старецъ сказалъ: «Домъ и думать не смѣй продавать». За домъ можно было получить тысячи двѣ и начать перебиваться; на первое бы время хватило. Но Старецъ разсчиталъ не первое время, а именно далекое. Запреть его быль равенъ закону. Жили три сироты въ холодномъ и голодномъ домѣ: но помогли на первые мѣсяцы родные, а затѣмъ нашелся жилецъ, стать «на хохольскій харчъ», и семья перебивалась десятый уже годъ, съ трудомъ, но не впавъ въ разореніе и нищенство, которыхъ бы безъ дома не избѣжать».

Еще случай: «Взрослый сынъ, уже учительствовавшій въ городской школѣ, пропадалъ отъ пьянства. Пьянство это было такъ неудержимо и вмѣстѣ для всѣхъ несносно, что отецъ и вся родня давно не хотѣли ни видѣть молодого человѣка, ни даже впускать его въ чистый и благообразный домъ. Только одна мать отъ него не отступалась. За выгономъ изъ дома онъ уже ночевалъ на огородѣ, въ банѣ, находили его пьянымъ на улицѣ, и вообще сраму было много. Между тѣмъ въ рѣдкія трезвые минуты несчастный быль разуменъ, привѣтливаго со всѣми обращенія, застѣнчивый и скромный. Пить его пріучили въ юности худые товарищи по семинаріи. Приходившая въ отчаяніе его мать возила его нѣсколько разъ къ «батюшкѣ Амвросію», – и вотъ ее-то, эту заботливѣйшую и неистощимую въ терпѣніи мать, онъ и стукаль посохомъ по спинѣ (какъ сказано, знакъ особаго старческаго благоволенія, а иногда и особый видъ строго-воспитательнаго воздействиія); съ пьянчужкою же обращался непрерывно ласково «и удостоивъ слова».

Думали сына уже въ солдаты сдать, что можно было и по кроткому его характеру, и потому, что пьянство было очевидная неисправимая болѣзнь. Но это запретиль Старець, а матери онъ указаль неизмѣнно беречь его, о немъ же самомъ «предсказалъ дивную судьбу, что онъ священникомъ станеть возносить молитву передъ Престоломъ Божімъ». Таковое предсказаніе даже расхолодило желаніе обращаться дальше къ нему за совѣтами: пившій молодой человѣкъ не былъ даже посвященъ хотя бы въ псаломщики, а проходилъ учительскую службу, главное же, былъ въ такомъ безобразномъ видѣ. Но по-прежнему ходила за нимъ мать, а тамъ женила; а тамъ жена свезла пьяного мужа къ какому-то лѣкарю... Дальше открылось послѣ смерти отца діаконское мѣсто, онъ посвятился и, наконецъ, сталъ священникомъ, а разсказывавшая этотъ случай мать жила у него въ дому и распоряжалась всѣмъ обильнымъ хозяйствомъ и нянчила сыновей и дочь».

Подъ любящимъ и заботливымъ руководствомъ о. Амвросія иногда кореннымъ образомъ измѣнялось направлениe жизни людей, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа монахини N. «Я поступила въ монастырь по благословенію батюшки Амвросія, а ранѣе мое устроеніе было совсѣмъ не монастырское, хотя я и получила воспитаніе и образованіе въ духовномъ училищѣ. Рядомъ съ нашимъ училищемъ былъ женскій монастырь. Мы часто посѣщали его, знакомились такимъ образомъ съ жизнью монашеской, и она намъ не нравилась, такъ что мы, сверстницы, давали слово никогда не поступать въ монастырь. По окончаніи курса я поступила

домашнею учительницею въ свѣтскіе дома и, живя такъ шесть лѣтъ, еще болѣе втянулась въ свѣтскую жизнь.

О монастырѣ и помину не было. Но Промыслъ Божій, имиже вѣсть судьбами, устраиваетъ наше спасеніе. Одинъ изъ моихъ братьевъ, священникъ, проживши два года съ женою, овдовѣль, остался одинокимъ и просилъ меня пріѣхать къ нему. Я оставила свое учительство и поселилась у брата. Нужно сказать, что братъ мой былъ духовнаго устроенія и, еще будучи семинаристомъ, стремился въ монастырь, но батюшка Амвросій, съ которымъ онъ вель обѣ этомъ переписку, велѣль ему сначала окончить курсъ ученія. По окончаніи курса братъ мой долженъ былъ помогать матери и поддерживать младшихъ братьевъ и потому сначала сдѣлался учителемъ, а потомъ, по желанію матери, и священникомъ. Господь видѣль его духовное устроеніе и послалъ ему жену больную, которая скоро и умерла. Во время ея болѣзни братъ черезъ странника, къ которому питалъ большое довѣріе, обращался къ батюшкѣ Амвросію, прося его помолиться о болящей, и получилъ такой отвѣтъ: «Пусть бдить, насаждаетъ садъ, чаще поливаетъ, плодовъ будетъ много. Іюль мѣсяцъ будетъ для него скорбенъ».

Действительно, въ іюлѣ жена его умерла. И вотъ собрались мы къ нему: я, сестра и мать. И задумаль онъ кого-либо изъ нась устроить на свое мѣсто, а за рѣшеніемъ кого – отправились мы съ матерью вдвоемъ въ Оптину, къ батюшкѣ Амвросію, который на общемъ благословеніи, ударивъ меня по головѣ, сказалъ: «А въ монастырь не хочешь?»

Я смутилась и не нашлась, что отвѣтить. Онъ взяль матъ, бесѣдоваль съ нею и велѣль черезъ годъ опять явиться къ нему; ни той, ни другой сестрѣ не благословилъ выходить замужъ, а о младшѣй сказаль даже, что она больная, куда ей замужъ, хотя не видѣль ее ни разу. Пустынная жизнь отшельниковъ и пустынное пѣніе произвели на меня глубокое впечатлѣніе, а проницательный взоръ Старца, его горячая отеческая любовь ко всѣмъ скорбящимъ и страждущимъ пересоздали меня совсѣмъ, и я стала помышлять о монастырѣ, оставила наряды, увеселенія, выѣзды, пищу употребляла только молочную; такъ провела годъ и снова явилась къ Старцу. Этотъ разъ бесѣдовала съ нимъ, исповѣдовалась и получила благословеніе поступать въ монастырь. Еще черезъ годъ я совсѣмъ пріѣхала, хотя и трудно было преодолѣть всѣ препятствія. Проживя годъ въ монастырѣ, получаю извѣстіе, что братъ заболѣль горловою чахоткою, и что московскіе доктора признали его безнадежнымъ. Я пріѣхала съ этою скорбью къ Батюшкѣ, а онъ сказаль: «Ему надо въ монастырь, а мать держитъ; поѣзжай, скажи матери, что ей легче – чтобы онъ умеръ или чтобы пошелъ въ монастырь?» Пріѣхавъ домой, я передала эти слова матери. Мать заплакала и сказала: «Богъ благословитъ! Пусть ѿдетъ!» Наутро началась распродажа имущества. Домъ Батюшка благословилъ забить, а покупателей не дожидаться.

Спустя нѣсколько времени я возвратилась къ себѣ въ монастырь, взявъ съ собою и сестру погостить. Сестрѣ очень понравилась монастырская жизнь, и она осталась у меня. Только постигла ее какая-то болѣзнь, и она два

года болѣла, доктора не могли помочь ей, а Батюшка и ее вылечилъ, поиль ее лапушнымъ корнемъ. Когда она поправилась, ее одѣли и поставили на клиросъ. Послѣ нашего пріѣзда съ сестрою въ монастырь, и братъ пріѣхалъ въ Оптину. Батюшка принялъ его къ себѣ и далъ послушаніе – письмоводство и пѣть на клиросѣ. Братъ усумнился и говорить: «У меня горло больное, пѣть трудно». «Ничего, пройдеть!» – сказалъ Батюшка. И, дѣйствительно, болѣзнь горла прошла безслѣдно. Послѣ этого братъ прожилъ въ Скиту 23 года, быль духовникомъ шамординскихъ сестеръ, а потомъ быль назначень архимандритомъ въ Боровскій монастырь.

Спустя шесть лѣтъ послѣ моего пріѣзда съ сестрою въ монастырь, пріѣхала къ намъ и мать и осталась съ нами. Она прожила въ монастырѣ десять лѣтъ, два раза была пострижена батюшкою Амвросіемъ и умерла схимницей.

Вотъ какой великій и святой быль старецъ Амвросій, заканчиваетъ свой безхитростный разсказъ монахиня, – какъ онъ умѣль направлять къ лучшему людей и устраивать ихъ душевное спасеніе и тѣлесное благополучіе».

Настоятельница Каширскаго женскаго монастыря игуменія Тихона рассказывала о себѣ, какъ она на себѣ самой испытала силу духовнаго вліянія старца Амвросія и какъ ей было полезно руководство Батюшки:

«Послѣ кончины незабвеннаго Оптинскаго старца отца Макарія, по его благословенію, келлія наша, и я въ томъ числѣ, начали относиться въ скорбяхъ, недоумѣніяхъ и въ духовныхъ нуждахъ къ ученику почившаго

старца, отцу Иларіону, – мужу мудрому, крѣпкому въ вѣрѣ и какъ бы непоколебимому адаманту въ послушаніи, котораго онъ безусловно требовалъ отъ своихъ чадъ духовныхъ. Послѣ кончины сего незавѣннаго духовнаго мужа, послѣдовавшей въ 1873 году, я осталась безъ руководителя, имѣя всего отъ роду 25 лѣтъ; по искушенію и по совѣту лукаваго ненавистника пользы и спасенія нашего согласилась съ его внушеніемъ жить по своей волѣ, не стѣсняясь себя и не подчиняясь волѣ новаго старца; тѣмъ болѣе, что порою строгость почившаго отца Иларіона казалась тяжелою своенравной и грешной душѣ, уже вкусившѣй отчасти горькій плодъ своееволія во время продолжительной болѣзни Старца. Между тѣмъ почившая мать игуменія Павлина, зная по опыту, какъ юнымъ опасно самочинное жительство, неоднократно предлагала мнѣ и настаивала, чтобы я поѣхала въ Оптину и тамъ обратилась бы къ руководству батюшки отца Амвросія. Не желая болѣе противиться волѣ игуменіи, я поѣхала Великимъ постомъ, въ такое именно время, когда особо много народа бываетъ у Старца. Находясь подъ вліяніемъ искушенія, я разсчитывала на то, что за многолюдствомъ будетъ Батюшкѣ не до меня, и думала такъ: «Посижу, посмотрю и поѣду обратно, тѣмъ самымъ успокою матушку игуменію, такъ настойчиво желавшую меня вновь направить въ Оптину». Вотъ здѣсь-то и проявилась во всей силѣ духовная мощь и благодать, обитающая въ Батюшкѣ. Видѣль онъ мое холодное отношеніе къ нему и, сожалѣя о душѣ, близкой къ погибели, особенно внимательно обошелся со мною и, долго не задерживая, взялъ на ис-

повѣдь. Когда я вошла къ нему въ келлію, Батюшка, оставя меня одну, вышелъ въ свою спальню. Темно было совсѣмъ; только одна лампада ярко освѣщала ликъ Богоматери. – Помню, что когда я вошла, холдъ и пустота наполняли мою душу; мало того, я какъ-то озлобленно и съ ироніею относилась ко всему окружающему Старца и съ такимъ-то отвратительнымъ чувствомъ пришла я на исповѣдь. Отъ Батюшки не скрылось это: духовнымъ окомъ проникъ онъ грѣшную душу и, оставя меня, – думаю – пошелъ помолиться въ свою келлію.

Въ эту пору, конечно, не подозрѣвая этого, стояла я въ ожиданіи Старца, и вотъ, передать словами затрудняясь, что вдругъ произошло въ душѣ моей: свѣтъ какою-то, какая-то теплота согрѣла и освѣтила меня, упала я на колѣна предъ иконою Царицы Небесной; слезы сами обильно полились; это были слезы мирныя, особенные, радостныя слезы и, когда со свѣчою вошелъ Батюшка, встала я съ молитвы и обратилась къ нему съ словами: «Отець мой! Спасайте меня! Душу свою хочу открыть вамъ; искренно говорить хочу, искренно каяться, хочу быть послушной и преданной вамъ; руководите меня ко спасенію, умоляю васъ!» – Съ этого момента точно все во мнѣ преобразилось: страшно отвратительнымъ казалось мнѣ самой мое прежнее настроеніе. Для того, чтобы Старцу открыть душу на исповѣди, я кратко рассказала ему всю жизнь свою и послѣднее искушеніе – желаніе своеvolія, такъ сильно опутавшее еще юное сердце! – Что же это, какъ не благодатная сила молитвы о мнѣ Старца?!

Уѣзжая изъ Оптиної, я вполнѣ была покойна и счастлива; все меня приводило въ восторгъ: та же добра, тотъ же знакомый сосновый лѣсь! Но другимъ мнѣ казался онъ... сердце чувствовало близость Бога, такъ что и въ твореніяхъ Его познавала я величіе Создателя Бога, и вотъ, съ тѣхъ поръ, стала я искренно преданною, духовною дочерью старца о. Амвросія до самой кончины его. Неоднократно испытывала я на себѣ благодатную силу молитвъ и вліянія Старца; сравнительно онъ много снисходительнѣй былъ почившихъ о. Макарія и о. Иларіона. Помню, слышала я такой отзывъ людей опытныхъ въ духовной жизни, что если къ почившимъ вышеупомянутымъ старцамъ подходило наименование отцовъ, мудрыхъ руководителей, – то къ батюшкѣ о. Амвросію къ этому наименованію слѣдовало добавить название нѣжной, любвеобильной матери. Мягкостью Батюшка дѣлалъ очень много; оставя другихъ, скажу о себѣ, – что я готова была идти на все, чтобы только исполнить желаніе Старца. Приходилось мно-гимъ жертвовать, отказывать себѣ во всѣхъ мнимыхъ удовольствіяхъ и самыхъ малыхъ развлеченіяхъ, не всегда допускаемыхъ въ монастырѣ. Если можно такъ выразиться, особая какая-то тактика была у Батюшки; никогда онъ строго не взыскивалъ и не запрещалъ; было, каешься ему, что разрѣшаю на рыбу мясоѣдомъ въ среду или пятокъ, именно въ такіе дни, когда уставъ сего не дозволяетъ. И скажетъ только Батюшка: «Вижу я, что тебѣ наскучило быть здоровой; вотъ ты и ѿшилъ рыбу, когда это не должно!» – Конечно, послѣ этихъ словъ, изъ страха прогнѣвать Бога и не навлечь наказанія бо-

лѣзни, и не станешь болѣе разрѣшать на рыбу, и вну-
шеніе такое остается памятнымъ на всю жизнь.

Такимъ образомъ и въ другихъ случаяхъ Батюшка дѣйствовалъ мягкостью, но вмѣстѣ дѣйствовалъ такъ сильно, что слово его оставалось какъ бы закономъ и болѣе не нарушалось. Однажды каялась я на исповѣди Старцу, что покупая въ лавкѣ разные предметы, при расчетѣ съ купцомъ, — послѣдній ошибся и отпустиль мнѣ одну вещь вмѣсто другой, болѣе цѣнную, — здѣсь я не замѣтила, а когда дома узнала, то подумала, что не стоить возвращать и оставила такъ у себя. Однако поступокъ этотъ тяготилъ совѣсть, и я, сознавая грѣхъ свой, каялась Старцу. На это Батюшка рассказалъ мнѣ случай изъ своей жизни. «Когда еще учился я въ семинаріи, — говорилъ Старецъ, — зашли мы, нѣсколько това-рищей, въ лавку купить различныя учебныя принад-
лежности; при расчетѣ купецъ обчелся, сдалъ намъ лишнее, что-то больше рубля. Въ то время мы, школьн-
ики, рады были слушаю и подѣлили между собою эти деньги. Совсемъ позабывъ объ этомъ, я уже въ Оптино вспомнилъ, и совѣсть слегка начала тревожить; затѣмъ, все дальше больше и больше стало тяготить и чтобы успокоить ее, сколько дѣлалъ? Сколько подавалъ бѣд-
нымъ, — впослѣдствіи сколько жертвовалъ на храмы, на разныя богоугодныя учрежденія, и все съ цѣлью выпла-
тить неправильно присвоенное, хотя въ сущности и пустяки, но вотъ и до сихъ поръ это обстоятельство то-
мить меня, и дорого бы даль я, если бы кто могъ мнѣ указать хоть бы наслѣдниковъ того купца, котораго и фамиліи не помню, чтобы я могъ имъ вернуть захвачен-

ное неправдою. Вотъ поэтому совѣтую тебѣ, продолжай Батюшка, возвратясь домой, немедля отнеси въ лавку и скажи купцу, что по ошибкѣ у тебя оказалось «то-то и то-то». – Еще говориль Батюшка, что долги послѣ смерти тяжело ложатся на душу, надо избѣгать ихъ! Богъ безграницно милостивъ, прощаетъ кающихся грѣшниковъ, но люди всѣ – не таковы; другіе прощаются, а есть, которые долговъ и не прощаются, но жалуются и негодуютъ на умершихъ своихъ должниковъ, и тѣмъ самыми тяготится душа послѣ смерти!»

Еще говориль: «Большой отвѣтъ отадутъ Богу за нехраненіе уставовъ Церкви въ отношеніи несоблюденія постовъ, отвѣтять же именно за то, что за грѣхъ не считаютъ постомъ єсть скромное; во всемъ другомъ сознаютъ себя грѣшными и каются, но въ нарушеніи постовъ и каяться не думаютъ, а между тѣмъ преступаютъ завѣщаніе Св. матери Церкви и, по учению св. Апостоль, уподобляются за преслушаніе язычнику и мытарю».

Помню: разъ пришли къ Старцу на благословеніе молодыя свѣтскія барыни, ихъ привело одно любопытство. Дожидаясь съ нами въ хибаркѣ выхода Батюшки, онѣ негодовали на всю обстановку и, говоря между собою по-французски, все подшучивали и надѣя нами, и надѣ Старцемъ, – и говорили между прочимъ: «Чего мы ждемъ? Что интереснаго можемъ услышать отъ о. Амвросія? Что онъ понимаетъ?» Тутъ вдругъ отворилась дверь хибарки, и вышелъ Батюшка съ обычною ему улыбкою и прежде всѣхъ остановилъ свое вниманіе на вновь пріѣзжихъ вышеупомянутыхъ посѣтительницахъ.

Благословивъ ихъ, ничего не спрашивая, кто онѣ и откуда, онъ прямо занялся ихъ туалетомъ, сталъ перебирать зонтики, кружева и перья шляпъ и повель съ ними разговоръ на эту тему дамскихъ нарядовъ. Такъ говорилъ онъ долго; мы слушали, а барыни тѣ конфузились, сознавая пустоту своихъ обычныхъ разговоровъ, въ которыхъ такъ мудро обличилъ ихъ Старецъ, что онѣ присмирились, и сами послѣ съ большимъ уваженіемъ относились къ Старцу, отъ которого раньше не ждали ничего особаго.

Живя въ монастырѣ въ Бѣлевѣ, проходила я клиросное послушаніе, и меня неоднократно посылали на монастырскую дачу для обученія пѣнію живущихъ тамъ сестеръ, ибо на дачѣ устроенъ былъ храмъ, и по временамъ совершалось богослуженіе.

Такъ три года подрядъ пришлось мнѣ Великій постъ и Пасху встрѣтить на дачѣ, и былъ такой случай: разъ пришла одна бѣдная деревенская женщина попросить творогу на пасху; экономка же дачная хорошая монахиня, но была слишкомъ экономна и отказалась просительницѣ. Затѣмъ вскорѣ пошли сестры брать себѣ творогъ для пасхи и были поражены, когда увидали, что большую полную кадку творога всю до дна перерыла крыса, и сама тутъ же околѣла въ кадкѣ.

При свиданіи съ Батюшкой я разсказала ему этотъ случай, и онъ мнѣ весьма знаменательно отвѣтилъ: «Помни и знай: тебѣ это пригодится и будешь урокомъ, когда сама будешь игуменіей. Въ томъ монастырѣ, гдѣ экономка щедрая, тамъ всегда все въ изобилії; и обратно, гдѣ скучается и экономятъ, то всегда такія-то пости-

гають наказанія оть Бога, какъ это случилось на вашей дачѣ съ творогомъ».

Неоднократно и послѣ Батюшка предрекалъ мнѣ игуменство, что и сбылось впослѣдствіи; только при этомъ говорилъ мнѣ Старецъ: «Если когда будуть приходить эти мысли, или желаніе начальствовать, то надо какъ можно стараться сопротивляться этимъ помысламъ».

Говорилъ Батюшка: «По опыту знаю я, что тяжелый начальническій крестъ вдвое тяжелымъ становится тѣмъ, кто желалъ начальства, и вовсе бываетъ неудобносимъ для тѣхъ, кто добивается онаго».

Разъ пріѣхавши въ Оптину въ санѣ уже игуменіи, я просила наставленія Старца, какъ держать себя съ сестрами въ монастырѣ? Батюшка сказалъ мнѣ такъ: «Въ душѣ своей глубже сознавай свое ничтожество; мысленно повергай себя къ ногамъ сестеръ, но виду имъ не показывай; помни, что врученъ жезль тебѣ, не игрушка какая-нибудь, потому берегись шутокъ, берегись фамильярнаго съ ихъ стороны обращенія; избѣгай имѣть особо приближенныхъ; дѣлай такъ, чтобы тебя боялись и любили, и слушали. Знай, что не только за себя, но и за сестеръ своихъ дашь отвѣтъ Богу; главное, старайся не столько словами, сколько собственнымъ примѣромъ внушать имъ страхъ Божій и въ храмѣ, и въ трапезѣ, и въ рукодѣльныхъ послушаніяхъ».

Действительно, тяжелое иго начальническое порою мнѣ, немощной, было не подъ силу, унывала я духомъ, находясь вдалекѣ оть Старца, по неопытности нуждаясь постоянно въ его совѣтахъ и наставленіяхъ.

Помню, какъ я горько плакала у Батюшки, говорила ему, что боюсь, погибну сама и другимъ не послужу ко спасеню, а на это Батюшка, утѣшая, говорилъ: «Такъ же и нашъ о. архимандритъ Исаакій плакаль цѣлый годъ и унывалъ, тоже боялся за себя и за свое спасеніе, а ему на это почившій о. Иларіонъ разъ и сказалъ: «Что это ты малодушествуешь, врага веселишь?! Посмотри-ка въ святцахъ, кто тамъ святые?! Архіереи все да игумены; вѣдь за нихъ молятся всѣ, и паства, и братія; за молитвы-то ихъ они и спасаются». Такъ и ты не робѣй! За молитвы сестерь спасешься и ты; только больше смиряйся, считай себя мысленно подъ всѣми, недостой-ною всѣхъ».

Въ началѣ моего поступленія на игуменство, при постройкѣ соборного храма и по другимъ дѣламъ оби-тели много ъздить, хлопотать приходилось мнѣ, иногда очень трудно доставалось – во всякую погоду и далеко на лошадяхъ приходилось ъхать подъ дождемъ. Бывши у Батюшки, я со слезами и горемъ жаловалась на свою долю, прося его св. молитвъ; на это Старець отвѣчалъ: «Много разъ замѣчалъ я, всякий человѣкъ, имѣющій ка-кую-либо особо выдающуюся слабость въ молодости, – подъ старость ею же наказуется». И тутъ же, приводя себя въ примѣръ, продолжалъ: «Когда былъ я молодъ, любиль поговорить, пошутить; былъ я келейникомъ у старца отца Макарія. Бывало, по дѣлу пошлютъ меня, а я заговорюсь и забуду; – меня ждуть, ждуть, да за мною еще другого пошлютъ. – Теперь подъ старость что же? Языкъ не ворочается, лыка не вяжетъ порою, а тутъ кругомъ люди ждутъ, ропщутъ и поневолѣ надо гово-

ритъ. Воть такъ и ты, — молодая все рвалась куда-нибудь проѣхаться; вспомни, какая была охота къ путешествію! Зато теперь по неволѣ приходится странствовать». — Такъ Батюшка, ободряя, всегда приводилъ какой-нибудь примѣръ либо изъ своей жизни, либо притчу какую-нибудь скажетъ и такъ утѣшить, что точно печаль или скорбь рукою сниметъ!

Памятнымъ на всю жизнь осталось руководство старцевъ Оптинскихъ: теперь никакое дѣло, никакое начинаніе не дерзаю предпринимать, не призвавши на помощь молитвы и благословеніе почившихъ св. Отцовъ и руководителей нашихъ.

Да хранять насъ и обитель нашу и впередъ ихъ сильныя, могучія молитвы у престола Господа славы!»

До знакомства съ старцемъ Амвросіемъ нѣкоторые по невѣдѣнію и предубѣжденію относились къ нему иногда недоброжелательно. Инымъ даже казалось страннымъ, когда имъ совѣтовали поѣхать въ Оптину. «Что у насъ съ нимъ можетъ быть общаго? Навѣрное, какой-нибудь лицемѣръ, который ищетъ славы. Знакомая удочка; да только попадутъ на нее одни простецы». Такъ нѣкоторые разсуждали и не хотѣлиѣхать въ Оптину; а для успокоенія своей совѣсти не хотѣли вѣрить тому добруму, что рассказывали о Старцѣ. Кто же изъ таковыхъ по любопытству заѣжалъ въ Оптину, начинаяль большею частью съ осужденія. Въ Оптиной принято между монахами ради смиренія становиться предъ Старцемъ на колѣна. По доброй волѣ поступали такъ и нѣкоторые міряне. Самъ же Старецъ незнакомыхъ мірскихъ посѣтителей всегда приглашалъ садиться про-

тивъ него на стуль; иногда даже упрашивалъ не стоять предъ нимъ на колѣнахъ. А сколько насчетъ этого бывало нехорошихъ рѣчей! – «Съ какой стати мнѣ предъ всяkimъ монахомъ на колѣна становиться! Вотъ гдѣ ихъ смиреніе!» Точно кому-то было досадно, что люди идутъ къ Старцу, и кто-то старался сѣять смуту.

И когда приходила минута первого свиданія, нѣкоторые смотрѣли на Старца съ недовольнымъ сердцемъ и съ желаніемъ разоблачить старого монаха. Но иногда это недовѣріе разомъ разсѣивалось и уступало мѣсто самому теплому чувству.

У Старца въ лѣтній день множество народа. Одна молодая женщина, которую уговорили посѣтить Батюшку, находится въ раздраженномъ состояніи, что ее заставляютъ ждать. Вдругъ дверь широко отворяется. Старецъ съ яснымъ лицомъ появляется на порогѣ и громко говоритъ: «Кто здѣсь нетерпѣливые, подойдите ко мнѣ». Приближается къ молодой женщинѣ и ведетъ ее къ себѣ. Послѣ бесѣды съ нимъ она становится частой гостью Оптины и посѣтительницей о. Амвросія.

Одна сестра изъ большой помѣщичьей семьи, часто бывавшая у Старца, долго умоляла свою любимую сестру, съ очень живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ, поѣхать вмѣстѣ съ ней въ Оптину. Та, наконецъ, соглашается, чтобы доставить удовольствіе сестрѣ, но всю дорогу громко ворчить; а пришедши къ Старцу и сидя въ пріемной, чѣмъ-то возмущается: «Я не стану на колѣни, къ чemu это униженіе?» Она быстро ходить по комнатѣ изъ угла въ уголь. Отворяется дверь, такъ что ее совсѣмъ закрываетъ въ ея углу. Всѣ опускаются на

колѣни. Старецъ подходитъ прямо къ двери, откидывая ее и весело спрашиваетъ: «Что это за великанъ тутъ стоить?» И затѣмъ говорить молодой дѣвушкѣ: «Это – Вѣра пришла смотрѣть лицемѣра!» Знакомство сдѣлано. Вѣра выходитъ замужъ, вдовѣеть и возвращается подъ крылышко Батюшки въ Шамордино.

Одна молодая дѣвушка съ хорошимъ образованіемъ, съ хорошими стремленіями, но измученная своею внутреннею раздвоенностью, сомнѣніями, пустотою жизни и интересовъ окружающей ее среды, безотчетно, подъ вліяніемъ разсказовъ о Старцѣ, поѣхала къ нему въ Оптину, не имѣя въ виду никакой опредѣленной цѣли. У Старца въ келліи шло всенощное бдѣніе. Было много народа. Стоя въ числѣ другихъ, дѣвушка почувствовала какое-то неизъяснимое волненіе. Благодатная теплота охватила ея сердце. Глядя на большой образъ Богоматери «Достойно есть», она какъ бы почувствовала на себѣ ласку Самой Царицы Небесной и, не замѣчая сама, стала горько плакать. Вдругъ изъ своей келліи выходить Старецъ и съ лицомъ, полнымъ сострадательной любви и участія, спрашиваетъ: «Кто здѣсь такъ горько плачетъ?» Ему отвѣтили: никто, Батюшка, не плачетъ. «Нѣть, – повторилъ Старецъ, – здѣсь плачетъ кто-то». Видя эту чуткую, искреннюю любовь Старца, отзывчивую на всякое человѣческое страданіе, дѣвушка была глубоко поражена, и сама полюбила Старца. Съ этого момента ея судьба была решена. Она просила Старца принять ее въ Шамордино. Ея мать прѣѣхала, по ея словамъ, вырвать свою дочь изъ «этого ужаснаго монашескаго міра». Со скорбью и упреками вошла она къ

Батюшкѣ. Старецъ предложилъ ей стуль. Прошло нѣ сколько минутъ разговора, и огорченная мать невольно, не понимая сама, что съ нею дѣлается, встаетъ со стула и опускается около Старца на колѣни. Бесѣда длится. Въ скоромъ времени съ дочерью – монахинею соединяется и мать – монахиня.

Одна молодая дѣвушка жила съ своей матерью, женщиной очень религіозной и благочестивой; вѣровала она, какъ говорится, «по старинному», твердо и неуклонно; въ такомъ же духѣ воспитывала и дочь, которая въ раннемъ возрастѣ была также очень религіозна, но затѣмъ, уже находясь въ гимназіи, она поддалась вліянію своихъ подругъ и совершенно охладѣла къ вѣрѣ. Окончивъ курсъ и сдѣлавшись учительницей, она познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, за которого и собралась выходить замужъ. Человѣкъ онъ былъ хороший, но онъ былъ католикъ, и этого было достаточно, чтобы мать ея наотрѣзъ отказалась. Взаимное расположение молодыхъ людей было настолько глубоко, что они не хотѣли остановиться передъ этимъ препятствіемъ, и молодая дѣвушка уговорила его принять Православіе, что онъ вскорѣ и исполнилъ. Но въ простотѣ вѣрующая мать не признала этого перехода и вторично отказалась дать свое согласіе на этотъ бракъ. Положеніе дочери было очень тяжелое: съ одной стороны, личная привязанность и неловкость передъ невольно обманутымъ женихомъ, а съ другой – боязнь оскорбить мать. Хорошіе ея знакомые, зная, какую душевную борьбу она переживаетъ, посовѣтовали ей обратиться къ о. Амвросію. Дѣвушка, и раньше слыхавшая о муд-

ности и святости о. Амвросія и отчасти на себе испытавшая уже силу его молитвъ (она страдала сильными головными болями и писала о. Амвросію, послѣ чего боли навсегда изчезли), согласилась принять этотъ со-вѣтъ, рѣшивъ въ душѣ подчиниться въ точности рѣ-шенію Старца. Вскорѣ она получила отвѣтъ, въ кото-ромъ Старецъ совѣтовалъ ей по возможности удаляться отъ жениха, но совсѣмъ ему не отказывать. Прошло послѣ этого девять мѣсяцевъ. Неопредѣленность и не-ловкость положенія тяготили дѣвушку, и она снова на-писала Старцу, прося его рѣшить чѣмъ-нибудь этотъ вопросъ. Старецъ написалъ ей, чтобы она прѣѣхала са-ма. Отецъ Амвросій жилъ въ то время въ Шамординѣ, и когда она вошла въ пріемную и увидѣла Батюшку сидя-щимъ на диванѣ, то была поражена его видомъ: онъ весь былъ какъ бы въ лучахъ. Пораженная, она броси-лась передъ нимъ на колѣна и зарыдала. Сказать она ни-чего не могла, и Старецъ отпустилъ ее, тоже ничего не сказавъ. Молодая дѣвушка живеть въ Шамординѣ нѣ-сколько дней, видить Старца только на общихъ благо-словеніяхъ, причемъ Старецъ не обращаетъ на нее вни-манія. Между тѣмъ въ ея душѣ идетъ усиленная работа и совершается непонятный ей переломъ. У нея склады-вается опредѣленное рѣшеніе идти въ монастырь, она чувствуетъ, что никуда не можетъ отсюда уѣхать, но она рѣшаетъ молчать объ этомъ. Наконецъ срокъ ея отпус-ка кончается, и Старецъ зоветъ ее къ себѣ. Окинувъ ее проницательнымъ и глубокимъ своимъ взглядомъ, онъ быстро и рѣшительно задаетъ ей вопросъ: «Ну, говори свое желаніе?» Не ожидавшая такого прямого вопроса,

она говоритъ: «Батюшка, въ настоящее время у меня одно желаніе – оставаться въ монастырѣ». – «Ну и оставайся», – отвѣтилъ ей Старецъ просто, какъ и всегда просто онъ рѣшалъ сложные вопросы. «Точно тяжесть какая спала съ меня, – говорить она, – мнѣ такъ стало легко и отрадно, только я не могла понять, какъ меня, такую неподготовленную, Старецъ береть въ монастырь. Да еще смущала меня мысль, что я недобросовѣстно поступаю противъ человѣка, который ради меня даже отказался отъ своей вѣры. Когда я высказала это Батюшкѣ, то онъ отвѣтилъ: «А развѣ ты этимъ ему зло причинила?»

Такъ она осталась въ монастырѣ вполнѣ спокойная и, несмотря на то, что не имѣла рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни, по молитвамъ Старца, никогда не видала нужды.

Вотъ Старецъ ходить по Скиту, опираясь на свою палку; много мужчинъ подходятъ къ нему. Нѣсколько сзади идетъ келейникъ. Одинъ іеромонахъ подводитъ къ Батюшкѣ двухъ молодыхъ людей. Они очень хорошо одѣты и имѣютъ очень воспитанный видъ. Но старший совершенно равнодушенъ относительно вѣры въ Бога; а другой почему-то очень осуждалъ его, когда о немъ рассказывали; а теперь очень недоволенъ, что нѣсколько дней подрядъ Старецъ не могъ ихъ принять. Онъ усиленно слѣдить за Старцемъ и старается отгадать, что это за человѣкъ. Іеромонахъ просить благословить ихъ. Батюшка скоро, не глядя, благословляетъ и идетъ дальше. Нѣсколько крестьянъ изъ дальней губерніи поджидаютъ его. «Мы къ тебѣ съ поклономъ, – говорятъ они. – Прослышиали, что у тебя ножки болятъ; вотъ

тебѣ мягкие сапожки сдѣлали, – носи ихъ на здоровье». Старець береть ихъ сапоги и говорить съ каждымъ. А второй изъ молодыхъ людей все это видить. И вдругъ ему представилась трудовая жизнь Старца, и всѣ чужія бремена, которыя онъ подъемлетъ, и вѣра, съ которой на него смотрять всѣ эти люди, и любовь крестьянъ, принесшихъ ему сапожки; и сомнѣнія, лежавшія камнемъ у него на сердцѣ, исчезли. Онъ опять близъ Батюшки и робко говоритъ: «Батюшка! Благословите меня!» Старець обертывается, весело смотрить на него и начинаетъ съ нимъ говорить о его учебныхъ занятіяхъ и о жизни. Онъ всю дорогу думаетъ о Батюшкѣ; и на слѣдующее лѣто опять пріѣзжаетъ къ нему, уже по влеченію сердца.

Подходитъ къ о. Амвросію измученный человѣкъ, потерявшій всѣ устои и не отыскавшій цѣли жизни. Онъ искалъ ее въ обширномъ трудѣ, въ бесѣдѣ Толстого – и отовсюду бѣжалъ. Онъ говоритъ Батюшкѣ, что пришелъ его посмотретьъ. – «Что жъ, смотрите!» – отвѣчаетъ Старець. Онъ встаетъ затѣмъ съ своей кроватки, выпрямляется во весь ростъ и вглядывается въ человѣка своимъ яснымъ взоромъ. Отъ этого взора какое-то тепло, нѣчто похожее на примиреніе, льется въ наболѣвшую душу. Невѣрующій поселяется близъ Батюшки и всякий день ведеть съ нимъ долгую бесѣду. Проходить много времени. Въ одно утро онъ говоритъ Батюшкѣ: «Яувѣроявлюсь».

Какъ неотразимо было вліяніе личности старца Амвросія, видно еще изъ очень интереснаго рассказа одного москвича В. В. Ящерова: «Мое знакомство съ о. Ам-

вросіемъ, – пишеть онъ, – произошло при довольно своеобразныхъ обстоятельствахъ. Въ 1882 году, во время своего отпуска изъ Южной Болгаріи, я, живя въ Москвѣ, встрѣтился и познакомился съ одной женщиной, родственницей очень близкаго мнѣ семейства. Эта женщина и была причиною моего знакомства и сближенія съ праведнымъ Старцемъ; ибо онъ быль ея постояннымъ духовнымъ отцомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Надо замѣтить, что это была замѣчательно религіозная особа; въ посты, например, она ежедневно посѣщала всѣ церковныя службы, являясь въ церковь ранѣе всѣхъ и уходя послѣдней. Мнѣ, человѣку тогда съ другимъ совсѣмъ направленіемъ, все это казалось не чѣмъ инымъ, какъ ханжествомъ и даже недугомъ душевнымъ. Но вскорѣ мнѣ пришлось перемѣнить свой образъ мыслей.

Между прочимъ, моя знакомая до такой степени увлекалась послушаніемъ еще тогда мнѣ неизвѣстному какому-то оптинскому старцу, что была готова исполнить всякое его малѣйшее требованіе и желаніе. Въ одинъ октябрскій день эта особа показала мнѣ полученную ею чрезъ какую-то монахиню записку отъ о. Амвросія, писанную карандашомъ, въ которой ей приказывалось немедленно бросить все и пріѣхать къ нему въ Оптину. Что особенно ее беспокоило, – это приписка – взять съ собою пенсіонную книжку. «Видно, Батюшка надолго вызываетъ меня», – говорила она съ грустью. Напрасно я убѣждалъ ее не вѣрить никакимъ «старцамъ» или «юродивымъ» и оставаться дома. На слѣдующее утро я получилъ отъ нея по городской почтѣ за-

писку, что, не смѣя ослушаться Батюшки, она уѣзжаетъ въ Оптину; а чрезъ восемь дней ко мнѣ пришло отъ нея увѣдомленіе, что о. Амвросій приказываетъ ей оставаться въ Оптиної на весь Рождественскій посты; а пока отсылаетъ ее въ женскій монастырь въ Бѣлевъ.

Это письмо меня сильно раздражило, чтобы не сказать болѣе. Считая поведеніе моей знакомой плодомъ окончательного душевнаго разстройства и обвиняя въ этомъ исключительно старца Амвросія, я взялъ два большиe листа почтовой бумаги и написалъ ему длиннѣйшее письмо, въ которомъ въ самыхъ вѣжливыхъ и почтительныхъ выраженіяхъ выказалъ много рѣзкостей, приправляя каждую текстами Св. Писанія и протолковывая эти тексты на свой ладъ. Не прочитавъ написаннаго, я тотчасъ отправилъ письмо по почтѣ. И что же? Чрезъ пять дней моя знакомая возвратилась; рассказала мнѣ, что, къ ея изумленію, о. Амвросій не только остался доволенъ моимъ письмомъ, но приказалъ ей немедленно возвратиться въ Москву; прислалъ мнѣ просфору и просилъ передать мнѣ его желаніе видѣть меня въ Оптиної. Я быль тронутъ такимъ результатомъ моего посланія и решилъ исполнить желаніе Старца при первой возможности, чувствуя себя виноватымъ предъ нимъ за необузданность моего пера.

На четвертой недѣлѣ Великаго поста 1883 года я выѣхалъ въ Оптину черезъ Тулу и Калугу; изъ послѣдняго города пришлось ѿхать верстъ 60 на почтовыхъ³³. Я вы-

³³ Желѣзной дороги тогда въ Оптину Пустынь еще не было. Теперь ѿдѣтъ до станціи Козельскъ Рязанско-Уральской жел. дороги въ трехъ верстахъ отъ Оптиної Пустыни.

Ѣхаль изъ Калуги въ понедѣльникъ утромъ и въ Оптину пріѣхаль уже позднимъ вечеромъ. Утомленный доро-гою, я наскоро напился чаю и легъ спать. Когда я си-дѣль на другой день утромъ за чаемъ, ко мнѣ явился ке-лейникъ о. Амвросія съ приглашенiemъ «пожаловать къ Батюшкѣ». Я нисколько, впрочемъ, не удивился это-му, предполагая, что ему доносять о каждомъ пріѣз-жемъ. Оптинская Пустынь состоить изъ двухъ частей: собственно монастыря съ храмами, корпусами мона-шескихъ келлій, скотнымъ и коннымъ дворами, кото-рые, кстати сказать, содержатся въ образцовомъ видѣ какъ по постройкамъ, такъ и относительно животныхъ, гостиницами и разными хозяйственными зданіями, – и Скита, гдѣ въ то время жили только строгіе подвижни-ки. Въ ограду Скита женщины не допускаются. Мы съ послушникомъ пошли мимо собора, чрезъ фруктовый садъ, пересѣкая всю площадь монастыря, и вышли, на-конецъ, за ограду. Передъ нами во всѣ стороны густо раскинулся оголенный зимою лѣсъ, а прямо убѣгала тропинка, протоптанная среди высокихъ сугробовъ сиѣ-га массою почитателей преподобнаго Старца. Она-то и вела, чрезъ лѣсъ, къ Скиту, отстоящему отъ монастыря на полверсты. Мы вышли на поляну, – и предъ нами открылась бѣлая ограда. Вправо отъ входныхъ воротъ видѣлся небольшой, бѣлый, каменный флигелекъ, од-ною половиною выходившій наружу, а другою пря-тавшійся внутри ограды. Предъ крылечкомъ наружной части домика, который женщины почему-то называютъ «хибаркою», стояла толпа человѣкъ въ пятьдесятъ жен-щинъ и высокородныхъ, и простого званія, въ ожиданіи

Св. врата Предтеченского скита
и «хибарка» старца Амвросия

увидѣть о. Амвросія. Большая часть изъ нихъ пришли или прїехали издалека, и во всѣхъ ихъ царила твердая вѣра, что у него онъ найдутъ и утѣшеніе въ горѣ, и добрый совѣтъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и даже исцѣленіе въ болѣзняхъ. Но случалось, что, походивши безуспѣшно къ завѣтному крылечку нѣсколько дней подрядъ, иная богомолка, не принятая Старцемъ, въ сильномъ смущеніи должна была уѣзжать ни съ чѣмъ домой, такъ и не видавъ его.

Войдя въ ограду (Скита), мы повернули направо къ внутреннему крыльцу флигеля, который оказался обширнѣе, чѣмъ представлялось снаружи. Прямо съ крыльца дверь отворялась въ коридоръ, раздѣлявшій флигель пополамъ: направо первая комната небольшая, но чисто меблированная, — пріемная для мужчинъ, налѣво собственное помѣщеніе о. Амвросія; а далѣе комнаты для послушниковъ и пріемная для женщинъ. Послушникъ, принявъ отъ меня пальто, пригласилъ меня въ пріемную направо, пока доложить Батюшкѣ. Чрезъ минуту онъ вышелъ и сказалъ, что Батюшка просить меня подождать немного, пока окончить бесѣду съ посѣтителемъ. Я принялъся осматривать пріемную. Приглашеніе послушника пожаловать къ Батюшкѣ прервало мой осмотръ, и я отправился вслѣдъ за нимъ по коридору, уставленному по обѣ стороны скамьями, на которыхъ ожидали съ десятокъ посѣтителей.

Повернувъ налѣво, чрезъ маленькую переднюю я прошелъ въ узенькую дверь и очутился въ каморкѣ аршина четыре въ длину и около трехъ въ ширину, съ довольно низкимъ потолкомъ. Прямо противъ двери было

небольшое окно, и подъ нимъ маленькой столикъ съ выдвижнымъ ящикомъ и шкафчикомъ; правой стороны я не помню, ибо лѣвая сторона каморки привлекла все мое вниманіе. На постелѣ аршинъ двухъ съ половиною длины и четверти три ширины, сдѣланной изъ досокъ, покрытыхъ тонкимъ, дюйма въ два ковромъ или матрацемъ (не разглядѣль), полулежаль на лѣвомъ боку въ черномъ поношенномъ подрясникѣ и такой же скуфейкѣ, облокотясь лѣвою рукою на ситцевую подушку и перебирая правою зерна четокъ, маленькой старичокъ съ небольшою клинообразною бородкой, съ проницательными добрыми глазами и чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ, – рѣшительный контрастъ старцу, рисовавшемуся въ моемъ воображеніи! Я остановился, ожидая приглашенія приблизиться. Старичокъ, внимательно и не шевелясь, вглядывался въ меня съ минуту. Наконецъ онъ немнога приподнялся, улыбнулся и сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою подойти. Я подошелъ и поневолѣ долженъ былъ опуститься на колѣна, чтобы принять его благословеніе. Благословивъ меня, о. Амвросій взялъ мою руку, еще пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и мяг-кимъ и веселымъ голосомъ произнесъ: «Такъ вотъ онъ какой, этотъ свирѣпый защитникъ своего счастья!» Я пробормоталъ что-то вродѣ извиненія, но онъ остановилъ меня и, указавъ на лежащее на столѣ мое письмо, продолжалъ: «Нечего извиняться! Я очень доволенъ этимъ письмомъ, чему доказательствомъ служить мое желаніе васъ видѣть. Какая это на васъ форма?» – Я отвѣтилъ, что я командую Южно-Болгарской дружиной, и что это форма Восточно-Румелійскихъ войскъ. – «Пер-

вое названіе хорошо, а второму и быть бы не слѣдовало!» – серьезно произнесъ онъ. «Мнѣ очень пріятно, Батюшка, слышать, что вы совершенно согласны въ вѣшемъ взглядѣ съ покойнымъ Скобелевымъ и со всѣми истинно-русскими!» – отвѣтиль я съ почтительнымъ поклономъ. «Вы вѣдь были и въ Сербіи добровольцемъ, какъ мнѣ говорила С. Кстати, какъ ея здоровье? Я слышалъ, что она была больна послѣ поездки въ Петербургъ». – «Слава Богу, поправилась», – сказалъ я. Старецъ опять улыбнулся и сказалъ: «Я васъ не удерживаю болѣе; вы видѣли, сколько людей ожидаютъ слова утѣшения. Ступайте, мы потомъ поговоримъ. Да, вы надолго пріѣхали сюда?» – «Я думаю еще съѣздить взглянуть на вашъ знаменитый Козельскъ и выѣхать изъ Оптиної въ четвергъ». – «Вотъ и прекрасно! Значить, вы можете и отговѣть здѣсь». – «Отецъ Амвросій! Сегодня вторникъ, когда же я успѣю отговѣть? Четвергъ послѣ завтра!» – возразилъ я немногого удивленнымъ тономъ. – «Для истиннаго покаянія нужны не годы и не дни, а одно мгновеніе, – замѣтиль онъ серьезно, почти строго, – сегодня вы будете у вечерней службы, завтра у заутреніи и Преждеосвященной Литургіи, а послѣ вечерни придете ко мнѣ на исповѣдь; въ четвергъ пріобщитесь Св. Таинъ и вечеромъ можете выѣхать въ Москву».

Выйдя изъ ограды, я обратилъ вниманіе на какое-то особое движеніе въ группѣ женщинъ. Любопытствуя узнать, въ чемъ дѣло, я приблизился къ нимъ. Какая-то довольно пожилая женщина, съ болѣзненнымъ лицомъ, сидя на пнѣ, рассказывала, что она шла съ больными ногами пѣшкомъ изъ Воронежа, надѣясь, что старецъ

Такъ обычно старецъ Амвросій принималъ посетителей

Амвросій исцѣлить ее, что, пройдя пчельникъ, въ семи верстахъ отъ монастыря, она заблудилась, выбилась изъ силь, попавъ на занесенныя снѣгомъ тропинки, и въ слезахъ упала на сваленное бревно; но что къ ней подошель какой-то старишокъ въ подрясникѣ и скуфейкѣ, спросилъ о причинѣ ея слезъ и указалъ ей клюкой направлениe дороги. Она пошла въ указанную сторону и, повернувъ за кусты, тотчасъ увидала монастырь. Всѣ рѣшили, что это монастырскій лѣсникъ или кто-либо изъ келейниковъ; какъ вдругъ на крылечко вышелъ уже знакомый мнѣ служка и громко спросилъ: «Гдѣ тутъ Авдотья изъ Воронежа?» Всѣ молчали, переглядываясь. Служка повторилъ свой вопросъ громче, прибавивъ, что ее зоветъ Батюшка. – «Голубушки мои! Да вѣдь Авдотья изъ Воронежа я самая и есть!» – воскликнула только что пришедшая рассказчица съ больными ногами, приподымаясь съ пня. Всѣ молча разступились, и странница, проковылявъ до крылечка, скрылась въ его дверяхъ. Мнѣ показалось страннымъ, какъ успѣль о. Амвросій узнать такъ быстро объ этой странницѣ и откуда она пришла. Я рѣшился дождаться ея возвращенія. Минутъ черезъ пятнадцать она вышла изъ домика вся въ слезахъ и, на посыпавшіеся на нее вопросы, чуть не рыдая, отвѣчала, что старишокъ, указавшій ей дорогу въ лѣсу, былъ не кто иной, какъ самъ о. Амвросій, или кто-либо ужъ очень похожій на него. Въ большомъ раздумье вернулся я въ гостиницу. Что же это такое, думалось мнѣ. Положимъ, сходство; но, во-первыхъ, въ монастырѣ нѣть никого похожаго на о. Амвросія, а во-вторыхъ, два такія странныя совпаденія:

о. Амвросій, какъ вѣмъ извѣстно было, по болѣзненности въ зимнее время до теплыхъ лѣтнихъ дней не могъ выходить изъ келліи, а тутъ вдругъ въ холодное время явился въ лѣсу указателемъ дороги странницѣ, и затѣмъ, черезъ какіе-нибудь полчаса, почти въ минуту ея прихода къ его «хибаркѣ», онъ уже знаетъ о ней подробнѣ. Я рѣшился исполнить обрядъ моего короткаго говѣнья по вѣмъ правиламъ религіи: выдержалъ посты по-монастырски и вѣ церковныя службы также. Въ среду вечеромъ, послѣ вечерни, я прямо изъ церкви отправился въ Скитъ. Старецъ принялъ меня только чрезъ полчаса послѣ моего прихода. Войдя въ каморку, я засталъ его въ томъ же положеніи, какъ и въ первый разъ и, ставъ на колѣна, принялъ благословеніе. «Ну, теперь я могу поговорить съ тобою подолѣ, подвинься сюда поближе», – сказалъ мнѣ ласково Старецъ. Я предполагалъ, что мнѣ порядкомъ достанется на исповѣди, ибо не говѣлъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, и приготовился вынести грозу. Отецъ Амвросій началъ меня разспрашивать о моемъ дѣтствѣ, воспитаніи, службѣ, болѣе замѣчательныхъ лицахъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни, о моемъ несчастномъ бракѣ, о Сербіи, Болгаріи и Турціи, пересыпая завязавшійся разговоръ замѣчаніями и улыбками. Я, который и въ церкви-то не могъ стоять на колѣнахъ отъ боли въ ногахъ, не замѣтилъ, что нашъ разговоръ продолжался часъ и семь минутъ, – до того разговоръ Старца былъ миль, увлекателъ и разумно-наставителенъ! Съ каждой его фразой мнѣ казалось, что я болѣе и болѣе сродняюсь съ нимъ и душою и сердцемъ.

«Передай мнѣ епитрахиль и крестъ», – сказалъ мнѣ вдругъ о. Амвросій, помолчавъ минуты двѣ. Я подалъ то и другое. Надѣвъ на себя епитрахиль, онъ приказалъ мнѣ нагнуться и, накрывъ епитрахилью, началъ читать разрѣшительную молитву. Я живо выдернуль голову изъ подъ епитрахили и воскликнулъ: «Батюшка! А исповѣдь? Вѣдь я грѣшникъ великий!» Старецъ взглянуль на меня, если можно такъ выразиться, ласково-строгимъ взглядомъ, накрыль опять епитрахилью и, докончивъ молитву, далъ поцѣловать крестъ. «Можешь идти теперь, сынъ мой! Завтра, послѣ Литургіи, зайди ко мнѣ!» И ласково отпустиль меня.

Никогда въ жизни не совершалъ я такой чудной прогулки, какъ въ этотъ разъ, отъ Скита до монастыря. Точно какое-то громадное облегченіе чувствовалось во всемъ существѣ моемъ; а вокругъ меня лучи полнаго мѣсяца такъ и играли миріадами алмазныхъ искръ по снѣгу полянъ и фантастическимъ хлопьямъ, причудливо лѣпившимся кой-гдѣ по вѣтвямъ оголенныхъ деревьевъ. Я и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего номера и какъ затѣмъ заснулъ.

На слѣдующій день, пріобщившись Св. Таинъ, послѣ Литургіи, я отправился къ моему новому духовному отцу. Старецъ ласково встрѣтилъ меня, благословилъ просфорою и подарилъ получасовою бесѣдою, въ которой высказалъ мнѣ нѣсколько наставленій и указаній въ пути моей жизни, которыхъ я никогда не забуду и которыхъ понынѣ служать часто мнѣ и утѣшениемъ, и поддержкой въ трудныя минуты. Прощаясь, онъ опять благословилъ и поцѣловалъ меня, и

далъ завернутую въ бумагу просфору для передачи его духовной дочери...

Вернувшись въ гостиницу, я засталъ приготовлен-
ный для меня прекрасный грибной обѣдъ. Распорядив-
шись относительно лошадей, я потрапезовалъ въ обще-
ствѣ о. гостиника и, отслушавъ вечерню, помчался на
почтовой тройкѣ по направлѣнію къ Калугѣ, унося съ
собой самое лучшее воспоминаніе о привѣтливой Оп-
тиной Пустыни, а въ сердцѣ своемъ – любовь и ува-
женіе къ старцу о. Амвросію, этому великому наставни-
ку и цѣлителю душъ и сердецъ человѣческихъ».

Вотъ еще примѣръ замѣчательнаго вліянія личности Старца. Отецъ одной шамординской монахини, по ея собственнымъ словамъ, былъ человѣкъ невѣрующій. Пріѣхавъ въ Оптину и остановившись на гостиницѣ, онъ вдругъ почувствовалъ въ душѣ такую тревогу и противленіе противъ о. Амвросія, что рѣшилъ сейчасъ же вернуться обратно. За позднимъ временемъ гостиникъ уговорилъ его подождать до утра, обѣщая послать за лошадьми. Утромъ пріѣзжій, находясь въ томъ же раздраженномъ настроеніи, торопился уѣзжать, а опыт-
ный въ подобныхъ случаяхъ гостиникъ предложилъ ему, въ ожиданіи лошадей, осмотрѣть монастырь и Скитъ. Отъ нетерпѣнія гость согласился. Въ Скиту гостиникъ, между прочимъ, предложилъ ему заглянуть въ хибарку Старца, но господинъ рѣшительно запротестовалъ, го-
воря, что онъ Старца видѣть не желаетъ. «Да я васъ не зову къ Старцу, а только предлагаю вамъ взглянуть на его келлію, обстановку», – отвѣтилъ гостиникъ... Во-
шли въ пріемную; тамъ вошедшій случайно разговорил-

ся съ однимъ посѣтителемъ, а въ это время Старецъ вышелъ на общее благословеніе. Всѣ присутствующіе приблизились къ Старцу, но пріѣзжій, застигнутый врасплохъ, намѣренно отошелъ въ противоположный уголъ и непріязненно посматривалъ на Старца. Между тѣмъ прозорливый Старецъ, минуя всѣхъ остальныхъ, прямо подошелъ къ нему и молча положилъ ему на голову свою руку. «Я ничего не могу сказать и объяснить, какъ и почему это случилось, но знаю только одно, что я опустился передъ Старцемъ на колѣни», – разсказывалъ онъ потомъ, – затѣмъ Батюшка, взявъ меня за руку, повелъ въ свою келлію и, сѣвъ на кровать, спросилъ меня: говѣю ли я? Я отвѣтилъ, что ни во что не вѣрю, и потому говѣть считаю лишнимъ. Послѣ этого совершилось чудо, отъ котораго у меня, какъ говорится, волосъ дыбомъ стала. Старецъ началъ задавать мнѣ вопросы, проходя, такимъ образомъ, послѣдовательно шагъ за шагомъ всю мою жизнь, вникая и открывая со властію всѣ тайники моего сердца, обнаруживая все, что было извѣстно только мнѣ одному. Исповѣдь эта была настолько своеобразна, что она потрясла меня до глубины. Окончивъ ее, Старецъ благословилъ меня и велѣлъ идти домой; вечеромъ того же дня я уже самъ пошелъ къ о. Амвросію и сказалъ ему, что я хочу вѣровать и хочу говѣть». Два мѣсяца отпуска, взятые имъ для поправленія здоровья, онъ провелъ безвыѣздно въ Оптиной, посѣщая всѣ службы и подолгу бесѣдуя со Старцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, до конца питая благоговѣйную любовь къ Старцу, и умеръ мирной христіанской кончиной.

Сильное впечатлѣніе произвель о. Амвросій и на графа Л. Н. Толстого, о пріѣздѣ котораго въ Оптину Пустынь сказано нами выше.

Свое впечатлѣніе отъ разговора со Старцемъ Толстой передаваль такъ: «Этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговориль съ нимъ, и какъ-то легко стало и отрадно у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога». Это было сказано графомъ Толстымъ въ 1881 г. А въ 1890 г., выйдя отъ Старца, онъ сказаль окружающимъ его лицамъ: «Я растроганъ, растроганъ».

И не только при жизни, но и по смерти Старца – его личность производила неотразимое впечатлѣніе на многихъ.

Одна молодая дѣвушка, очень религіозная и серьезная, стремилась всей душой въ монастырь. По окончаніи гимназіи она сдѣлалась учительницей, а сама между тѣмъ стала присматриваться и прочитывать всевозможныя описанія разныхъ женскихъ обителей, но никакъ не могла остановиться въ выборѣ. Много прочла она очень пространныхъ и интересныхъ описаній монастырей и ихъ основательницъ, но все что-то говорило ей, что это не ея мѣсто, что не здѣсь ей быть, а гдѣ – она не могла дать себѣ яснаго отчета. Въ 1891 г., перелистывая полученный журналъ «Нива», она увидала портретъ о. Амвросія Оптинскаго и очень коротеньку при немъ замѣтку о томъ, что Старецъ этотъ скончался въ устроенной имъ Казанской женской общинѣ. Несмотря на то, что изображеніе старца Амвросія въ журналѣ было довольно плохое, оно поразило молодую дѣвушку.

Взглядъ его проницательныхъ и вмѣстѣ безконечно добрыхъ глазъ даже съ картинки проникъ прямо ей въ душу, и она тутъ же почувствовала, что должна быть въ обители, основанной этимъ старцемъ. Въ журнальной замѣткѣ ни о самомъ Старцѣ, ни объ обители ничего особенного сказано не было, но въ душѣ ея уже сложилось твердое рѣшеніе. Вскорѣ она тайно отъ матери уѣхала въ Оптину Пустынь, а оттуда въ Шамордино, гдѣ и осталась навсегда.

Обращеніе о. Амвросія со всѣми приходившими къ нему было, какъ мы уже показали, самое привѣтливое. Но каждому онъ давалъ то и столько, что и сколько каждый могъ вмѣстить по своему душевному устроенію. Люди, которые не нуждались въ его духовныхъ совѣтахъ, а должны были видѣть его по какому-либо дѣлу, отзывались о немъ: очень умный человѣкъ! Старецъ могъ говорить о всякомъ вопросѣ, поддерживалъ бесѣду столько времени, сколько требовало приличіе, и разставался съ такими посѣтителями. Тутъ онъ былъ очень выдержанъ, въ высшей степени вѣжливъ, и только... Зато съ преданными ему людьми Батюшкѣ былъ совершенно другой. Онъ всегда оставался добрымъ и ласковымъ, но въ такія отношенія влагалъ самую искреннюю задушевность. Старецъ не имѣлъ обыкновенія прямо и рѣзко обличать кого-либо предъ людьми; но такъ искусно обличать, что обличеніе его, несмотря на присутствіе множества народа, понятно было только одному тому, къ кому оно относилось. И не столько угрозою, сколько любовію умѣлъ Батюшкѣ вести людей къ исправленію, вселяя въ души ихъ вѣру, что не все по-

теряно, и можно, при помощи Божіїй, одолѣть врага. До конца Старець сохранилъ свою природную живость, которая была выражениемъ разносторонности, доброты и заботливости его характера. Когда люди, знаяшіе Батюшку, входили къ нему со своими скорбями и невзгодами, душамъ ихъ становилось вдругъ легко и свободно. Все какъ-то прояснялось и было невыразимо утѣшительно. Ничто не могло сравниться съ тѣмъ счастьемъ, какое испытывали духовныя дѣти Старца при свиданіи съ нимъ послѣ долгой разлуки. Это однѣ изъ тѣхъ минутъ, которыхъ описать нельзя, а нужно пережить. Скажемъ еще нѣсколько словъ о виѣшности о. Амвросія.

Это былъ благообразный Старець, немного выше средняго роста и нѣсколько отъ старости сутуловатъ. Будучи съ молоду очень красивымъ, какъ передавали знаяшіе его въ то время лично, онъ и въ старости не потерялъ пріятности въ своемъ лицѣ, несмотря на его блѣдность и худобу. На головѣ спереди имѣлъ небольшую лысину, которая, впрочемъ, нисколько его не безобразила и даже какъ будто шла къ его лицу, а назади нѣсколько прядей короткихъ, темно-русыхъ, съ просѣдью волосъ; на лбу двѣ-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза свѣтло-каріе, живые, проницательные, видящіе душу насквозь; губы обыкновенныя; борода довольно длинная, редкая, сѣдая, въ концѣ раздвоенная.

Отъ живости Батюшки выраженіе лица его постоянно менялось. То онъ съ лаской глядѣль на васъ, то смеялся съ вами молодымъ одушевленнымъ смѣхомъ, то

радостно сочувствоvalъ, если вы были довольны, то тихо склоняль голову, если вы рассказывали ему что-нибудь печальное, то на минуту погружался въ размышление, когда вы хотѣли, чтобы онъ сказалъ вамъ, какъ поступить въ какомъ-либо дѣлѣ, то рѣшительно принимался качать головой, когда отсовѣтовалъ какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на васъ, все ли вы понимаете, начиналь объяснять, какъ надо устроить ваше дѣло.

И вы чувствовали, что эти глаза видяль все, что въ васъ есть дурного и хорошаго; и васъ радовало, что это такъ, и что въ васъ не можетъ быть для него никакой тайны.

Глава IX

ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ ЛЮБВИ СТАРЦА О. АМВРОСІЯ – УЧРЕЖДЕНІЕ ШАМОРДИНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТА О НЕЙ

Аще бо и многи пъстуны имате о Христъ, но не многи отцы: о Христъ бо Иисусъ благовъстнованіемъ азъ въ родихъ. Молю же васъ: подобни мнъ бывайте, яко же азъ Христу.

(1 Кор. 4, 15, 16)

*Всѧхъ нась застуши, о Госпоже,
Царице и Владычице!*

(Тропарь Богородицѣ. 22 октября)

акую, думаешь ты, можетъ получить мзду тотъ, кто ста дѣвамъ, собравшимся въ обитель для служенія Богу, дастъ возможность не разсѣяться по разнымъ мѣстамъ или обратиться въ міръ? Хорошо помочь и погорѣвшимъ, но тутъ одна лишь скорбь, по большей части приносящая пользу людямъ, для какой причины пожаръ и попускается отъ Провидѣнія свыше; но стократно выше то, ес-

ли сохранить, или дать возможность сохраниться многимъ отъ явнаго душевнаго вреда»... Такъ писалъ о. Амвросій одной своей духовной дочери, убѣждая ее не отказываться пожертвовать нѣкоторую сумму на устройство одной женской обители, и въ этихъ своихъ краткихъ словахъ указалъ высокій жизненный и духовный смыслъ подобной жертвы³⁴.

---

³⁴ Кстати, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ недавно найденаго и нигдѣ еще не напечатанного письма Старца къ К. Н. Леонтьеву, въ которомъ онъ высказываетъ свое сужденіе о монашествѣ по поводу появившихся тогда въ печати нападковъ на это древнее учрежденіе.

...Мнѣніе, что въ монастыряхъ монахъ и іеромонахъ должны быть образованные, имѣло бы нѣкоторую вѣроятность, если бы двѣнадцать избранныхъ учениковъ Христа Спасителя были образованные. Но Господь, чтобы посрамить гордость и надменность человѣческую, избраль Себѣ учениковъ простыхъ рыбарей, которые просто и скоро увѣровали въ Его ученіе. А чтобы обратить и привести къ вѣрѣ образованнаго Савла, нужно было его прежде наказать слѣпотою. Потому что образованные неудобно вѣруютъ и нелегко смиряются, надымаюсь научнымъ знаніемъ.

Правда, что и въ монастыряхъ бываютъ плохія личности. Но зло всегда и вездѣ мѣшалось съ добромъ и какъ бы еще забѣгало всегда впредь. Каинъ родился прежде Авеля, Исавъ прежде Іакова. Между тремя сыновьями Ноя, видѣвшими потопъ, явился опять ненавистный Хамъ. Между избранными учениками Христа Спасителя оказался Іуда предатель. Злые всегда гнали добрыхъ, но не одолѣвали, а всегда были постыждены и уничижены. Всего хуже, если злые изъ образованныхъ, каковы, напримѣръ, еретики ариане. Сколько они сдѣлали зла и оскорблений правовѣрующимъ христіанамъ и вообще Церкви Христовой.

Если бы велерѣчивый проповѣдникъ противъ монашества хоть мѣсяца три пожилъ бы въ какомъ-либо пустынномъ монастырѣ и походилъ бы на всѣ церковныя службы, вставая ежедневно утромъ въ два часа и ранѣе, тогда бы онъ опытомъ узналъ, какъ монахи въ монастыряхъничего не дѣлаютъ.

Какъ ни плохо монашество, а лукавому сатанѣ всячески желается уничтожить и плохое монашество. Видно, оно солено ему и много препятствуетъ его кознямъ и злоухищеніямъ. Потому онъ покорныхъ себѣ образованниковъ и возбуждаетъ противъ монашествующихъ.

Со всѣхъ концовъ Россіи прибѣгали къ старцу Амвросію за совѣтами и письменно, и словесно и монашествующіе и міряне. Кто искалъ духовнаго утѣшенія, кто просилъ разрѣшенія сомнѣній въ вѣрѣ; кто – наставленія, какъ вести жизнь. Желающіе посвятить себя иноческой жизни просили у Старца благословенія, въ какую обитель поступить, и какъ тамъ жить, какъ относиться къ роднымъ, и какъ устроить домашнія свои дѣла. Но въ особенности много было заботъ у Старца о женщинахъ – вдовахъ, бѣдныхъ дѣвицахъ и дѣтяхъ сиротахъ. Ибо очень-очень много было такихъ женщинъ и дѣвицъ, которыя, желая проводить благочестивую жизнь, не имѣли средствъ поступить въ женскую обитель и не знали, гдѣ главу приклонить.

Почти всѣ женскіе монастыри въ Россіи принимаютъ въ число сестеръ только такихъ, которыя въ состояніи купить для себя келлію, сдѣлать хотя небольшой взносъ въ обитель и содержать себя своими средствами

Монахи, по слову св. Димитрія Ростовскаго, сухіе колья, которыми поддерживается виноградъ Церкви Христовой. Виноградъ, не поддерживаемый кольями, не можетъ приносить плодовъ, будучи заглушаемъ травами снизу.

Велерѣчивые толкуны толкуютъ, что въ монастырѣ ничего не дѣлаютъ, а даромъ хлѣбъ ядятъ. Однако никто изъ нихъ не изъявляетъ охоты и усердія поступить въ монастырь на даровой хлѣбъ. Многіе лучше желають побираться по міру, нежели поступить въ монастырь. Есть анекдотъ про цыгана, которому пришлось пожить въ монастырѣ на первой недѣлѣ Великаго поста. Откуда онъ тайно бѣжалъ и, увидѣвши мужика, который вель въ лѣсь собаку удавить, сказалъ ему: «Отведи въ монастырь, и такъ околѣть».

Во всякомъ обществѣ потребны люди образованные, средніе и простые. Если бы всѣ были образованные, то кто бы исполнялъ дѣла меньшія...

или трудами, такъ какъ монастыри эти не имъютъ возможности доставлять полное содержаніе монашествующимъ. И рѣдко-рѣдко гдѣ примутъ въ монастырь женщину безъ взноса денегъ, разсчитывая на одну ея тѣлесную силу и здоровье, какъ могущую исполнять тяжелыя монастырскія послушанія. Поэтому многія изъ женщинъ, не имѣющихъ возможности попасть въ монастырь, живутъ въ селахъ по келліямъ и трудятся, чтобы только пропитать себя, а успѣвшія помѣститься въ обители живутъ въ безпрерывныхъ трудахъ. Для здоровыхъ, впрочемъ, такая жизнь еще не очень обременительна; да и сами онѣ твердо убѣждены, что Богъ труды любить, и что ихъ труды исходатайствуютъ имъ вѣчное спасеніе. Иное дѣло – женщина съ плохимъ здоровьемъ. Ее нигдѣ въ женскомъ монастырѣ не примутъ, – даже если бы она и средства небольшія имѣла, изъ опасенія, что въ случаѣ продолжительной болѣзни и неспособности къ трудамъ она можетъ обременить монастырь. Вотъ такихъ-то бѣдныхъ и обездоленныхъ старецъ Амвросій и принималъ на свое попеченіе, стараясь какъ-нибудь ихъ пристроить.

Для этого онъ склонялъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ состоятельныхъ людей къ устроенію женскихъ общинъ, и самъ, сколько могъ, содѣйствовалъ этому святому дѣлу. По его совѣту и указаніямъ устроена была въ 1879 году Предтеченская женская община въ г. Кромахъ Орловской губерніи. Особенно много заботъ употреблялъ онъ въ 70-хъ годахъ на устройство Ахтырской Гусевской женской общины въ Саратовской губерніи. По его же благословенію устроились благотворителями – Ко-

зельщанская община въ Полтавской губерніи, Николо-Тихвинская въ Воронежской. Старцу приходилось не только разсматривать планы, давать совѣты и благословлять людей на дѣло; но и защищать какъ благотворителей, такъ и насельницъ общинъ отъ различныхъ злоключеній и препятствій со стороны нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ мірянъ. По этому случаю входилъ онъ иногда даже въ переписку съ епархіальными архіереями и членами Св. Синода.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Старецъ только другихъ благословлялъ на дѣло, только другими руководилъ при устройствѣ общинъ, самъ же не принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственного участія.

Настало время, когда, по особымъ путямъ Промыслы Божія, ему самому пришлось принять на себя близкое его сердцу дѣло попеченія о безпріютныхъ въ материальномъ и духовномъ смыслѣ лицахъ женского пола, желавшихъ проводить благочестивую жизнь и искающихъ сго помощи и поддсржки. Обстоятельства этого дѣла складывались медленно и постепенно. Все шло какъ будто бы случайно.

Началось съ того, что одинъ состоятельный петербургскій господинъ просилъ Старца купить для него неподалеку отъ Оптиной Пустыни небольшую дачку, чтобы ему можно было тамъ проживать со своимъ семействомъ. Верстахъ въ двенадцати отъ Оптиной, по большой Калужской дорогѣ, нѣсколько влѣво стоять деревня Шамордино. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни жиль старичокъ помѣщикъ, нѣкто Калыгинъ, вдвоемъ съ своею женою старушкою. При личномъ сви-

даній съ Калыгинымъ (посѣщавшимъ иногда Скитъ), о. Амвросій среди разговора спросилъ его, не продастъ ли онъ свое имѣніе. Калыгинъ согласился съ тѣмъ условіемъ, если ему съ женою позволять дожить остатокъ жизни въ Оптиної Пустыни, на гостиницѣ. Однако петербургскій господинъ вскорѣ, по какимъ-то своимъ соображеніямъ, отказался отъ покупки Калыгинскаго имѣнія; тогда его съ радостью оставила за собой духовная дочь Старца г-жа Ключарева, въ монашествѣ м. Амвросія, также желавшая пріобрѣсти имѣніе поблизости отъ Оптиної. Старецъ сказалъ ей при этомъ: «Вотъ, мать, жребій выпадаетъ тебѣ взять это имѣніе для себя. Будешь жить тамъ, какъ на дачѣ, со своими внучками, а мы будемъ ъздить къ тебѣ въ гости». Нужно замѣтить, что у Ключаревой былъ единственный сынъ, первая жена котораго, родивши двухъ дочерей – близнять, вскорѣ послѣ этого скончалась. Отецъ ихъ женился на другой, а эти полусироты остались на попеченіи бабушки и жили вмѣстѣ съ ней. Крестнымъ отцомъ ихъ, по желанію бабушки, былъ отецъ Амвросій, который о нихъ чрезвычайно заботился. Въ будущее обеспеченіе этихъ внучекъ Ключарева и купила Калыгинское имѣніе.

Покупка Калыгинскаго имѣнія совершена была осенью 1875 года. Замѣчательно, что за годъ до продажи имѣнія старику Калыгину было особое видѣніе, – ему представлялась въ его имѣніи церковь въ облакахъ. Имѣніе Калыгина состояло изъ пятидесяти десятинъ земли. На верху крутой высокой горы стояль болѣе чѣмъ скромный одноэтажный деревянный домъ Калы-

гиныхъ, въ 26 аршинъ длины и 12 аршинъ ширины. Одну половину дома занимали старики хозяева, другая же часть безъ пола служила вмѣсто амбара. Крыша на домѣ соломенная отъ времени почернѣла, углы кое-гдѣ посгнили... Зато видъ отсюда на окрестности быль прекрасный.

Весь огромный склонъ горы покрытъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ. А тамъ глубоко-глубоко, у подошвы горы въ ложбинѣ, среди изумрудной зелени, серебряной лентой изгибается небольшая рѣчка Серена. За нею луга, а далѣе вправо – къ юго-западу – холмистая мѣстность, сливающаяся съ голубымъ небомъ. Все это лѣтомъ зеленѣеть и пестрѣеть отъ множества мелкихъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ щедрою рукою Творца. Лѣвѣе, на юго-востокъ, глазъ любопытнаго наблюдателя, чрезъ крестьянскія поля, засѣянныя разныимъ зерновымъ хлѣбомъ, пробѣгаеть пространство верстъ въ десять, если не болѣе. И тамъ, въ конечной дали, виднѣется Оптинскій хуторъ надъ р. Жиздрою, а за нимъ вѣковой боръ, отуманенный прозрачною воздушною синевою.

Въ первое же лѣто послѣ покупки имѣнія, въ іюлѣ 1876 года, старецъ о. Амвросій пріѣхалъ въ Шамордино посмотреть мѣстность. При входѣ въ домъ онъ сказалъ присутствующимъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, кромѣ же сихъ никто же узрить Господа.* Осматривая мѣсто, онъ благословилъ построить здѣсь для матери Амвросія и ея внучекъ новый домъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, надъ которымъ, какъ передаютъ, Калыгинъ когда-то видѣлъ церковь въ облакахъ, и сказалъ при этомъ: «У насть здѣсь будетъ монастырь!» Домъ этотъ быль

оконченъ въ слѣдующемъ году, и самъ Старецъ окропилъ его святою водою.

Замѣчательно, что въ домѣ большой залъ, по указанію Старца, занималъ восточную часть, а комнаты внучекъ Ключаревой приходились на сѣверъ, несмотря на то, что такое расположение дома самой Ключаревой и не нравилось. Не разъ послѣ Батюшка вспоминаль обѣ этомъ, говоря: «Она строила дѣтямъ домъ, а намъ нужна была церковь». Въ приготовленный такимъ образомъ домъ Ключарева помѣстила на жительство своихъ внучекъ, а съ ними вмѣстѣ и сестеръ, послушницъ (бывшихъ ея крѣпостныхъ), которыхъ ей долго служили. Къ этимъ женщинамъ по времени стали присоединяться ихъ родственницы, даже и молодыя, искавшія тишины и молитвы, потому что благочестивое настроеніе самой Ключаревой отражалось на всемъ, что было къ ней близко. Въ новомъ имѣніи и тогда уже текла жизнь, близкая къ монашеской. Сама же Ключарева продолжала жить по-прежнему на гостиномъ дворѣ при Оптиной Пустыни, впрочемъ такъ, что со своими внучками она была почти неразлучна; то сама подолгу гостила въ имѣніи, то ихъ брала къ себѣ. Заботясь обѣ обезпеченіи своихъ внучекъ, Ключарева, по благословенію о. Амвросія, пріобрѣла поблизости къ Калыгинскому имѣнію еще дачу – Руднево, а также опредѣлила на внучекъ и часть своего капитала съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ неожиданной ихъ кончины, въ Калыгинскомъ имѣніи будетъ устроена женская община; а купленная поблизости дача и капиталъ пойдутъ на ея обезпеченіе. Хорошо было жить обитательницамъ Калыгинского до-

ма въ тишинѣ и молитвѣ. Одного недоставало – храма Божія, такъ какъ сельская церковь была далеко оть Шамордина. И вотъ по благословенію Старца м. Амвросія стала хлопотать о разрѣшеніи ей выстроить у себя въ домѣ церковь. Это было въ 1881 году. Архієпископъ Григорій сочувственно отнесся къ просьбѣ Ключаревой, но наступившія событія – мученическая кончина Імператора Александра II и послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть самого архієпископа Григорія – помѣшили осуществленію этой просьбы. Между тѣмъ заболѣла и сама Ключарева и, проболѣвъ все лѣто, скончалась 23 августа 1881 года.

Внучки Ключаревой со своими нянями и воспитательницами продолжали нѣкоторое время жить въ Шамординѣ, гдѣ главною распорядительницею по смерти м. Амвросія стала, по благословенію Старца, одна изъ ближайшихъ къ ней сотрудницъ, старушка монахиня Алипія. Но здѣсь онѣ жили недолго. По благословенію Батюшки онѣ были помѣщены въ Орловскій пансіонъ, состоявшій въ вѣдѣнії одной духовной дочери Старца, гдѣ и оставались до 1883 года. Въ этомъ году, весною, по окончаніи учебныхъ занятій, дѣвочки пріѣхали въ Оптину Пустынь для свиданія со старцемъ Амвросіемъ, котораго горячо любили, и здѣсь вдругъ обѣ заболѣли дифтеритомъ въ одинъ и тотъ же день – 31 мая. Дѣвочекъ разъединили. Болѣзнь ихъ быстро развивалась. Ихъ напутствовали исповѣдію и причастіемъ Св. Христовыхъ Таинъ. Пока онѣ были въ силахъ, онѣ постоянно писали Батюшкѣ записочки, прося его св. молитвъ и благословенія. 4 іюня скончалась одна изъ нихъ – Вѣра.

Ходившія за больными послушницы не сказали объ этомъ оставшейся въ живыхъ Любови, чтобы не растревожить ее. Но бывшая въ дремотѣ больная, вдругъ очнувшись, спросила сидѣвшую подлъ нея сестру: «Вѣра умерла?» Та начала было говорить, что жива, но она быстро возразила: «Какъ жива? Мнѣ сейчасъ няня сказала, что умерла». А няни тутъ вовсе и не было. 8 іюня скончалась и Любовь. Объ сестры, нѣжно любившія другъ друга, погребены рядомъ на Оптинскомъ кладбищѣ около могилы ихъ бабушки, м. Амвросіи, и недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ погребенъ впослѣдствіи старецъ Амвросій. Замѣчательна жизнь и судьба этихъ дѣвочекъ. Родившись въ одинъ день, получивъ имена Вѣра и Любовь, онѣ всю свою краткую жизнь жили вѣрою и любовью. Тихія и кроткія, онѣ горячо были привязаны другъ къ другу и никогда не разлучались; никогда не шалили; одѣвались просто; любили выслушивать долгія монастырскія богослуженія, любили тихую, уединенную жизнь иноческую. Смерти онѣ не боялись. Не разъ онѣ говорили окружающимъ: «Мы не хотимъ жить дольше 12-ти лѣтъ; что хорошаго въ этой жизни». И дѣйствительно, смерть постигла ихъ въ 12-лѣтнемъ возрастѣ, и какъ вмѣстѣ онѣ вошли въ жизнь, такъ вмѣстѣ и ушли изъ нея, въ свѣтломъ ореолѣ дѣтской чистоты, нѣжной взаимной любви и глубокой вѣры³⁵.

---

³⁵ Для характеристики одной изъ этихъ дѣвочекъ, Любови, приведенъ слѣдующій разсказъ ея няни, нынѣ живущей въ богадѣльнѣ Шамординского монастыря, 80-лѣтней старушкѣ Александры: «Когда Любѣ было еще четыре года, однажды, на Страстной недѣльѣ, въ среду, когда въ монастырѣ еще не отошла Литургія Преждеосвященныхъ Даровъ (жили мы тогда при Оптиной Пустыни), захотѣлось мнѣ попить кофейку

По смерти дѣвочекъ Ключаревыхъ, согласно духовному завѣщанію м. Амвросіи, въ бывшемъ Калыгинскомъ имѣніи должна была возникнуть женская община. Тотчасъ по кончинѣ дѣтей-наслѣдницъ, еще до открытия общини, въ имѣніи закипѣла работа, и Старцемъ снова было возбуждено ходатайство о разрѣшениі построить въ Ключаревскомъ имѣніи церковь, а также и объ открытии женской общини. Ходатайство было удовлетворено. Для устройства церкви потребовалось сдѣлать немного. Къ большому залу, обращенному на востокъ, пристроенъ быль алтарь; а иконостасъ поновленъ быль старый изъ Оптинской церкви, во имя праведной Анны и преп. Маріи Египетской, гдѣ о. Амвросіемъ устроенъ быль новый иконостасъ.

Когда въ половинѣ семидесятыхъ годовъ о. Амвросій въ первый разъ вошелъ въ новоотстроенный Ключаревскій домъ, онъ увидѣлъ въ залѣ большую Казанскую икону Божіей Матери; остановившись передъ нею, онъ долго на нее смотрѣлъ и наконецъ сказалъ: «Ваша Казанская икона Божіей Матери несомнѣнно чудотворная: молитесь ей и храните ее». Во имя этой-то святой иконы и была освящена первая домовая церковь въ Ключаревскомъ домѣ; почему и открытая здѣсь женская община стала называться Казанскою.

Незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1882 году, пріѣхала къ Старцу тульская помѣщица, вдова среднихъ лѣтъ

(а обычно мы до окончанія Литургіи ничего не ъли и не пили чаю). Стала я варить себѣ кофе, приготовила чашку. Люба сидѣть и смотрѣть, ничего не говорить. Сварила я кофе, стала наливать, а Люба вдругъ и говорить: «Нянечка, а вѣдь грѣхъ». Такъ у меня и руки опустились».

Софья Михайловна Янькова, урожденная Болотова, вступившая вскорѣ затѣмъ, по благословенію Старца, во второй бракъ съ жившимъ вблизи Оптиной Пустыни пожилымъ помѣщикомъ Николаемъ Ивановичемъ Астафьевымъ, тоже вдовцомъ. Астафьевъ скоро послѣ брака заболѣлъ, а потомъ черезъ годъ съ двумя мѣсяцами и скончался. Софья Михайловна, видя въ этомъ указаніе Божіе, съ этихъ поръ всецѣло посвятила себя на служеніе Богу, сдѣлавшись во всемъ преданною послушницею старца Амвросія. Ее-то, какъ женщину умную, способную, имѣвшую прекрасный даръ слова, о. Амвросій всюду посыпалъ съ порученіями по дѣламъ открывающейся обчины, она-то назначена была по томъ и первою ея настоятельницею. Освященіе храма и открытие обчины совершены были 1 октября 1884 года Калужскимъ преосвященнымъ Владимиромъ.

Старецъ на весь этотъ дѣнь затворился въ своей келліи и молился.

Мать Софія была незамѣнимой помощницей Старца по устроенію юной обители, его, что называется, правой рукой. Къ сожалѣнію, ея управленіе продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную и дѣла хозяйственныя, всею душою преданная Старцу, она, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, вступивъ на путь иноческой жизни и принявъ самое тяжелое въ обители послушаніе начальницы, стала подвизаться съ великою ревностью. Съ малолѣтства жившая всегда въ нѣгѣ и вовсе незнакомая съ тѣлесными трудами, она теперь неустанно трудилась и совсѣмъ не жалѣла себя. Въ мокрую, холодную осеннюю пого-

ду, случалось по цѣлому дню, съ утра до вечера, ходила она сама по всей обители, слѣдя за всѣми монастырскими работами, и уже къ ночи возвращалась въ свою келлію, вся промокшая и прозябшая. Эти труды и заботы, въ соединеніи съ строгою подвижническою жизнью, вскорѣ сломили ея крѣпкое здоровье. Она постепенно стала чахнуть и мало-помалу таяла, какъ свѣча; наконецъ, 24 января 1888 года уснула вѣчнымъ сномъ праведницы, получивъ отъ Господа воздаяніе, соотвѣтствующее ея великой святой ревности и трудамъ. Впослѣдствіи старецъ Амвросій, при воспоминаніи о ней, говоривъ нерѣдко съ особеннымъ чувствомъ умиленія: «Ахъ, мать! Обрѣла милость у Бога».

По кончинѣ матушки Софіи, по указанію старца Амвросія, начальницею въ Шамординской общинѣ была назначена монахиня Бѣлевскаго монастыря м. Евфросинія (Розова), бывшая съ 1860 года и до самой кончины Старца его преданною и искреннею ученицею и помощницею.

Избирая начальницами Шамординской общинѣ ревностныхъ и опытныхъ подвижницъ и своихъ преданныхъ духовныхъ дочерей, о. Амвросій не переставалъ быть главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ всей жизни юной обители. Онъ изыскивалъ средства для ея существованія, что было не легко, при громадномъ числѣ принятыхъ имъ сестеръ; безъ его совѣта и благословенія ничего не предпринималось въ обители, по его указанію принимались сестры... Вслѣдствіе громаднаго стеченія сестеръ, онъ, правда, не имѣлъ возможности быть духовнымъ отцомъ каждой изъ нихъ и потому пе-

редаль ихъ въ руки одного изъ своихъ ближайшихъ учениковъ, скитоначальника о. іеросхимонаха Анатолія, который относился къ нимъ съ самою заботливою отеческою любовью, какъ это видно и изъ его «Писемъ къ монахинямъ».

Между тѣмъ въ новой общинѣ строились корпусъ за корпусомъ. Но желавшихъ поступить въ открывшуюся общину столько вдругъ нахлынуло, что едва построить домъ, какъ уже вдвое болѣе ждуть новаго помѣщенія. А кого Старець принималъ и помещалъ въ устроемую имъ общину? Большею частью находившихся въ крайней бѣдности, вдовъ и сиротъ, а еще слѣпыхъ, хромыхъ, болѣзненныхъ и вообще самыхъ обездоленныхъ судьбою женщинъ и дѣвицъ. Приходитъ, напримѣръ, къ Батюшкѣ молодая женщина, оставшаяся больною вдовою въ чужой семьѣ. Свекровь ее гонить и говорить: «Ты бы, горемычна, хоть удавилась, – тебѣ не грѣшно». Старець внимательно выслушиваетъ ее, всматривается и наконецъ говорить: «Ступай въ Шамордино». Или вотъ примѣръ. Разсказывалъ бывшій благочинный Оптиної Пустыни іеросхимонахъ Иларіонъ: «Замужняя моя сестра подверглась тяжкому недугу, и мужъ оставилъ ее на произволъ судьбы. Привезли ее, больную, въ Оптино къ Старцу. Было лѣто. Батюшка вышелъ къ больной; посмотрѣлъ на нее и, благословивъ, шутливо промолвилъ мнѣ: «Ну этотъ хламъ-то у насъ сойдетъ; отвезти ее въ Шамордино!» Около десяти лѣтъ прожила она тамъ въ богадѣльнѣ и скончалась, бывъ пострижена предъ кончиною келейно въ схиму ». – Или еще. Приходитъ одинъ бѣднякъ изъ

Сибири и отдасть Батюшкѣ свою малолѣтнюю дочку: «Возьмите, – говорить онъ, – у нея нѣтъ матери, – что я съ ней буду дѣлать?» Старецъ и эту отправляеть въ Шамордино. Изъ такихъ-то дѣвочекъ-сиротъ образовался тамъ дѣтскій пріютъ. Среди пріютянокъ была одна, принятая Старцемъ съ двухъ лѣтъ. Батюшкa тогда спросилъ ее: «Кѣмъ ты будешь?» Ребенокъ, еле умѣвшій говорить, ясно произнесъ: «Истинной монашкой». – «Смотри не обмань», – заключилъ Батюшкa. Изъ убогихъ же дѣвицъ и женщинъ образовалась богадѣльня человѣкъ на пятнадцать. А сколько такихъ было по келліямъ, сколько еще по дачамъ общинѣ! – «Батюшкa, у васъ именно, что монастырь», – говорилъ иногда Старцу его духовникъ о. Феодоръ. – «А что?» – «Да въ какую келлію не войдешь – тамъ слѣпая, тамъ хромая, а тутъ и вовсе безъ ногъ, – поневолѣ всѣ уединенныя»³⁶. Кстати сказать, у старца Амвросія и въ Козельскѣ былъ особый домъ для призрѣнія тѣхъ изъ женскаго пола, которыхъ не имѣли полнаго разсудка.

Впрочемъ, не однѣ только простыя, нуждающаяся, больныя и убогія женщины и дѣвицы находили себѣ убѣжище у Старца.

Подъ его кровъ приходили и женщины состоятельныя, образованныя, съ высокимъ иногда общественнымъ положеніемъ, приходили потому, что жизнь не давала имъ нравственного удовлетворенія, а здѣсь, подъ руководствомъ Старца, онѣ начинали понимать и истинный смыслъ жизни, и истинное счастье души.

---

³⁶ Монахъ – значить уединенный, одинъ.

Съ 1888 года Старець ежегодно въ теплую лѣтнюю пору имѣлъ обыкновеніе пріѣзжать въ Шамордино, чтобы самому лично посмотретьъ, что есть въ обители и чего еще ей недостаетъ. Посѣщенія эти были для сестеръ большими праздникомъ. Вотъ какъ онѣ сами описываютъ одно изъ этихъ посѣщеній, бывшее именно въ 1888 году. Приводимъ это описание полностью, какъ рисующее картину жизни батюшки о. Амвросія въ Шамординѣ.

«Еще въ первыхъ числахъ іюля пронесся слухъ у насъ, что Батюшка собирается къ намъ послѣ Казанской погostить; но намъ казалось это такой несбыточной мечтой, что мы боялись и радоваться, боялись даже и говорить объ этомъ. Наконецъ, уже за недѣлю такъ до пріѣзда Батюшки, слухъ этотъ сталъ все чаще и чаще повторяться слышавшими отъ него самого. А мы все еще не смѣли этому вѣрить. Наконецъ, въ понедѣльникъ 18-го начали стекаться къ намъ для встрѣчи Батюшки съ разныхъ сторонъ посѣтители. Тройка за тройкой такъ и мчится къ Шамордину. На гостиницѣ номера все были заняты. Пришлось помѣстить нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ монашествующихъ въ особыхъ келліяхъ. – Здѣсь ужъ сомнѣнія наши прекратились, и мы стали убѣжаться, что точно ожидаетъ насъ великая радость...

Наконецъ, насталъ и вторникъ. Тотчасъ послѣ обѣдницы, часовъ въ 7 утра, начали устраивать для Батюшки помѣщеніе въ церковномъ домѣ, въ большой комнатѣ, откуда ему можно было слышать и даже видѣть службу и выходить въ церковь, когда ему вздумается. Къ 9 часамъ комната для Батюшки была готова. Ее устлали всю

коврами, сдѣлали небольшой иконостасецъ, вставили въ окно жалузи, – и все это менѣе, чѣмъ въ два часа, такъ какъ дѣлалось все сообща, дружно и живо...

Церковь также преобразилась. Поль въ ней устлали коврами, столбы и колонны разукрасили гирляндами папоротника и живыхъ цвѣтовъ. Но еще болѣе праздничный видъ придавали ей радостныя, сіяющія лица сестеръ, которая то и дѣло забѣгали туда узнать, – не пріѣхалъ ли кто изъ Оптиної, не слышно ли что-нибудь о родномъ Батюшкѣ. Въ 4 часа пріѣзжаетъ, наконецъ, одна изъ нашихъ сестеръ съ радостною вѣстью, что въ 3 часа Батюшка намѣренъ выѣхать изъ Оптиної, и что нужно ожидать его съ минуты на минуту. Вѣсть эта въ одинъ мигъ облетѣла весь монастырь, и всѣ уже были наготовѣ. Въ 5 часовъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что Батюшка проѣхалъ уже Полошково. Тотчасъ собрались всѣ въ церковь; зажжено было паникалио; отъ паперти до Святыхъ монастырскихъ воротъ разо-стлали ковровую дорожку, по обѣимъ сторонамъ которой разставлены были сестры, всѣ въ полной формѣ. Въ Святыхъ воротахъ ожидали Батюшку священникъ о. Иоаннъ съ св. крестомъ, матушка настоятельница съ нашимъ чудотворнымъ образомъ Казанской Божіей Матери, казначея м. Елевоерія съ большимъ хлѣбомъ и просфорой на блюдѣ, украшенномъ живыми цвѣтами, и всѣ пѣвчія.

«Сестры! Матушка просить васъ не разговаривать!» – повторяла приказаніе матушки наша благочинная, устанавливая сестеръ въ линію. Да и не до разгово-ровъ тутъ было. Каждой хотѣлось сосредоточиться въ

себѣ, собраться, какъ говорится, съ своими чувствами. Воцарилась глубокая благоговѣйная тишина. Чувствъ, которыя наполняли каждую изъ нась, которыя переживались нами въ эти минуты, никогда уже не испытать намъ болѣе; онѣ не повторяются, рѣдкія они гости на землѣ; ихъ и не передать. Раздался благовѣсть, трезвонъ, наконецъ появилась и давно ожидаемая карета, подкатила къ воротамъ, но дверца оставалась запертою, и Батюшка не показывался. Прошло минуты 3–4, появился, наконецъ, и Батюшка съ противоположной стороны кареты въ полной формѣ – въ мантіи и крестахъ. – Запѣли: «Днесь благодать Святаго Духа насть собра, и вси вземше крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне!» Батюшка между тѣмъ сдѣлалъ три земные поклона и, приложившись къ кресту и образу Царицы Небесной, взялъ икону на руки и, въ сопровожденіи матушки, помогавшей ему нести образъ, двинулся къ церкви. Всѣ мы поклонились ему до земли, но никто не подходилъ къ нему и не тѣснилъ его. На глазахъ у Батюшки были слезы. Да и большинство присутствовавшихъ плакали, но тихо, чтобы не нарушать тишины и стройнаго пѣнія встрѣчнаго гимна. Когда вошелъ Батюшка въ церковь, запѣли «Достойно есть», затѣмъ слѣдовала ектенія и т. д., какъ вообще принято встрѣчать высокихъ посѣтителей. Батюшка между тѣмъ ходилъ въ алтарь, прикладывался къ образамъ и затѣмъ черезъ южныя двери прошелъ на могилу дорогой покойной матушки Софіи. Нужно было видѣть только выраженіе лица Батюшки въ то время, когда онъ прикладывался къ образу Царицы Небесной въ Св. воротахъ,

шель съ иконой къ церкви и молился на могилкѣ, чтобы оно никогда не изгладилось изъ памяти! Серьезное, сосредоточенное, какое-то вдохновенное, и взоръ его, казалось, такъ и проникалъ небеса. По возвращеніи въ церковь и по окончаніи многолѣтія ему Батюшка взошелъ на возвышенное мѣстечко, нарочно для него приготовленное, сѣлъ въ кресло и сталъ благословлять всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ благословенія Батюшка нѣсколько времени отдыхалъ, а затѣмъ въ тотъ же день нѣсколько разъ выходилъ въ церковь, осматривалъ ее и благословлялъ всѣхъ, кто случался тамъ въ это время. Вечеромъ была всенощная, а на другой день обѣдня и молебень... Послѣ молебна былъ крестный ходъ вокругъ церкви и вокругъ всего монастыря... Батюшка самъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ и благословилъ, чтобы всѣ наши больныя, разслабленныя и калѣки также принимали въ немъ участіе. Такъ что за толпой сестеръ и мірскихъ слѣдовали еще поѣздъ больныхъ, калѣкъ и разслабленныхъ, кто въ линейкѣ, кто въ повозкѣ, кто въ чемъ... Когда все было кончено, Батюшка вышелъ прикладываться къ образамъ; потомъ ходилъ на могилку и на колокольню и вездѣ долго молился съ земными поклонами. Въ тотъ же деньѣздилъ Батюшка въ корпусъ матушки, въ часовню св. Амвросія, ходилъ даже на террасу, откуда проѣхалъ въ Тихоновскую часовню, а оттуда пѣшкомъ пришелъ въ хибарку. Вездѣ Батюшка молился съ земными поклонами и внимательно все осматривалъ. Въ хибаркѣ, остановившись предъ большими портретомъ матушки Софіи (въ схимѣ), Батюшка сказалъ: «Мать все видѣть, что тутъ дѣлается, –

и затѣмъ, взглянувъ на шкафы съ книгами, прибавилъ: – Читать и разумѣвать читаемое!» Изъ хибарки Батюшка вышелъ въ дверь на террасу, прошелъ по галерейкѣ, посидѣль на ступенькахъ, гдѣ любила сидѣть дорогая матушка Софія, и, спустившись затѣмъ съ лѣстницы, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ, по скату горы. «А какое мѣсто-то выбрала мать для своей хибарки!» Изъ хибарки прошелъ Батюшка въ «молчанку». Все ему здѣсь очень понравилось: «Я и не ожидалъ, что у васъ тутъ такъ хорошо, – говорилъ онъ, – просто самъ остался бы, кажется, жить тутъ съ вами». Потомъ, подошедши къ окну и заглянувъ черезъ него внизъ къ оврагу, сказалъ: «Да, у васъ просто лучше Аѳона здѣсь, лучше Аѳона». Изъ молчанки Батюшка возвратился домой и больше никуда въ этотъ день не ѻздила.

Въ четвергъ послѣ обѣдни была панихида по матушкѣ Софіи и матери Амвросіи, и затѣмъ общее благословеніе. Въ то время какъ благословлялъ Батюшка, пѣвчія пѣли ему обыкновенно различныя церковныя пѣсни: «Заступнице усердная», тропарь св. Амвросію и т. д. Пѣли также и: «Торжествуй, наша обитель». Въ этотъ же день, послѣ нѣсколькихъ другихъ священныхъ пѣсней, запѣли пасхальный канонъ. Между тѣмъ Батюшка кончилъ уже благословлять; слушалъ и молился. Когда кончили канонъ, Батюшка самъ благословилъ пропѣть: «Да воскреснетъ Богъ» – и по окончаніи этой пѣсни быстро поднялся съ своего мѣста и скрылся за дверью. Пѣніе всегда слишкомъ сильно дѣйствовало на Батюшку... Въ тотъ же день утромъ, послѣ краткаго отдыха, Батюшка ѻздила на скотный дворъ, осматривалъ построй-

ки, заходилъ и въ «маленькой пріютъ» и долго тамъ оставался. Заходилъ въ каждую комнатку, благословляль всѣхъ дѣтей и бесѣдоваль съ ними. «Большая» сказала Батюшкѣ стихи сочиненія ихъ надзирательницы, и сказала ихъ очень мило. Батюшку тронули они до слезъ. Вотъ эти стихи.

Отець родной, отець святой!
Какъ благодарить тебя, не знаемъ.
Ты насъ призрѣль, ты насъ одѣль,
Ты насъ отъ бѣдности избавиль.
Быть можетъ, мы теперь бы всѣ
Скитались по міру съ сумою,
Не знали бъ крова мы нигдѣ,
И враждовали бы съ судьбою.
А здѣсь мы молимъ лишь Творца,
И за тебя Его мы славимъ;
Мы молимъ Господа Отца,
Чтобъ насъ, сиротокъ, не оставилъ!

Стихи эти впослѣдствіи положены были какою-то сестрою на ноты. И послѣ того, каждый разъ какъ Старецъ посѣщалъ въ общинѣ пріютъ, дѣти пѣли для него эту канть. Серьезно, задумчиво слушалъ Старецъ эти дѣтскія моленія, и часто крупныя слезы катились по его впалымъ щекамъ. Что думаль онъ въ эти минуты – неизвѣстно. Но можно предполагать, что онъ въ это время обращался сердцемъ къ Царицѣ неба и земли съ молитвою не оставить, послѣ его смерти, собранныхъ имъ сиротъ Своимъ всемошнымъ покровомъ.

Отношеніе Старца къ дѣтямъ всегда было самое нѣжное, отечески-ласковое. Одна изъ его близкихъ ду-

ховныхъ ученицъ пишеть: «Я была свидѣтельницею того, какъ Батюшка ежедневно, несмотря на свою слабость, ъздила въ больницу провѣдывать больныхъ дѣтей; какъ баловалъ ихъ, – дасть то конфетку, то пряникъ, приласкаеть ихъ, пошутить».

Изъ пріюта Батюшка ъздила внизъ къ огородамъ. Заходилъ въ сторожку, гдѣ живутъ наши огородницы, гуляя по горамъ, благословляя всѣ колодцы; зашель на водокачку, заставляя при себѣ накачивать воду, осматривалъ устройство ея и возвратился домой прямо ко всенощной. На другой день послѣ обѣдни и общаго благословенія Батюшка, отдохнувъ немнога, пошелъ на могилку. Помолившись и благословивъ ее три раза, какъ всегда, онъ прошелъ на мѣсто водоосвященія и на колокольню и опять всюду усердно и долго молился. Съ колокольни же прошелъ прямо въ трапезную. Помолившись здѣсь предъ образомъ Царицы Небесной, онъ прошелъ прямо къ настоятельскому мѣсту, сѣль тамъ и благословилъ подавать ему весь обѣдь по порядку. Каждое кушанье онъ благословляя и, отвѣдавъ немнога, звонилъ въ колокольчикъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно матушка, давая этимъ знакъ трапезницамъ подавать слѣдующее блюдо. Кушанье изъ чашекъ, благословленныхъ Батюшкой, вылили потомъ въ котлы и ведра, откуда разливали по чашкамъ всѣмъ сестрамъ за трапезой. Изъ трапезной Батюшка прошелъ въ кухню, осматривалъ устройство печки, плиты и котловъ, и дѣлалъ распоряженіе насчетъ различныхъ измѣненій, которыя нашелъ нужнымъ сдѣлать, а именно – насчетъ расширенія трапезной, а также и хлѣбни, куда онъ заходилъ прямо

изъ трапезной. Осмотрѣвъ всѣ эти хозяйственныя учрежденія наши и посидѣвъ нѣсколько минутъ среди дворика, вокругъ которого расположены эти постройки, Батюшка сѣль въ пролеточку свою и доѣхалъ въ ней до крыльца, чтобы избавить матушку отъ великихъ хлопотъ, ежеминутно повторяемыхъ просьбъ и приказаній не напирать на Батюшку, не тѣснить его, которыя она принуждена была бы употреблять, чтобы доставить Батюшкѣ свободный проходъ отъ хлѣбни до церкви. Самъ Батюшка, сидя близъ хлѣбни и осматривая расположение зданій, не разъ обращался къ сестрамъ съ просьбою стоять поодаль, чтобы ему лучше можно было осмотрѣть все. «Васъ-то я не разъ видѣлъ, а постройки-то еще не видаль», – говорилъ онъ... Въ тотъ же день послѣ обѣда Батюшка ъздила въ гостиницу, посѣтила нѣкоторыхъ лицъ и возвратился домой уже въ седьмомъ часу вечера. Во все время, пока былъ у насъ Батюшка, въ тѣ дни, когда не положено всенощной, утрени бывали у насъ съ вечера, вслѣдъ за вечерней, чтобы не прерывать покоя Батюшки поутру. День же проводилъ Батюшка такъ: послѣ обѣда выходилъ онъ прикладываться къ образамъ, затѣмъ шелъ на могилку или же начинать всѣхъ благословлять... Отдохнувъ нѣсколько времени, Батюшка начинать принимать пріѣзжихъ посѣтителей, иногда въ своей комнатѣ, иногда же въ церкви, гдѣ садился для этого на скамеекъ близъ свѣчного ящика. Часовъ въ 11 подавали Батюшкѣ лошадь, и онъ отправлялся обѣзжать корпуса и постройки, въ сопровожденіи особо ъхавшой матушки, которая помогала ему выходить изъ экипажа, ограждала его отъ толпы, и съ

которою онъ нерѣдко тутъ же и занимался насчетъ пе-ремѣщенія сестеръ, передѣлокъ, перестроекъ и т. д., и въ сопровожденіи толпы сестеръ и мірскихъ, бѣжав-шихъ за батюшкіной пролеткой... Возвращался Батюш-ка домой часу во второмъ, кушалъ, отдыхалъ, а послѣ отдыха снова отправлялся обѣзжать корпуса до все-нощной или вечерни. За время своего пребыванія у насъ Батюшкѣ посѣтилъ всѣ корпуса, не пропустилъ ни одной келліи, былъ во всѣхъ сарайахъ и амбарахъ... При-несли Батюшкѣ носилки, приготовленныя сестрамъ для ношенія камней на постройку храма. Батюшкѣ благо-словилъ ихъ, и самъ пробовалъ, ловки ли онъ. Насталь, наконецъ, день отъѣзда Батюшки... Послѣ обѣдни, молебна и общаго благословенія Батюшкѣ принималъ многихъ сестеръ и мірскихъ; затѣмъ подали ему ку-шать. Мы же всѣ почти разошлись по келліямъ съ тою мыслью, что Батюшкѣ, вѣроятно, будетъ теперь отды-хать, а тамъ мы снова отправимся въ церковь караулить выхodъ его, чтобы хоть лишній разокъ взглянуть на не-го; какъ вдругъ прибѣгасть кто-то и говорить: скорѣе, скорѣе собирайтесь въ церковь, и въ формѣ, сейчасъ бу-детъ напутственный молебенъ для Батюшки. Собрались мы всѣ, и узнать нельзя, что это тѣ же лица, которыя на-канунѣ еще можно было видѣть такими сіяющими. Го-ловы опущены; кто плачетъ, кто едва удерживается отъ слезъ. Молчаніе глубокое. Начался молебенъ Царицѣ Небесной и для путешествующихъ... Послѣ молебна Ба-тушкѣ, серьезный, сосредоточенный, приложился къ образамъ, вышелъ на могилку, въ послѣдній разъ три раза ее благословилъ и возвратился въ свою комнату.

Переодѣвшись тамъ, онъ снова вышелъ и пешкомъ прошелъ въ «молчанку», гдѣ, по его благословенію, соружалась какая-то постройка, очень его интересующая. Здѣсь нѣсколько минутъ бесѣдоваль Батюшкъ съ счастливцемъ нашимъ Кузьмою и, переодѣвшись и благословивъ насть, снова прошелъ въ церковь. Здѣсь въ послѣдній разъ онъ всѣхъ благословилъ и прошелъ въ свою комнату.

Сестеръ снова разставили въ два ряда, отъ церковной паперти до Святыхъ воротъ, гдѣ снова, какъ при встрѣчѣ, ожидали Батюшку матушка съ образомъ Царицы Небесной и пѣвчія. Настала вновь тишина, столь же благоговѣйная, какъ и прежде, но съ оттѣнкомъ скрытой грусти... Когда же появился Батюшкъ, и пѣвчія запѣли «Достойно есть», заплакали почти всѣ. Батюшкъ шель быстро и благословляль на обѣ стороны. Тамъ, гдѣ онъ проходилъ, кланялись ему въ ноги. Когда же, сдѣлавъ три земные поклона предъ иконой Царицы Небесной и приложившись къ ней, Батюшкъ взяль ее на руки и, стоя въ Святыхъ воротахъ, въ послѣдній разъ благословилъ ею сестеръ и обитель, какъ бы поручая ихъ Божественному Покрову нашей Заступницы усердной, всѣ вмѣстѣ поклонились мы въ землю и горько заплакали. Батюшкъ же, между тѣмъ давши матушкѣ приложиться къ иконѣ, вновь передаль ее ей въ руки и быстро скрылся въ каретѣ. Дверца захлопнулась, и карета помчалась. Долго, долго еще, стоя у Святыхъ воротъ, глядѣли мы вслѣдъ удалявшейся каретѣ и не могли тронуться съ мѣста. Какая-то тихая грусть наполнила душу, и жаль было разстаться съ нею. Какъ пусто стало вдругъ въ

Шамординѣ, и долго не могли мы свыкнуться съ этою пустотою, пока снова не вошли въ свою обычную колею».

Лѣтомъ слѣдующаго 1889 года Старецъ снова про-
вель нѣсколько дней въ Шамординѣ. Какъ и въ преды-
дущемъ году, онъ былъ занятъ здѣсь цѣлые дни то
хозяйственными распоряженіями и осмотромъ различ-
ныхъ построекъ и помѣщеній, то пріемомъ монаше-
ствующихъ и мірскихъ. О его образѣ жизни и занятіяхъ
здѣсь въ этомъ году можно судить по слѣдующему раз-
сказу одной посѣтившей его въ это время мірянки... «По
пріѣздѣ въ Шамордино, – пишетъ она въ журналѣ «Ду-
шеполезное чтеніе» за 1899 годъ, – я прежде всего была
поражена огромными толпами народа, которая съ ран-
няго утра окружали то помѣщеніе, въ которомъ нахо-
дился Батюшка, въ надеждѣ увидѣть его и получить его
благословеніе. И такъ велика была любовь къ нему на-
рода, такъ сильно желаніе видѣть его и получить его
наставленіе и утѣшеніе, что въ числѣ этого, не знавшаго
утомленія и пришедшаго изъ дальнихъ странъ, народа
были и такие, которые ждали по двѣ недѣли и не теряли
надежды быть принятymi имъ, батюшкою о. Амвро-
сіемъ. Когда я подошла ближе, узнала, что ждутъ вы-
хода Батюшки, – онъ поѣдетъ сейчасъ посѣтить бoga-
дѣльню, сиротскій пріютъ и другія благотворительныя
учрежденія, устроенные имъ при содѣйствіи благотво-
рителей. Не имѣя возможности прятискаться къ выходу,
я стала поодаль. Вотъ растворились двери; народъ за-
волновался, – послышались восклицанія: «Батюшка, ты
нашъ, Батюшка!»... Вотъ и онъ, возлюбленный батюшка

Келлія старца Амвросія и игуменський корпусъ
въ Шамордино

отецъ Амвросій, уже согбенный, но благолѣпный старецъ, простой, ласковый, доступный; только его прозорливые глаза свѣтились мудростю и проникали въ самую глубину души. Благословивъ ближайшихъ изъ толпы, Старецъ сѣль въ экипажъ и шагомъ поѣхалъ вдоль монастыря. Народъ не отставалъ, – по бокамъ и впереди и сзади бѣжали, ловя его взглядъ, благословляющую руку, и, радостные, уступали мѣсто другимъ. Я издали слѣдила за этимъ умиляющимъ душу и совершенно новымъ для меня зреющемъ.

Въ тотъ же день вечеромъ въ небольшой домовой церкви Шамординской обители совершалось всенощное бдѣніе. Стройно, благоговѣйно пѣли и читали монахини. Усердно молились богомольцы. А въ прилегающемъ къ церкви темномъ коридорчикѣ опять тѣснились пріешельцы, томясь съ ранняго утра и терпѣливо ожидая, когда отворится завѣтная дверь въ батюшкіну келлію, освѣщенную горѣвшей предъ иконою лампадою. Кто стояль, кто сидѣль здѣсь. А у самой двери, прислоняясь отъ слабости къ стѣнѣ головкой, сидѣла молоденькая больная монахиня, и здѣсь же какая-то молодая женщина, истерично рыдающая. Вотъ отворилась дверь. Всѣ встрепенулись. Батюшкака весь въ бѣломъ, зорко окинувъ взглядомъ всѣхъ, взяль за руку больную монахиню и ввелъ ее за собою. Дверь опять затворилась. Въ это время плачущая женщина вскрикнула: «Батюшкака, возьмите же и меня! А то я умру съ горя», – и зарыдала еще сильнѣе. Вдругъ опять отворилась дверь. Батюшкака съ доброю улыбкою взглянуль на нее и сказалъ: «Кто это тутъ умирать собирается? Еще, пожалуй, хоронить придется.

Ну, иди, иди». Дверь снова затворилась за ними. И когда вышла эта скорбящая душою женщина, лицо ея просвѣтлѣло. Слезы хотя катились еще по лицу, но это были уже не прежнія слезы, и что-то радостное, спокойное свѣтилось въ ея глазахъ. Когда я съ участіемъ спросила ее, утѣшилъ ли ее Батюшка, она сказала: «О, какъ еще утѣшилъ-то! Точно отецъ родной! Только очень велико мое горе-то, – не скоро излѣчишь его!»

Въ этотъ моментъ изъ церкви неслось пѣніе: «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа!» Глубоко растроганная всѣмъ видѣннымъ мною, я молилась, прося великой милости у Бога – быть принятой великимъ Старцемъ. Прошло нѣсколько минутъ, опять отворилась келлія. Самъ Батюшка показался въ ней и назвалъ меня по имени... Я вздрогнула отъ радости и, творя крестное знаменіе, вошла вслѣдъ за нимъ въ его небольшую, полуосвѣщенную заходящимъ солнцемъ келлію»...

Открывъ Старцу свое горе – ожиданіе предстоящей страшной операциіи и получивъ его благословеніе – ничего не боясь, операциіи не дѣлать и молиться Богу, причемъ Старецъ напомнилъ ей забытые ею тяжкіе грѣхи, рассказчица продолжаетъ: «Невозможно описать и выразить словами того, что чувствовалось тогда на душѣ. Это былъ и благоговѣйный трепетъ предъ праведникомъ, проникнувшимъ своею прозорливостью въ мою грѣшную и настрадавшуюся душу, и какая-то неzemная, восторженная радость отъ общенія, вѣянія этого міра духовнаго... Когда, поздно вечеромъ, собрались мы въ монастырской гостиницѣ, въ коридорѣ столпились въ кружокъ люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ и даль-

нихъ сторонъ, незнакомые, чужіе доселъ другъ другу, а здѣсь перезнакомившіеся и откровенно, по-братски, дѣлившіеся своею радостью и своими впечатлѣніями по поводу сказаннаго Батюшкою утѣшенія, вразумленія или мудраго совѣта»...

Утромъ рано, едва я открыла глаза, какъ опять то же радостное настроеніе охватило мою душу, то же благоговѣніе къ благостному Старцу и горячая беззавѣтная любовь къ нему. Вышедши изъ гостиницы, я съ умиленіемъ глядѣла на окна той скромной смиренной келліи, гдѣ находился тогда нашъ дорогой Батюшка; земно поклонилась я ему, заочно прося его святыхъ молитвъ о грѣшной душѣ моей; и радостная, счастливая выѣхала изъ этой юной еще обители, которую не промѣняла бы тогда на всѣ сокровища міра. На возвратномъ пути я свято исполнила все, что приказано было мнѣ Батюшкою. По молитвамъ Старца, болѣзнь моя не возвращалась ко мнѣ съ тѣхъ поръ, и этому уже девять лѣтъ».

Наступило лѣто 1890 года, послѣднее лѣто пребыванія о. Амвросія въ Скиту и въ Оптиної Пустыні, такъ какъ именно этимъ лѣтомъ онъ совершилъ свою послѣднюю поѣздку въ Шамордино, откуда уже не возвращался въ Оптину до самой своей кончины.

Много было въ свое время толковъ и предположеній разнаго рода по поводу этого послѣдняго пре-быванія старца Амвросія въ Шамординѣ. По слову его жизнеописателя о. архимандрита Агапита, «о Старцѣ каждый толковалъ по своему, – его судили и осуждали многіе. По всѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ только было извѣстно имя старца Амвросія, пронесся о немъ золь глаголь».

Осуждали его и за оставление скита, и за пребываніе въ женской обители. Указывали лицъ, изъ-за которыхъ будто бы Старецъ долженъ быть покинуть Оптину Пустынь. Всѣ эти толки и предположенія не заслуживаютъ, конечно, никакого довѣрія. Проживъ въ скиту Оптиної Пустыни 50 лѣтъ, Старецъ за это долгое время испыталъ, конечно, не мало всякаго рода скорбей и непріятностей и, однако, не находилъ нужнымъ удаляться изъ обители. Теперь ли, на склонѣ лѣтъ своихъ, достигнувъ высшей опытности и мудрости въ различеніи всевозможныхъ путей Промысла Божія въ жизни человѣческой, привыкнувъ всецѣло полагаться во всемъ на благую и всесовершенную волю Божію, теперь ли не потерпѣлъ бы онъ новыхъ скорбей и рѣшился бы мало-душно уходить отъ нихъ?! Это представляется намъ совершенно невѣроятнымъ, несогласнымъ со всею жизнью, со всѣми наставленіями Старца, съ завѣтами старчества, которыхъ онъ былъ бдительнымъ охранителемъ. Такое предположеніе могло возникнуть въ умахъ только тѣхъ людей, которые совсѣмъ не знали и не понимали великаго Старца.

Болѣе вѣроятно то предположеніе, что Старецъ перемѣстился въ Шамордино съ цѣлью болѣе близко и непосредственно наблюдать за ходомъ тамошнихъ дѣлъ и производимыми тамъ постройками и работами, также для руководства духовною жизнью новоустроющейся обители.

Въ Шамординѣ, съ самаго открытія общины, производились большія постройки; поэтому тамъ было множество рабочихъ, а хорошаго присмотра за ними не бы-

ло. Сама новая настоятельница была здоровья слабаго и не имѣла надлежащей опытности въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Не было у нея и достаточно опытныхъ помощниковъ. Затѣмъ – материальныхъ средствъ ни въ строящейся обители, ни у самого Старца не было никакихъ, хотя этого никто не зналъ. Всѣ были увѣрены, напротивъ, суждя по производимымъ работамъ, что средства Старца неисчерпаемы.

Да какъ было и не быть въ этомъ увѣренными, когда въ довершеніе всѣхъ шамординскихъ построекъ Старецъ задумалъ воздвигнуть въ общинѣ огромный каменный храмъ, къ сооруженію котораго и было приступлено въ 1889 году.

Всѣ эти сложныя и разнообразныя хозяйственныя и духовныя начинанія и заботы и побудили Старца, какъ полагаютъ нѣкоторые, перемѣститься въ Шамордино для личнаго распоряженія на мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, нужно, однако, думать, что и самыи переѣздъ Старца въ Шамордино, и его продолжительное пребываніе здѣсь зависѣли не столько отъ воли самого Старца, сколько отъ «особеннаго промышленія Божія», какъ говорилъ Старецъ.

Есть основаніе думать, что Старецъ, уѣзжая изъ Скита, предчувствовалъ, что онъ уже не возвратится въ него обратно. Въ предыдущіе годы, уѣзжая лѣтомъ въ Шамордино, онъ всегда бралъ туда съ собою своего старшаго келейника іеромонаха Іосифа; теперь же онъ оставилъ о. Іосифа въ Скиту, какъ бы предуказывая его будущее назначеніе, а съ собою взяль своего младшаго келейника о. Исаію.

Преподобный старець іеросхимонахъ Іосифъ
(† 9/22 мая 1911 г.)

Быль и еще замѣчательный случай. Незадолго до отъѣзда о. Амвросія изъ Скита ему была прислана большая, прекрасно написанная икона «Споручница грѣшныхъ», которая и была помѣщена въ келліи о. Іосифа, смежной со старцевой.

Уѣзжая въ послѣдній разъ въ Шамордино, Старецъ велѣлъ о. Іосифу помѣстить эту икону надъ своимъ изголовьемъ и затеплить предъ нею неугасимую лампаду, что и было исполнено о. Іосифомъ по отъѣздѣ Старца. Такимъ образомъ, покидая Скитъ, о. Амвросій какъ бы поручалъ его, а съ нимъ и всю Оптинскую обитель Матери Божіей! Еще одно обстоятельство. Въ самый день отъѣзда, поручивъ братіи служить напутственный молебень предъ Казанской иконою Божіей Матери въ соборѣ, о. Амвросій послалъ одну изъ своихъ духовныхъ дочерей въ Козельскъ отслужить и тамъ путевой о немъ молебень предъ чудотворной Ахтырской иконой Божіей Матери, чего прежде также не дѣгалось.

Настало, наконецъ, 2-е число іюля, и Старецъ выѣхалъ изъ Скита, направляясь на Шамординскую дачу – Руднево³⁷. Въ день отъѣзда Старца погода была самая благопріятная. День стояль ясный и теплый. Проводы были многолюдные.

Хотя Старца, по его благословенію, сопровождалъ только одинъ его келейникъ о. Ісаія, который и собираль его въ дорогу и везъ все необходимое для него, но уже на другой день появились въ Рудневѣ толпой почи-

³⁷ Руднево отстоить отъ Шамордина по проѣзжей дорогѣ въ семи верстахъ, а по ближайшей пѣшешодной – въ трехъ верстахъ.

татели и въ томъ числѣ оптинскіе монахи со своими духовными нуждами.

Вообще во время пребыванія Старца въ Шамординѣ братія Оптиної, оть старшихъ до младшихъ, ежедневно посѣщали его: они не могли оставаться безъ его духовнаго окормленія и, помимо переписки, спѣшили при первой возможности лично въ Шамордино. Не обходили Шамордина и монахи, шедшіе помолиться въ Тихонову обитель, чтобы предварительно испросить благословеніе Старца.

Почему, однако, Старецъ выѣхалъ не прямо въ Шамордино, какъ это дѣжалось раньше, а въ Руднево? На это была слѣдующая причина. Незадолго до отѣзда Старца изъ Скита было ему доставлено письмо оть неизвѣстнаго «любителя благочестія». Въ этомъ письмѣ говорилось, что много лѣтъ тому назадъ, въ помѣщичьемъ имѣніи, которое теперь принадлежитъ Шамординской общинѣ подъ именемъ Рудневской дачи, былъ вырытъ какими-то подвижниками колодецъ, утолявшій жажду многихъ путниковъ, а теперь это мѣсто находится въ пренебреженіи. Еще до полученія этого письма, осенью 1889 года, настоятельница Шамординской обчины м. Евфросинія, находясь однажды въ Рудневѣ и наблюдая тамъ за работами около сажелки почувствовала, что нога ея пропаливается въ землю... Она разсказала объ этомъ Старцу, по распоряженію котораго противъ того мѣста, гдѣ пропалилась настоятельница, стали рыть землю и скоро напали на срубъ колодца. Быть открыть источникъ воды; но странно – всѣ говорили одно: когда стали давать эту воду бѣсноватымъ, страданія ихъ увеличивались.

Отправляясь 2 июля 1890 года въ Шамордино, Старець рѣшилъ лично побывать сначала въ Рудневѣ. Прибывъ туда, Старець самъ осматривалъ мѣсто вблизи вырытаго колодца, нѣсколько ниже. Онъ предварительно сталъ на молитву, приказалъ и всѣмъ, бывшимъ съ нимъ, молиться. Послѣ молитвы самъ началъ рыть землю, а потомъ приказалъ рыть и другимъ. Когда показалась вода, Старець приказалъ устроить здѣсь второй колодецъ.

Колодецъ быль приведенъ въ благоустроенный видъ, и къ нему посыпалъ потомъ Батюшка нѣкоторыхъ больныхъ обдаваться изъ него водою; также раздавалъ изъ него воду и глину, которыя оказались цѣлебными. Послѣ близъ цѣлебнаго колодца построенъ быль сарайчикъ, приспособленный къ тому, чтобы обдаваться водою. Проведя въ Рудневѣ одинъ день, Старець прибылъ оттуда въ Шамордино.

Прибытие о. Амвросія въ Шамордино вызвало здѣсь обычную радость сестеръ, встрѣтившихъ его, какъ своего дорогого отца. Дни проходили за днями. Пребываніе Старца въ обители затягивалось. Вмѣсто десяти дней, предположенныхъ Старцемъ, онъ живеть въ Шамординѣ уже недѣли четыре.

Батюшка, по словамъ близкихъ къ нему лицъ, постоянно собирался уѣзжать, но то одно дѣло его задерживало, то другое. Батюшка, видимо, торопился: неутомимо быль самъ на всѣхъ постройкахъ и принималъ народъ, стекавшійся въ Шамордино въ огромномъ количествѣ: монаховъ, монахинь и мірскихъ. Гостиницъ для посѣтителей не хватало; народъ по ночамъ занималъ всю площадь противъ гостиницъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля Батюшка, наконецъ, собрался уѣзжать въ Оптину и распорядился, чтобы въ назначенный день съ утра все подготавляли къ его отъѣзду. Это стало извѣстно и въ Оптиної. И потому къ шести часамъ вечера народъ уже сталъ собираться около Скита, другіе ушли къ парому, а нѣкоторые отправились даже за рѣку встрѣчать Батюшку.

Однако къ 8 часамъ вечера получено было извѣстіе изъ Шамордина, что Батюшка сегодня не пріѣдетъ, что къ его отъѣзду уже все было готово, но онъ внезапно почувствовалъ такую слабость, что не только ъхать, даже и принимать никого не могъ. Ожидали Батюшку въ Оптину Пустынь на другой день. Но и въ этотъ день повторилось то же самое: утромъ Старецъ принималъ въ Шамординѣ посѣтителей, собирался ъхать, а къ вечери, въ тѣ же часы, что и вчера, почувствовалъ себя очень нехорошо. Пришлось отложить отъѣздъ на неопределеннное время.

Наступилъ Успенскій постъ, во время котораго Старецъ исповѣдовалъ всѣхъ безъ отказа, начиная съ архимандрита и монаховъ оптинскихъ и кончая множествомъ мірскаго народа. Къ 29 августа, скитскому празднику, Старецъ опять сталъ собираться въ Скитъ. Стали служить ему напутственный молебень. Однако ему снова сдѣлалось такъ дурно, что пришлось оставить всякую мысль объ отъѣздѣ. Говорили даже, что Старца нашли лежавшимъ на полу въ крайнемъ изнеможеніи.

Замѣчательно при этомъ, что Старецъ, приходившій въ крайнее болѣзненное изнеможеніе при попыткахъ ъхать въ Оптину, совершалъ въ то же время неоднократ-

ныя поездки въ Руднево и чувствовалъ себя при этомъ совершенно бодрымъ.

Послѣ послѣдней неудачной попытки Старца вернуться въ Скитъ къ празднику Успѣновенія Главы Иоанна Предтечи, всѣмъ стало ясно, что Старцу придется остаться на всю зиму въ Шамординѣ. Погода въ это время уже мѣнялась на осеннюю, а Старецъ не могъ выходить, когда было меныше 15 градусовъ тепла.

Оптинскіе иноки тревожились и волновались долгимъ отсутствіемъ Старца. Настоятель, о. архимандритъ Исаакій, сильно скорбѣлъ. Старецъ утѣшаль его, убѣждая смириться подъ крѣпкую руку Божію, а оптинской братіи послалъ собственноручное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Я доселѣ задержался въ Шамординѣ по особенному промышленію Божію; а почему – это должно означаться послѣ». Письмо это было прочитано въ монастырской трапезѣ вслухъ всѣхъ братій.

Между тѣмъ въ Шамординѣ подготавляли для Старца зимнее помѣщеніе. Убѣдившись, что Старецъ остается у нихъ на всю зиму, сестры были въ восторгѣ.

Оставшись въ Шамординѣ на неопределеннное время, о. Амвросій установилъ здѣсь у себя такой же образъ жизни, какъ и въ Скиту. Такъ же, какъ и въ Скиту, ежедневно выслушивалъ положенные молитвословія. Такъ же подъ праздники бывали у него всенощные бдѣнія, которыя первое время служилъ онъ самъ, т. е. произносилъ возгласы и въ свое время читалъ Евангеліе, а сестры пѣли и читали положенное. Чудныя были эти минуты, замѣчаютъ шамординскія очевидицы,

когда на средину комнаты выходилъ согбенный Старецъ, въ коротенькой мантіи и епитрахили, съ открытой съдой головой, и какимъ-то дѣтски-старческимъ, слабымъ голосомъ читаль внятно слова благовѣстія Христова, которыхъ самъ былъ ревностнымъ исполнителемъ и проповѣдникомъ... Впрочемъ, такъ было недолго. Болѣзnenный Старецъ не въ силахъ былъ самъ служить. Для этого большею частью прѣзжалъ изъ Скита бывшій его письмоводитель іеромонахъ о. В.

Особенное благоговѣніе всегда имѣлъ старецъ Амвросій къ Божіей Матери, почему ни одного Богородичнаго праздника не пропускалъ безъ того, чтобы не отправить предъ Ея св. иконою келейнаго бдѣнія.

Въ 1890 году прислана была ему въ Скитъ настоятельницею Болховскаго женскаго монастыря особенная икона Божіей Матери, написанная по указанію Старца. Царица Небесная представлена сидящею на облакахъ. Руки Ея простерты на благословеніе. А внизу, среди травы и цвѣтовъ, стоять и лежать ржаные снопы. Ржаные снопы написаны были по желанію и назначенію о. Амвросія, который и даль этой иконѣ наименованіе «Спорительницы хлѣбовъ». Горячія молитвы возносиль Старецъ предъ этою иконою; училъ и понуждалъ молиться предъ нею и собранныхъ имъ въ общинѣ духовныхъ чадъ своихъ. Въ послѣдній же годъ своей жизни онъ дѣлалъ снимки съ этой иконы и раздаваль и разсыпалъ многимъ и изъ постороннихъ своихъ почитателей. А незадолго до послѣдней своей болѣзни онъ составиль въ честь этой иконы особый припѣвъ къ обычному богословичному акаѳисту: «Радуйся, Благодатная, Господь

съ Тобою! Подаждь и намъ, недостойнымъ, росу благодати Твоей и яви милосердіе Твое!» Припѣвъ этотъ сестры пѣли по благословенію Старца, когда въ келліи его читался акаѳистъ Божіей Матери. Празднованіе этой иконѣ Старецъ заповѣдалъ своимъ чадамъ духовнымъ 15 октября. Усердная молитва предъ этою иконою Божіей Матери не разъ сопровождалась чудесами милости Пресвятой Богородицы. Такъ снимокъ съ этой иконы посланъ былъ въ Пятницкую женскую общину Воронежской епархіи. По случаю сильной засухи, грозившей неминуемымъ голодомъ, тамъ было совершено молебствіе передъ нею; послѣ чего вскорѣ пошелъ дождь, и обитель съ окрестностями была спасена отъ голода. Сказываютъ еще, что весною 1897 года, или около того, священникъ с. Озерскаго пріѣхалъ въ Руднево, какъ приходскій пастырь, и тамъ, по случаю бездождя, служилъ на поляхъ молебень Божіей Матери предъ Ея св. иконою «Спорительницы хлѣбовъ», съ акаѳистомъ. Во время служенія молебна давно не бывшій дождь сталъ накрапывать. Когда же послѣ молебна отслужена была еще панихида по старцѣ Амвросіи, то пролилъ обильный дождь.

Съ неумолкаемою молитвою Старецъ соединялъ разнообразныя заботы о водвореніи внутренняго порядка въ юной своей обители: о благочинномъ отправленіи службъ церковныхъ, о разумномъ и внятномъ чтеніи и пѣніи, о должностномъ отношеніи сестеръ къ своей начальницѣ и между собою и т. п. Затѣмъ Старецъ по-прежнему входилъ во всѣ хозяйственныя дѣла. Всѣ постройки производились по его плану и указанію. Вызвавъ изъ

Скита нѣкоторыхъ монаховъ, понимающихъ строительное дѣло и вообще хозяйство, Старець черезъ нихъ дѣлалъ свои распоряженія. Кромѣ того, Старець по-прежнему же съ утра и до вечера принималъ народъ и занимался перепиской съ просившими у него совѣтовъ и наставлений.

Такъ незамѣтно прошло время до 7 декабря, – дня Ангела Батюшки. Этотъ день Шамординская обитель отпраздновала съ особеною торжественностью. Наканунѣ этого дня прїѣхали изъ Оптиної нѣсколько іеромонаховъ, въ главѣ которыхъ быль настоятель Оптиної Пустыни архимандритъ Исаакій. Отслужили бдѣніе и на слѣдующій день соборомъ Литургію съ молебномъ святому, съ возглашеніемъ многолѣтія имениннику. Затѣмъ всѣ служившіе пришли поздравить Батюшку съ днемъ Ангела. Лицо у него въ это время казалось очень блѣдное и истомленное. Принимая съ благодарностью поздравленія отъ монаховъ, онъ только смиренно все повторялъ: «Ужъ очень много параду сдѣлали». Послѣ братіи приходили поздравлять дорогого именинника и всѣ сестры. Каждая изъ нихъ поднесла ему какой-нибудь подарокъ своей работы, кто – четки, кто – носки, кто – фуфайку, кто – икону... Батюшка съ веселымъ лицомъ принималъ отъ нихъ подарки, благодарила всѣхъ, шутила и одѣляла пирогомъ и лакомствами.

Несмотря, однако, на видимую веселость, о. Амвросій внутренно глубоко скорбѣлъ.

На новый годъ, когда пришли его поздравить, онъ долго не выходилъ и никого не принималъ. Наконецъ,

всѣхъ позвали въ приемную, Батюшка сидѣль на диванчикѣ и вмѣсто поздравленія и привѣтствія заставилъ прѣхавшую изъ Оптиної Пустыни свою духовную дочь прочитать Троицкій листокъ, который кончался молитвою пастыря о своихъ чадахъ, гдѣ онъ говорить ко Господу: се азъ и дѣти мои... и прощается со своею паствою. Всѣмъ присутствующимъ стало грустно. У многихъ навернулись слезы. Самъ Старецъ плакаль.

На Страстной недѣлѣ 1891 года одна близкая къ Старцу особа привезла ему образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, отысканный ею по его указанію. Батюшка съ великою радостью принялъ образъ и сказалъ: «Ну что же лучше этого терноваго вѣнца!» – и поцѣловалъ образъ. Затѣмъ прибавиль: «Хорошо быть у креста Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этомъ крестѣ».

Когда Старецъ произносиль эти слова, лицо его было какое-то особенное: что-то неземное свѣтилось въ его глазахъ.

Настала Св. Пасха. На первый день праздника, послѣ Литургіи, настоятельница по обычаю пришла поздравить Старца съ свѣтлымъ праздникомъ; а за нею уже и всѣ сестры и нѣкоторые міряне приходили «христосоваться» съ Батюшкой, который всѣмъ подаваль по красному яйцу и по куску кулича и пасхи. Поистинѣ, замѣчаютъ шамординскія сестры, свѣтлый былъ праздникъ. У всѣхъ на душѣ было радостно. Да и какъ же могло быть иначе? Пасха – и великій Старецъ раздѣляеть вмѣстѣ это великое торжество. Каждый день, во всю Свѣтлую седмицу, сестры пѣли у него утреню, часы и

Приемная старца Амвросия въ Шамордино

вечерню. Батюшка самъ подпѣвалъ; иногда задаваль пѣвчимъ тонъ, поправляль ошибки и дѣлалъ разныя замѣчанія. По окончаніи же седмицы, когда пѣвчія стали благодарить Старца за то утѣшеніе, какое онъ имъ доставиль въ эту Пасху, онъ ласково имъ сказалъ: «Спаси, Господи!» А потомъ прибавиль: «Будете вы вспоминать эту Святую». Никто не поняль и не могъ понять тогда этихъ словъ, которыми Старецъ намекаль на предстоящую свою кончину.

Съ наступленіемъ лѣта о. Амвросій возобновиль свои прогулки. Онъ ходилъ по постройкамъ и ъздиль въ Руднево, гдѣ гостиль иногда недѣли по двѣ. Если слу-чался какой-нибудь праздникъ, онъ непремѣнно возвращался въ Шамордино – «домой», какъ онъ говориль.

Въ это лѣто прибыль къ Старцу въ Шамордино че-ловѣкъ Божій, именемъ Гаврюша, лѣтъ сорока отъ роду, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Господь уподобиль дѣтямъ, сказавъ, что таковыхъ есть Царствіе Божіе. Онъ жиль въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, быль разслабленъ, трясся всѣмъ тѣломъ и еле могъ говорить и при-нимать пищу. Ноги его не дѣйствовали; онъ лежаль и молился Богу. Примѣчали, что ему многое открыто. Послѣднею весною ему явился старецъ Амвросій и ска-залъ: «Приходи ко мнѣ въ Шамордино, я тебя успокою». Въ то же время онъ всталъ на ноги и объявиль, что идетъ въ Шамордино. Но такъ какъ ноги его были весь-ма слабы и походка неровная, то его хотѣли везти по желѣзной дорогѣ, но онъ отказался отъ этой услуги. Старца онъ встрѣтиль подъ Шамординымъ. Тотъ тихо ъхаль откуда-то. Вокругъ него былъ народъ. «Батюш-

ка! – закричал Гаврюша своимъ малопонятнымъ языкомъ, – ты меня звалъ, я пришелъ». Батюшка тотчасъ вышелъ изъ экипажа, подошелъ къ нему и сказалъ: «Здорово, гость дорогой! Ну, живи тутъ». И прибавиль окружавшимъ: «Такого у меня еще не было». Батюшка очень ласкалъ Гаврюшу. Онъ устроилъ ему уголокъ въ Шамординѣ, а впослѣдствіи и въ Рудневѣ, и Гаврюша все порывался туда ѿхать. «Батюшка! Не хочу въ Шамординѣ; поѣдемъ въ Руднево; въ Руднево хочу». А Батюшка все успокоивалъ его, что когда приготовятъ для Гаврюши въ Рудневѣ помѣщеніе, они туда и поѣдутъ. Было умилительно смотрѣть, какъ Батюшка занимался бесѣдой съ Гаврюшой, и какъ они ходили по келліи: одинъ ковыляя на кривыхъ ногахъ, а другой, согбенный, опираясь на свою палочку.

Мы уже говорили выше, что о. Амвросій переживалъ въ Шамординѣ великую душевную скорбь, о которой и высказывался окружавшимъ иногда намеками, косвенно, а иногда и прямо, какъ, напримѣръ, однажды окружавшимъ его сестрамъ: «Матери и сестры! Я у васъ здѣсь на крестѣ!» И дѣйствительно, жизнь его, по словамъ близкихъ лицъ, была въ это время невозможна трудная. Ни днемъ ни ночью онъ не имѣлъ покоя и по неудобству помѣщенія (которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавлялось), и отъ множества дѣлъ и окружавшаго его народа. Болѣло сердце его и за оптинцевъ, оставшихся безъ своего духовнаго руководителя. Когда являлся къ нему кто-нибудь изъ нихъ, Батюшка уже не заставлялъ его долго ждать, – а съ особеною любовью принималъ и утѣшалъ.

Но очень часто послѣ такихъ посѣщеній онъ дѣлался чрезвычайно озабоченнымъ и разстроеннымъ. Принесутъ, бывало, ему обѣдъ, – постоитъ въ келліи, такъ и унесутъ назадъ, – ни къ чему и не дотронется.

Притомъ и здоровье Старца съ теченіемъ времени стало ослабѣвать до послѣдней крайности, а ропотъ на него посѣтителей увеличивался; такъ какъ въ особенности теперь, при огромномъ стеченіи народа, многимъ изъ нихъ приходилось очень долго ждать его приема. А Старецъ и радъ быль бы удовлетворить всѣхъ, но силы совсѣмъ оставляли его. Часто приходилось видѣть его, какъ передаютъ Шамординскія сестры, лежащимъ навзничъ въ полномъ изнеможеніи. Блѣдное, истомленное лицо его выражало страданіе; голось совершенно покидалъ его, и глаза были закрыты. При взгляде на полу живого Старца сердце сжималось отъ жалости. Самъ онъ нерѣдко со скорбю говорилъ: «Вѣдь не вѣрять, что я слабъ, – ропщутъ». И однако же этотъ полу живой семидесяти девяти лѣтній Старецъ не только никогда не терялъ присутствія духа, но также всегда быль спокоенъ и весель, какъ и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и своею веселостью и шутливыми разсказами умѣлъ разгонять въ окружавшихъ его самое мрачное уныніе. Въ эту послѣднюю зиму пребыванія его въ Шамординской общинѣ всѣ сестры обители, отъ чрезмѣрной слабости Старца и отъ другихъ разныхъ не-пріятностей, были однажды въ особенно мрачномъ настроеніи духа. Болѣзnenный Старецъ собралъ послѣднія свои силы и съ веселымъ видомъ вышелъ въ комнату, куда собрались и сестры. Сначала онъ кое-ко-

му изъ нихъ поодиночкѣ говориль что-нибудь въ утѣшениѣ, отъ чего всѣ лица мало-помалу прояснялись; а наконецъ, вообще предъ всѣми такъ насыщилъ, что разогналъ и послѣдніе остатки унынія. А въ другой разъ окружавшія Старца сестры стали говорить ему со скорбію: «Какое намъ счастье жить при васъ и имѣть васъ, Батюшка! А придетъ время, – не станетъ васъ съ нами. Что мы тогда будемъ дѣлать?» – Батюшка улыбнулся, оглянувшись всѣхъ присутствующихъ съ такою любовію, съ какою умѣлъ глядѣть онъ одинъ и, покачавъ укоризненно головою, сказалъ имъ: «Ужъ если я тутъ съ вами все возился, то тамъ-то отъ васъ ужъ вѣрно не уйдешь».

Послѣ Пасхи 1891 года Старца постигла новая неожиданная скорбь. Избранная имъ настоятельница обители м. Евфросинія, его ближайшая помощница и исполнительница его предназначертаній, тяжко заболѣла. Войдя однажды въ его келлію по какому-то дѣлу, она вдругъ почувствовала себя очень нехорошо. Лицо ея помертвѣло, дыханіе прекратилось, она едва не упала. Смутился Старецъ. Самъ, еле передвигая ноги, подошелъ къ видимо умиравшой, затѣмъ позвалъ сестеръ, которые и уложили ее на стоявшій вблизи диванъ; тогда Старецъ, глядя на нее и какъ бы прося ее не покидать его, удрученного болѣзнями и скорбями, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Мать, подыши еще!» И скоро, по молитвамъ Старца, дыханіе ея возобновилось, и она была пріобщена Св. Христовыхъ Таинъ. Послѣ этого случая м. Евфросинія стала слѣпнуть. Къ срединѣ лѣта она уже ничего не могла видѣть, – могла

только различать бѣлый цвѣтъ отъ чернаго. Тяготясь, вслѣдствіе потери зрѣнія, должностю настоятельницы, она просила Старца позволить ей подать прошеніе объ отставкѣ, но Старецъ не благословилъ, сказавъ: «Сама не подавай, а если велить подать начальство, то подай». При этомъ онъ старался всячески утѣшать ее и ободрять, говоря: «Мать! Претерпѣвай и не унывай!»

Въ довершеніе всѣхъ скорбей Старца обрушилось на него и неблаговоленіе епархиального начальства, особенно обострившееся къ концу его жизни. Въ 1890 году въ Калугу быль назначенъ новый архіерей, перемѣщенный изъ Тамбова, преосвященный Виталій. Прибыль онъ на епархію осенью, когда старецъ Амвросій уже имѣлъ свое пребываніе въ Шамординской общинѣ. Преосвященному Виталію очень хотѣлось видѣть извѣстнаго всему православному миру старца Амвросія, но, узнавъ, что Старецъ живеть въ женской обители, медлилъѣхать въ Оптину Пустынъ, ожидая возвращенія Старца въ Скитъ. Между тѣмъ время шло, а Старецъ не возвращался. Это было непріятно Владыкѣ, тѣмъ болѣе, что Старецъ перемѣстился въ Шамордино безъ разрѣшенія своего епархиального начальства.

Распространявшиеся недоброжелателями о. Амвросія нелѣпые о немъ слухи по поводу его пребыванія въ Шамординѣ доходили и до Владыки и смущали его еще болѣе, такъ что онъ даже говорилъ съ тревогою: «Что это у нихъ тамъ дѣлается», – и нѣсколько разъ поручалъ благочинному монастырей потребовать отъ Старца не-медленнаго возвращенія въ свой Скитъ. Болѣзnenный, умирающій Старецъ, конечно, не могъ исполнить этого

распоряженія, но въ Калугѣ не вѣрили этому и принимали его слова за одну пустую отговорку. Старцу стали угрожать, что его силою отвезутъ въ Оптину, на что онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что не доѣду до Оптиної; если меня отсюда увезутъ, я на дорогѣ умру».

Собственно говоря, епархіальному начальству не было никакого основанія волноваться и можно было бы относиться къ Старцу съ тѣмъ же довѣріемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ относился къ нему, напримѣръ, великий молитвенникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, говорившій пріѣзжавшимъ къ нему шамординскимъ сестрамъ: «А, это отъ старца Амвросія; о, великий Старецъ! Земной поклонъ ему отъ меня!» Но, очевидно, кому-то нужно было омрачить послѣдніе дни земной жизни о. Амвросія, увеличить тяжесть несомаго имъ креста, такъ что на немъ исполнялись слова Господа: *Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесъхъ: тако бо изгнаша пророки, иже бѣша прежде васъ* (Мѳ. 5, 10–12). Возлюбивъ свое послѣднее и любимѣйшее дѣтище, Шамординскую обитель, своею послѣднею и сильнѣйшею любовью, Старецъ, претерпѣвая за эту обитель великія скорби, тѣмъ самыемъ показалъ, что *возлюбль своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ* (Ін. 13, 1), возлюбилъ не словомъ нижес языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Ін. 3, 18). Весною разнесся слухъ, будто Владыка, разстроенный разными толками и сообщеніями, сказалъ: «Я самъ поѣду въ Шамордино, посажу Старца въ

карету и увезу въ Оптину!» Когда одна изъ духовныхъ дочерей Старца передала ему эти слова Преосвященнаго, о. Амвросій отвѣтилъ: «Живъ Господъ Богъ мой, и жива будетъ душа моя; а ты знай, что надъ всѣми вѣдѣками есть Вышній Владыка; ѿхать въ Оптину я не собираюсь; да и куда я теперь поѣду?! Развѣ только...» И Старецъ послѣднія слова сказалъ такъ тихо, что ихъ невозможно было разслышать. Другая монахиня, также встревоженная ходившими слухами, обратилась къ Старцу: «Батюшка! Говорять, Владыка сюда єдетъ; что вы ему скажете?» – «Я скажу, – тихо отвѣтилъ Старецъ, – я скажу: ищите прежде воли Божіей...»

Въ это время о. Амвросій сталъ уже многимъ намекать, хотя они и не понимали или не хотѣли, боялись понять это, о своей близкой кончинѣ.

Пріѣхалъ къ нему проживавшій въ Оптиної Пустыни его духовный сынъ К. Н. Леонтьевъ, чтобы получить отъ него благословеніе поѣхать въ Москву для леченія. Прощаясь съ нимъ, Старецъ неоднократно обнималъ его, говоря: «Прости, прости меня!» Такое прощаніе показалось Леонтьеву знаменательнымъ. И дѣйствительно, оно было послѣдніе.

Все лѣто 1891 года въ Шамординѣ ожидали своего новаго архипастыря. Настоятельница и сестры тревожились и волновались, и обращались къ Старцу съ разными вопросами. «Батюшка! Какъ намъ встрѣчать Владыку?» Старецъ отвѣчалъ: «Не мы его, а онъ насъ будеть встрѣчать!» – «Что для Владыки пѣть?» – Старецъ сказалъ: «Мы ему аллилуїа пропоемъ!» Еще какъ-то сказали ему: «Говорять, Владыка хочетъ много спрашивать у

васъ». Онъ отвѣтилъ: «Мы съ нимъ потихоньку будемъ говорить, – никто не услышить!» Такими отвѣтами Старецъ, очевидно, намекалъ на свою близкую кончину, но этихъ намековъ никто изъ окружавшихъ его въ то время не понималъ. У нѣкоторыхъ сестеръ даже было предчувствіе близкой кончины Батюшки, но ему не хотѣлось вѣрить, думалось, напротивъ, что Старцу невозможно такъ скоро умереть. Вотъ какія строки читаемъ мы въ дневникѣ одной близкой къ Старцу сестры: «Несмотря на великое счастье, что Батюшка у насть, все предчувствіе чего-то страшнаго не давало мнѣ покоя; и мысль – не послѣдніе ли дни Батюшка нашъ проводить съ нами. – все отравляла. Я боялась съ кѣмъ-нибудь заговорить объ этомъ, чтобы не услышать отъ другихъ, что и имъ приходять тѣ же мысли. Какъ-то въ разговорѣ съ матушкой я рѣшилась спросить, какъ она думаетъ объ этомъ. Матушка мнѣ на это тоже сказала, что она боится очень радоваться, – Богъ знаетъ, надолго ли такъ будетъ. Вѣроятно, и многимъ приходила эта мысль. Отъ Батюшки мы никогда не слыхали прямого указанія на его близкую кончину. Нѣкоторыя распоряженія его какъ будто указывали на это; но тогда все какъ-то иначе объяснялось, и только послѣ кончины Старца стало все понятнымъ».

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Батюшки одинъ петербургскій художникъ, который иногда обращался къ Старцу за денежною помощью, прислалъ ему Казанскую икону Божіей Матери, копію съ чудотворнаго Ея образа, и при ней имена своей семьи, прося Батюшку помолиться за нихъ. Батюшка велѣлъ положить записку въ кіотъ за икону и сказалъ: «Царица Небесная Сама бу-

деть молиться за нихъ». Одинъ бѣдный семейный человѣкъ, которому Батюшка много разъ помогаль, предъ послѣднею его болѣзнью письменно обратился къ Старцу, съ просьбою помочь ему купить теплую одежду. Батюшка послалъ ему, сколько было нужно, и при этомъ прибавиль въ концѣ своего письма: «Помни, что это тебѣ послѣдняя отъ меня помошь». Монахиня, которой пришлось писать эту записку, говорить, что «послѣднія слова ея меня нисколько не смутили. Я объяснила ихъ себѣ такъ, что нужно было написать это ему въ предупрежденіе, чтобы не слишкомъ надѣялся».

Разъ одна пріѣзжая игуменія, сидя въ пріемной келліи въ ожиданіи пріема Батюшки, увидѣла на иконѣ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, которая долгое время стояла у него въ пріемной на столѣ, выступившія капли наподобіе мура, и сообщила о семъ матушкѣ. Когда принесли икону къ Батюшкѣ, разсказавъ ему о появившихся на ней чудесныхъ капляхъ, то онъ долго смотрѣлъ на нее и сказалъ: «Будутъ скорби и тому, кто первый увидѣлъ это, и живущимъ здѣсь». Черезъ нѣсколько дней послѣ отѣзда этой игуменіи Батюшка получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла его, что тотчасъ по возвращеніи въ свой монастырь ей пришлось перенести неожиданно большую скорбь. Это было въ началѣ сентября; а черезъ мѣсяцъ и Шамординской обители пришлось переживать потерю незабвенаго великаго старца, отца и благодѣтеля.

Въ ту же осень Старецъ говорилъ въ шутливомъ тона окружавшимъ его сестрамъ: «Смотрите, – будетъ осень и тамъ и сямъ, достанется и уткамъ и гусямъ». За-

тѣмъ, усмѣхнувшись, прибавилъ: «Гуси потащутъ, а утки поплачутъ».

О виѣшнемъ видѣ Старца въ это послѣднее времяя его жизни можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма одного кандидата Московской духовной академіи, посѣтившаго Старца въ концѣ августа, за полтора мѣсяца до кончины: «Когда я вошелъ въ комнату и – надо признаться – не безъ нѣкотораго трепета и замѣранія сердца, то увидѣлъ маленькаго стариичка (когда-то онъ былъ высокъ ростомъ), лѣтъ подъ восемьдесятъ, въ простенькомъ тепломъ подрясникѣ и въ монашеской шапочкѣ, сидящаго въ креслѣ, блѣднаго и слабаго до послѣдней степени. Кожа едва облегаетъ кости, нижняя губа тряется, такъ и думаешь, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ умретъ. Если что живо въ этомъ почти мертвомъ тѣлѣ, такъ это глаза – небольшиe, свѣтло-каряго цвѣта, лучистые, добрые, наблюдательные и проницательные. Въ нихъ будто сосредоточивается вся жизнь, и они представляютъ удивительный контрастъ съ мертвенною блѣдностью лица и поразительною слабостью тѣла. Подлинно – духъ бодръ, плоть же немощна».

И действительно, какую надо было имѣть бодрость духа, чтобы выносить то тяжелое положеніе, въ которомъ тогда находился Старець! Въ устроенной имъ общинѣ было болѣе 300 сестеръ, пріютъ, богадѣльня, больница. Годъ голодный, хлѣбъ поэтому дорогой. На обители накопился большой долгъ. Настоятельница слѣпая. Самъ Старець въ опалѣ у начальства, обезславленъ, на краю гроба... Только благодать Божія и поддерживала Старца при такихъ обстоятельствахъ!

Глава X

ПОСЛѢДНIE ДНИ ЖИЗНИ СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ, ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ

*Азъ бо уже жренъ бываю, и время
моего отиществія наста. Подвигомъ
добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ,
въпру соблюдохъ.*

(2 Тим. 4, 6–7)

послѣднихъ дняхъ жизни о. Амвросія мы будемъ говорить, руководствуясь записками и рассказами шамординскихъ сестеръ, по возможности – подробнее, день за днемъ.

21 сентября была суббота. По обыкновенію, пріѣхалъ изъ Скита іеромонахъ служить у Старца бдѣніе; но Батюшка съ утра чувствовалъ себя слабѣе обыкновенного, а къ концу дня такъ ослабѣлъ, что не могъ слышать пѣнія и чувствовалъ ознобъ. «Батюшка ослабѣлъ, Батюшка захворалъ», – слышалось во всѣхъ концахъ монастыря. Всѣ сильно встревожились, хорошо понимая, что для слабаго, почти восьмидесятилѣтняго Старца нужно немного, чтобы подкосить его жизнь. Съ другой

стороны, мысль о томъ, что Батюшкѣ можетъ умереть, была такъ ужасна и казалась такой невѣроятной, что никто на ней не останавливался. Всѣ успокоивали себя тѣмъ, что «Богъ милостивъ; да Батюшкѣ и нельзя умирать, – онъ такъ еще нуженъ».

22-го, въ воскресенье, Батюшкѣ сталъ жаловаться на боль въ ушахъ; несмотря на то, онъ продолжалъ заниматься монастырскими дѣлами, даже принимать нѣкоторыхъ посетителей, шутилъ и вообще былъ весель.

На слѣдующій день, 23-го, боль въ ушахъ Старца усилилась; онъ сталъ плохо слышать и очень мало принималъ посѣтителей, такъ какъ говорить ему было трудно. И всѣ просили его дать себѣ отдыхъ, но Батюшкѣ вставалъ, ходилъ по келліи и бралъ по нѣсколько членовъ на благословеніе. Вечеромъ Старецъ велѣлъ читать ему вслухъ. Когда его спросили, не трудно ли будетъ ему слушать при боли въ ушахъ, онъ ничего не отвѣтилъ, задумался на нѣсколько минутъ и сказалъ: «Это послѣднее испытаніе – потерялъ слухъ и голосъ». Голосъ у Старца, впрочемъ, давно уже сталъ ослабѣвать, такъ что къ вечеру онъ говорилъ иногда совсѣмъ шепотомъ. Слѣдующіе за тѣмъ два дня Старецъ былъ все въ томъ же положеніи и почти не принималъ, такъ какъ совершенно потерялъ слухъ и голосъ. Народъ съ утра до вечера не отходилъ отъ крыльца его келліи. Сколько было скорби, сколько пролито слезъ! Нѣкоторымъ нельзя было долго ждать; просили черезъ келейника заочно благословенія и отвѣта на свои вопросы. Чтобы не утруждать Батюшку разговорами, въ крайнихъ случаяхъ вопросы предлагали ему письменно.

26-го, въ четвергъ, Старець чувствовалъ себя еще хуже – жаловался на сильную боль въ ушахъ, головѣ, лицѣ и во всемъ тѣлѣ. Въ одномъ его ухѣ оказался нарывъ. Ухудшеніе здоровья Старца всѣхъ очень смущило. Рѣшено было вызвать телеграммой изъ Москвы доктора Бабушкина, раньше лечившаго о. Амвросія. Батюшка согласился на это. 27-го нарывъ въ ухѣ прорвался, и боль понемногу утихла. Вечеромъ пріѣхалъ московскій докторъ и, осмотрѣвъ больного, успокоилъ всѣхъ, сказавъ, что ничего опаснаго нѣтъ, что это инфлюэнца. Онъ предписалъ больному полнѣйшее спокойствіе и даль нѣкоторыя успокоятельныя средства. Кстати сказать, бывая и раньше у Старца, этотъ врачъ всегда говорилъ: «Я бываю здѣсь для формы; если бы это былъ обыкновенный больной, то я сказалъ бы, что ему жизни на полчаса; но вѣдь это о. Амвросій – онъ можетъ и годы прожить».

28-го въ состояніи здоровья о. Амвросія продолжалось улучшеніе. 29-го, въ воскресенье, Батюшка вдругъ вышелъ изъ своей келліи и сказалъ, что онъ забылъ помолиться предъ иконою Царицы Небесной «Всѣхъ скорбящихъ Радости». По его желанію былъ отслуженъ предъ этой иконою въ его келліи молебень. Сестры и мірскіе толпились у дверей, чтобы помолиться о выздоровленіи дорогого отца, 1 октября одной изъ своихъ духовныхъ дочерей Старець сказалъ: «Устроить для васъ я больше уже ничего не могу; я васъ отдалъ Царицѣ Небесной». Докторъ, пробывъ при Старцѣ до 2 октября, уѣхалъ на время. Старець самъ провожалъ доктора въ другую комнату и много говорилъ съ нимъ. Первые два

дня послѣ того больной чувствовалъ себя порядочно. И хотя боль въ ушахъ не уменьшалась, и появлялись малые нарывчики то въ томъ ухѣ, то въ другомъ, но лихорадочнаго состоянія не было. Батюшка продолжалъ употреблять прописанныя докторомъ средства, и въ обители всѣ были спокойны.

4-го, въ пятницу, Старецъ сказалъ, что боль въ головѣ у него усиливается, а къ вечеру былъ жаръ. Всѣ послѣдующіе за тѣмъ дни у него была лихорадка черезъ день, причемъ большую часть дня онъ проводилъ какъ бы въ забытьи. Впрочемъ, несмотря на свою крайнюю слабость, онъ по временамъ могъ безъ посторонней помощи вставать съ постели, ходилъ по комнатѣ и даже призывалъ нѣкоторыхъ нужныхъ ему людей и дѣлалъ распоряженія по постройкамъ. Въ этотъ день одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Старца, іеромонахъ Іосифъ, бывши въ Шамординѣ, пожелалъ у него исповѣдоваться; но видя, что Старецъ очень слабъ, боялся беспокоить его. Между тѣмъ лишь только онъ сдѣлалъ маленькой намекъ, что желалъ бы исповѣдоваться, Батюшка сей-часъ же надѣлъ епитрахиль и поручи и самъ подаль ему исповѣдную книжку. И отецъ Іосифъ имѣлъ счастіе поисповѣдоваться у него въ этотъ день въ послѣдній разъ; послѣ чего, простившись съ Старцемъ, уѣхалъ въ Скитъ. Въ наступившую затѣмъ ночь, по разсказу о. Іосифа, долго онъ почему-то не могъ заснуть и въ это время слышалъ, что будто кто-то проговорилъ: «Старецъ умретъ». Слова слышались явственно. Подъ 6 октября у Старца было бдѣніе. Въ половинѣ всенощной Батюшка почувствовалъ себя дурно и сталъ тяжело ды-

шать. Отворили всѣ двери настежь. Всѣ перепугались. Началось тяжелое время. Духовныя дѣти Старца не выходили изъ пріемной и молча, затаивъ дыханіе, ожидали извѣстій. Почти все время по очереди читали акаѳисты. Шестого октября произошелъ слѣдующій замѣчательный случай. Послѣ обѣда Старецъ позвонилъ и вошедшему келейнику сказалъ: «Пойди, посмотри, кто тамъ на крыльцѣ просится опять въ монастырь». Когда келейникъ сказалъ, что тамъ много народа, Старецъ опять строго сказалъ ему: «Пойди сейчасъ, узнай». Черезъ нѣсколько минутъ келейникъ возвратился и говоритъ, что дѣйствительно тамъ стоитъ бывшій оптинскій послушникъ братъ М., который ушелъ изъ Оптиної на Аѳонъ, а теперь, уже въ мірскомъ платьѣ, пришелъ просить у Батюшки совѣта, въ какой монастырь ему опять поступить. Батюшка сейчасъ же велѣлъ позвать его, нѣсколько минутъ говорилъ съ нимъ и благословилъ ему идти въ Глинскую пустынъ».

Седьмого октября настоятельница обители испытывала невыносимую тоску. Душа ея находилась въ такомъ безотрадномъ состояніи, что нигдѣ и ничто не могло ей дать ни малѣйшаго утѣшенія. Это, какъ она выражалась, было какъ бы предошущеніемъ адскихъ мученій. Вошедши въ келлію болящаго Старца, она объяснила ему свое страшно тяжелое состояніе. Оказалось, что и самъ Старецъ переживалъ такое же невыразимо-томительное искушеніе. Вѣроятно, ему промыслительно было попущено испытать, на нѣкоторое время, какъ бы оставленіе его Богомъ, дабы дать ему вполнѣ уразумѣть бѣдность и немощь человѣческаго

естества. Выслушавъ настоятельницу, Старецъ сказалъ: «Я чувствую то, чего во всю жизнь мою не испытывалъ».

По объясненію старца о. Іосифа, Батюшка въ это время томился скорбями и грѣхами своихъ многочисленныхъ духовныхъ дѣтей. Въ одинъ изъ предсмертныхъ дней Старца духовникъ его, о. Феодоръ, сказалъ ему: «Батюшка, вотъ вы умираете, на кого обитель свою оставляете?» Старецъ отвѣтилъ ему слѣдующими словами: «Обитель оставляю Царицѣ Небесной; а я свой крестъ позолотиль».

Восьмого октября, въ шесть часовъ утра, Старецъ сказалъ, что его очень знобитъ, и въ лицѣ онъ очень измѣнился. Спустя нѣсколько минутъ съ больнымъ сдѣлался жаръ, и онъ забылся. Черезъ часъ попросилъ ухи, но вдругъ такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ могъ назвать – чего хотѣлъ. Жаръ усилился, и начался бредъ. Тотчасъ же послали въ Скитъ за скитонаачальникомъ о. іеромонахомъ Анатоліемъ и за о. іеросхимонахомъ Іосифомъ. Послѣдній вскорѣ пріѣхалъ и по пріѣздѣ тотчасъ же торопливо прошелъ къ Старцу. Выйдя отъ него черезъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ присутствующимъ: «Напрасно вы здѣсь толпитесь: вѣдь Старецъ не говорить, и нѣть надежды на его выздоровленіе». Вскорѣ пріѣхалъ и о. Анатолій. Весь этотъ день больной все болѣе и болѣе слабѣлъ, такъ что уже и говорить не могъ. Жаръ у него усиливался, доходя до 40°. Вѣроятно, Старецъ испытывалъ въ это время мучительныя въ тѣлѣ боли, не дававшія ему спокойно лежать въ постели, потому что онъ то и дѣло подавалъ знакъ бывшимъ при

немъ о. Іосифу съ келейникомъ о. Александромъ, чтобы его подняли; но лишь только поднимутъ, онъ опять даваль знакъ, чтобы его положили въ постель. Вмѣстѣ съ тѣмъ его трясло, какъ въ лихорадкѣ. Къ вечеру возвратился московскій докторъ, но уже нашелъ Старца безнадежнымъ. Ему вдругъ сдѣлалось такъ плохо, что думали – онъ уже кончается, и потому о. Іосифъ прочиталъ для него отходную. Рѣшено было, наконецъ, Старца особоровать. Пока шли приготовленія къ соборованію, было уже 11 часовъ вечера. И вотъ скитоначальникъ о. Анатолій съ о. Іосифомъ и духовникомъ Старца о. Феодоромъ начали чинъ елеосвященія, во время котораго Батюшка лежалъ уже безъ сознанія. Тяжелое, хриплое дыханіе его, вѣроятно отъ скопившейся мокроты, которую Старецъ не имѣлъ силы откашлянуть, слышно было за двѣ комнаты. Сестры стояли въ приемной и молились. Когда кончилось соборованіе, стоявшія тутъ молитвенницы входили къ Старцу по три, чтобы взглянуть на свое угасавшее свѣтило и навѣки проститься съ дорогимъ, любвеобильнымъ отцомъ, къ которому онъ привыкли прибѣгать во всякой скорби, и который всегда такъ утѣшалъ ихъ и ободрялъ. Едва сдерживая рыданія, боясь нарушить тишину, сестры молча кланялись Старцу въ ноги и цѣловали безъ движенія лежавшую его руку, которая горѣла огнемъ; заглядывали въ лицо, желая яснѣе запечатлѣть въ себѣ дорогія черты; затѣмъ тотчасъ же выходили въ противоположную дверь. У нѣкоторыхъ таилась еще слабая надежда, что, быть можетъ, это еще не конецъ, быть можетъ, снова откроются эти глаза и будуть ласково

смотрѣть на нихъ, быть можетъ, рука эта еще не разъ осѣнить ихъ крестнымъ знаменіемъ или съ отеческою любовью похлопаетъ по головѣ виновную. Но нѣть, – то была напрасная надежда.

Послѣ 12 часовъ ночи у Старца показалась испарина, и жаръ началъ спадать. Это нѣсколько ободрило всѣхъ. Потомъ онъ пришелъ въ сознаніе, и этимъ моментомъ воспользовались, чтобы приобщить его Св. Христовыхъ Таинъ. Это было около двухъ часовъ ночи. Пріобщалъ о. Іосифъ.

Въ эту ночь одна изъ близкихъ ученицъ Старца нѣсколько разъ входила вмѣстѣ съ другой монахиней въ комнату Батюшки посмотретьъ на больного, и ихъ объихъ поражало необыкновенно свѣтлое выраженіе лица Старца. Глаза его были пристально устремлены вдаль, и онъ какъ будто бы бесѣдовалъ съ кѣмъ-то видимымъ только одному ему. Весь слѣдующій день Старецъ не терялъ сознанія, выпилъ нѣсколько глотковъ кофе, всталъ съ постели, когда понадобилось отодвинуть отъ стѣны его кровать, сдѣлалъ даже нѣсколько шаговъ къ своему столику. Но это было самое короткое время. Когда пошла къ нему настоятельница, онъ уже опять лежалъ и, ласково посмотрѣвъ на нее, тихо промолвилъ: «Плохо, мать!» Всѣмъ окружавшимъ его и ухаживавшимъ за нимъ, или особенно потрудившимся по исполнению его распоряжений, онъ выражалъ въ эти дни самую трогательную признательность. Такъ, будучи еще въ силахъ, онъ однажды съ любовью обнялъ помогавшаго ему по устройству обители о. Іоиля и долго что-то говорилъ ему, но уже такъ тихо, что тотъ ничего не могъ понять.

Узнавши о чрезмѣрной слабости Старца, оптинскій настоятель о. архимандритъ Исаакій съ іеромонахомъ Макаріемъ пріѣхали въ этотъ день (9 октября) простить-ся съ нимъ. При видѣ крайне изнемогшаго больного оба они плакали. Батюшка узналъ ихъ и, устремивъ на нихъ глубокій, пристальный взглядъ, поднялъ руку и снялъ съ себя шапочку. Весь этотъ день, какъ и въ предыдущіе дни, сестры непрерывно со слезами молились въ храмѣ предъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери. Безостано-вочно служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ, и всѣ почитатели Старца, какъ одинъ человѣкъ, съ вопля-ми просили выздоровленія своему дорогому Батюшкѣ. Но Господь судиль иначе!..

И вотъ въ этотъ столь прискорбный для Шамордина день вдругъ получается отъ Калужскаго губернатора телеграмма о томъ, что 10 октября Калужскій преосвя-щенный Виталій выѣзжаетъ изъ Калуги въ Шамордин-скую обитель. Всѣмъ въ обители была известна цѣль этого пріѣзда, и потому это извѣстіе привело всѣхъ сес-терь обители въ крайнее смущеніе.

А Старцу становилось все труднѣе. Къ вечеру у него опять появился сильный жаръ, а съ шести часовъ онъ уже не поднималъ головы и лежалъ въ одномъ по-ложеніи. Всю ночь дыханіе его было тяжелое. Глаза были устремлены кверху, а уста быстро шевелились. Какъ видно было, больной вплоть до утра шепталъ молитву. Наступило 10 октября. Къ утру этого дня силы Старца совсѣмъ оставили его. Онъ лежалъ безъ дви-женія. Глаза опустились внизъ и остановились на какой-то точкѣ. Уста перестали шевелиться. Пульсъ

Келлія въ Шамординской обители,
где скончался старець Амвросій

становился все слабъе и слабъе. Дыханіе было рѣдкое, но спокойное.

Видя, что Старецъ совсѣмъ приблизился къ исходу, о. Іосифъ поспѣшилъ отправиться въ Скитъ, чтобы взять оттуда хранившіяся въ келліи Старца для его погребенія вещи, — мухояровую старую мантію, въ которую онъ нѣкогда былъ облеченъ при постриженіи, и власяницу, да еще холщовую рубашку старца Макарія, къ которому батюшка о. Амвросій во всю свою жизнь питалъ глубокую преданность и уваженіе. На этой рубашкѣ была собственноручная надпись старца Амвросія: «По смерти моей надѣть на меня неотмѣнно».

Нечего и говорить, что въ эти послѣдніе дни жизни Старца братія Оптиної, встревоженная ухудшеніемъ въ болѣзненномъ положеніи Старца, собиралась въ еще большемъ количествѣ, нежели раньше. Многіе готовы были оставаться безотлучно, если бы не послушанія и краткость отпуска. Когда Старецъ отходилъ, то въ келліи, гдѣ лежалъ умирающій, находились: о. Исаія (нынѣ ризничій въ Оптиної), о. Александръ (нынѣ о. Анатолій — духовникъ Оптиної и Шамордина), о. Іоиль и другіе. Когда въ Оптиної получено было извѣстіе о выѣздѣ Преосвященнаго, то для встрѣчи его былъ назначенъ о. Ксенофонтъ, тогда казначей, а нынѣ настоятель обители. Выѣхавъ изъ Оптиної, онъ узналъ на пути, что Владыка остановится на ночлегъ въ Троицкомъ Лютиковомъ монастырѣ. Пользуясь свободнымъ временемъ, о. Ксенофонтъ поспѣшилъ въ Шамордино. Здѣсь ожидали его самыя безотрадныя вѣсти: Старецъ кончался. Присоединившись къ своимъ оптинскимъ собратіямъ,

о. Ксенофонть не отходиль до самой послѣдней минуты отъ умирающаго Старца и удостоился быть свидѣтелемъ его блаженной кончины.

Въ 11 часовъ дня духовникъ Старца о. Феодоръ въ послѣдній разъ прочиталь канонъ Божіей Матери на исходъ души и осѣниль Старца крестомъ. Лицо Старца покрылось мертвенною блѣдностью. Дыханіе становилось все короче и короче. Наконецъ, онъ сильно потянуль въ себя воздухъ. Минуты черезъ двѣ это повторилось. Затѣмъ, по словамъ очевидцевъ, Старецъ подняль правую руку, сложивъ ее для крестнаго знаменія, донесъ ее до лба, потомъ на грудь, на правое плечо и, донеся до лѣваго, сильно стукнуль объ лѣвое плечо, видно потому, что это ему стоило большого усилія. Потомъ онъ еще вздохнуль въ третій и послѣдній разъ... Было ровно половина 12-го часа дня... Земная жизнь Старца кончилась.

Долго еще стояли окружавшіе одръ мирно почившаго Старца, боясь нарушить торжественную минуту разлученія праведной души съ тѣломъ. Всѣ находились какъ бы въ оцепенѣнїи, не вѣря себѣ, не понимая, что это – сонъ или правда. Но святая душа его уже отлетѣла въ иной міръ, дабы предстать престолу Всевышняго въ сіяніи той любви, которою онъ полонъ быль на землѣ. Свѣтель и покоенъ быль его старческій ликъ. Неземная улыбка озаряла его.

Едва только всѣ опомнились, какъ поднялся страшный вопль и рыданіе. Вѣсть о кончинѣ Старца съ быстротою молніи облетѣла весь монастырь, и раздирающіе душу крики шамординскихъ наслѣницъ слились въ

Преподобный старець іеросхимонахъ Амвросій
(† 10/23 октября 1891 г.)

одинъ какой-то общий ужасающей стонъ безпомощности и безнадежности. Потомъ этотъ первый взрывъ страшного горя немнога поутихъ и перешель въ тихую скорбь.

Отецъ Ксенофонтъ тотчасъ по кончинѣ Старца, выйдя въсосѣднія комнаты и едва слышнымъ отъ волненія голосомъ сообщивъ о великомъ горѣ толпившимся тутъ почитателямъ Старца, поспѣшилъ съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, не мѣшкая, въ Оптину. Печальный гуль большого колоколаозвѣстилъ оптинцамъ о горестномъ для нихъ событии, и повергнутая въ несказанное горе братія потянулась въ соборъ на первое «аллилуїа» по новопреставленномъ старцѣ Амвросіи; а о. Іосифъ, взявъ все необходимое для опрятанія, сейчасъ же выѣхалъ, спѣша поспѣть къ неостывшему тѣлу дорогого наставника, чтобы въ послѣдній разъ послужить ему и облобызать, если возможно, его еще теплую руку.

Между тѣмъ въ Шамординѣ началось приготовленіе тѣла Старца къ погребенію. Какъ разъ къ этому времени возвратился изъ Скита іеромонахъ Іосифъ съ нужными для опрятанія старцева тѣла вещами и съ монахомъ Гавріломъ, обязаннымъ за послушаніе опрятывать тѣла покойниковъ. Сначала, по завѣщанію Старца, надѣли на него холщовую рубашку старца Макарія, потомъ сверхъ этой рубашки власяницу, а затѣмъ уже, по обычаяю, прочія монашескія одежды и схиму. Пока монахи опрятывали тѣло, тутъ же рядомъ читали Псалтирь. Опрятанное тѣло на тюфякѣ руками старцевыхъ учениковъ вынесено было въ залъ настоятельницы. При видѣ безжизненнаго, холоднаго тѣла дорогого отца, сестры

снова разразились громкими рыданіями. Въ залѣ тѣло было положено на приготовленный столъ, и сейчасъ же совершена была первая панихида о упокоеніі новопреставленнаго Старца іеросхимонаха Амвросія.

Тотчасъ же, по случаю кончины Старца, разослано было множество телеграммъ въ разные концы Россіи ко всѣмъ особенно близкимъ къ нему почитателямъ и духовнымъ его дѣтямъ.

Отправлена была телеграмма и въ Калугу къ мѣстному епископу, преосвященному Виталію, но она уже не застала его въ Калугѣ. Въ самую минуту кончины старца Амвросія Владыка выѣжалъ изъ Калуги, направляясь въ Шамординскую общину. Какъ болѣзnenный человѣкъ, отѣхавъ отъ Калуги только 28 верстъ, онъ остановился для отдыха и очлега въ находящемся на пути Перемышльскомъ Троицкомъ Лютиковомъ монастырѣ. Здѣсь и было получено имъ извѣстіе о кончинѣ Старца. Преосвященный съ настоятелемъ монастыря сидѣли въ залѣ, бесѣдуя о разныхъ предметахъ; между прочимъ, Преосвященный высказывалъ неудовольствіе, что Старецъ, по его выраженію, не имѣть послушанія высшей власти. Какъ разъ въ это время келейникъ подалъ о. настоятелю телеграмму. Тотъ, ничего особеннаго не подозрѣвая, тутъ же въ присутствії Владыки раскрылъ телеграмму. Но лишь только прочиталъ онъ, что старецъ іеросхимонахъ Амвросій скончался, руки у него задрожали и слезы полились изъ глазъ. Глядя на него, Преосвященный спросилъ: «Что тамъ такое?» – «Грустное извѣстіе, ваше Преосвященство!» – «Да что такое?» – Вмѣсто отвѣта настоятель подалъ Преосвящен-

ному телеграмму. Взглянувъ въ нее, епископъ сказаль: «Это что же такое? Старецъ скончался?» – «Какъ видите», – отвѣтилъ настоятель. Владыка былъ пораженъ. Онъ обратился къ св. иконамъ, всплеснуль руками и воскликнулъ: «Боже мой! Что же это такое? Неисповѣдимы судьбы Господни!»

Наутро вмѣсто Шамординской общины Преосвященный выѣхалъ въ Оптину Пустынь. Здѣсь онъ узналъ, что Старецъ скончался въ половинѣ 12-го часа дня, въ то самое время, когда онъ садился въ экипажъ для того, чтобы выѣхать изъ Калуги.

«Теперь я вижу, что это Старецъ пригласиль меня на отпѣваніе. Простыхъ іеромонаховъ епископы не отпѣваютъ; но этотъ Старецъ такъ великъ, что его непремѣнно долженъ отпѣть епископъ. Меня доктора отпустили съ условиемъ, чтобы я нигдѣ не служилъ; но теперь я считаю обязанностью отпѣть Старца», – сказалъ Владыка.

Междуд тѣмъ въ Шамординѣ тѣло старца Амвросія было переложено іеромонахами въ простой, обитый простою черною матеріею гробъ и покрыто до половины также простымъ, общимъ для всѣхъ монастырскихъ покойниковъ покровомъ. Сестры поперемѣнно читали Псалтирь, и всякий разъ, когда произносилось имя «новопреставленного отца нашего, старца іеросхимонаха Амвросія», всѣ находившіеся въ залѣ клали земные поклоны. На слѣдующій день, 11 октября, какъ въ Шамординской общинѣ, такъ и въ Оптиної Пустыни, и во многихъ другихъ мѣстахъ совершены были по старцу Амвросію заупокойныя Литургіи. Во второмъ часу дня отслужили послѣднюю надь тѣломъ въ келліи панихи-

ду, и затѣмъ гробъ съ тѣломъ почившаго быль вынесенъ изъ настоятельскаго корпуса въ церковь, гдѣ продолжалось чтеніе Псалтири, и неумолчно пѣлись панихиды, при неутѣшномъ плачѣ наполнявшихъ храмъ духовныхъ чадъ и почитателей Старца.

Вслѣдствіе разосланныхъ телеграммъ и распространявшихся извѣстій со всѣхъ сторонъ начинали прибывать въ Шамордино почитатели Старца, желавшіе присутствовать на его погребеніи, такъ что всего ко дню погребенія скопилось въ Шамординѣ до восьми тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ изъ любви и уваженія къ почившему Старцу между Оптиной и Шамординымъ возникло недоразумѣніе по вопросу о томъ, гдѣ погребсти тѣло дорогого для обѣихъ сторонъ покойника, въ Оптиной или въ Шамординѣ. По распоряженію Св. Синода тѣло должно было быть предано землѣ въ Оптиной Пустыни.

Всю слѣдующую на 12 октября ночь у гроба почившаго, по желанію сестеръ и посѣтителей, непрерывно совершались панихиды. Народъ во все время, пока открыто было тѣло почившаго, приносиль платки, куски холста и другія вещи, прося приложить ихъ къ тѣлу Старца, и принималъ ихъ обратно съ вѣрою и благоговѣніемъ, какъ святыню. Нѣкоторыя матери прикладывали къ нему своихъ маленькихъ дѣтей.

12 октября, въ субботу, настоятелемъ Лихвинскаго Покровскаго Доброго монастыря игуменомъ Агапитомъ³⁸, прибывшимъ къ погребенію Старца, его быв-

³⁸ Нынѣ архимандритъ, живущій на покоѣ въ Оптиной Пустыни.

шимъ письмоводителемъ и ученикомъ, отслужены были соборне молебень съ акаѳистомъ предъ чудотворною Казанскою иконою Божіей Матери³⁹, Литургія и панихида надъ гробомъ Старца. Затѣмъ опять продолжались весь день и ночь частныя панихиды.

13 октября, въ воскресенье, назначено было преосвященнымъ Виталіемъ отпѣваніе въ Бозѣ почившаго старца іеросхимонаха Амвросія. День былъ ясный и теплый, какіе рѣдко бывають въ октябрѣ. Яркіе лучи утренняго солнца обливали блескомъ тихую Шамординскую обитель и, проникая черезъ окна въ церковь, весело играли на золотыхъ украшеніяхъ иконостаса и на большихъ подсвѣчникахъ, стоявшихъ около гроба. Вся церковь и площадь передъ церковью были заполнены густою толпою народа. Все имѣло видъ не присутствія въ храмѣ покойника, а какого-то необыкновенно свѣтлаго, духовнаго торжества.

Наконецъ въ половинѣ девятого звонъ колоколовъ возвѣстилъ приближеніе архипастыря, имѣвшаго ночлегъ въ Оптиної Пустыни. Подѣхавъ къ корпусу, гдѣ ему приготовлено было помѣщеніе, онъ спросилъ: «Гдѣ находится тѣло почившаго Старца?» Узнавъ же, что оно находится въ церкви, Владыка пожелалъ прежде всего поклониться ему и, не входя въ домъ, пошелъ пѣшкомъ въ церковь. Между тѣмъ въ церкви не ожидали въ это время Преосвященнаго и пѣли панихиду. Владыка неожиданно вошелъ въ храмъ какъ разъ въ то время, когда по окончаніи непорочныхъ пѣли «аллилуіа», и, такимъ

³⁹ Эта молебень совершается въ обители еженедѣльно по субботамъ, по заповѣди Старца.

образомъ, исполнились слова почившаго Старца, отвѣтившаго на вопросъ сестеръ о томъ, что пѣть Владыкѣ при входѣ его въ церковь: «Мы споемъ ему аллилуїа».

Сестры, увидѣвъ Преосвященнаго въ церкви, не выдержали натиска воспоминаній и громко разрыдались.

Потомъ, придя въ себя, онѣ начали пѣть Владыкѣ входное. Владыка прошелъ въ алтарь, приложился къ св. престолу и къ св. иконамъ, подошелъ ко гробу, низко поклонился, трижды осѣнилъ усопшаго крестнымъ знаменіемъ и удалился изъ храма.

Спустя нѣсколько времени Преосвященный снова прибылъ въ церковь для служенія Божественной літургіи и на этотъ разъ былъ встрѣченъ установленнымъ порядкомъ: двумя архимандритами, двумя игуменами и четырьмя іеромонахами, готовившимися къ сослуженію съ нимъ. За Литургіей на правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ – сестры общины. Послѣ причастнаго стиха, съ благословенія Преосвященнаго, на амвонъ вышелъ студентъ Московской духовной академіи іеромонахъ Григорій (Борисоглѣбскій), нарочито прибывшій изъ Сергіева Посада на похороніе старца Амвросія, и произнесъ прекрасное слово, ясно обрисовавшее значеніе покойнаго Старца какъ въ частности для Оптиной Пустыни и Шамординской общинѣ, такъ и вообще для монашества и для всей Россіи. Слова проповѣдника нерѣдко заглушались рыданіями слушателей.

Проповѣдникъ говорилъ: «Не удивляйтесь сему многочисленному стеченію молящагося народа... Въ этой бѣдной обители жиль человѣкъ, котораго знала вся

святая Русь, къ которому издавна еще шли несмѣтныя толпы народа со всѣхъ ея концовъ... Имя этого чѣловѣка было извѣстно и въ царскихъ палатахъ, и въ деревенскихъ избахъ. Это – батюшкa, старець Амвросій, великий пастырь-печальникъ Русской земли. Онъ-то и привлекъ сюда нынѣ сей великій сонмъ его почитателей... Въ чемъ же заключились заслуги этого человѣка? Онъ возвращалъ падшимъ людямъ образъ Божій, училь покаянію. Печальникъ Русской земли умѣль заставить плакать тѣхъ, которые забыли слезы съ самаго дѣтства, плакать слезами умиленія, слезами покаянія, слезами возрожденія къ новой духовной жизни... И потому скорби, святая Русь! Ты лишилась въ этомъ нищемъ духомъ и тѣломъ отшельникѣ, своего великаго печальника, любившаго тебя всею силой христіанской любви, отдавшаго тебѣ всю свою жизнь и, можно сказать, принесшаго тебѣ ее въ жертву. Ужъ больше ты не придешь къ о. Амвросію со своими скорбями и горестями за утѣшениемъ, не пошлешь къ нему своихъ Достоевскихъ и Толстыхъ поучиться у простого монаха высшей наукѣ: умѣнію жить по-человѣчески, по-христіански. Возрыдай горько, святая Оптинская обитель! Ты лишилась своего Старца, который быль носителемъ святыхъ преданій старчества, издавна украшившимъ тебя...

Ужъ больше вы, оптинские иноки, въ минуты, когда тяжесть иноческаго креста сильнѣе сдавитъ силы вашего духа, когда душа возскорбитъ и востоскуетъ глубже обыкновенного, не пойдете за вѣрнымъ облегченіемъ къ дорожому батюшкѣ о. Амвросію. Плачь горькими слезами и ты, здѣшняя Шамординская община! Въ почив-

шемъ ты лишилась своего духовнаго отца, который любилъ тебя всею силою своей, самоотверженной пастырской любви. Онъ тебя родилъ рожденiemъ духовнымъ на свѣтъ Божій; онъ, какъ нѣжная мать, лелѧя тебѧ во дни твоего младенчества; онъ отдаваль тебѣ всѣ стекавшіяся къ нему пожертвованія; онъ устроилъ тебѣ сей храмъ святый; онъ отдалъ тебѣ всѣ послѣдніе дни своей многострадальной жизни, которые провель въ твоихъ стѣнахъ, чтобы на закатѣ своихъ дней, своимъ присутствіемъ, своимъ глазомъ и словомъ сильнѣе вдохновить трудящихся надъ твоимъ устроенiemъ духовнымъ и тѣлеснымъ».

Далѣе проповѣдникъ напоминаль слушателямъ завѣты Старца и убѣждалъ ихъ слѣдовать имъ. Обращаясь къ православнымъ мірянамъ, онъ говорилъ: «Итакъ, забывающій Бога христіанскій міръ! Приди сюда и посмотри, какъ нужно устроить свою жизнь. Опомнись! Оставь суету мірскую и познай, что на землѣ нужно жить только для неба... Не думай, что жить на землѣ только для Бога – нельзя. Се гробъ, который обличить тебя...

Оставивъ міръ, родныхъ и знакомыхъ, о. Амвросій еще смолоду пошелъ въ монастырь, гдѣ, живя въ убогой келліи, питаясь самою скучною пищею, когда достаточно окрѣпъ въ борьбѣ съ плотскимъ человѣкомъ, всего себя отдалъ на служеніе ближнему. Съ утра до вечера онъ жилъ только на пользу ближнихъ. Онъ никому и никогда не отказывалъ въ совѣтахъ. Со всѣми обращался ласково. Часто къ вечеру у больного Старца до того утомлялся языкъ, что онъ не могъ даже и говорить. А

сколько онъ благотворилъ. Сколькихъ людей онъ поднялъ на ноги не однимъ только совѣтомъ, но и денежною помощью. А посмотрите на эту обитель: ее создала и воспитала его любовь. Онъ жилъ жизнью другихъ, раздевался и печаловался радостями и печалями ближнихъ. У него, можно сказать, не было своей личной жизни. Итакъ, христіанинъ, приди къ этому гробу и научись тому, что на землѣ надо жить только для неба, что такое жизнеустроеніе возможно и осуществимо, и что основаніе этой жизни – въ полномъ, дѣятельномъ самоотречениі во благо ближнихъ».

Обращаясь затѣмъ къ инокамъ, проповѣдникъ сначала изображаетъ старца Амвросія, какъ высокаго подвижника и молитвенника. «Его тѣсная келлія, – говорить онъ, – разскажетъ вамъ, какъ этотъ постоянно болѣюшій, почти всегда умирающій Старецъ, утомленный безпрерывно тянувшейся дневной бесѣдой съ посѣтителями, съ измученной грѣхами каявшихся пастырской совѣстью, бывало, ставъ на постели, внимательно, слезно выслушивалъ всеношную. А сколько одинокихъ теплыхъ моленій, горькихъ слезъ, глубокихъ поклоновъ видѣли эти стѣны! Это ихъ тайна! Да, это былъ подвижникъ, какихъ можно рѣдко найти. И теперь его мертвыя уста вслухъ всего иночества вѣщають объ усиленно строгомъ храненіи иноческихъ обѣтовъ и уставовъ.

Но въ отцѣ Амвросіи была еще одна черта, высшая черта христіанского подвижничества, которая нѣсколько забыта въ послѣднее время, но которой иноки должны поучиться у почившаго. Живя внѣ міра и бѣгая его,

онъ умѣль жить для него... Повѣрте, что ни въ одной пріемной комнатѣ любого мірского человѣка, пастыря или сановника, не перебывало столько мірянъ, сколько побывало ихъ въ тѣсной, убогой келліи этого отшельника. Повѣрте, что этотъ весь во злѣ лежащій міръ ни отъ кого не получилъ столько совѣтовъ и наставлений, и письменныхъ и устныхъ, сколько далъ ихъ ему усопшій... Онъ умѣль силою своей вѣры и любви раздвигать тѣсныя стѣны своей келліи на необъятныя пространства. Онъ, какъ пастырь, зналъ, что тамъ, въ грѣшномъ, но ищущемъ Бога мірѣ много алчущихъ и жаждущихъ Христова слова любви и вѣры, любилъ этотъ міръ и отдалъ ему всю свою жизнь... Къ нему шли изъ міра всѣ труждающіеся и обремененные, и онъ успокоивъ ихъ».

Въ этомъ служеніи любви иноки должны подражать Старцу... «И ты, иночество, служи, служи искренно и беззавѣтно, какъ служилъ покойный о. Амвросій мірскому люду. Благоговѣйно, съ чувствомъ горячей, слезной любви совершай службы Божіи. Гдѣ мірянину, какъ не въ монастырѣ, послушать настоящей службы, справляемой по уставу? Гдѣ ему послушать настоящаго, истинно-церковнаго, древнерусскаго пѣнія, какъ не въ храмахъ святыхъ обителей? И ты, иночество, свято храни уставы и церковное пѣніе и служи симъ міру. Гдѣ мірянинъ настраивается особенно религіозно? Опять въ монастырѣ. Идетъ онъ въ стѣны св. обители, гдѣ почиваютъ ли мощи св. угодника, пребываетъ ли чудотворная св. икона, идетъ, и благоговѣйнаго страха полна его душа. Онъ прислушивается къ каждому звуку, онъ нази-

дается каждою надписью, каждой священной картиной. Знай это, иночество, и благоговѣйно храни эту религіозную настроенность мірянина. Служи ему въ обители всѣмъ, чѣмъ можешь, проповѣдуй ему неустанно; повѣрь, что монастырскую проповѣдь онъ сохранить на долго, пройди съ нимъ по всѣмъ своимъ святынямъ, по всѣмъ церквамъ, все покажи и разскажи ему. Прими подъ свой кровъ убогаго, больного, сироту. Когда ты, инокъ или инокиня, станешь на молитву, то не забудь усердно помолиться и за грѣшный міръ: ему нужна твоя молитва. Итакъ, русское иночество, помни и свято блюди посмертный завѣтъ Старца Амвросія: люби и грѣшныхъ людей и служи имъ, чѣмъ можешь».

Обращаясь, наконецъ, къ пастырямъ Церкви, проповѣдникъ и ихъ приглашаетъ поучиться у Старца, поучиться прежде всего его высокому духовному настроению, которое не всегда можно найти у современныхъ пастырей. «Сравните вы отношение пасомыхъ къ любому священнику и приходящихъ къ покойному Старцу. Тамъ они – каждый – твердо помнятъ свое положеніе и званіе: мужикъ подходитъ послѣ барина, богатый прежде бѣдняка. Придите вы къ священнику въ семью, какъ знакомый; зачастую вы просидите цѣлый вечеръ и не услышите ни слова о духовномъ, о Церкви, о небѣ; все тѣ же разговоры о мірскомъ, что и у васъ.

Не такъ у Старца. Предъ нимъ всякий человѣкъ чувствовалъ себя только міряниномъ; княжескіе титулы и графскія достоинства, слава и богатство, и знатность, преимущества образованія – все оставалось за порогомъ его келліи... Всѣ говорили съ нимъ, и онъ всѣмъ

говориль лишь о духовномъ; сказанное имъ что-либо и житейское непремѣнно истолковывалось, какъ рѣчъ о чѣмъ-либо духовномъ... На Батюшку смотрѣли только, какъ на служителя Бога... Онъ былъ врачъ больной совѣсти.

Но еще больше надо поучиться у Старца его всеобъемлющей пастырской любви, той любви, которая, по Апостолу, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ*».

Сказавъ еще нѣсколько утѣшительныхъ словъ шамординскимъ сестрамъ по поводу того, что у нихъ не будетъ могилы столь любимаго ими Старца, и посовѣтовавъ имъ «бережно хранить въ цѣлости и чистотѣ духовный образъ почившаго, что будетъ и ему пріятно, и имъ полезно», проповѣдникъ закончилъ свое слово, произведшее на всѣхъ слушателей сильное впечатлѣніе.

По окончаніи Литургіи преосвященный Виталій и съ нимъ 28 священнослужителей, всѣ въ бѣлыхъ облаченіяхъ, выступили на средину храма для отпѣванія... Величественно и трогательно было это священное зрелище. Благоговѣйное служеніе архипастыря, стройное пѣніе обоихъ хоровъ, трогательныя пѣснопѣнія погребального монашескаго чина, множество молящихся съ горящими въ рукахъ свѣчами, и, наконецъ, среди блестящей обстановки, бѣдный гробъ съ лежащимъ въ немъ, повитымъ схимою, дорогимъ для всѣхъ присутствующихъ покойникомъ, – все это производило на всѣхъ

потрясающее впечатлѣніе. Многіе плакали навзрыдъ. Предъ пѣніемъ «Со святыми упокой» студентъ Московской духовной академіи іеромонахъ Трифонъ⁴⁰, лично знаяшій почившаго и бывшій его послушникомъ и ученикомъ и вмѣстѣ съ іеромонахомъ Григоріемъ нарочито прибывшій къ погребенію Старца, произнесъ краткую, но глубоко прочувствованную рѣчъ. Отмѣтивъ удивительное, поистинѣ чудесное обстоятельство, какъ постоянно умирающій Старецъ непрерывно воскрешалъ омертвѣлый духъ своихъ ближнихъ, и указавъ нѣкоторые случаи своихъ личныхъ отношеній къ усопшему, проповѣдникъ живо и задушевно обрисовалъ основную черту настроенія Старца – его христіанскую ко всѣмъ любовь.

Это – «не та пристрастная, языческая любовь, любящая только любящаго его и дѣлающая добро только тѣмъ, которые почему-нибудь полезны или пріятны для нея.

Но та любовь, которая во всѣхъ людяхъ видить прежде всего образъ и подобіе Божіе, – и любить его, и плачеть объ его искаженіяхъ, если замѣчаетъ ихъ. И не гордымъ словомъ упрека встрѣчаетъ слабости и немоющіи человѣческія, но всѣ ихъ несетъ на себѣ. Та любовь, которая душу свою кладеть за ближнихъ своихъ, выше которой, какъ засвидѣтельствовано словомъ Божіимъ, ничего не можетъ быть. Та любовь, которая заставила одного святого въ молитвахъ съ дерзновеніемъ воззвать къ Богу: «Господи, если я пріобрѣлъ благодать предъ Тобою, если я достигъ Царства Небеснаго, то вели и

---

⁴⁰ Нынѣ епископъ Дмитровскій, старшій викарій Московской митрополіи.

братьямъ моимъ войти со мною: а безъ нихъ и я не пойду туда»... Вотъ этою-то любовью было проникнуто все существо Батюшки»...

Какъ на одну изъ особенностей нравственного облика старца Амвросія, о. Трифонъ указаль на его любовь къ дѣтямъ. «Пусть близко стоявшіе къ дѣлу разскажутъ, въ какомъ иногда ужасномъ видѣ поступали дѣти въ основанный имъ дѣтскій женскій пріютъ. Всѣхъ принимали и всѣмъ давали истинно-христіанское воспитаніе, и нѣкоторыя изъ нихъ содѣлялись уже невѣстами Христовыми.

Надо было видѣть нашего Батюшку посреди дѣтей, окружавшихъ его, обнимающихъ и ласкающихъ, – какъ былъ онъ тутъ особенно трогателень, какъ часто видѣли мы тутъ его слезы душевнаго умиленія»... Свою рѣчъ о. Трифонъ заключиль поклоненіемъ гробу Старца.

Насталь, наконецъ, часъ обычнаго прощанія съ покойнымъ. Раздались печальные, стройные звуки дивно высокой священной пѣсни «Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему»... Снова вопли и рыданія огласили храмъ.

Первымъ подошелъ ко гробу Преосвященный. Онъ взяль лежавшую на аналоѣ предъ гробомъ Казанскую икону Божіей Матери и съ глубокимъ молитвеннымъ чувствомъ трижды благословиль ею усопшаго, низко поклонился ему, облобызаль его главу и руки и еще троекратно благословиль его своимъ святительскимъ благословеніемъ. За Владыкой стали прощаться духовенство, настоятельница, сестры и народъ.

Долго длилось это искреннее, слезное послѣднее цѣлованіе. Наконецъ, уже около трехъ часовъ пополудни,

Преосвященный сдѣлалъ отпustъ. Провозглашена была Старцу вѣчная память. На тѣло почившаго о Господѣ возлить быль Владыкою крестообразно елей съ виномъ, освященный во время соборованія, и посыпана была, по чину Св. Церкви, земля. Затѣмъ тотчасъ же наглухо прибита была гробовая крышка. Въ три часа все окончилось. Священнослужащіе во главѣ съ Владыкою и прочіе гости отправились въ покой настоятельницы, а гробъ остался на прежнемъ мѣстѣ, и опять начались непрерывныя панихиды...

Всю ночь съ воскресенія на понедѣльникъ Шамординскій храмъ былъ полонъ народа. Около гроба почившаго Старца, какъ и прежде, горѣло множество свѣчей. То и дѣло клубился өиміамъ, пѣлись панихиды, а въ сторонѣ продолжалось чтеніе Псалтири. Почитатели Старца безостановочно прикладывались къ гробу.

14-го, въ понедѣльникъ, заупокойную Литургію совершилъ скитонаачальникъ іеромонахъ Анатолій соборне. По окончаніі Литургіи и панихиды, въ 11-мъ часу дня, гробъ былъ поднятъ руками сестеръ, поставленъ на носилки и, въ преднесеніи св. иконъ и хоругвей, сначала обнесенъ былъ вокругъ церкви, а затѣмъ черезъ монастырь, мимо настоятельскаго корпуса и заложеннаго Старцемъ каменнаго собора, направился въ Оптину Пустынью.

Погода въ этотъ день была ненастная. Холодный осеній вѣтеръ насквозь пронизывалъ путниковъ, а непрерывный дождь, то стихая, то усиливаясь, совершенно растворилъ землю.

Гробъ несли поперемънно то сестры общинъ, то оптинскіе монахи, то мірскія лица, желавши до самаго конца оказать свою любовь и преданность къ своему почившему наставнику. Тысячи народа, на протяженіи болѣе версты, шли и ъхали за гробомъ. Шествіе было медленное. Часто, несмотря на дождь и холодъ, останавливались для совершеннія заупокойныхъ литій. Когда подходили къ лежащимъ на пути селамъ, въ церквахъ начинался погребальный колокольный перезвонъ. Священники въ облаченіяхъ, съ хоругвями и иконами, выходили навстрѣчу. Выступали поселяне, молились, многіе изъ нихъ цѣловали гробъ покойнаго и затѣмъ присоединялись къ погребальному шествію.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ приближенія къ Оптиної Пустыни, толпа все росла и росла. Замѣчательно, что горѣвшія свѣчи, съ которыми несли тѣло покойнаго Старца, во все продолженіе пути, несмотря на сильный дождь и вѣтеръ, не угасали.

Наступалъ вечеръ, и уже нѣсколько стемнѣло, когда гробъ Старца проносили черезъ послѣднюю деревню Стенино, находящуюся въ верстѣ отъ Оптиної.

Уныло гудѣль большой семисотенный оптинскій колоколь, рѣдкими мѣрными ударами потрясая воздухъ и далеко разнося печальную вѣсть о наступленіи момента послѣдняго прощанія съ усопшимъ великимъ Старцемъ. Изъ города Козельска навстрѣчу погребальному шествію выступило мѣстное духовенство и многіе горожане. Высоко надъ головами народа, сквозь вечерній полумракъ, виднѣлся черный гробъ, таинственно освѣщаемый яркимъ пламенемъ горѣвшихъ свѣчей. Колеб-

лясь отъ шествія несшихъ его, онъ точно плыль по воздуху. Поистинѣ, это трогательное печально-торжественное перенесеніе тѣла почившаго Старца, по замѣчанію многихъ, скорѣе походило на перенесеніе мощей и производило на всѣхъ присутствовавшихъ умилительно-благодатное впечатлѣніе.

На неширокой рѣкѣ Жиздрѣ, протекающей подъ самымъ монастыремъ, черезъ которую обычно переѣзжаютъ на паромѣ, на этотъ разъ временно устроенъ былъ мостъ.

Сюда-то, навстрѣчу усопшему Старцу, вышелъ изъ монастыря крестный ходъ во главѣ съ двумя архимандритами и въ сопровожденіи множества монашествующихъ и мірянъ. Величественное было зрѣлище, когда перенесенный черезъ мостъ гробъ Старца внесенъ былъ въ ряды многочисленнаго сонма священнослужителей въ блестящихъ облаченіяхъ, и несмѣтныя толпы народа съ той и другой стороны соединились вмѣстѣ. Похоронный перезвонъ колоколовъ, пѣніе пѣвчихъ, развѣвавшіяся хоругви, и это необозримое множество народа и впереди и сзади, далеко-далеко за рѣкой, и, наконецъ, этотъ бѣдный гробъ, къ которому устремлены взоры всѣхъ присутствующихъ, къ которому неслись со всѣхъ сторонъ сердечные вздохи, съ горячей мольбой о упокоеніи души почившаго въ небесныхъ обителяхъ, съ тайною скорбью сердца о потерѣ дорогого отца и съ прошеніемъ его ходатайства у престола Всевышняго Отца Небеснаго, – все это поражало сердца всѣхъ, собравшихся отдать послѣдній долгъ Старцу.

Было пять часовъ вечера. Шествие направилось къ Святымъ вратамъ обители. Внесенный въ обитель гробъ съ тѣломъ почившаго Старца поставленъ быль въ холодномъ Введенскомъ соборѣ, который блисталъ праздничнымъ освѣщеніемъ. Настоятель обители о. архимандритъ Исаакій, въ сослуженіи нѣсколькихъ іеромонаховъ, совершилъ панихиду надъ почившимъ. Спустя немного времени началось торжественное всенощное бдѣніе въ тепломъ Казанскомъ храмѣ, между тѣмъ какъ въ Введенскомъ храмѣ, гдѣ оставалось тѣло Старца, непрерывно всю ночь совершались панихиды и шло прощаніе народа съ почившимъ.

На слѣдующій день, 15 октября, гробъ перенесенъ быль въ Казанскій храмъ. Въ десятомъ часу началась Литургія, которую, несмотря на свое слабое здоровье, совершалъ опять самъ преосвященный Виталій, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ Моисея и Исаакія, трехъ игуменовъ и пяти іеромонаховъ. На правомъ клиросѣ пѣль хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ – монастырскихъ.

Въ концѣ Божественной литургіи Владыка, обратясь къ народу, произнесъ прекрасную, трогательную рѣчъ, въ которой изобразилъ сущность старчества и живо обрисовалъ нравственный обликъ доблестнаго хранителя завѣтovъ старчества – о. іеросхимонаха Амвросія.

По окончаніи Литургіи Преосвященнымъ отслужена была панихида, въ которой участвовали сорокъ священниковъ служителей, всѣ въ бѣломъ парчевомъ облаченіи. Въ концѣ панихиды, послѣ 9-й пѣсни, еще разъ выступилъ съ краткимъ прощальнымъ словомъ къ Старцу іеромо-

нахъ Григорій (Борисоглѣбскій). Въ этомъ словѣ онъ выразилъ Старцу послѣднее привѣтствіе отъ лица Московской духовной академіи, съ которой Старецъ имѣлъ живыя, духовныя отношенія, и для которой онъ всегда былъ высокимъ примѣромъ вѣры и жизни и духовнымъ руководителемъ. «Мы, питомцы духовныхъ школъ, – говорилъ о. Григорій, – готовящіеся къ пастырству, и наши руководители смотрѣли на тебя, какъ на образецъ и примѣръ пастырствованія. Начальники, наставники и питомцы нашей Московской академіи, всѣ были при твоей жизни проникнуты чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ тебѣ, многіе изъ нихъ пользовались твоими совѣтами, и ты, любя духовное юношество, умѣлъ поселять въ обращавшихся къ тебѣ истинный духъ пастырства – аскетической, самоотверженной, дышащей любовью. Повѣрь же, что память о тебѣ русское духовенство, русское духовное юношество сохранить всегда свято и благоговѣйно».

Свое слово юный проповѣдникъ-студентъ заключилъ земнымъ поклоненіемъ усопшему Старцу.

Послѣ панихиды гробъ почившаго поднять былъ на руки священнослужителями, и, въ преднесеніи св. иконъ и хоругвей, погребальное шествіе направилось къ приготовленной могилѣ. За гробомъ шествовалъ Преосвященный въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ прочими священнослужителями. Печальный похоронный перезвонъ, сливаясь съ пѣніемъ погребальныхъ пѣснопѣній, сопровождалъ тѣло святопочившаго Старца къ мѣсту его послѣдняго земного упокоенія. Могила для старца Амвросія была приготовлена рядомъ съ мо-

гилой его великаго учителя, старца іеросхимонаха М-
карія, близъ юго-восточной стѣны лѣтняго Введенскаго
собора.

Послѣ заупокойной литії, совершенной Владыкой, и
по возглашениі почившему вѣчной памяти, гробъ быль
опущенъ въ могилу.

Когда Батюшку схоронили, замѣчаетъ одинъ наблю-
датель изъ свѣтскихъ лицъ, кто-то изъ ближайшихъ
къ нему монаховъ⁴¹ стояль у могилы, сложивъ руки на
груди крестообразно и опустивъ глаза. Всѣ отправи-
лись въ трапезу. Прошло часа два времени. Тотъ же мон-
ахъ все еще стояль въ томъ же самомъ положеніи у мо-
гилы Батюшки.

Удивительно при этомъ, говорить тотъ же наблюда-
тель, что въ обоихъ монастыряхъ (Оптинскомъ и Ша-
мординскомъ) скорбь о Батюшкѣ, хотя и глубока и иск-
ренна, но вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтла и не безнадежна.

Съ самымъ близкимъ къ Батюшкѣ лицомъ можно го-
ворить о немъ. Всѣ спокойны, сдержанны и дѣлаютъ
свое дѣло. Только иногда какъ-то съ болью передернет-
ся лицо монаха, или застанешь его въ тяжелой задумчи-
вости. А иногда, среди разговоровъ о Старцѣ, кто-ни-
будь вдругъ тихо промолвить со вздохомъ: «Эхъ,
Батюшка, Батюшка!» И столько покорной скорби по-
слышится въ этихъ короткихъ словахъ. Съ кѣмъ ни за-
говоришь о немъ, всѣ его любятъ, всѣ имъ облагодѣ-
тельствованы... «Да кого онъ-то не любилъ?» – Вотъ
общій, единодушный голосъ.

---

⁴¹ То быль о. Исаія – келейникъ Старца.

Кстати, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ стихотворенія, посвященнаго памяти почившаго Старца, одной изъ монахинь Шамординской обители:

Почилъ нашъ Старецъ! Смолкло слово!
Угасъ свѣтильникъ на землѣ!
Погасъ, чтобы возгорѣться снова
Въ далекой горней сторонѣ...
Сложилъ тяжелое онъ бремя
Великихъ пастырскихъ трудовъ,
Настало радостное время –
Свобода отъ земныхъ оковъ...

.....
О, горе намъ! Какъ одиноко,
Какъ мрачно стало на землѣ!..

.....
Кто въ усыпленыи насы пробудитъ?
Въ смятеныи кротко утишить?
Мысль непокорную осудить,
А покаянную простить?..
Но вѣримъ мы: ты не оставишь,
Ты не покинешь до конца,
И души чадъ своихъ представиши
Престолу Вѣчнаго Отца!..
Не твой ли голосъ раздается
Въ душѣ покинутыхъ дѣтей?
Теперь призывомъ онъ несется
Изъ горней родины своей...
Не то же ль бдительное око
Насъ зритъ съ твердыни голубой,
Что проникало здѣсь глубоко
Въ изгибы совѣсти больной...

Такъ закончилось земное странствованіе приснопамятнаго Оптинскаго Старца, о. іеросхимонаха Амвро-

сія! Закончилось земное странствование, но не закончилась, а только началась его истинная, вѣчная и, вѣруемъ, блаженная жизнь на небѣ.

Вѣруемъ въ это потому, что уже здѣсь на землѣ въ немъ очевидно для всѣхъ свѣтился отблескъ небесной блаженной славы, свѣтился въ чертахъ его нравственнаго облика, свѣтился въ той невыразимой отрадѣ и душевномъ мирѣ, которые онъ проливалъ въ душу каждого человѣка, приходившаго съ нимъ въ близкое или отдаленное духовное соприкосновеніе, свѣтился въ томъ глубокомъ нравственномъ обновленіи и возрожденіи, которое совершалось въ людяхъ иногда подъ вліяніемъ одного только слова или взгляда о. Амвросія, свѣтился, наконецъ, въ тѣхъ особенныхъ, благодатныхъ дарованіяхъ прозорливости и чудотворенія, которыя, по общему единодушному свидѣтельству очевидцевъ, были присущи старцу Амвросію. Вотъ обѣ этихъ-то его дарованіяхъ мы и хотимъ сказать теперь, когда мы уже закончили наше повѣствование о земномъ странствованіи Старца, ибо онъ вводять нась въ область уже не временной, земной, а вѣчной и небесной жизни Старца и съ особенною ясностью удостовѣряютъ нась въ томъ, что Батюшка о. Амвросій, согрѣвавшій столь многихъ своею любовію здѣсь на землѣ, не перестаетъ и не перестанетъ заботиться о нась и по своемъ переселеніи въ небесныя обители, почему тѣмъ съ большимъ упованіемъ и дерзновеніемъ мы и можемъ просить его святыхъ молитвъ о нась предъ Престоломъ Божіимъ, особенно же въ тѣхъ или другихъ скорбныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ нашей жизни!

Глава XI

ОСОБЫЯ ПРОЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОЙ СИЛЫ БОЖИЕЙ ВЪ СТАРЦЪ О. АМВРОСИИ

*И рече ми: довльетъ ти благодать
Моя: сила бо Моя въ немоющи совершается.
(2 Кор. 12, 9)*

съ знати батюшку о. Амвросія единогласно говорять о своєственному ему дарованії прозорливости. Для него не существовало тайнъ. Незнакомый человѣкъ могъ придти къ нему и молчать, а онъ зналъ его жизнь и ея обстоятельства, его душевное состояніе и зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Отецъ Амвросій разспрашивалъ своихъ посѣтителей, но внимательному человѣку, по тому, какъ и какие вопросы онъставилъ, было ясно, что Батюшкѣ известно дѣло. Такъ, однажды къ нему подошелъ молодой человѣкъ изъ мѣщанъ съ рукой на перевязи и сталъ жаловаться, что никакъ не можетъ ее вылечить. У Старца былъ еще одинъ монахъ и нѣсколько мірянъ. Не успѣль тотъ договорить: «Все болитъ, шибко болитъ», – какъ Старецъ его перебилъ: «И будетъ болѣть, зачѣмъ мать обидѣлъ?»

Калужскій преосвященный Макарій передаваль о себѣ слѣдующее. Когда онъ быль еще мірскимъ священникомъ, законоучителемъ въ Орловскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, пришлось ему вмѣстѣ съ ректоромъ Орловской духовной семинаріи быть въ Оптиної Пустыни у старца Амвросія. Побесѣдовавъ съ гостями, Старецъ на прощаніе подариль имъ обоимъ по книжкѣ одинакового содержанія, именно о монашествѣ. «Я, какъ священникъ, – говориль Владыка, – подумаль тогда: къ чему мнѣ такая книга?» И Старецъ, какъ бы опомнившись, сказалъ: «Да, вамъ бы не то, – но затѣмъ присовокупиль. Ну да, такъ и быть». По времени, овдовѣвъ, бывшій священникъ и законоучитель, какъ извѣстно, принялъ монашество.

Іеромонахъ Оптиної Пустыни Дороѳей разсказывалъ, что однажды пришель онъ къ Старцу и долго дожидался его пріема. Было уже десять часовъ вечера. Сидить онъ и думаетъ: «Вотъ всѣ называютъ Старца святымъ. А какая это святость, когда заставляеть такъ долго дожидаться своего выхода. Придется изъ-за этого и правило вечернее опустить, и утреню проспать. За всѣхъ ему грѣхъ будетъ». Вдругъ слышитъ онъ въ эту минуту голосъ Старца изъ его келліи: «Сейчасъ, сейчасъ!» Смотритъ, выходитъ Батюшка. Благословивши его, береть его за бороду и, слегка ударяя по щекѣ, говоритъ: «Вотъ монахини иногда по мѣсяцу живутъ въ гостиницѣ, дожидаясь, пока мнѣ придется ихъ принять. Другая, можетъ быть, пріѣхала за тысячу верстъ и тоже терпить и дожидается. Ихъ нужно впередъ отпустить. Изъ-за нихъ я отказываю иногда и братіямъ въ пріемѣ.

Всѣхъ сразу я не могу принять. А ты и немнога не хочешь подождать! Мнѣ одному за всѣхъ грѣхъ будетъ!» Вразумленный словами Старца, о. Дороѳей спокойный и радостный пошелъ отъ него въ свою келлію и уже никогда не дерзаль роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода.

Отецъ иеромонахъ В. рассказывалъ о себѣ слѣдующее: «По окончаніи курса въ Смоленской духовной семинаріи, я занялъ мѣсто священника въ с. Чеботовъ Дорогобужскаго уѣзда. Имя мое было Викторъ Дьяконовъ. Вскорѣ заболѣла моя жена, по-видимому, впрочемъ, не опасно. Заходить въ это время къ намъ въ домъ странникъ, который держалъ путь въ Оптину Пустынью. Я послалъ съ нимъ рубль денегъ для передачи батюшкѣ о. Амвросію, прося его помолиться о болящей. По приходѣ странника въ монастырь Старецъ, при свиданіи съ нимъ, спрашиваетъ его: «Ты тѣмъ же путемъ назадъ пойдешь?» Тотъ отвѣчаетъ: «Тѣмъ же». – «Зайди же опять къ о. Виктору, – говорить ему Батюшка, – и благодари его, что онъ меня помнить. Скажи, что и я его не забылъ». Замѣчу при этомъ, что, будучи еще воспитанникомъ средняго отдѣленія семинаріи, я былъ у о. Амвросія лично на благословеніи. Поступивъ же во священника, всегда поминаль его на проскомидіи. Старецъ это и припомнилъ. «Подвигъ его ждетъ», – продолжалъ Старецъ. Пусть возвращаетъ садъ и чаще поливаетъ, – плодовъ много будетъ. Іюль мѣсяцъ будетъ для него скорбный; мы увидимся съ нимъ». – 29 іюля того же года скончалась моя жена, и я отправился въ Оптину Пустынью. Прихожу къ Старцу, а онъ подаетъ мнѣ

четки и книгу «Царскій путь Креста Господня» и велитъ готовитъся къ монашескому чину, – продать всѣ пожитки, какія у меня были, и подать прошеніе Владыкъ объ увольненіи въ заштатъ по болѣзни, что я и исполнилъ. Прибывъ затѣмъ къ Батюшкѣ въ Скитъ, я въ непродолжительномъ времени былъ постриженъ въ мантию.

Тотъ же іеромонахъ В. разсказывалъ о другомъ окончившемъ курсъ Смоленской духовной семинаріи Павлѣ Семеновичѣ Соколовѣ. По окончаніи семинаріи онъ занялъ мѣсто сельскаго учителя и нѣсколько разъ лично просилъ у старца Амвросія благословенія поступить въ священники. Но Батюшка всегда отклонялъ его просьбу, совѣтуя подождать. Прошло такъ два года. Павелъ Семеновичъ вновь обратился къ Батюшкѣ письменно, выражая желаніе занять мѣсто священника въ городѣ Вязьмѣ. Старецъ на этотъ разъ отвѣчалъ ему: «Надъ тобою терновый вѣнецъ виситъ, и скоро онъ на тебя низойдетъ, – подожди». Такъ и случилось. Спустя мѣсяца два Павель Семеновичъ заболѣлъ и скончался.

Монахъ I. разсказывалъ о себѣ: «Находясь въ міру, я былъ женатъ, но черезъ четыре года овдовѣлъ. Въ это время братъ мой отправился въ Оптину къ старцу Амвросію, и я пожелалъ черезъ брата узнать, какъ Старецъ благословить мнѣ жить. Возвратившись, братъ передалъ мнѣ отвѣтъ Старца: «Пусть годокъ подождетъ жениться и пріѣдетъ къ намъ». Подумалъ я: не хотятъ ли меня сдѣлать монахомъ? Я тогда не имѣлъ намѣренія поступать въ монастырь. Годъ прошелъ, и я вступилъ во второй бракъ, не побывавъ предварительно въ Оптинѣ

и не получивъ отъ Старца на это благословенія. Но прошло три съ половиною мѣсяца, и вторая жена моя умерла. Черезъ два мѣсяца послѣ сего я поѣхалъ въ Оптину. Прихожу къ Старцу. Онъ мнѣ и говорить: «Поди сюда. Гдѣ твоя жена? Почему ты не послушался меня?» Я отвѣчаю: «Простите, Батюшка! Вотъ я пріѣхалъ спросить васъ о томъ, долженъ ли я жениться или поступить въ монастырь?» Батюшка на это сказалъ: «Третьяго брака нѣть. Прямой твой долгъ оставаться въ монастырѣ и быть монахомъ». Послѣ этого я вернулся домой, а черезъ два мѣсяца уже совсѣмъ прибылъ въ Оптину и поступилъ въ число братства въ Скитъ.

По словамъ скитскаго монаха Г., былъ въ Скиту уставщикъ іеромонахъ о. Палладій. Отслужилъ онъ однажды въ скитской церкви въ воскресный день Литургію, чувствуя себя здоровымъ. Но вотъ Батюшка въ тотъ же день присыпаетъ къ нему келейника и велитъ ему немедленно особороваться и постричься въ схиму. Отецъ Палладій былъ очень этимъ удивленъ и сказалъ келейнику, что онъ здоровъ. Батюшка еще въ другой и третій разъ присыпаетъ къ нему келейника съ тѣмъ же предложеніемъ, но тотъ продолжаетъ отказываться. Наступилъ понедѣльникъ. Утромъ въ этотъ день Батюшка въ четвертый и послѣдній разъ присыпаетъ къ о. Палладію келейника опять съ тѣмъ же предложеніемъ. Но пока онъ дѣлалъ приготовления къ соборованію, съ нимъ сдѣлался ударъ. Впрочемъ, хотя отнялся у него языкъ, однако онъ былъ въ памяти. Его успѣли особоровать и причастить Св. Христовыхъ Таинъ. Вечеромъ въ тотъ же день онъ и скончался.

Рассказываль о себѣ монахъ Геннадій: «Сильно смущали меня хульные помыслы. Пришелъ я по этому слушаю къ Батюшкѣ о. Амвросію поздно вечеромъ, – было уже темно. Вышелъ Батюшка въ коридоръ и началъ поочередно благословлять братію, стоявшую на колѣняхъ. Подходить и ко мнѣ. Лица моего онъ не могъ видѣть въ темнотѣ, но вдругъ, обращаясь ко мнѣ, говорить: «Ты что?» И началъ по лицу моему гладить рукой, какъ бы смывая съ него грязь, и затѣмъ благословилъ, ничего мнѣ не сказавъ. Но я внезапно почувствовалъ, что на душѣ у меня стало легко. Помыслы хульные отступили отъ меня, и радость наполнила мое сердце».

Замѣчательный случай рассказывала о себѣ монахиня Бѣлевскаго монастыря Варвара Энгельгардтъ: «Въ 1875 году братъ мой, окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, поступилъ на службу офицеромъ въ артиллерію. Затѣмъ черезъ два года, въ 1877 году, онъ назначенъ былъ въ составъ действующей арміи противъ турокъ. Въ то время ему было около 20 лѣтъ. Сама я тогда была въ Зосимовской пустыни Верейскаго уѣзда Московской губерніи. Однажды я получила письмо отъ одного изъ товарищѣй моего брата, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ ужасную вѣсть о томъ, что братъ мой застрѣлился. Въ страшномъ горѣ я отправилась въ Оптину Пустынь къ старцу Амвросію. Являюсь къ нему вся въ слезахъ и все рассказываю. Батюшка, какъ могъ, постарался меня утѣшить. На вопросъ мой: «Можно ли мнѣ молиться за брата?» – Батюшка отвѣчалъ, что Церковь за самоубійца не молится, но что онъ дасть мнѣ молитву, по которой можно мнѣ келейно молиться за брата.

Прихожу я къ нему на другой день. Батюшка встречаетъ меня радостный и объявляетъ, что братъ мой живъ и здоровъ. На вопросъ мой: «Увижу ли я его?» – Батюшка отвѣчалъ, что узнаю о немъ лѣтъ черезъ десять. Предсказаніе Батюшки исполнилось. Чрезъ 10 лѣтъ я получила изъ Америки письмо отъ брата, который извѣщалъ меня, что онъ живъ и здоровъ и просить у меня прощенія, что такъ долго не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій».

Одна изъ преданныхъ духовныхъ дочерей Старца, А. А. Шишкова, передавала о себѣ: «Въ одно изъ моихъ посвѣщеній Старца онъ благословилъ меня книгою «Царскій путь Креста Господня, вводящій въ жизнь вѣчную», прибавивъ: «Чаще читай ее». Я ему сказала: «Вы мнѣ уже такую книгу дали въ прошлый разъ». – «А прочла ли ты ее?» – возразилъ Старецъ. – «Кажется, что читала», – былъ мой отвѣтъ. – «То-то кажется; не развернувъ ее, подарила».

Тутъ я вспомнила, что именно это я сдѣлала, и попросила прощенія. Батюшка съ своей обычною добротою, подавая мнѣ снова книгу, сказалъ: «Читай же эту почаше».

Той же самой А. А. Шишковой батюшка о. Амвросій, за семь лѣтъ до кончины внуочекъ м. Амвросія Ключаревой, ясно указалъ на это событие. Когда она, по порученію Ключаревой, просила Старца разрѣшить наять къ дѣвочкамъ француженку, онъ отвѣтилъ: «Нѣть, ты этого не дѣлай; дѣтямъ не надо француженки. Я къ нимъ помѣстилъ отличную, благочестивую русскую особу, которая ихъ наставитъ и приготовитъ къ будущей

жизни. Знаешь ли, – дѣти жить не будутъ, а на мѣсто ихъ въ имѣніи будутъ за нихъ молитвенницы. Ты только этого не говори м. Амвросію».

Пріѣжаютъ какъ-то къ Старцу изъ Петербурга двѣ сестры. Младшая – невѣста съ веселымъ настроеніемъ; старшая – тихая, задумчивая, богомольная. Одна просить благословенія вступить въ бракъ, а другая въ монастырь. Старецъ невѣстѣ подаетъ четки, а старшей говоритъ: «Какой монастырь? Ты замужъ выйдешь, да не дома; вотъ тебѣ что!» – и назвалъ губернію, куда онѣ никогда не ъздили. Обѣ возвращаются въ столицу. Невѣста узнаетъ, что женихъ ей измѣнилъ. Это произвело въ ней страшную перемѣну, потому что привязанность ея была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ея мысли обратились къ Богу, и вскорѣ она поступила въ монастырь. Между тѣмъ старшая получила письмо изъ дальней губерніи отъ забытой тетки, набожной женщины, жившей по сосѣдству съ женскимъ монастыремъ. Она звала ее присмотрѣться къ жизни монахинь. Но вышло иначе: живши у тетки, племянница познакомилась съ человѣкомъ, уже немолодымъ, очень подходящимъ къ ней по характеру, и вышла за него замужъ.

Бѣдную мѣщанку за красоту сваталъ богатый купецъ. А Старецъ и говоритъ матери: «Вашему жениху отказать надо». Мать такъ и вскинулась. «Что ты, Батюшкa? – Да намъ и во снѣ такой не снился; послать Богъ сиротѣ, а ты отказать». А Батюшкa въ отвѣтъ: «Этому откажите, у меня для дочери твоей другой женихъ есть, лучше этого». – «Да какого намъ лучше на-

до? – Не за князя же ей выходить?» – толкуетъ свое мать. – «Такой у меня великий женихъ, что и сказать трудно; откажите купцу». Купцу отказали, а дѣвушка заболѣла и умерла. Тогда поняли, о какомъ женихѣ говорилъ Старецъ.

Молодой крестьянинъ изъ-подъ Тихоновой пустыни, что около Калуги, задумаль жениться, потому что старуха мать ослабѣла, а другихъ женщинъ въ домѣ не было. Пошелъ онъ на праздникъ Успенія къ Старцу, а тотъ посовѣтовалъ ему подождать до Покрова. Между тѣмъ мать очень недовольна была совѣтомъ Старца. Пришелъ на Покровъ; а Батюшка говорить: «Обожди до Крещенія, – тогда посмотримъ». Старуха очень расстроилась, – малому отъ нея покоя нѣть: «Только путаетъ Старецъ, – некогда прохлаждаться». Пришелъ малый къ Старцу на Крещеніе и объявляетъ, что материной брани терпѣть не можетъ. А Батюшка ему въ отвѣтъ: «Боюсь, что не послушаешь меня; а мой совѣтъ – никакъ тебѣ жениться не надо, – обожди». Крестьянинъ ушелъ и женился, а черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы умеръ.

У одного изъ жителей Козельска, по имени Капитонъ, былъ единственный сынъ, взрослый юноша, ловкій, красивый. Отецъ рѣшился отдать его въ люди и привель его къ Старцу, чтобы получить отъ него благословеніе на задуманное дѣло. Сидѣть оба въ коридорѣ, и около нихъ нѣсколько монаховъ. Выходить къ нимъ Старецъ. Капитонъ, получивши съ сыномъ благословеніе, объясняетъ, что хочетъ сына отдать въ люди. Старецъ одобряетъ намѣреніе и совѣтуетъ отправляться сы-

ну въ Курскъ. Капитонъ начинаетъ Старца оспаривать: «Въ Курскъ, – говоритъ, – у насъ нѣть знакомыхъ; а благословите, Батюшка, въ Москву». Старецъ въ шутливомъ тонѣ отвѣчаетъ: «Москва бѣть съ носка и колотить досками; пусть єдетъ въ Курскъ». Но Капитонъ все-таки не послушалъ Старца и отправилъ сына въ Москву, гдѣ тотъ вскорѣ поступилъ на хорошее мѣсто. У хозяина, къ которому онъ поступилъ, строилось въ это время какое-то зданіе. Вдругъ сверху упало нѣсколько досокъ, которыя и раздробили молодому человѣку обѣ ноги. Тотчасъ же телеграммой увѣдомленъ былъ обѣ этомъ его отецъ. Съ горькими слезами пришелъ онъ къ Старцу повѣдать о своемъ горѣ. Но горю этому помочь уже нельзя было. Больного сына привезли изъ Москвы. Долго онъ хворалъ, и хотя раны закрылись, но онъ уже остался на весь вѣкъ калѣкой, неспособнымъ ни къ какой работѣ.

Одинъ скитскій братъ просилъ старца Амвросія благословить ему поѣхать на Аeonъ. Батюшка, по своему обычаю, говоритъ ему шутя: «Поѣдешь на Аeonъ, будешь Агаенъ». Долго этотъ братъ странствовалъ по монастырямъ и, наконецъ, скончался въ Тихоновой пустыни, принявъ передъ смертью постриженіе въ мантію съ именемъ Агаенъ. Другой инокъ передавалъ: «Моя родственница, старая дѣвушка, пришла въ Оптину Пустынь помолиться и спросить батюшку Амвросія, что ей дѣлать: поступать ли ей въ монастырь или жить дома въ семье? Батюшка отвѣтилъ: «Иди домой, отецъ купить тебѣ какой-нибудь овинъ, поставить на огородѣ, и будешь жить». Когда она возвратилась домой, отецъ, по-

здрававши съ ней, говоритъ: «А я купиль для тебя овинъ, поставлю его на огородѣ, ты и будешь тамъ жить, какъ въ монастырѣ».

6 августа 1883 года пришла въ Оптину женщина изъ Бѣлевскаго уѣзда и добивалась увидѣть о. Амвросія, но за многолюдствомъ никакъ не могла пробиться до хибарки, гдѣ принималъ женщинъ о. Амвросій. Наконецъ, она разыскала земляка-монаха и попросила его спросить у Батюшки, какъ онъ велитъ молиться ей за сына – о здравіи или за упокой? У нея былъ взрослый сынъ, глухой и глупый, такъ что самъ не могъ просить себѣ хлѣба. Въ Казанскую, 8 іюля, онъ пошель въ сельскую церковь и пропалъ: ни въ лѣсу и нигдѣ кругомъ его не нашли. Старецъ отвѣтилъ: «Зачѣмъ поминать за упокой; надобно поминать о здравіи – найдется!.. Быть можетъ, и скоро приведутъ его». Затѣмъ Батюшка прибавиль: «Сынокъ-то, сынокъ, да сама-то какъ живеть? Пусть она свою жизнь перемѣнить!» Когда эти слова Старца передали женщинѣ, она зарыдала и созналась въ тяжкомъ грѣхѣ... Сына же ея, дѣйствительно, нашли черезъ нѣсколько времени въ Одоевскомъ уѣздѣ.

Въ 1874 году одинъ молодой приказчикъ изъ г. Б. собралсяѣхать въ Москву искать себѣ тамъ мѣста, но предварительно заѣхалъ къ батюшкѣ о. Амвросію по-просить совѣта и благословенія. Батюшка, принялъ его, говоритъ: «Не всѣмъ жить въ Москвѣ, а поѣзжай въ Воронежъ». – «Но у меня тамъ нѣть никого знакомыхъ!» – отозвался молодой человѣкъ. – «Ничего, познакомишься!» – сказалъ Батюшка. По благословенію Старца, по-

ѣхалъ онъ въ Воронежъ, прожилъ тамъ съ недѣлю и, не найдя мѣста, съ горечью направился обратно. Доѣхавъ до Тулы, онъ остановился въ гостиницѣ и здѣсь познакомился съ однимъ воронежскимъ мучнымъ торговцемъ, который и нанялъ его къ себѣ на службу. Черезъ три года онъ женился и теперь продолжаетъ жить въ Воронежской губерніи и ведеть большую торговлю хлѣбомъ.

Вдова протоіерея обратилась за совѣтомъ: женить ли сына, кончившаго курсъ семинаріи, или продолжать ему учиться дальше? Старецъ благословилъ продолжать ученіе. Но совѣта не послушали. Прельстившись хорошимъ мѣстомъ, богатою и красивою невѣстою, семинаристъ занялъ мѣсто священника. Однако онъ былъ счастливъ недолго. Семейная жизнь его сложилась очень печально, и черезъ 7 лѣтъ онъ умеръ отъ чахотки въ домѣ своихъ родителей.

Священникъ С. разсказывалъ объ одномъ извѣстномъ ему священникѣ, что онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, задумалъ жениться на своей троюродной сестрѣ. Его отецъ, благочестивый старикъ-священникъ, не одобрялъ брака съ родственницей и не давалъ своего благословенія. Матери жениха и невѣсты, наоборотъ, очень хотѣли этого брака. Ввиду разногласія рѣшено было обратиться за совѣтомъ къ тогда еще живому старцу Амвросію. Написали ему письмо, въ которомъ изложили всѣ обстоятельства дѣла и просили его благословенія на предполагаемый бракъ. Старецъ отвѣтилъ: «Жениться по церковнымъ правиламъ можно, но бракъ будетъ несчастнымъ».

Матери, которымъ очень хотѣлось устроить этотъ бракъ, не обратили вниманія на послѣднія слова отвѣта и говорили даже: «Старецъ – не пророкъ, да вѣдь и самъ онъ пишетъ – жениться можно, такъ чего же еще раздумывать!»

Бракъ состоялся. Молодой мужъ вскорѣ получилъ мѣсто народнаго учителя и уѣхалъ съ женою на мѣсто службы. Прошло нѣсколько времени, и женѣ предстояло уже стать матерью. Въ это время пріѣхалъ въ школу для ревизіи инспекторъ народныхъ училищъ и потребовалъ удаленія изъ школьнаго помѣщенія жены учителя. Не зная, что дѣлать, учитель рѣшился, наконецъ, отправить свою жену въ городъ, въ земскую больницу, где ее, по ошибкѣ, положили въ отдѣленіе для заразныхъ больныхъ. Здѣсь, на ея глазахъ, умерла отъ родовъ больная тифомъ женщина. Все это такъ потрясло ее, что съ нею сдѣлалось острое помѣшательство, во время котораго она и родила здороваго младенца. Съ этихъ поръ она уже никогда не приходила въ полное сознаніе. Временами ей становилось лучше, но разъ въ мѣсяцъ всегда повторялся припадокъ буйства, во время котораго за нею надо было строго слѣдить, чтобы она не причинила вреда себѣ или другимъ. И вотъ однажды (въ это время у нихъ на квартирѣ жилъ какой-то пиротехникъ), когда больную по неосторожности оставили одну въ домѣ, она взяла бывшую въ комнатѣ у пиротехника бутылку съ порохомъ и бросила ее въ горящую печь.

Раздался страшный взрывъ. Домъ разрушился. Обломками дома тяжело была ранена больная. Впослѣдствіи мужъ этой несчастной принялъ священство и,

вспоминая предсказаніе Старца и свое ослушаніе, съ терпѣніемъ несъ свой тяжкій крестъ, видя въ немъ осо-
бое дѣйствіе Промысла Божія, скорбями ведущаго его
ко спасенію.

Одна монахиня задумала ради батюшки о. Амвросія
перейти изъ богатаго монастыря Западнаго края въ бѣд-
ную Шамординскую Казанскую общину.

Но потомъ на нее напалъ страхъ: что же будетъ съ
нею по смерти Батюшки. Съ такими мыслями пришла
она въ хибарку на благословеніе и стояла тамъ по-
зади всѣхъ. Вдругъ Батюшка, какъ бы отвѣчая на ея
сомнѣніе, сказалъ: «Помните, что старцы и по смерти
своей не оставляютъ своихъ обителей». Эти слова Ба-
тушки ее совершенно успокоили.

Съ другою шамординскою сестрою былъ слѣду-
ющій случай. Ей нужно было обратиться къ Старцу за
разъясненіемъ нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ своей
внутренней жизни. Это было Успенскимъ постомъ, въ
послѣдній годъ его жизни. Народу было много. Старецъ
сильно уставалъ, и она, не надѣясь попасть къ нему на
бесѣду, написала ему письмо. Дня черезъ два она была
у Старца, и онъ на всѣ пункты ея письма даль полные
отвѣты, вспоминая самъ, что еще тамъ было написано.
Сестра ушла отъ Старца утѣшенная и успокоенная, не
подозрѣвая, однако, какое чудо прозорливости Старца
совершилось надъ ней. Въ октябрѣ Старецъ скончался,
и черезъ шесть недѣль, при разборкѣ его келейныхъ бу-
магъ, нашли нераспечатанное письмо на его имя; такъ
какъ на конвертѣ было также надписано и отъ кого оно,
то его и возвратили по принадлежности. Каково же бы-

ло удивленіе той сестры, когда она увидѣла то самое свое письмо, которое писала Успенскимъ постомъ и на которое тогда же получила такіе подробные отвѣты, не-распечатаннымъ.

Бывшая Каширская игуменія Тихона разсказываетъ.
«Послѣ кончины старца о. Макарія осиротѣвшая Бѣлевская женская обитель стала относиться въ лицѣ настоятельницы игуменіи Павлины и сестеръ къ двумъ ближайшимъ ученикамъ почившаго старца – іеросхимонахамъ Амвросію и Иларіону. Пишущая нижеслѣдующій разсказъ о старцѣ о. Амвросіи сперва относилась съ своими духовными нуждами къ о. Иларіону, а по кончинѣ его предалась въ полное послушаніе старцу о. Амвросію. Настоящій разсказъ записанъ ею еще въ 1870 году, когда она еще не была духовною дочерью старца о. Амвросія, а потому тѣмъ достовѣрнѣе ея безпристрастное отношеніе къ дивной прозорливости Старца, поразившее тогда всю Бѣлевскую обитель. Въ число сестеръ поступили въ 70-хъ годахъ двѣ пожилыя сестры – Параскева и Марія, родомъ изъ орловскихъ мѣщанъ, ихъ такъ и величали «Орловскими», потому и фамилія ихъ не была известна сестрамъ монастыря. Въ то время бѣлевская игуменія Павлина начала постройку храма; по этому дѣлу она їздila не одинъ разъ въ С. Петербургъ къ преосвященному епископу Никандру, который былъ вызванъ на очередь въ Св. Синодъ. Въ одну изъ ея отлучекъ заболѣла воспаленіемъ старшая сестра Параскева Орловская, въ третий день она скончалась, и за отсутствіемъ м. игуменіи ее не постригли въ мантію, какъ это раньше всегда дѣжалось въ Бѣлев-

скомъ монастырѣ. Для оставшейся въ живыхъ младшей сестры Маріи этотъ случай быль весьма печаленъ; она обливалась горькими слезами и со своею скорбью поѣхала въ Оптину къ батюшкѣ о. Амвросію. Старецъ утѣшалъ ее, успокоиваль насчетъ участіи почившій сестры, приводиль въ утѣшеніе примѣръ изъ Кіевскаго патерика, гдѣ написано объ инокѣ, принявшемъ постриженіе отъ невидимой руки Ангела Божия. Марія спокойнѣе стала относиться къ смерти сестры. Мысль ея и заботы перешли на починку и поправку келліи, которая требовала ремонта, и она на общемъ благословеніи у Старца говорила ему и просила благословенія на это дѣло, но Батюшка при всѣхъ (а тутъ много было бѣлевскихъ), отвѣтиль ей: «Не заботься о келліи; твоя келлія – гробъ въ три доски! Приложи все стараніе о переходѣ въ загробную жизнь». А обращаясь къ бѣлевскимъ сестрамъ, тутъ же бывшимъ, пѣвчимъ, сказалъ имъ: «Оставайтесь исповѣдоваться; надо васть домой скорѣе отпускать, Машу хоронить!» Тѣ очень скоро вернулись домой и, на вопросъ сестеръ бѣлевскихъ: «Почему такъ скоро приѣхали?» – говорили, что Батюшка поспѣшилъ ихъ отправить для похоронъ Маріи Орловской, которая, полная силь и здоровья, осталась по благословенію Старца еще на недѣлю въ Оптина. Ей было приказано поговѣть и готовиться къ постриженію въ мантію, вмѣстѣ и особороваться и пріобщиться Св. Таинъ. Марія поиновалась безпрекословно волѣ Старца. Онъ самъ ее постригъ съ переименованіемъ имени Маріониллы и, при отправленіи ея въ Бѣлевъ, написаль собственноручно м. игуменіи Павлинѣ, что нашель необходимымъ

постричь Марию и просилъ прощенъя, что поступиль такъ, заранѣе не снесясь о семъ съ игуменіей. Марія вернулась вполнѣ здоровою; понятно, какъ сестры встрѣчали ее, изумленныя извѣщеніемъ заранѣе о наступающей ея кончинѣ. И что же?.. Послѣ пріѣзда, представившись м. игуменіи, передавши ей письмо Старца и испросивъ прощеніе за все съ ней случившееся, она вернулась въ келлію. Въ ту же ночь заболѣла воспаленіемъ мозга, три дня была безъ памяти и на четвертый скончалась мирно, спокойно, точно заснула. Кончина Маріи произвела на всѣхъ тогда поражающее впечатлѣніе».

Рассказывалъ о себѣ извѣстный нынѣ священникъ села Спасъ-Чекрякъ Орловской губерніи о. Георгій Коссовъ.

«Когда я пріѣхалъ на свой приходъ, меня оторопь взяла: что мнѣ тутъ дѣлать?! Жить не въ чѣмъ, служить не въ чѣмъ! Домъ – старый-престарый; церковь – пойдешь служить, того и гляди – задавить. Доходовъ почти никакихъ, – прихожане удалены и отъ храма и отъ причата. Народъ бѣдный; самимъ въ пору еле прокормиться. Что мнѣ было тутъ дѣлать? Священникъ я въ то время былъ молодой, неопытный, къ тому и здоровъ былъ очень слабъ, кровью кашляль. Матушка моя была сирота, бѣдная, безъ всякаго приданаго. Поддержки, стало быть, ни оттуда ни отсюда не было, а на рукахъ у меня были еще младшіе братья. Осталось бѣжать. Такъ я и замыслилъ. На ту пору велика была слава отца Амвросія. Пустынь Оптинская отъ насъ верстахъ въ шестидесяти. Какъ-то по лѣту – ночь безсонная – взгомо-

зился я отъ думушекъ ни свѣть ни заря; котомку за пле-чи, да и пошелъ къ нему отмахивать за благослове-ниемъ: уходить мнѣ изъ прихода. Часа въ четыре дня я уже былъ въ Оптино. Батюшка меня не зналъ ни по ви-ду, ни по слуху. Прихожу въ его «хибарку», а уже наро-ду тамъ – тьмы: дожидаются выхода Батюшки. Сталь и я въ сторонкѣ дожидаться. Смотрю – онъ выходитъ да прямо меня черезъ всѣхъ и манить къ себѣ: «Ты, іерей, что тамъ такое задумаль? Приходъ бросать? А? Ты зна-ешь – Кто іереевъ-то ставить? А ты – бросать?! Храмъ, виши, у него старъ, заваливаться сталь... А ты строй но-вый, да большой, каменный, да теплый, да полы въ немъ чтобы были деревянные: больныхъ привозить будуть, такъ имъ чтобы тепло было. Ступай, іерей, домой, ступай, да дурь-то изъ головы выкинь... Помни: храмъ, храмъ-то строй, какъ я тебѣ сказываю. Ступай, іерей, Богъ тебя благословить!»

А на мнѣ никакого-то и знака іерейского не было. Я слова не могъ вымолвить. Пошелъ я домой тутъ же. Иду да думаю: что же это такое? Мнѣ строить камен-ный храмъ? Съ голоду дома чуть не умираешь, а тутъ храмъ строить. Ловко утѣшаетъ, нечего сказать.

Пришелъ домой, кое-какъ отдѣлался отъ вопросовъ жены: ну, что ей было говорить?! Сказалъ только, что не благословилъ Старецъ просить перевода. Что у ме-ня тогда въ душѣ происходило, кажется, и не пере-дашь...

Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу – молитва на умъ нейдетъ. Съ людьми, съ женой даже не разговариваю. Задумываться сталь.

И стала я слышать и ночью и днемъ, больше ночью, какие-то странные голоса: уходи, говорять, скорѣе! Ты одинъ, а насъ много! Гдѣ тебѣ съ нами бороться! Мы тебя совсѣмъ со свѣту сживемъ!.. Галлюцинація. должно быть... Ну, чтобы тамъ ни было, только дошло до того, что не только во мнѣ молитвы не стало, мысли богохульныя стали лѣзть въ голову... А придетъ ночь, – сна нѣтъ, и какая-то сила прямо съ постели стала сбрасывать меня на полъ, да не во снѣ, а прямо въявѣ, такъ-таки подниметъ и швырнетъ съ постели на полъ. А голова-то все страшнѣе, все грознѣе, все настойчивѣе: ступай, ступай вонъ отъ насъ!

Я въ ужасѣ, едва не мѣшаясь разсудкомъ отъ перенесенныхъ страховъ, опять кинулся къ о. Амвросію.

Отець Амвросій, какъ увидаль меня, да прямо, ничего у меня не разспрашивая, и говорить мнѣ:

– Ну, чего испугался, іерей? Онъ одинъ, а васъ двое.

– Какъ же это такъ, – говорю, – Батюшкѣ?

– Христосъ Богъ да ты – вотъ и выходить двое. А врагъ-то – онъ одинъ. Ступай, – говоритъ, – домой – ничего впередъ не бойся, да храмъ-то, храмъ-то большой, каменный, да чтобы теплый, не забудь строить. Богъ тебя благословить!

Съ тѣмъ я и ушелъ. Прихожу домой, съ сердца точно гора свалилась. И отпали отъ меня всѣ страхования. Стала я тутъ и Богу молиться. Поставиши въ церкви себѣ аналойчикъ за лѣвымъ клиросомъ предъ иконой Царицы Небесной, затеплиши лампадочку, зажжешь свѣчу да и начнешь въ одиночку въ храмѣ канонъ Ей читать. Кое-что изъ другихъ молитвъ стала добавлять.

Смотрю, такъ, черезъ недѣльку-другую, одинъ пришелъ въ церковь, сталъ себѣ въ уголку, да со мной Богу вмѣстѣ молится, тамъ – другой, третій, а тутъ уже и вся церковь полна стала набираться»...

Прибавимъ къ этому, что теперь у о. Георгія выстроены его попеченіемъ большой храмъ каменный, страннопріимная, пріюты, школы; и идуть къ нему со всѣхъ концовъ Россіи богомольцы за совѣтомъ, благословеніемъ, молитвой и утѣшеніемъ.

Еще поразительный случай. Иконостасный мастеръ изъ К. передавалъ слѣдующее: «Незадолго до кончины Старца, годочка этакъ за два, надо было мнѣѣхать въ Оптину за деньгами. Иконостасъ тамъ мы дѣлали, и приходилось мнѣ за эту работу отъ настоятеля получить довольно крупную сумму денегъ. Получилъ я свои деньги и передъ отъѣздомъ зашелъ къ старцу Амвросію благословиться на обратный путь. Домойѣхать я торопился: ждалъ на слѣдующій день получить заказъ большой – тысяча на десять, и заказчики должны были быть непремѣнно на другой день у меня въ К. Народу въ этотъ день у Старца, по обыкновенію, была гибель. Прозналъ онъ это про меня, что я ожидаюсь, да и вѣль мнѣ сказать чрезъ своего келейника, чтобы я вечеромъ зашелъ къ нему чай пить.

Хоть и надо мнѣ было торопиться ко двору, да честь и радость быть у Старца и чай съ нимъ пить были такъ велики, что я разсудилъ отложить свою поѣздку до вечера, въ полной увѣренности, что хоть всю ночь проѣду, а успѣю вовремя попасть. Приходить вѣчеръ, пошелъ я къ Старцу. Принялъ меня Старецъ та-

кой-то веселый, такой-то радостный, что я и земли подъ собою не чувствую. Продержаль меня Батюшка, ангель нашъ, довольно-таки долго, уже почти смерклось, да и говорить мнѣ: «Ну, ступай съ Богомъ. Здѣсьnochуй, а завтра благословляю тебя идти къ обѣднѣ, а отъ обѣдни чай пить заходи ко мнѣ». «Какъ же это такъ?!» – думаю я. Да не посмѣль Старцу перечить. Переночеваль, быль у обѣдни, пошелъ къ Старцу чай пить, а самъ скорблю о своихъ заказчикахъ и все соображаю: авось, молъ, успѣю хотя къ вечеру попасть въ К. Какъ бы не такъ! Отпили чай. Хочу это я Старцу сказать: благословите домой ъхать, а онъ мнѣ и слова не даль выговорить: «Приходи, – говоритъ, – сегодня ночевать ко мнѣ». У меня даже ноги подкосились, а возражать не смѣю. Прошелъ день, прошла ночь! Наутро я уже осмѣлѣль и думаю: была не была, а ужъ сегодня я уѣду; авось денекъ-то мои заказчики меня подождали. Куда тебѣ! И рта мнѣ не даль Старецъ разинуть. «Ступай-ка, – говоритъ, – ко всенощной сегодня, а завтра къ обѣднѣ. У меня опять сегодня заночуй!» Что за притча такая! Тутъ ужъ я совсѣмъ заскорбѣль и, признаться, погрѣшилъ на Старца: вотъ-те и прозорливецъ! Точно не знаѣть, что у меня, по его милости, ушло теперь изъ рукъ выгодное дѣло. И такъ-то я быль на Старца непокоенъ, что и передать вамъ не могу. Ужъ не до молитвы мнѣ было въ тотъ разъ у всенощной – такъ и толкаетъ въ голову: вотъ тебѣ твой Старецъ! Вотъ тебѣ и прозорливецъ!.. Свиститъ теперь твой заработокъ... Ахъ, какъ мнѣ было въ то время досадно!

А Старець мой, какъ на грѣхъ, ну, точно вотъ, прос-ти Господи, въ издѣвку мнѣ, такой меня, послѣ всенощ-ной, радостный встрѣчаетъ!.. Горько, обидно мнѣ стало: и чему, думаю я, онъ радуется... А скорби своей все-та-ки вслухъ выскажать не осмѣливаюсь. Заночеваль я та-кимъ-то порядкомъ и третью ночь. За ночь скорбь моя понемногу поулеглась: не воротиши того, что плыло, да сквозь пальцы уплыло... Наутро прихожу отъ обѣдни къ Старцу, а онъ мнѣ: «Ну, теперь пора тебѣ и ко двору! Ступай съ Богомъ! Богъ благословить! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!..»

И отпала тутъ отъ меня всякая скорбь. Выѣхалъ я се-бѣ изъ Оптиної Пустыни, а на сердцѣ-то такъ легко и радостно, что и передать невозможно... Къ чему только сказалъ это Батюшкa: по времени не забудь Бога побла-годарить!.. Должно, думаю, за то, что Господь въ храмѣ три дня подрядъ удостоиль побывать. Ёду я домой не-спѣшно и о заказчикахъ своихъ вовсе не думаю: ужъ очень мнѣ отрадно было, что Батюшкa со мною такъ обошелся.

Прѣѣхалъ я домой, и чтобы вы думали? Я въ ворота, а заказчики мои за мной: опоздали, значить, противъ уговору на трое сутокъ прїѣхать. Ну, думаю: ахъ ты, мой старчикъ благодатный! Ужъ подлинно – дивны дѣ-ла Твои, Господи!.. Однако не тѣмъ еще все это кончи-лось. Вы послушайте-ка, что дальше-то было! Прошло съ того времени не мало. Померъ нашъ отецъ Амвросій. Года два спустя послѣ его праведной кончины заболѣвать у меня мой старшій мастеръ. Довѣренный онъ былъ у меня человѣкъ, и не работникъ былъ, а прямо – золо-

то. Жиль онъ у меня безысходно годовъ поболѣе двадцати. Заболѣваетъ къ смерти. Послали мы за священникомъ, чтобы поисповѣдовать и причастить, пока въ памяти. Только, смотрю, идетъ ко мнѣ отъ умирающаго священникъ да и говорить: «Больной въасъ къ себѣ зоветъ, видѣть васъ хочетъ. Торопитесь, какъ бы не померъ». Прихожу къ больному, а онъ, какъ увидѣль меня, приподнялся кое-какъ на взлокоточки, глянуль на меня да какъ заплачетъ: «Прости мой грѣхъ, хозяинъ! Я вѣдь тебя убить хотѣль...»

– Что ты, Богъ съ тобой! Бредиши ты...

– Нѣть, хозяинъ, вѣрно тебя убить хотѣль. Помниши, ты изъ Оптиної запоздаль на трое сутокъ пріѣхать. Вѣдь насы трое, по моему уговору, три ночи подрядъ тебя на дорогѣ подъ мостомъ караулили; на деньги, что ты за иконостасъ изъ Оптиної везъ, позавистовали. Не быть бы тебѣ въ ту пору живымъ, да Господь, за чьи-то молитвы, отвель тебя отъ смерти безъ покаянія... Просити меня, окаяннаго, отпусти, Бога ради, съ миромъ мою душеньку.

– Богъ тебя прости, какъ я прощаю!

Туть мой больной захрипѣль и кончаться началъ. Царствіе Небесное его душенькѣ! Великъ быль грѣхъ, да велико и покаяніе!»

Замѣчателенъ случай, бывшій съ К. Н. Леонтьевымъ⁴², проживавшимъ тогда въ Оптиної Пустыни. По

⁴² К. Н. Леонтьевъ, известный писатель и публицистъ, быль одно время русскимъ консуломъ въ Турціи. Совершенно холодный и равнодушный къ вѣре и религії, онъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній Аѳона, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ тамошними старцами Іеронимомъ и Маркаріемъ, совершенно возродился духовно и сталъ глубоко вѣрующимъ

переселеніи Старца въ Шамордино онъ задумаль уходить оттуда. Въ августъ 1891 года, мѣсяца за два до кончины Старца, онъ пріѣхаль къ нему въ Шамордино и, получивъ отъ него благословеніе на перемѣщеніе въ Сергиевскій Посадъ, простился съ нимъ. Старецъ съ христіаниномъ. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ познакомился и съ Оптиной Пустынью и ея старцемъ Амвросіемъ.

Отецъ Амвросій имѣлъ сильное влияніе на К. Н. Леонтьева въ послѣдніе годы его жизни. Самъ Леонтьевъ разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что въ первыя пять лѣтъ своего знакомства со Старцемъ онъ никакъ не могъ подойти къ нему, сблизиться съ нимъ и получать отъ него духовную пользу, однако постоянное и мягкое воздействіе Старца оказалось свое вліяніе на Леонтьева, и въ 1879 году въ его отношеніи къ Старцу произошла рѣзкая перемена, — онъ сталъ съ любовью во всемъ его слушаться и съ этихъ поръ, до конца своей жизни, въ продолженіе 11 лѣтъ оставался его вѣрнымъ и преданнымъ ученикомъ.

«... Въ 1847 году я пріѣхаль изъ Турціи, «обвѣянный Аѳонскимъ воздухомъ», и вскорѣ поѣхаль въ Оптину. Отецъ Амвросій мнѣ чрезвычайно понравился; но я все-таки въ теченіе 5 лѣтъ не получалъ отъ него тѣхъ утѣшений, которыя получалъ отъ болѣе суроваго Иеронима Аѳонскаго. А душевная моя жизнь была очень сложная, трудная, очень запутанная — и сердечно, и хозяйственно и т. д. Ужаснѣ всего было то, что надо было говорить о. Амвросію все кратко, все только въ окончательномъ выводѣ, безъ всякихъ объясненій. Это была мука — послѣ Иеронима, который со мной беседовалъ, разспрашивалъ, про себя разсказывалъ, объяснялъ, благословлялъ и т. д., — слышать всякой разъ: «Вы покороче; я утомленъ; я очень слабъ; вы безъ предисловій; ждѣть игуменія; ждѣть одна купчиха-вдова уже 3-й день. Поскорѣе!» и т. д.

Климентъ выручалъ, конечно; онъ разсуждалъ за Старца; онъ употреблялъ всѣ усиія, чтобы пріучить меня къ нему. Я старался — 5 лѣтъ бѣдилъ въ Оптину и очень любилъ тудаѣздить, но гораздо больше черезъ Клиmentа, чѣмъ черезъ о. Амвросія.

Когда Климентъ умеръ, и я сидѣлъ въ залыцѣ о. Амвросія, ожидая, чтобы меня позвали, — я помолился на образъ Спаса и сказалъ про себя: «Господи! наставь же Старца такъ, чтобы онъ былъ опорой и утѣшениемъ! Ты знаешь мою борьбу». И вотъ о. Амвросій на этотъ разъ продержалъ меня долго, успокоилъ, наставилъ, и съ той минуты все пошло совсѣмъ иначе. Я сталъ съ любовью его слушаться, и онъ, видимо, очень меня любилъ и всячески меня утѣшалъ!..»

особеною любовью благословилъ его и сказалъ при этомъ: «Скоро увидимся». К. Н. Леонтьевъ не придалъ сначала этимъ словамъ особенного значенія, но когда, два мѣсяца спустя, узналъ о кончинѣ Старца, взволновался и сталъ говорить: «Значить, и я скоро умру!» И дѣйствительно, не прошло и сорока дней послѣ смерти Старца, какъ К. Н. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ ноябрѣ того же 1891 года. – Замѣчательно еще, что К. Н. Леонтьевъ, страдая очень тяжелою внутреннею болѣзнью, со страхомъ думалъ о томъ, что его смерть отъ этой болѣзни будетъ очень мучительная. Но Старецъ его всегда успокоиваль и говорилъ: «Нѣть, ты не отъ этой болѣзни умрешь». Такъ и вышло: К. Н. Леонтьевъ умеръ отъ воспаленія легкихъ, одной изъ наименѣе мучительныхъ болѣзней.

Тотъ же К. Н. Леонтьевъ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующій случай прозорливости старца Амвросія.

«Около бывшаго моимъ Кудинова въ Мещевскомъ уѣздѣ есть деревня Карманово г. Раевскаго; въ Кармановѣ есть молодой мужикъ Егоръ; былъ въ солдатахъ и пришлось ему въ числѣ другихъ 15 человѣкъ вынимать жребій, кому возвращаться домой съ билетомъ. Онъ помолился: «Илья пророкъ! Отець Амвросій! Успеніе Божіей Матери! помогите, чтобы домой уйти!» Жребій выпалъ сообразный его желанію. Егоръ обѣщалъ сходить въ Оптину. Возвратившись домой, сталъ, какъ водится, откладывать, забывать. Вдругъ онъ тяжело заболѣваетъ. Лежалъ долго, но въ памяти. Конечно, сталъ каяться и снова молиться. Однажды лежить онъ и ви-

дить: входить старичокъ монахъ въ коротенькой свиточкѣ, въ старой шапочкѣ, подходитъ и говоритъ ему: «Богъ тебѣ поможеть, а исполнить обѣщаніе надо». И ушелъ. Были родные въ избѣ, но кромѣ его никто не видаль. Такъ какъ это было не во снѣ (что свидѣтельствуютъ и родные, т. е. что онъ не спалъ), то его это сильно поразило, конечно. Вскорѣ послѣ этого онъ поправился, рассказалъ роднымъ о видѣніи своемъ, и такъ какъ онъ не только никогда самого о. Амвросія не видаль, но даже и портрета его, а слышалъ, что у помѣщика есть карточка, то пошелъ къ Раевскому и увидаль, что это туть самый старичокъ! На дняхъ онъ пришелъ сюда, и Старецъ его принялъ. Когда онъ рассказалъ ему все, о. Амвросій сказалъ ему: «Это по твоей вѣрѣ – Богъ тебѣ послалъ, и за то, что ты не пьяница, въ семѣ хорошо живешь и чернымъ словомъ никогда не браницься». Это и Егора и нась всѣхъ особенно поразило. Дѣйствительно, Егоръ таковъ и никогда дурными словами не ругается! Отецъ же Амвросій до этого свиданія, конечно, и понятія обѣ немъ не имѣль (его деревня верстъ 70 отсюда)»...

Однимъ изъ послѣднихъ случаевъ прозорливости Старца былъ слѣдующій. Во время поминальной трапезы въ Шамординѣ, тотчасъ послѣ отпѣванія батюшки отца Амвросія, произошло событие, которое произвело на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. Одна изъ присутствовавшихъ за трапезой вмѣстѣ съ своимъ мужемъ духовная дочь Старца просила какъ-то у Батюшки совѣта и благословенія – взять какого-либо ребенка на воспитаніе. Въ 1890 году, почти въ самую же

половину октября, Старець сказаў ей въ отвѣтъ на ся просьбу: «Погодите, черезъ годъ я самъ укажу вамъ для усыновленія ребенка». За обѣдомъ пріѣхавшіе на похороны супруги съ горестью вспомнили слова Старца и пожалѣли, что кончина Батюшки не дала ему исполнить своего обѣщанія. Но еще не успѣль окончиться обѣдъ, какъ пронесся слухъ, что у крыльца начальническаго корпуса, гдѣ гости обѣдали, нашли подкинутаго младенца. Когда обѣ этомъ услыхала бездѣтная супруга, она кинулась къ малюткѣ и съ чувствомъ глубокаго умиленія воскликнула: «Это Батюшка послалъ мнѣ дочку». И ребенокъ былъ увезенъ ею съ собою и впослѣдствіи усыновленъ.

Кромѣ случаевъ прозорливости извѣстны еще многіе случаи, когда по молитвамъ Старца больные получали исцѣленіе. Такіе случаи бывали какъ при жизни Старца, такъ и по кончинѣ его.

При жизни Батюшки многіе обращались къ нему съ просьбою помолиться обѣ исцѣленіи отъ тяжкихъ болѣзней. И большею частью, въ крайнихъ случаяхъ, когда врачебное искусство оказывалось бессильнымъ. Въ такихъ случаяхъ Старець чаще всего совѣтовалъ воспользоваться Таинствомъ елеосвященія, причемъ объясняль и въ письмахъ и лично, что посредствомъ сего Св. Таинства человѣкъ получаетъ разрѣшеніе отъ всѣхъ забвенныхъ и недоумѣнныхъ грѣховъ, и что многіе совершенно неправильно отлагаютъ совершеніе этого таинства до самой кончины.

Иногда же Старець назначалъ служить молебны предъ мѣстными чудотворными иконами или посыпалъ

въ Тихонову пустынь (18 верстъ оть Калуги) помолиться угоднику Божию Тихону Калужскому и покупаться въ его цѣлебномъ колодцѣ. Но иногда, по данной ему оть Господа благодати, исцѣляль и своею непосредственною молитвою, какъ показываютъ слѣдующіе, напримѣръ, случаи. Вышеупомянутая духовная дочь о. Амвросія, А. А. Шишкова, разсказываетъ о себѣ: «Въ 1877 году я очень хворала, почти годъ, сильною горловою болѣзнью, вслѣдствіе простуды. Едва могла я глотать одну жидкую пищу. Жила я тогда въ деревнѣ и лѣчилась. Доктора, видя, что болѣзнь моя усиливается, посовѣтовали мнѣѣхать въ Москву, созвать консиліумъ и жить за границей въ тепломъ климатѣ. Въ это время въ сосѣдній женскій Троекуровскій монастырь пріѣхала г-жа Ключарева, жившая со своими внучками при Оптиної Пустыни, гдѣ вблизи было у нея свое имѣніе.

Узнавъ, что я такъ хвораю, она предложила монахинямъ передать мнѣѣя совѣтъ – обратиться къ Оптиноскому старцу о. Амвросію письменно и просить его молитвъ. Сначала я не обратила вниманія на эти слова. Но, видя ухудшеніе своего болѣзненнаго состоянія, рѣшилась написать Старцу (хотя и не знала его), прося его молитвъ за меня, болящую. Батюшка скоро мнѣѣ отвѣтилъ: «Пріѣзжай въ Оптину, ничтоже сумняся; только отслужи молебень Спасителю, Божіей Матери, св. Ioанну Воину и свт. Николаю Чудотворцу». Предложеніе поѣхать въ Оптину Пустынь меня сильно устрашило, ибо я знала, какой длинный и трудный путь предстояло мнѣї совершить, между тѣмъ какъ оть истощенія силь я не могла вставать.

Какъ я поѣду? – думалось мнѣ. Но подчеркнутыя слова – «ничтоже сумняся» – подкрѣпили мой духъ и мои силы, и я, несмотря на просьбу дѣтей не ѿхать и на убѣжденіе доктора, пригласила священника, отслужила молебень и на другой же день поѣхала, сначала въ каретѣ, а тамъ по желѣзной дорогѣ и снова на лошадяхъ. По пріѣздѣ въ Оптину я просила узнать у Батюшки въ Скиту, когда могу къ нему пріѣхать. Онъ приказалъ мнѣ сказать, чтобы я сейчасъ отдохала, а на другой день пошла бы къ обѣднѣ и оттуда къ нему... Такъ я и сдѣлала... Когда я вошла къ Батюшкѣ въ комнату съ г-жею Ключаревою, она, ставши передъ нимъ на колѣни, начала со слезами просить: «Батюшка, исцѣлите ее, какъ вы умѣете исцѣлять». Сильно Старецъ разгнѣвался на эти слова и приказалъ г-жѣ Ключаревой немедленно удалиться. Мнѣ же сказалъ: «Не я исцѣляю, а Царица Небесная; обратись и помолись Ей». Въ углу комнаты висѣлъ образъ Пресвятой Богородицы. Потомъ онъ спросилъ, гдѣ болитъ горло. Я показала правую сторону горла. Старецъ съ молитвою три раза перекрестилъ больное мѣсто. Тутъ же какъ будто нѣкоторую бодрость я получила. Принявъ благословеніе у Батюшки и поблагодаривъ его за милостивый пріемъ, я удалилась. Прихожу въ гостиницу, гдѣ меня ожидалъ мужъ и одна знакомая дама В. Д. М.-П. При нихъ-то я попробовала проглотить кусочекъ хлѣба, чтобы удостовѣриться, лучше ли мнѣ стало за молитвами Старца. Прежде я не могла глотать ничего твердаго. И вдругъ – какая же была моя радость! – я безъ боли, очень легко, могла все ѿѣсть, и до сихъ поръ боль ни разу не возвращалась, – вотъ уже прошло тому 15 лѣтъ!»

Приводимъ разсказъ г-жи В. Д. М.-П. о чудесномъ выздоровлениі ея сына.

«27 мая 1878 года четырнадцатилѣтній сынъ нашъ Дмитрій заболѣлъ непонятнымъ для нась недугомъ: страданіемъ уха, головы и челюстей, съ сильною течью изъ праваго уха и жаромъ, доходившимъ до 40 градусовъ. При этомъ онъ лишился слуха. Ночью онъ стоналъ, кричалъ отъ боли, бредилъ. Его сонъ быль беспокойный, прерывистый; но часто ночи проходили совсѣмъ безъ сна. Мы приписывали эти страданія внутреннему нарыву въ ухѣ и очень боялись послѣдствій. Приглашенный докторъ – специалистъ по ушнымъ болѣзнямъ г. Бѣляевъ, по тщательномъ осмотрѣ больного, объявилъ намъ, что у нашего сына очень серьезный случай ушного катара, происшедшаго вслѣдствіе воспаленія средняго уха, и что этотъ упорный катаръ произвель прободеніе барабанной перепонки. Эта болѣзнь признается неизлѣчимою. Докторъ Бѣляевъ, между прочимъ, сталъ нась утѣшать, говоря, что надежда есть на молодые годы больного, что въ этой болѣзни необходимо большое терпѣніе, что въ отдаленномъ будущемъ можно надѣяться на поправку и т. п. Присутствіе же нарыва онъ положительно отрицаль. Послѣ двухъ недѣль то усиливающихся, то ослабѣвающихся страданій докторъ посовѣтоваль намъ перевезти сына въ деревню на чистый воздухъ, такъ какъ у больного явилось сильное малокровіе, страшная блѣдность и упадокъ силь. Повинуясь совѣту врача, мы бережно перевезли сына въ деревню (въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи), надѣясь на благотворное вліяніе перемѣны воздуха. Въ

самый день прїѣзда страданія больного до того усили-
лись, что лицо его искажалось, глаза съ трудомъ откры-
вались, и очень часто мучительные крики стали разда-
ваться по всему дому... Съ каждымъ днемъ страданія и
слабость усиливались, такъ что больному трудно было
приподнимать голову съ подушки, и малѣйшій шумъ
или даже звукъ причинялъ ему крайнія страданія. Во-
обще состояніе его казалось безнадежнымъ, но Господь
великъ и милостивъ. 24 іюня мой мужъ прїѣхалъ изъ
Москвы въ деревню и предложилъ мнѣ всей семьей
ѣхать помолиться и поговѣть въ Оптину Пустынь и
тамъ попросить благословенія и св. молитвъ о. Амвро-
сія. Уѣзжая, мы поручили больного сына попеченію
учителя и старой няни, которые оба его любили и въ ко-
торыхъ мы былиувѣрены.

Прїѣхавъ 26 іюня въ Оптину Пустынь, мужъ мой,
двѣ дочери, племянникъ, воспитанница, горничная и я –
всѣ мы отправились въ Скитъ къ о. Амвросію и переда-
ли Батюшкѣ о состояніи нашего больного сына и про-
сили его св. молитвъ о болящемъ. Батюшка спокойно
отвѣтилъ намъ, привѣтливо улыбаясь: «Ничего, ничего,
успокойтесь, все пройдетъ; молитесь только Богу».
Каждый день мы стали посѣщать о. Амвросія, и Ба-
тушка быль настолько милостивъ, что бесѣдовалъ съ
нами подолгу и тѣмъ подкрѣплялъ нась всѣхъ, говоря,
что «молитва родителей доходна до Бога; вѣруйте толь-
ко въ Его милосердіе и молитесь, и Господь васъ утѣ-
шитъ». Мы говорили ему, что не надѣемся на свои
грѣшныя молитвы, а уповаемъ на его ходатайство и св.
молитвы. Онъ далъ намъ понять, что Господь нась об-

радуешь. По совѣту и благословенію Старца мы пробы-
ли въ Оптинаѣ еще три дня, чтобы поговѣть. Исповѣдь у
него оставила въ насъ глубокое впечатлѣніе... 1 іюля,
получивъ извѣстіе о сынѣ, что его невыносимо-болѣз-
ненное состояніе ухудшается съ каждымъ днемъ, и что
по-видимому надо ожидать близкаго конца, мы рѣши-
лись, не медля, принявъ благословеніе о. Амвросія, тот-
часъ пуститься въ обратный путь. Но Батюшка благо-
словилъ намъ выѣхать только на другой день. 2 іюля,
послѣ ранней обѣдни, въ 9 часовъ утра мы всѣ пришли
къ Старцу. Онъ всѣхъ насъ благословилъ съ лаской и на-
путственнымъ словомъ и, обращаясь къ моему мужу и
мнѣ, сказалъ: «Не беспокойтесь и не огорчайтесь; поѣз-
жайте съ миромъ, надѣйтесь на милосердіе Божіе, и вы
будете утѣшены. Молитесь Богу, молитесь Богу! Вы бу-
дете обрадованы». Потомъ онъ подалъ мнѣ два не-
большіе креста, надѣтые на пояски съ вытканными на
нихъ молитвами: одна св. Тихону Задонскому, а дру-
гая – свт. Николаю Чудотворцу – для меня и для нашего
сына со словами: – «Передай сыну мое благословеніе».
Уходя, мы еще разъ усердно просили его молитвъ. «Хо-
рошо, хорошо, – отвѣчалъ онъ поспѣшно и тотчасъ при-
бавилъ: – И вы молитесь Богу». Благословивши всѣхъ,
онъ насъ отпустилъ.

Черезъ часъ мы пустились въ обратный путь домой
къ сыну. На станцію (въ 10 верстахъ отъ имѣнія) мы
прибыли 3 іюля въ четыре часа утра. Кучера, ожидавшіе
насъ съ экипажами, передали намъ, что страданія наше-
го сына съ нашего отѣзда все усиливались, и состояніе
его здоровья ухудшалось съ каждымъ днемъ; особенно

2 іюля онъ страдалъ невыносимо, и крики его раздирали душу каждого, до кого они доносились. Сна не было цѣлый день, такъ же какъ и двѣ предыдущія ночи, и силы больного совсѣмъ упали. Учитель и няня собирались было уже послать въ Москву за докторомъ, когда получена была наша телеграмма о нашемъ возвращеніи изъ Оптиної. Съ невыразимымъ трепетомъ и сердечной тоской мы поѣхали со станціи... Вдругъ, не доѣзжая двухъ верстъ до нашего имѣнія, мысли мои были прерваны внезапной остановкой нашего экипажа. Воспитатель нашего сына на всемъ скаку подѣзжалъ къ намъ, и въ эту минуту я подумала, что вѣрно все кончено, и его уже нѣть на свѣтѣ. Но воспитатель, которому сынъ нашъ былъ порученъ, объявилъ намъ съ большой радостью, что съ больнымъ произошелъ какой-то необычный случай, или кризисъ (какъ онъ сказалъ), и что онъ въ настоящее время совершенно здоровъ. «Здоровъ?» – Ушамъ не вѣрилось. «Да, – повторилъ онъ, – слава Богу, Дмитрій совершенно здоровъ». Въ короткихъ словахъ онъ передалъ намъ, какъ произошло чудесное выздоровленіе. Послѣ мучительно проведенныхъ сутокъ (2 іюля) умирающій мальчикъ, изнуренный и разбитый, заснуль вдругъ крѣпкимъ сномъ въ 11 часовъ ночи, – и сонъ его былъ тихъ и покоенъ. Такимъ образомъ онъ проспалъ до $4\frac{1}{2}$ часовъ утра (3 іюля). Когда онъ проснулся, то былъ совершенно здоровъ, бодръ и силенъ. Течь изъ уха прекратилась, и слухъ вернулся: осталась только блѣдность. «Теперь онъ встаетъ, – прибавилъ воспитатель, – и одѣвается, хочетъ васъ встрѣтить на ногахъ»... Трудно передать то, что мы почувствовали

при этомъ извѣстіи. Слезы радости и глубокой благодарности къ Господу текли изъ глазъ нашихъ. Въ душѣ мы горячо славили и благодарили Бога и любвеобильнаго молитвенника о. Амвросія... Мы спѣшили домой. Мы не ъхали, а летѣли. Когда мы вошли въ залу нашего дома, дверь Митиной комнаты отворилась, и на порогѣ явился еще страшно блѣдный, но здоровый и веселый сынъ нашъ. Голова его еще укутана была бѣлыми платками. Въ эту минуту онъ напоминаль собою воскресшаго Лазаря. Онъ радостно бросился насъ обнимать, и обоюднымъ разспросамъ не было конца. Я передала ему привезенный мною крестъ, присланный ему о. Амвросіемъ, и Митя приложился къ нему и надѣль на себя съ благоговѣніемъ. Съ этого дня силы его все болѣе и болѣе укрѣплялись, аппетитъ вернулся; течь изъ уха болѣе не возвращалась, и слухъ сталъ одинаково хорошошъ на оба уха. Черезъ недѣлю онъ уже могъ приняться за умственныя занятія и ъздилъ верхомъ... Въ этомъ же году мы пригласили докторовъ на консиліумъ, и г. Бѣляевъ, послѣ долгаго осмотра нашего сына, не могъ опредѣлить, въ какомъ именно ухѣ было прободеніе барабанной перепонки; и только послѣ того, какъ мы указали ему правое ухо, онъ замѣтилъ небольшой рубецъ и долженъ былъ признать это дѣло сверхъестественнымъ. Вотъ совершенно истинная, хотя, быть можетъ, и неумѣлая передача чудеснаго событія, совершившагося въ нашей семье по молитвамъ любвеобильнаго, дорого-го старца Оптиної Пустыни, родного батюшки о. Амвросія, память о которомъ никогда не изгладится изъ нашихъ признательныхъ сердецъ».

Одну свою духовную дочь г-жу Б. и ея сына Старецъ настойчиво задержаль въ Оптино Пустыни на одни сутки и тѣмъ предохраниль ихъ отъ поѣздки въ томъ самомъ поѣздѣ, съ которымъ произошла Кукуевская катастрофа.

«Однажды лѣтомъ, – разсказывалъ оптинскій монахъ о. П. – пришлось мнѣ быть въ Калугѣ. На возвратномъ пути въ Оптино Пустынь догналъ меня священникъ съ женою и мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Разговорившись про батюшку о. Амвросія, священникъ о. Іоаннъ сказалъ, что приходъ его недалеко отъ станціи Подборокъ, и что мальчикъ этотъ, его сынъ, рожденъ по св. молитвамъ старца о. Амвросія. Жена священника подтвердила слова мужа. «Истинная правда, – сказала она. У насъ дѣтокъ не было. Мы скучали и часто пріѣзжали къ Батюшкѣ, который насъ утѣшаль, говоря, что онъ молится за насъ Богу. У насъ и родился вотъ этотъ самый мальчикъ. Кромѣ него у насъ дѣтей нѣть». Священникъ рассказалъ при этомъ слѣдующее: «Въ одно время заболѣлъ у нашего сына глазъ. Поѣхали мы съ женой и съ нимъ въ Козельскъ къ доктору, но предварительно заѣхали въ Оптино и пришли къ о. Амвросію. Старецъ, благословивъ мальчика, началъ слегка ударять по больному глазу. У меня волось дыбомъ всталъ изъ опасенія, что Старецъ повредить мальчику глазъ. Мать заплакала. И что же оказалось? Приходимъ мы отъ Старца въ гостиницу, и мальчикъ заявляетъ намъ, что глазу его лучше, и боль въ немъ утишилась, а затѣмъ и совсѣмъ прошла. Поблагодаривъ Батюшку, мы возвратились домой, славя и благодаря Бога»».

Интересень разсказъ скитскаго монаха Нестора. «1873 г. 1 декабря я съ нѣкоторыми изъ братіи былъ постриженъ въ мантію, отъ которой принялъ меня подъ свое духовное руководство приснопамятный старецъ, батюшка о. Амвросій. Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года я имѣль намѣреніе побывать на своей родинѣ. Помолившись на могилкахъ нашихъ приснопамятныхъ старцевъ, пошелъ я къ настоятелю, батюшкѣ о. Исаакію, и объяснилъ ему свою просьбу. Выслушавъ меня, онъ и говорить: «Что же, у Старца былъ?» – Отвѣчаю: «Нѣть, батюшка, еще не былъ!» – «Ну, такъ иди къ нему, – что онъ скажетъ. А я, братъ, рѣшаю рѣшенное. Если онъ благословить и найдеть, что эта поѣздка не послужить тебѣ во вредъ, то я удерживать не стану; но только долго не заживайся тамъ, а чѣмъ скорѣе въ свою келлійку, тѣмъ лучше; иноку въ міру долго жить – знаешь – не полезно; тамъ хорошо, только не для нашего брата». Пoshель я къ Старцу очень воодушевленный, но въ этотъ день не могъ его видѣть, такъ какъ у него было много народу, и мірянъ и монахинь. Увѣренный, что Старецъ не задержитъ меня, я нѣкоторымъ изъ братіи сообщилъ, что скоро ѿду на родину. Между тѣмъ прошло болѣе недѣли, а я все никакъ не могъ попасть къ Старцу. Наконецъ, мнѣ удалось застать его одного. Вошелъ я къ Батюшкѣ въ келлію, помолился на св. иконы, а потомъ поклонился ему, чтобы принять благословеніе. Благословляя меня, онъ сказалъ: «Богъ благословить доброе творить». Еще ничего не успѣль я ему сказать, а онъ уже отвѣчаетъ на мои мысли: «Ты пришелъ рѣшать на счетъ своей поѣздки?» Говорю: «Точно такъ, Батюш-

ка». – «Воть что, братъ, не возвѣщается мнѣ тебя отпустить, какъ ты хочешь, смотри самъ, чтобы послѣ не раскаиваться, когда будетъ уже поздно». Я крайне былъ озадаченъ этою неожиданностью. Говорю ему: «Что же, милостивый Батюш카, вѣроятно, со мною дорогой что-нибудь можетъ случиться неблагопріятное?» Батюшка говоритъ: «Я, братъ, дара пророчества не имѣю, не знаю, что можетъ случиться съ тобой, а воть что мнѣ возвѣстилось о тебѣ, то и говорю; да, правду сказать, что-то мнѣ жалко тебя отпускать». Эти слова Батюшка такъ милостиво-отечески мнѣ сказалъ, что я даже не могъ удержаться отъ слезъ; такъ почему-то заныло мое сердце, и мнѣ очень стало жалко разставаться со Старцемъ.

Говорю: «Батюшка, я уже рѣшаюсь остатъся, – не поѣду». «И благо тебѣ, – сказалъ Старецъ, – родина не уйдетъ; можно и на будущій годъ тамъ побывать, если будемъ живы и здоровы». Говорю ему: «Простите, Батюшка, за мою откровенность, предь братіями мнѣ будетъ неловко; совѣтно, что столько времени собирался, ходилъ къ о. игумену проситься и потомъ остаюсь». На что Батюшка положительно сказалъ: «Что за бѣда? Стыдъ не дымъ, въ глаза не лѣзеть. Монаху, братъ, стыдно исполнять свою волю, такъ что лучше быть ученикомъ ученика, нежели жить по своей волѣ. Объ этомъ и въ отеческихъ писаніяхъ сказано. Стыдно должно быть не передъ другими, а передъ Богомъ и своею совѣстью – она судья неподкупный, безкорыстный. А послушаться совѣта своего отца духовнаго не стыдно, но душеспасительно и необходимо, и кто не слушается

доброго совѣта, тогдѣ бываетъ наказанъ. Спрашивать у тебя никто не станетъ, никому нѣть надобности, а если кто и спросить, скажи, – вѣрно, нѣть воли Божией на мое путешествіе»... Послѣ этихъ мудрыхъ и любвеобильныхъ словъ Старца такъ стало мнѣ отрадно на душѣ. Я готовъ былъ благодарить Старца, что онъ меня не отпустилъ, точно онъ меня оградилъ отъ какой-то бѣды... Что же произошло дальше? Спустя недѣлю я вдругъ совершенно неожиданно заболѣваю тифозной горячкой. Болѣзнь во мнѣ быстро развивалась и не поддавалась лѣченію. Быстрый упадокъ силь. Мнѣ становилось все хуже и хуже. Я былъ между жизнью и смертью. Врачи монастырскій о. Нифонтъ и козельскій Кустовъ заявили, что надежды на выздоровленіе нѣть никакой, и меня особоровали и каждый день причащали Святыхъ Таинъ. Затѣмъ, по благословенію настоятеля и Старца, постригли меня въ схиму, какъ обыкновенно постригаютъ близкихъ къ смерти монаховъ. Мнѣ тогда было только 28 лѣтъ. Отцы и братія приходили со мною прощаться.

Память мнѣ не измѣняла, – я всѣхъ узнавалъ, но былъ такъ слабъ, что не могъ глаза открыть и говорить мнѣ было весьма трудно... Наконецъ, пришелъ проститься и благословить меня въ загробный міръ нашъ о. игуменъ. Здѣсь былъ нашъ докторъ о. Нифонтъ. Хотя слабо, но все-таки слышу, о. игуменъ говорить доктору: «Вотъ, отче, наша жизнь! Давно ли онъ приходилъ ко мнѣ совершенно здоровымъ, просясь на родину? Хорошо, что Старецъ такъ благоразумно, – вѣрно уже по внушенію Божию, – сдѣлалъ, что отсовѣтовалъ ему

ѣхать; а я думаль его отпустить. Вотъ и отпустиль бы на тотъ свѣтъ. А послѣ было бы на совѣсти!»

Докторъ говорить: «Онъ непремѣнно дорогой бы заболѣль и умеръ, но только, вѣроятно, скорѣе. Здѣсь мы его все-таки лѣчимъ. Да, наконецъ, тяжко больныхъ много укрѣпляеть пріобщеніе Св. Таинъ. А въ дорогѣ, конечно, этого ничего бы не было. Теперь его каждый день пріобщаютъ, послѣ чего онъ бываетъ веселѣе».

Отецъ игуменъ подошелъ ко мнѣ и, благословивъ меня, сказалъ: «Прости, о. Несторъ! Ты, насколько возможно, приготовленъ, а тамъ да будетъ воля Божія! Намъ всѣмъ необходимо когда-нибудь умирать; это путь неизбѣжный, только приведи Господи съ чистымъ показаніемъ умереть».

Въ продолженіе моей болѣзни я мысленно призывалъ себѣ на помощь молитвы Старца, отца моего духовнаго, батюшки Амвросія, а въ часы невыносимыхъ моихъ страданій даже и посыпалъ къ нему просить его св. молитвъ, чтобы мнѣ или умереть, или хотя малое имѣть облегченіе, такъ какъ не было возможности терпѣть. Но каждый разъ, какъ придутъ, бывало, отъ Старца и скажутъ: «Батюшка о тебѣ молится и посыпаетъ тебѣ благословеніе», мнѣ станетъ нѣсколько легче и какъ будто отраднѣе. Помню, одинъ разъ – это было рано утромъ, и навѣрно Старецъ въ это время отдыхалъ послѣ утренняго правила, мнѣ стало такъ трудно, что я рѣшился его побеспокоить, т. е. попросить его св. молитвъ. Посланный скоро возвратился и принесъ мнѣ отъ Батюшки запечатанный пузырекъ св. воды изъ Почаева, которую онъ велѣль вылить въ бутылку, добавить чи-

той воды, чтобы была она полная, и давать мнѣ понемногу пить и примачивать ею голову. Ходившіе за мной добрые люди – братія – исполнили усердно его приказаніе, и, за молитвы Старца, съ этого времени мнѣ стало легче: жаръ началъ постепенно ослабѣвать, и я началъ мало-помалу оживать къ удивленію многихъ, а особенно врачей моихъ, которые окончательно приговорили меня къ смерти, такъ что въ послѣднее время уже ничѣмъ меня не лѣчили, а оставили на волю Божію... Докторъ нашъ о. Нифонтъ съ недоумѣніемъ послѣ того спрашивалъ Старца: какимъ чудомъ я остался живъ? На это Старецъ отвѣтилъ ему: «Невозможное отъ человѣкъ возможно есть отъ Бога, Который живить и мертвить... Надѣть такими трудно и безнадежно больными исполняется слово Богоотца Давида, который говоритъ: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*».

Шамординская монахиня А. рассказывала о себѣ. «Весною 1882 года на Пасху заболѣло у меня горло, – образовалась въ немъ рана, и я не могла ни есть ни пить. Докторъ объявилъ, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась я къ Батюшкѣ. Онъ и говорить мнѣ: «Изъ колодезя, что за Сkitомъ, бери въ ротъ воды и ежедневно полоши горло до трехъ разъ». Черезъ три дня онъ самъ позвалъ меня къ себѣ. Доставъ изъ-подъ подушки три яйца и вынувъ желтки, вложилъ бѣлки одинъ въ другой. Потомъ благословилъ о. Іосифу, бывшему келейнику, принести воды изъ колодезя. Благословивъ воду, онъ велѣлъ ею растереться мнѣ у себя въ келліи, а яичные бѣлки съѣсть. По приходѣ въ келлію меня растерли водой и дали мнѣ яичные

бѣлки, которые я проглотила безъ боли. Послѣ этого я спала цѣлые сутки и, проснувшись, почувствовала, что болѣзнь моя пропала, и я совершенно выздоровѣла. Не медля, я отправилась къ Старцу. Монахини меня не узнали, подумавъ, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же встрѣтилъ меня и благословилъ, сказавъ при этомъ, что исцѣлилъ меня св. Тихонъ Калужскій. Съ тѣхъ поръ я не страдаю горломъ. Когда я объявила доктору о своемъ исцѣленіи, онъ сказалъ, что это совершилось надо мною чудо, и что болѣзнь моя естественными средствами не могла быть излѣчена».

Подражая одному изъ своихъ предшественниковъ по старчеству іеросхимонаху Леониду, о. Амвросій любилъ иногда прикрыть свою чудесную помощь шутливымъ словомъ или движеніемъ, чтобы такимъ образомъ отвлечь нѣсколько въ сторону вниманіе свидѣтелей. Пришелъ, напримѣръ, къ Старцу одинъ монахъ съ ужасною зубною болью. Проходя мимо него, Старецъ ударилъ его изъ всей силы кулакомъ въ зубы и еще весело спросилъ: «Ну что, ловко?» – «Ловко, Батюшка, – отвѣчалъ монахъ при общемъ смѣхѣ, – да ужъ больно очень». Но, выходя отъ Старца, онъ почувствовалъ, что боль его прошла, да и послѣ ужъ не возвращалась.

Крестьянки очень хорошо подмѣтили эту черту о. Амвросія, и тѣ изъ нихъ, кто страдалъ головными болями, приходя къ нему, просили его: «Батюшка «Абромсимъ», побей меня – у меня голова болить».

Были еще болѣе удивительные случаи. Не выѣзжая никуда по болѣзnenности изъ обители, старецъ Амвросій въ то же время являлся за сотни верстъ людямъ,

которые никогда его не видали и даже не слыхали о немъ; и при этомъ или предостерегаль ихъ отъ какой-либо опасности, или даваль больнымъ наставлениe, какъ избавиться отъ болѣзни, или тутъ же исцѣляль.

Такъ скитскій іеромонахъ В. рассказывалъ: «Г-жа А. Д. К. была тяжко больна и лежала въ постели нѣ сколько дней, не вставая. Въ одно время она увидѣла, что старецъ Амвросій входитъ въ ея комнату, подходитъ къ постели, береть ее за руку и говорить: «Вставай, полно тебѣ болѣть!» И потомъ въ виду ея скрылся. Она въ то же время почувствовала себя настолько крѣпкою, что встала отъ болѣзненнаго одра своего и на другой день отправилась пѣшкомъ изъ г. Козельска въ Шамордино (гдѣ проживалъ тогда Батюшка) поблагодарить его за исцѣленіe. Батюшка ее принялъ, но разглашать объ этомъ до кончины своей не благословилъ».

Монахиня Каширского женского монастыря Тульской губерніи Иларіона (Пономарева) передавала о себѣ письменно слѣдующее: «Будучи сильно больна, дnia за два до Николина дня (6 декабря 1888 г.) я скорбѣла и плакала о томъ, что въ настоящій праздникъ по болѣзни буду сидѣть въ келліи, не имѣя возможности пойти въ храмъ Божій. И такъ сильно вся я разболѣлась, что въ девять часовъ вечера легла въ постель и заснула. Но вотъ вижу во снѣ: подходитъ ко мнѣ батюшка о. Амвросій и говорить: «Что ты прежде времени скорбишь? – Съ этими словами онъ такъ сильно удариль меня въ правое ухо, что у меня кровь потекла изъ него. Ступай, – прибавиль онъ, – въ церковь, дура, на праздникъ!» Проснувшись, я увидѣла, что подушка, на

которой я лежала, и халатъ, въ которомъ была одѣта, были залиты кровью. Но въ тотъ же часъ я почувствовала себя совершенно здоровою, и слѣдовъ болѣзни моей не осталось».

Приведемъ отрывки изъ замѣчательнаго разсказа о себѣ одной духовной дочери Старца, г-жи Н.

«Мірская женщина, рано вышедшая замужъ, я кромѣ своей семейной жизни ничего не знала. О монастыряхъ, монахахъ и ихъ старцахъ хотя и слыхала и видала ихъ еще въ дѣтствѣ, но имѣла самое смутное и даже превратное понятіе, которое мнѣ было втолковано такими же, какъ я, ничего не понимающими людьми. А узнавать что-либо подробнѣе о нихъ не считала нужнымъ; короче сказать – вовсе не думала о томъ.

При всей моей согласной съ мужемъ жизни Господь часто посѣщалъ меня разными скорбями, то потерю дѣтей, то болѣзнями.

Но во всю мою многолѣтнюю замужнюю жизнь ни разу мнѣ не было такъ тяжело, безотрадно, какъ въ 1884-й и послѣдующіе за тѣмъ годы... Потеря, вслѣдствіе дерзкаго обмана, материальныхъ средствъ, собранныхъ многолѣтнимъ трудомъ моего мужа, настолько повліяла на него, что онъ нажилъ болѣзнь – постепенный параличъ мозга и при этомъ грудную жабу. Невыразимы были и его и мои страданія. Между прочимъ, положеніе въ свѣтѣ, его служба, которую онъ вначалѣ могъ еще продолжать, и дочь, молодая дѣвушка, требовали отъ меня, какъ мнѣ казалось тогда, поддержки знакомства и свѣтской жизни, что мнѣ, при душевномъ моемъ разстройствѣ, было не легко. Къ тому

же еще немалую скорбь и заботу доставляло намъ съ мужемъ предполагавшееся замужество дочери за избранника нашего родительского сердца, впрочемъ, не безъ согласія на то и ся самой. Дѣло это, по-видимому, не безъ причины тянулось и откладывалось съ году на годъ. Занятія молодого человѣка требовали его постояннаго присутствія на мѣстѣ его жительства, обѣщали ему блестящую будущность, за которой онъ гнался, какъ за привидѣніемъ, и тѣмъ затягивалъ и себя и нась...

На все же то была воля Божія. Не будь всего этого, не попала бы я къ дорогому батюшкѣ о. Амвросію и никогда бы не увидала и не знала жизни, противоположной той, которую я вела до той поры».

Чудеснымъ образомъ привлекъ къ себѣ о. Амвросій эту особу.

«Разъ, – продолжаетъ она свой разсказъ, – вернувшись съ большого бала передъ самыми утромъ (это было въ началѣ зимы 1884 года, ровно за два года передъ тѣмъ, какъ мнѣ попасть къ Батюшкѣ) съ пустотою въ сердцѣ, а тяжестью въ головѣ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ развлеченіяхъ, почти не помолившись Богу, я бросилась, утомленная, въ постель и тотчасъ же забылась. И вотъ вижу въ легкомъ снѣ: очутилась я въ дремучемъ вѣковомъ лѣсу, – въ такомъ, какой мнѣ приходилось видѣть только въ панорамахъ. Шла я одна по утоптанной дорожкѣ, которая скоро привела меня къ какому-то строенію, и я очутилась предъ небольшими св. воротами съ изображеніемъ по сторонамъ св. угодниковъ. Ворота были отворены, и я вошла въ прекрасный садъ. Шла я прямо по усыпанной пескомъ дорож-

кѣ. Съ обѣихъ сторонъ были цвѣты. Скоро дорожка эта привела меня къ небольшой деревянной церкви. Восхла я по ступенькамъ на паперть. Желѣзная, окрашенная зеленою краской дверь церкви была изнутри заперта. Когда я подошла къ ней, кто-то отодвинулъ изнутри желѣзный засовъ и отворилъ мнѣ дверь. Я увидала предъ собою высокаго роста Старца съ обнаженной головой, въ мантіи и епитрахили. Онъ крѣпко взялъ меня за правую руку, ввелъ въ церковь, круто повернувъ направо къ стѣнѣ, поставилъ меня предъ иконою Божіей Матери (Феодоровской, какъ я послѣ узнала), коротко и строго сказалъ: «Молись». Я и во снѣ, помню, поражена была наружностью Старца и спросила его: «Кто вы, Батюшка?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я – Оптинскій старецъ Амвросій». И, оставивъ меня одну, онъ вышелъ въ противоположную дверь церкви. Оставшись одна и помолившись предъ иконою Царицы Небесной, предъ которой меня поставилъ старецъ, я взглянула нальво оть себя и увидала гробницу или плащаницу. (Дѣйствительно, тутъ и лежитъ плащаница круглый годъ, кромѣ Великаго пятка и субботы.) Я подошла къ ней, помолилась, потомъ посмотрѣла назадъ на всю церковь. Это былъ чудный, маленький храмъ съ розовой заѣсой на Царскихъ дверяхъ, весь залитый какъ бы солнечнымъ свѣтомъ. И, странно, я очутилась вдругъ посреди него въ бѣлой рубашкѣ съ распущенными волосами и босая и такъ молилась и плакала, какъ никогда наяву. Всльдъ за тѣмъ я проснулась. Вся подушка моя была залита слезами. Станный небывалый сонъ произвель на меня глубокое впечатлѣніе и заставилъ

меня задуматься. Мысль же побѣхать или обратиться къ Старцу письменно не пришла мнѣ тогда въ голову. Но видѣнныи мною сонъ не выходилъ и не изглаждался изъ моей памяти.

Прошло еще два года тѣлесныхъ страданій мужа и моихъ душевныхъ мукъ. Но вотъ Господь восхотѣлъ еще испытать до конца насъ, для нашего вразумленія. Заболѣлъ тифомъ мой мужъ. Болѣзнь осложнилась. Неизвѣстно отъ чего заболѣла у него нога, въ верхней части которой сдѣлалась опухоль съ острой болью по временамъ, особенно по ночамъ, которая болѣй про-водилъ безъ сна, мечась отъ боли изъ стороны въ сторо-ну. Притомъ нога все больше пухла и рдѣла. Почему-то рѣшили наложить бинтъ на всю ногу. Былъ приглашенъ для этого хирургъ. При осматриваніи ноги этотъ по-слѣдній опредѣлилъ внутри ея нарывъ и нашелъ, что нога полна гноя. Сдѣланъ былъ разрѣзъ въ три вершка, и выпущена матерія. Больной получилъ облегченіе, но далеко не выздоровленіе. Черезъ нѣсколько дней нача-лись опять тѣ же страданія. Нога опять пухла. При-шлось въ другомъ мѣстѣ сдѣлать проколъ. Потомъ опять и опять прокалывали нѣсколько разъ. И ранки, выдѣливъ матерію, затягивались. Дошло до того, что невозможно было дальше дѣлать проколовъ. Всѣ ранки, несмотря на тщательный уходъ, загнаивались. Больной лежалъ на спинѣ три мѣсяца сряду. Нога была какъ бревно. Нервы были такъ чувствительны, что прикос-новеніе бѣлья причиняло ему боль.

Опухоль ноги шла все выше и выше. Я не выдержа-ла и опять послала за докторомъ. Но тотъ, осмотрѣвши

ногу, отняль у меня уже всякую надежду на выздоровление больного.

Воть тутъ-то мысль обратиться къ молитвамъ великаго Старца въ первый разъ пришла мнѣ въ голову, что я тогда не медля и исполнила. Я написала одной моей родственницѣ, духовной дочери Старца, гостившей въ то время въ Оптино, письмо съ подробнымъ описаніемъ состоянія больного мужа, прося ее передать все Батюшкѣ и попросить его св. молитвъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ письмо было отослано, перемѣня положеніе ноги больного, я съ ужасомъ увидала, что опухоль уже захватила низъ живота. Притомъ страданія больного такъ были велики въ ту минуту, что, не зная, чѣмъ ихъ облегчить, я вздумала почему-то вдругъ сдѣлать бинтъ и перевязать около паха ногу. Руки у меня тряслись. Того сдѣлать я боялась. И конечно, мой бинтъ, пришедший почему-то мнѣ въ голову, былъ только утѣшніемъ для меня самой. Но воть не прошло и часу, какъ больной громко позвалъ меня, сказавъ: «Посмотри, что-то у меня все мокро кругомъ ноги». Открывъ ногу, я увидала, что самая первая ранка, т. е. первый прорѣзъ, сдѣланный докторомъ за три мѣсяца до этого, открыть во всю его бывшую глубину, и изъ него бѣть матерія фонтаномъ. Тroe сутокъ шла матерія без-прерывно; послѣ чего больной сталъ замѣтно поправляться въ силахъ. Списавшись объ этомъ со своей родственницей какъ можно было подробно, я, къ моему крайнему изумленію, узнала, что день и часъ открытія ранки на больной ногѣ мужа совпадали съ днемъ и часомъ прочтенія моего письма Старцу мою родственницею.

Настала весна. Здоровье мужа моего настолько поправилось, что онъ могъ выходить на воздухъ».

Это было второе напоминаніе о себѣ старца Амвросія. Вскорѣ послѣдовало и третіе.

«Пораженная тяжкимъ семейнымъ горемъ (недобросовѣстнымъ поступкомъ жениха дочери), я, – продолжаетъ разсказывать эта госпожа, – придумала пойти пѣшкомъ на богомолье къ мѣстному угоднику, въ надеждѣ тѣлесной усталостью убить душевную муку... Отъ непривычки ходить и отъ потрясенныхъ горемъ нервовъ силы мнѣ измѣняли. Къ вечеру разболѣлась у меня голова, руки и ноги, и я едва дотащилась до мѣста. Сдѣлался жаръ во всемъ тѣлѣ, и отнялась правая рука со стороны больного виска – чего прежде со мною не было. Придя въ монастырь, гдѣ находятся мощи угодника (подъ спудомъ), я упала на первый попавшійся камень, не имѣя силь двинуться дальше, и послала горничную, которую взяла съ собою, поискать себѣ мѣста въ гостиницѣ. Но она скоро вернулась, сказавъ, что за большимъ стеченіемъ народа нѣть нигдѣ свободнаго уголка.

Пришлось идти въ село, которое при самомъ монастырѣ, и тамъ искать себѣ пріюта. Тамъ, въ общемъ съ другими богомольцами помѣщеніи, нашелся и для меня уголокъ; досталась мнѣ одна голая скамья, да хозяйка, изъ жалости ко мнѣ, такой больной и слабой, дала мнѣ свою подушку. Отъ боли почти не сознавая себя, я, какъ была одѣтая, такъ и бросилась на скамью. Но крикъ гуляющаго на улицѣ народа и шумъ приходящихъ къ моей хозяйкѣ гостей не давали мнѣ покоя всю ночь. Къ тому

еще невыразимая боль всего тѣла не давала мнѣ возможности даже удобнѣе лечь. Къ утру стихъ уличный крикъ, и я забылась легкимъ сномъ, который меня перенесъ домой. Представилось мнѣ, будто я въ своей гостиной на диванѣ. Но сонъ мой былъ такъ легокъ, что боль во всемъ тѣлѣ и во снѣ ощущалась. Вдругъ будто двери комнаты отворились, и ко мнѣ подошелъ старецъ-монахъ. Протянувъ руки, онъ поднялъ меня, посадилъ и заботливо спросилъ: «Что у тебя болитъ?» Я, очень помню, ему отвѣтила: «Руки и ноги, батюшка, а больше всего голова», которую и положила ему на руки. Старецъ своими руками схватилъ мои больныя руки и ноги, а по головѣ, польному мѣсту, три раза ударилъ. Тутъ я спросила кого-то, стоявшаго за старцемъ: «Кто это?» И получила отвѣтъ: «Да это же – старецъ Оптинскій Амвросій!» Вдругъ голосъ моей хозяйки разбудилъ меня: «Ужъ пять часовъ, благовѣстять къ обѣднѣ! Пойдешь, барыня?» Я вскочила на ноги. Ни боли головы, ни боли въ тѣлѣ не ощущалось, – я была здоровая, бодрая, вся какъ-то ожившая. Я перекрестилась и, всполоснувъ лицо холодной водой, пошла въ церковь; отстояла обѣдню, молебенъ съ акаѳистомъ угоднику и уже собиралась идти подкрѣпиться чаемъ, чтобы потомъ пуститься въ обратный путь. «Какъ? – говоритъ моя горничная, – неужели мы, бывши здѣсь, не пойдемъ купаться въ святомъ колодцѣ угодника?» Я попробовала было отказаться, но, вспомнивъ свое дивное исцѣленіе Старцемъ въ эту ночь, пошла. Мы искупались. А потомъ отправилась въ обратный путь, который и совершила такъ легко и бодро, что удивила всѣхъ своимъ

раннимъ приходомъ. Вотъ тутъ уже я рѣшила не смотрѣть ни на какія препятствія, аѣхать въ Оптину Пустынь къ старцу, батюшкѣ о. Амвросію, такимъ дивнымъ образомъ призывавшему меня, грѣшную, къ себѣ».

Далѣе слѣдуетъ подробный разсказъ о прибытіі къ Старцу, о знакомствѣ съ нимъ и о дальнѣйшемъ отношеніи къ нему, но мы уже не послѣдуемъ за рассказчицей, такъ какъ это не входить въ задачу нашего настоящаго повѣствованія.

Проникнутый любовью къ страждущему человѣчеству, старецъ Амвросій своими святыми молитвами и совѣтами избавлялъ нѣкоторыхъ и отъ разныхъ худыхъ и пагубныхъ привычекъ.

Однажды пріѣхалъ къ Старцу крестьянинъ Тульской губерніи, который страдалъ отъ пьянства и, такъ какъ не могъ отстать отъ этой пагубной привычки, то хотѣлъ нѣсколько разъ наложить на себя руки. Пришелъ онъ къ Старцу, а говорить ничего не можетъ. Но Старецъ самъ въ обличеніе ему сказалъ, что онъ страдаетъ отъ винопитія за то, что, еще будучи мальчикомъ, кралъ деньги у дѣдушки, который былъ церковнымъ старостою, и на эти деньги покупалъ вино. Даль ему травки, чтобы пиль дома. Крестьянинъ избавился отъ запоя и сталъ совершенно здоровъ.

Петербургскій житель Алексѣй Степановичъ Маировъ, чрезмѣрно пристрастясь къ куренію табака, чувствовалъ отъ этого вредъ для своего здоровья. Онъ обратился письменно къ старцу о. Амвросію, прося заочно у него совѣта, какъ бы избавиться отъ этой страсти.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Старецъ прислалъ Маиорову письмо отъ 12 октября 1888 года, въ которомъ было написано слѣдующее: «Пишете, что не можете оставить табакъ курить. Невозможное отъ человѣкъ – возможно при помоши Божіей, только стоитъ твердо рѣшиться оставить, сознавая отъ него вредъ для души и тѣла, такъ какъ табакъ разслабляетъ душу, умножаетъ и усиливаетъ страсти, омрачаетъ разумъ и разрушаетъ тѣлесное здоровье медленной смертью. Раздражительность и тоска – это слѣдствіе болѣзnenности души отъ табакокуренія.

Совѣтую вамъ употребить противъ этой страсти духовное врачество: подробно исповѣдуйтесь во всѣхъ грѣхахъ съ семи лѣтъ и за всю жизнь, причаститесь Св. Таинъ и читайте ежедневно, стоя, Евангеліе по главѣ или болѣе; а когда нападетъ тоска, тогда читайте опять, пока не пройдетъ тоска; опять нападетъ, – и опять читайте Евангеліе. Или вмѣсто этого кладите наединѣ по 33 большихъ поклоновъ, въ память земной жизни Спасителя и въ честь Святыя Троицы».

Получивъ съ почты это письмо, Алексѣй Степановичъ прочиталъ его и закурилъ папиросу, но вдругъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ, а вмѣстѣ и отвращеніе къ табачному дыму, и ночью не курилъ. На другой день принимался, по привычкѣ, закурить папиросу четыре раза, а дымъ глотать не могъ отъ сильной боли въ головѣ. И отсталъ отъ куренія легко, между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе два года, какъ ни принуждалъ себя отвыкнуть отъ куренія, не могъ. И хотя сдѣлался боленъ, но все-таки курилъ по 75 разъ въ день».

Въ Борисовской женской пустыни Курской губернії въ числѣ сестеръ обители находилась одна молодая по-слушница, которая такъ пристрастилась къ одному мірскому семейству, что часто, несмотря на запрещеніе м. игуменіи, посѣщала его, притомъ даже противъ своего желанія. По совѣту нѣкоторыхъ сестеръ, она письменно обратилась къ батюшкѣ о. Амвросію, открывъ свою немощь, и просила его св. молитвъ. Вскорѣ она увидѣла во снѣ, будто какой-то благолѣпный старецъ привель ее къ иконѣ Божіей Матери и сказалъ: «Помолимся Царицѣ Небесной!» Съ этими словами старца послушница проснулась и рассказала сестрамъ видѣнное. Ей объяснили, что это являлся ей старецъ Амвросій, котораго она до того времени никогда не видала. Вскорѣ затѣмъ она получила отъ Батюшки отвѣтъ на свое письмо, который ее очень успокоилъ. Когда ей послѣ этого опять приходило желаніе пойти для свиданія съ упомянутымъ семействомъ, она всегда прочитывала письмо Старца, и желаніе ея проходило. Впослѣдствіи она совершенно освободилась отъ этой привычки и начала жить по-монашески, прекративъ близкое знакомство съ мірянами.

Охраняль о. Амвросій своихъ духовныхъ дѣтей и отъ вражескихъ искушеній. Такъ іеромонахъ Дороѳей разсказываетъ о себѣ слѣдующее: «По поступленіи моею въ 1874 году въ Оптину Пустынь мнѣ поручено было поварское послушаніе. Прошло полгода, и вотъ въ келліи моей начались по ночамъ вражескія страхованія. Представлялось мнѣ, будто ко мнѣ приходитъ какой-то старикъ, который невнятно произносить молитву: посу-

да въ келліи гремѣла безъ всякой причины; кровать моя тряслась, и на меня наваливался врагъ. А когда, бывало, при этомъ отъ страха я закричу или вздохну, то слышу явственно голосъ и слова: «Ужъ хуже этого нѣть – охъ!» Пошелъ я сначала къ о. Анатолію и рассказалъ ему о вражескихъ страхованіяхъ, но тотъ послалъ меня къ батюшкѣ Амвросію. Старецъ, выслушавъ меня, сказалъ, что бояться я не долженъ, а для отгнанія вражескаго страха долженъ произносить молитву Іисусову. Послѣ сего всѣ страхованія прекратились, и я всегда спокойно оставался въ келліи».

Нѣчто подобное происходило нѣсколько разъ и въ Шамординѣ; слышались стуки въ двери и въ окна и т. п. Когда Батюшкѣ сообщили объ этомъ, онъ сказалъ: «Ну, больше не будетъ стучать». – «А кто же это стучить, Батюшка?» – спросили его. – «Кто стучалъ, не будетъ больше стучать», – отвѣтилъ опять Старецъ.

Теперь намъ остается сказать еще о томъ, какъ батюшка о. Амвросій и послѣ своей кончины не оставлялъ своею помощью нуждающихся въ ней.

Въ октябрьской книжкѣ «Душеполезнаго чтенія» за 1897 годъ помѣщено письмо нѣкоего Николая Яковлевича Широкова Вятской губерніи Глазовскаго уѣзда къ Оптинскому старцу іеросхимонаху Іосифу слѣдующаго содержанія: «Я, – пишетъ Широковъ, – былъ весьма боленъ, страдаль болью ногъ и головы. 26 ноября прошлаго 1896 года приносить отецъ мой отъ сельскаго нашего священника книгу «Душеполезное чтеніе», въ которой я и нашель статью про о. Амвросія. Прочитавъ ее и размысливъ немногого, началь я душевно молиться

къ о. Амвросію объ исцѣлениі моихъ недуговъ и, помолившись, тонкимъ сномъ уснулъ. Только что успѣль заснуть, какъ вдругъ заблисталъ передо мною необычайный свѣтъ, который вскорѣ исчезъ, только остался одинъ слѣдъ отъ него въ видѣ облака. И вдругъ слышу шаги идущаго человѣка. Въ скоромъ времени вижу предъ собою мужа, украшенаго сѣдинами, въ мантіи, съ крестомъ на груди. При семъ я постараюсь описать его примѣты: росту онъ невысокаго, лицо истощенное постомъ, и потому оно весьма свѣтлое; носъ съ горбинкой, волосы сѣдые, не весьма густые, борода сѣдая тоже не густая, а голосъ его весьма звучный. Кромѣ того, на лѣвой его рукѣ были четки, а въ правой рукѣ посохъ. Вотъ онъ подошелъ къ моему ложу и говорить: «Чадо Николае! Востань, поспѣши въ церковь, отслужи молебенъ св. Амвросію Медіоланскому, и получишь облегченіе скорое». Онъ взялъ меня за руку, благословилъ и дотронулся своимъ посохомъ до моихъ ногъ, которыя и почувствовали скорое облегченіе. Даль мнѣ что-то вродѣ просфоры поѣсть, и вдругъ въ головѣ у меня зашумѣло. Я тогда весьма ужаснулся и подумалъ, что ужъ головы у меня нѣть на плечахъ. Но вотъ сей Старецъ покрылъ ее мантіей, и вскорѣ я почувствовалъ облегченіе. Старецъ еще разъ благословилъ меня, и я сподобился облобызать его свѣтлую руку и при семъ осмѣлился спросить его: какъ васъ звать по имени? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Кому, – говоритъ, – я велѣль тебѣ отслужить молебенъ, того и имя я ношу, я – іеросхимонахъ Амвросій изъ Оптиної Пустыни». Сказавъ это, онъ сдѣлался невидимымъ. Пробудившись, я очень обрадовал-

ся, что выздоровѣлъ. И родные этому тоже очень обрадовались. Все-таки объ этомъ явленіи я не открылъ имъ вскорѣ, а записалъ его только въ свою памятную книжку. Но вотъ нынѣ опять явленіе это повторилось. Отецъ Амвросій явился мнѣ во гробъ лежащимъ, повитымъ въ схиму, и говорить: «Что же ты, рабъ Божій Николай, умалчиваешь о дѣлахъ милости Божіей, т. е. не сообщаешь Оптиной Пустыни объ исцѣленії?» Только поэто-му-то я и осмѣлился сообщить о вышесказанномъ Вашему Высокопреподобію и при семъ просить васъ, о. Іосифъ, не оставить безъ вниманія мой разсказъ и для пользы другихъ помѣстить его въ жизнеописаніи отца Амвросія».

Подобный же случай разсказывается въ письмѣ къ Л. О. Р., живущей въ Шамординѣ, отъ 23 февраля 1898 года. «Вчера пріѣзжалъ В. и разсказывалъ, что одна дама, родственница Л., ему писала изъ Москвы, что у ней мужъ былъ очень боленъ. Доктора отказались лѣчить, и онъ совсѣмъ умиралъ. Въ одну ночь видѣть онъ около своей постели старца, который надъ нимъ молится и говоритъ: «Отслужи молебенъ св. Амвросію Медіоланскому», – и скрылся. Больной сказалъ это женѣ, и они отслужили молебенъ. Онъ пріобрѣлся и съ тѣхъ поръ началь поправляться, даже всталъ съ постели, но никому не говорилъ объ этомъ явленіи старца. Когда же онъ сталъ чувствовать себя совсѣмъ хорошо, ему опять явился этотъ же старецъ (бывшій больной его узналъ) и говоритъ: «Ты теперь совсѣмъ здоровъ; зачѣмъ же ты скрываешь и не говоришь о своемъ исцѣленії? Надо говорить; а старецъ предъ тобой – Оптинскій Амвросій». И скрылся.

Когда В. рассказывалъ объ этомъ случаѣ, – продолжаетъ авторъ письма, – я позавидовала, а на душѣ какъ-то радостно стало, – я не могу и высказать. Родной нашъ и нась, можетъ быть, не оставляеть».

Одна шамординская послушница, подъ вліяніемъ постигшихъ ее скорбей и непріятностей, хотѣла уйти изъ монастыря. Въ это время является ей во снѣ покойный старецъ Амвросій и говоритъ: «Никуда не уходи, а живи на одномъ мѣстѣ. Отъ скорбей не уйдешь, а лучше не найдешь. Надо терпѣть!» Послушница успокоилась и осталась въ обители.

Вотъ еще замѣчательный разсказъ С. А. М. «Въ 1880 г. я окончила курсъ въ институтѣ. 1881 года 3 февраля я открыла школу съ пансиономъ для дѣтей обоего пола. Школу открывала я съ матерью совершенно безъ всякихъ средствъ, такъ какъ я и мать ушли отъ женатаго брата, который рѣшительно ничего намъ не далъ. Моя мать была очень вѣрующая старушка, и на мой вопросъ, на кого она надѣется, открывая школу безъ средствъ, она мнѣ кротко отвѣтила, указывая при этомъ на большой образъ Спасителя: «Вотъ на Кого я надѣюсь! Онъ мнѣ поможетъ». Я сильно раздражилась ея отвѣтомъ и рѣзко ей сказала: «Что же? Онъ вамъ что-нибудь скажетъ?» Она опять кротко отвѣтила мнѣ: «Да, Онъ мнѣ скажетъ!»

Итакъ, несмотря на мой протестъ и моихъ сестеръ, мать моя все-таки энергично принялась за устройство школы. Съ первого же мѣсяца дѣла наши пошли отлично, такъ что къ концу года помѣщеніе оказалось недостаточнымъ, и мы принуждены были снять большую

квартиру. Не долго мнѣ пришлось поработать съ мою дорогою старушкою матерью. Въ 1882 году она внезапно заболѣла, и въ три дня ея не стало. Осталась я одна и продолжала работать, а дѣло пошло еще лучше, такъ что я уже начала хлопотать объ устройствѣ прогимназіи. Но Богъ судиль иное: случился переворотъ въ моей жизни и неожиданный и ужасный для меня.

1887 г. 26 августа, окончивъ занятія въ школѣ, я поѣхала въ имѣніе на именины къ моей подругѣ. Въ этотъ день вполнѣ здоровая, довольная, я была необыкновенно весела. Послѣ обѣда одна изъ моихъ подругъ просила меня продѣлать съ нею опытъ внушенія мыслей. Я хотя и очень любила этимъ заниматься, но тутъ почему-то стала упорно отказываться. Долго меня уговаривали, и я наконецъ согласилась. Надо было взять какой-либо предметъ и заставить внушаемую перенести его съ одного мѣста на другое. Подхожу къ комоду, на которомъ было много разныхъ вещицъ; тутъ же стояла девятичинная просфора, которую священникъ привезъ именинницѣ. Вотъ, недолго думая, я беру просфору и переношу ее на умывальникъ и говорю присутствующимъ: «Вотъ, господа, Женя (подруга) должна взять эту просфору и перенести ее на комодъ». Всѣ согласились. Зову Женю изъ другой комнаты, завязываю ей глаза, беру ее за руки и усиленно начинаю ей внушать, чтобы она подошла къ умывальнику, взяла бы просфору и отнесла съ на комодъ. Она быстро подошла къ умывальнику, но, немного постоявъ, начала кружиться и тутъ же упала безъ чувствъ; къ просфорѣ же даже руки не протянула. Ее подняли, понесли на балконъ и скоро привели въ

чувство, а я пошла въ столовую, сѣла къ столу и только сказала: «Господи, какъ ужасно» – и съ этими словами упала въ сильнѣйшемъ припадкѣ, который повторялся въ чась до 20 разъ, такъ что я совершенно ослабѣла, меня уложили въ постель и послали за докторомъ. При всемъ томъ, всю ночь, до 4-хъ часовъ утра, были со мною припадки; наконецъ, я попросила отвезти меня домой. По пріѣздѣ домой припадки опять начались, и, несмотря ни на какое лѣченіе, ни на тщательный уходъ, болѣзнь все усиливалась и усиливалась, такъ что въ концѣ сентября, послѣ консиліума, врачи настоятельно потребовали закрыть школу и меня помѣстить въ деревню. Но и при полной изоляціи въ деревнѣ было мнѣ не легче; наоборотъ, къ припадкамъ прибавилась еще и сильнѣйшая тоска. Въ такомъ состояніи я прожила у племянника, земскаго врача, три года. Наконецъ, онъ уѣхалъ въ Москву, а меня оставилъ опять у своей матери. Тутъ мнѣ дѣлалось все хуже и хуже. Одинъ разъ, помню, мнѣ было особенно тяжко; тоска меня мучила до такой степени, что я рѣшилась лишить себя жизни. Въ сильнѣйшей тоскѣ єду къ своей сестрѣ, плачу, мечусь и говорю, что больше не могу жить. Сестра меня начинаетъ уговаривать и, между прочимъ, просить меня пріобщиться, такъ какъ я три года, т. е. какъ заболѣла, не была въ церкви и не пріобщалась Св. Таинъ. Но я и слышать не хотѣла о причащеніи. Не знаю ужъ какъ, но все-таки меня уговорили пріобщиться. Повезли меня на другой день въ Троицкій мужской монастырь; тамъ я отстояла обѣдню; послѣ обѣдни подходитъ ко мнѣ іеромонахъ, котораго просила сестра, и предлага-

есть мнѣ идти въ келлію на исповѣдь. Я исповѣдовалась, а послѣ и говорю ему: «Ну, батюшка, а завтра пріобщаться я не пріѣду». Онъ меня началъ уговаривать, а я и слышать не хочу. Но все-таки на другой день пріѣхала къ утренѣ и обѣднѣ. Обѣдню стояла спокойно, а какъ запѣли «Отче нашъ», такъ я не могла съ собою справиться и хотѣла бѣжать изъ храма; но іеромонахъ стоялъ около меня и не пустилъ. Я вся поблѣднѣла, начала трястись, и лишь только вынесли Св. Дары, какъ со мной сдѣлался демоническій припадокъ, такъ что священникъ съ Дарами ушелъ обратно въ алтарь, боясь, что я могла вытолкнуть чашу. 8 монаховъ едва со мной справились, подвѣли и пріобщили, но я уже ничего не помнила, только послѣ успокоилась. Іеромонахъ, видя, что со мной произошло, посовѣтовалъ мнѣ какъ можно чаще пріобщаться, что я и дѣлала.

Каждый разъ, какъ пріобщаться, такъ наступали демоническіе припадки, и я мучилась ужасно. Наконецъ, я поѣхала въ Воронежъ къ угоднику Митрофану. Тамъ со мной передъ причастіемъ сдѣлался жестокій припадокъ, такъ что я бѣжала изъ храма, разорвала на себѣ кофточку и чуть не вытолкнула сосудъ. Въ Воронежѣ меня отчитывалъ іеромонахъ, и вотъ, когда онъ сталъ надо мною читать Евангеліе, мнѣ стало такъ тяжело, что я сломала кресло, на которомъ сидѣла, и вырвала крестъ изъ рукъ іеромонаха. По пріѣздѣ изъ Воронежа, видя, что молитва мнѣ не помогаетъ, я охладѣла къ Богу окончательно и даже стала богохульствовать; обратилась опять къ врачамъ и, по совѣту ихъ, легла въ психіатрическую лѣчебницу, гдѣ мое здоровье еще бо-

лье ухудшилось: у меня въ мѣсяцъ было 90 припадковъ; я такъ ослабѣла, что уже не могла ходить.

Пролежавъ въ лѣчебницѣ 3 мѣсяца, я была переведена въ хроническое отдѣленіе больницы – въ пріютъ. Припадки стали все рѣже и рѣже, но они замѣнились припадками тоски; тоска до того была сильна, что я не разъ покушалась на самоубійство, всегда думала, какъ бы лишить себя жизни, что и пробовала дѣлать, но покушеніе никогда не удавалось.

Такъ я страдала 18 лѣтъ, но пріобщаться Св. Таинъ стала уже безъ припадковъ. Послѣдній приступъ ужасной тоски былъ 3 іюня 1905 г. Тоска была такъ сильна, что я начала душить себя, и только благодаря одной больной мнѣ не удалось задушить себя. Послѣ этого припадка я написала сестрѣ своей письмо, въ которомъ просила ее взять меня изъ пріюта и устроить гдѣ-нибудь въ деревнѣ: мнѣ казалось, что тоска у меня именно отъ больничной обстановки и что съ перемѣной мѣста тоска пройдетъ. Пріѣхала ко мнѣ сестра и вмѣсто деревни предложила мнѣ поѣхать въ Оптину Пустынь, которая стоитъ въ лѣсу и отличается прекраснымъ мѣстоположеніемъ; сосновый лѣсъ, который долженъ принести мнѣ пользу, тянется кругомъ на много верстъ. Полное уединеніе и жизнь въ лѣсу меня очень прельстили, и я рѣшила тудаѣхать съ цѣлью пожить такъ, какъ на дачѣ, съ мѣсяцъ. Когда же пришло времяѣхать въ Оптину, то я страшно стала сердиться на сестру, что она меня послала въ совершенно незнакомую мѣстность; стала волноваться и говорю ей: «Ты меня съ твоимъ мужемъ окончательно хотите погубить; ну, куда яѣду одна и

больная?! Не поїду я». Сестра на меня разсердилась, и мы съ ней поспорили. Но несмотря на это, я все-таки уѣхала. Пріѣхала я въ Оптину Пустынь 7 іюля 1905 го-да. Утромъ я пошла въ Скитъ къ Старцу, который меня скоро принялъ и сказалъ, что гостить у нихъ долго не позволяетя и что мнѣ долго и дѣлать-то нечего въ Оп-тиной Пустыни. Проходить день-другой, а мнѣ все не по себѣ и не нравится ничего; въ церковь захожу на ми-нуту, не могу долго стоять. 10-го числа мнѣ почему-то очень захотѣлось почитать жизнеописаніе старца Ам-вросія; я спросила эту книгу у монаха-гостиника и за-читалась далеко за полночь и во время чтенія стала ис-пытывать какое-то необычайно пріятное состояніе ду-ши, котораго я въ жизни не испытывала. И воть во время чтенія рѣшила отслужить панихиду на могилѣ старца Амвросія. На другой день спѣшу къ ранней обѣднѣ, а послѣ обѣдни прошу отслужить панихиду. Мнѣ долго пришлось ждать іеромонаха, который слу-жиль панихиды на другихъ могилахъ. Въ ожиданіи па-нихиды я осталась на могилѣ старца Амвросія и стала плакать, да такъ горько, что будто открылся источникъ слезъ. Во время панихиды я все время плакала, слезы пошли на весь день. Въ этотъ день я должна была испо-вѣдоваться. Старецъ меня послалъ къ духовнику. При-шла я къ нему въ слезахъ и стала говорить о своей боль-ной душѣ; бережно онъ обошелся съ моей больной, изстрадавшейся душой. Послѣ исповѣди онъ прочиталъ надо мною особенную молитву, во время которой мнѣ стало очень дурно, и я все просила его поскорѣе кон-чить. Послѣ окончанія молитвы я почувствовала не-

обыкновенную слабость. Выйдя отъ него, я успокоилась и перестала плакать.

На другой день пріобщилась Св. Таинъ совершенно спокойно и въ этотъ же день выѣхала въ Тихонову пустынь. Когда я изъ Оптиної Пустыни пріѣхала на вокзалъ, то со мной произошло что-то необыкновенное: весь мой душевный строй сразу изменился, мнѣ стало необыкновенно жаль Оптиної Пустыни, такъ что если бы предложили выбрать одно изъ двухъ: или всѣ сокровища міра или Оптиної Пустыни, то я бы взяла послѣднее. И вотъ уже годъ, какъ я переродилась; годъ, какъ у меня не было ни одного припадка тоски, стала меньше раздражаться, у меня явилась вѣра въ Бога, въ загробную жизнь, я поняла цѣль жизни. Мысль о самоубийствѣ совсѣмъ меня оставила, я считаю теперь себя счастливымъ человѣкомъ, хотя обстановка моей жизни ничуть не перемѣнилась. Я вѣрю, что Господь исцѣлилъ меня, по молитвамъ старца Амвросія, отъ жестокаго недуга, которымъ я страдала 18 лѣтъ.

Мое физическое состояніе здоровья плохо, что не позволяетъ мнѣ оставить пріютъ, но что такое физическая болѣзнь сравнительно съ душевною? Даже и сравнить нельзя. Послѣ моей первой поѣздки какая-то необычайная сила потянула меня въ Оптиної Пустынь, и Господь привель еще побывать на могилкѣ старца Амвросія въ томъ же году въ сентябрѣ, потомъ на Пасху 1906 года и теперь.

Прошелъ годъ, какъ я психически здорова, и не знаю, какъ мнѣ благодарить Бога и старца Амвросія за такую великую милость».

Въ дополненіе къ изложеному можемъ прибавить, что лѣтомъ 1911 года мы видѣли въ Оптиної Пустыни исцѣленную, которая, подтвердивъ справедливость все-го вышеизложеннаго, съ радостью и съ глубокою благо-дарностью къ Богу и къ старцу Амвросію заявила, что въ теченіе минувшихъ шести лѣтъ, прошедшихъ послѣ ея чудеснаго исцѣленія, прежнее ужасное состояніе не-выносимой тоски и припадковъ къ ней ни разу не воз-вращалось. Она чувствуетъ себя спокойной и жизнерадостной, несмотря на тяжелыя внѣшнія условія своего существованія. Врачи, лѣчившіе ее раньше, видя ея на-стоящее состояніе, говорять ей, что она вылѣчилась посредствомъ внушенія, но это совершенно не вѣрно. Когда ее лѣчили въ Москвѣ посредствомъ внушенія въ лѣчебницѣ, то ей не только не становилось лучше, а дѣлалось хуже, такъ, что когда она уѣзжала изъ Москвы обратно, то должны были вносить ее въ вагонъ на ру-кахъ, между тѣмъ какъ отправляясь въ Москву для лѣченія, она еще въ состояніи была ходить сама. Не могли оказать на нее вліянія въ Оптиної Пустыни и благопріятныя климатическія условія, такъ какъ она провела тогдѣ въ Оптиної всего только пять дней. С. А. имѣть твердую и непоколебимую увѣренность, что о. Амвросій, исцѣлившій ее отъ ея тяжкой болѣзни, не оставляетъ и нынѣ ее своимъ попеченіемъ. Съ того мо-мента, какъ она получила исцѣленіе въ Оптиної Пустыни, эта обитель, какъ она говоритъ и въ своей запискѣ, сдѣлалась ей чрезвычайно дорога и, кромѣ того, сдѣла-лась для нея необходимымъ источникомъ нравственной силы и духовнаго подъема, такъ что она стала чувство-

вать потребность каждое лѣто бывать въ ней для духовнаго обновленія и укрѣпленія. Но при полной своей материальной необеспеченности она не имѣла никакой возможности предпринимать подобныя путешествія. И воть тутъ-то и сказалась снова заботливость о ней о. Амвросія. Каждый разъ, когда наступало лѣто, обстоятельства складывались такъ, что у С. А. являлись необходимыя средства для поѣздки, и воть уже шестой годъ, какъ она ежегодно бываетъ въ Оптиної Пустыни и проводить здѣсь по нѣскольку времени исключительно милостію любвеобильнаго старца Амвросія.

Вышепомянутая С. А. рассказала еще слѣдующій случай: «Въ сентябрѣ 1908 г. сидѣлка въ пріютѣ св. Елизаветы при Т. губернскай больницѣ, Л. Г., заболѣла тяжелой формой возвратнаго тифа вскорѣ послѣ ея возвращенія изъ Оптиної Пустыни. Температура у больной все время держалась очень высокая, и особенно она жаловалась на сильнѣйшую головную боль. Въ ночь съ 9 на 10 октября (подъ день памяти батюшки Амвросія) она впала въ забытье и видѣть ясно, что она, больная, лежитъ въ залѣ на полу въ квартирѣ г. Н. Въ дверь входитъ батюшка Амвросій, подходитъ къ ней и, подавая ей просфору, велитъ съѣсть ее, но больная ему отвѣчаетъ, что она не можетъѣсть, потому что языкъ пересохъ и потрескался. Батюшка Амвросій говорить ей: «Ступай скорѣй домой (въ пріютъ) и тамъ возьми у высокой барыни, которая ко мнѣ частоѣздить, артоса и воды изъ моего колодца, размочи артосъ въ этой водѣ и съѣшь!» Послѣ этого больная очнулась, температура дошла до 41° , и она чувствовала себя очень плохо. Въ этотъ день

ее пришла навѣстить ея сослуживица, сидѣлка Е., которую больная ждала съ нетерпѣніемъ. Лишь только она пришла, какъ Л. стала ее просить поскорѣе сходить ко мнѣ и взять у меня артось и воду, при этомъ она рассказала свой сонъ.

Приходить ко мнѣ сидѣлка Е. и передаетъ просьбу больной; я, конечно, сейчасъ же дала ей артось и воду, но была очень удивлена, такъ какъ кромѣ меня одной никто не зналъ, что у меня есть артось и вода изъ скитскаго колодца, которую я привезла изъ Оптиної въ августѣ.

Больная, послѣ того какъ съѣла артось, крѣпко уснула; проснувшись, она уже не чувствовала головной боли, температура пала до нормы, и былъ сильный потъ, послѣ этого она стала поправляться. Выпавшись изъ заразнаго отдѣленія, Л. опять заняла свое мѣсто сидѣлки и лично рассказала мнѣ о своемъ снѣ. Я ее спрашивала, знала ли она, что у меня есть артось и вода изъ батюшкинаго колодца. Она сказала, что не знала, да и правда, — она не могла знать, такъ какъ я никому не говорила».

Приводимъ еще разсказъ рясофорной послушницы Крайшевскаго Свято-Тихвинскаго монастыря, Саратовской губерніи Аткарскаго уѣзда Ксении Алексѣевны Шершевой. «Почитаю святымъ долгомъ извѣстить васъ, — пишетъ она настоятелю Оптиної Пустыни о. архимандриту Ксенофонту, — о полученномъ мною исцѣленіи по молитвамъ въ Бозѣ почившаго старца о. Амвросія. До 30 іюля 1906 года я съ мѣсяцъ хворала головною болью, сопровождавшеюся иногда лихорадкою.

30 іюля 1900 года утромъ я, по послушанію своему молочницы, кипятила въ печи молоко въ горшочкѣ. Всі пятивъ молоко, я, какъ помнится, стала закрывать печь и вдругъ упала на полъ; со мной произошелъ припадокъ. Далѣе я ничего не помню. Когда очнулась, то на вопросы окружающихъ не могла отвѣтить, не могла произнести ни одного слова, сдѣлалась совершенно нѣмою. Докторъ въ слободѣ Елань, Аткарскаго уѣзда, верстахъ въ 15 отъ нашей обители, къ которому я раза два ъздила, заявилъ, что надежда на полное излѣченіе мала, и что если и будетъ поправка, то незначительная; говорить будетъ едва понятно, неправильно, а какъ раньше говорила – не будетъ говорить. По благословенію нашей матушки игуменіи я отправилась въ сопровожденіи нашихъ монахинь въ Оптину Пустынь, для поклоненія и испрошенія св. молитвъ старца батюшки о. Амвросія, куда и прибыла 14 августа 1906 года. Въ Оптиної Пустыни въ первый же день пріѣзда моего я отслужила панихиду у могилки Батюшки. Затѣмъ исповѣдовалась, пріобщилась Св. Таинъ и особоровалась. Сначала я не могла нагибаться для поклоновъ по болѣзни шеи. Я брала песочекъ съ могилки о. Амвросія, глотала его, а также – опустивъ его въ бутылку съ водою – пила эту воду и мочила ею голову. Ходила часто на панихиду при могилкѣ Батюшки. 21-го и 22-го я натощакъ пила масло отъ лампады у образа на могилкѣ Батюшки. 22 же августа послѣ обѣда пошла въ Скитъ, и по дорогѣ, около колодца батюшки Амвросія, случился у меня пароксизмъ кашля, во время которого въ горлѣ что-то оторвалось, и я проглотила. По совѣту

спутницы – монахини, я подошла къ колодцу, напилась воды изъ него, и на вопросы ея, обращенные ко мнѣ, вдругъ стала отвѣтчать ей ясно, отчетливо, сама въ то же время удивляясь этому обстоятельству. Я заплакала отъ этой радостной неожиданности, а монашенка съ удивленіемъ отступила отъ меня, слыша меня говорящею. Съ того времени я говорю совершенно свободно, какъ и прежде, до припадка, безъ всякихъ затрудненій въ рѣчи. Съ глубокою благодарностью отношу свое исцѣленіе къ молитвенному заступленію батюшки о. Амвросія, къ которому я прибѣгала за помощью, бывая часто на молиткѣ его и прося молитвъ его о мнѣ, грѣшной. Засвидѣтельствовать же болѣзнь мою и приключившееся мнѣ въ монастырѣ внезапное и чудесное исцѣленіе могутъ сопровождавшія меня изъ нашего монастыря въ Оптину Пустынь: казначея монахиня Ангелина, монахиня Евфимія, рясофорная послушница Евфимія, Домника, Марія. 1906 года августа 24 дня. Козельская Оптина Пустынь. Рясофорная послушница Ксенія».

Глава XII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Господи, во свѣтъ Твоемъ узримъ
свѣтъ!*

(Великое Славословіе)

ы закончили наше повѣствованіе о жизни, высокихъ подвигахъ и благодатныхъ дарованіяхъ батюшки о. Амвросія. Окидывая послѣднимъ, общимъ взглядомъ всю его необычайную, святую, подвижническую жизнь, мы видимъ, что наиболѣе характерною чертою его духовнаго облика была одушевлявшая его *дѣятельная, спасающая любовь*. Онъ не былъ равнодушнымъ зрителемъ человѣческихъ скорбей, онъ горячо откликался на нихъ, принималъ ихъ въ свое широкое сердце и своимъ богопросвѣщеннымъ разумомъ изыскивалъ средства къ ихъ уврачеванію. Скорби людей бываютъ различныя – есть скорби материальныя: нужда, тѣлесныя болѣзни; есть скорби духовныя: муки души отъ сознанія своей испорченности, своего неумѣнія жить, непониманія смысла жизни, духовной растерянности.

Есть люди, ихъ особенно много среди образованной молодежи, неравнодушные къ горю ближнихъ, но не видящіе далѣе материального горя, горя бѣдности. Они готовы самоотверженно идти на помощь страдающему ближнему, но на помощь исключительно вѣшняго характера: избавить отъ материальной нужды, измѣнить вѣшнія условія существованія. Не такова истинная, всеобъемлющая любовь христіанская.

Она и вѣшнему горю сострадаетъ, но она видить и чувствуетъ несравненно глубже; она проникаеть въ самую душу человѣка и тамъ видить ея коренное страданіе; то страданіе, которое не излѣчивается вѣшними мѣрами, а требуетъ духовнаго воздействиія искренней, возраждающей, спасающей во имя Бога любви. И о. Амвросій въ высшей степени обладалъ этимъ даромъ. Какъ мы видѣли, онъ и вѣшними способами облегчалъ материальное человѣческое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охватывалъ своимъ любящимъ чувствомъ всю душу человѣка, умѣль постигать ея сокровенную духовную скорбь и на нее именно изливать цѣлительный елей своей сострадательной заботливости и ласки, возводить ее къ небу, къ Богу. Вотъ почему люди, приходившіе къ нему съ душою разбитой и, казалось, навѣки умершой, выходили отъ него воскрешенные, оживленные, радостные, спасенные, вѣрующіе. Мы видѣли на страницахъ жизнеописанія много примѣровъ подобнаго духовнаго возрождения. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что значительное большинство наслѣницъ Шамордина и многіе изъ обитателей Оптиної именно спасающей любви

старца Амвросія обязаны начalomъ своей духовной жизни.

Русское общество поняло эту черту духовнаго облика старца Амвросія. Оно поняло, что этотъ человѣкъ не былъ ни суровымъ монахомъ-отшельникомъ, ни жесткимъ обличителемъ человѣческихъ недостатковъ и немощей, ни отвлеченнымъ богословомъ; онъ былъ сама живая любовь, умѣвшая стать въ непосредственную близость со всякою скорбѧщею и обремененною душою, принять на себя ея немоющи и скорби, согрѣть, утѣшить и возвратить ее къ новой, бодрой, чистой и радостной жизни. И потому-то онъ и сталъ духовнымъ центромъ, притягивавшимъ къ себѣ не только простолюдиновъ, стремившихся къ нему, какъ къ человѣку Божию, человѣку святой, богоугодной жизни, но и людей образованныхъ, искаавшихъ въ немъ учителя жизни, указывавшаго путь къ истинному счастью души, научавшаго знать и любить Бога.

Отець Амвросій разрѣшилъ для русского общества его давній и столь трудно разрѣшимый вопросъ о томъ, что дѣлать, какъ жить, для чего жить; онъ разрѣшилъ русскому обществу и другой роковой вопросъ о сліяніи образованныхъ классовъ съ простымъ народомъ. Онъ сказалъ русскому обществу, что смыслъ жизни заключается въ любви, но не въ той гуманистической, безрелигіозной любви, которую провозглашаетъ нѣкоторая часть нашей интеллигенціи и которая выражается въ мѣрахъ виѣшняго исправления жизни, а той истинной, глубокой, христіанской любви, которая охватываетъ всю душу своего ближняго и исцѣляетъ своею живи-

тельною силою ея самыя глубокія и мучительныя язы-
вы. Отець Амвросій разрѣшилъ и вопросъ о сліяніі
интеллигенціи съ народомъ, обединивъ ихъ въ своей
келліи въ одномъ общемъ чувствѣ покаянной вѣры въ
Бога. Такимъ образомъ, о. Амвросій указалъ русскому
обществу единый спасительный путь жизни, указалъ
ему истинное и прочное основаніе его благополучія, во-
первыхъ, духовнаго, а затемъ, какъ слѣдствіе, и ма-
теріального.

Спрашивается теперь, на какой почвѣ возросъ этотъ
дивный учитель жизни нашего времени? Онъ возросъ
на почвѣ Православія, онъ воспитанъ Православною
Церковью. И невольно хочется еще разъ повторить то,
что было сказано нами въ предисловіи. Что бы ни гово-
рили враги Церкви, враги Православія, какъ бы ни по-
носили они эту нашу народную святыню, но не оску-
дѣла еще Православная Церковь и, въ частности, наша
Русская Церковь, благодатію Божію! Еще дѣйствуетъ
въ ней эта благодать, еще возвращаетъ великихъ свѣ-
тильниковъ вѣры и благочестія для нашего вразумленія,
для нашего утѣшенія. Признаемъ этотъ многознамена-
тельный и радостный фактъ не съ чувствомъ гордости
и тщеславія, не для пустой похвалы своими правед-
никами, а для смиренного благодаренія Господа, милу-
ющаго насъ и спасающаго, признаемъ для того, чтобы
еще болѣе оцѣнить и полюбить нашу Святую Право-
славную Церковь со всѣмъ ея спасительнымъ строемъ;
чтобы укрѣпиться въ искренномъ, дѣтскомъ и разумно-
сознательномъ послушаніи ей, чтобы ничего такъ не
страшиться и не опасаться, какъ сознательного или без-

сознательного отпаденія отъ нея, отъ ея вѣковыхъ путей и завѣтovъ! Своимъ высокимъ примѣромъ о. Амвросій ясно показываетъ намъ, что лишь въ Церкви Христовой достигается полнота истиннаго христіанскаго совершенства, находится прямой и вѣрный путь къ вѣчному спасенію, а потому, кто хочетъ совершенствоваться и возрастать во Христѣ, кто хочетъ достигнуть жизни вѣчной, тому нѣтъ иного пути, кромѣ указаннаго Церковью Христовой, носительницею вѣчной истины и благодати.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобы тотъ духъ смиренной вѣры, святой простоты и искренняго братолюбія, которымъ былъ проникнутъ старецъ Амвросій, какъ и его великие наставники, не оскудѣвалъ, а, наоборотъ, ярко горѣль въ нашихъ святыхъ обителяхъ, въ томъ числѣ и въ Оптиної Пустыни и въ Казанской Амвросіевской обители, чтобы онѣ, напоенныя этимъ духомъ, являлись бы крѣпкою, несокрушимою духовной поддержкой русскимъ людямъ, мятущимся въ волнахъ житейскихъ попеченій, и давали бы имъ, по завѣту старца Амвросія, духовное просвѣтленіе, ободреніе и утѣшеніе всякой разъ, какъ они, измученные жизнью, придутъ со своею опустошеною и разбитою душою подъ ихъ святой и благодатный кровъ искать духовной помощи и внутренняго мира! Въ этомъ, именно въ этомъ, состоить высокое, жизненное значеніе нашихъ святыхъ обителей. Удаленныя отъ міра, онѣ служатъ міру тѣмъ, что, сберегая въ себѣ самихъ образъ Христовъ и правду Христову, являются ихъ, когда нужно, за-блудившемуся и удалившемуся отъ Христа міру! Мо-

настыри всегда были центромъ духовной жизни и христіанского возрастанія русского народа; будемъ уповать, что таковыми они останутся и впредь, соблю-
дая вмѣстъ со всею Православною Русскою Церковью
христіанскую истину во всей ея чистотѣ, безъ примѣсей
человѣческихъ вымысловъ и человѣческаго суемудрія,
во всей неприкосновенности апостольского и свято-
отеческаго преданія, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище,
воспринятое отъ лѣтъ древнихъ русскимъ народомъ для
бережнаго храненія и передачи послѣдующимъ поко-
лѣніямъ.

Мудрому же и любвеобильному Оптинскому старцу
іеросхимонаху Амвросію, показавшему намъ живой
примѣръ высокой христіанской жизни и согрѣвшему
сердца столь многихъ своею отеческою любовью, да бу-
детъ вѣчная и благодарная память въ русскомъ народѣ!

Конецъ